

АЛЕКСАНДР ВОИНОВ
ЗАПАДНЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

М

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1973

Александр Воинов

ЗАПАДНЯ

Роман

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

*Книга о работе советских разведчиков
и подпольщиков в оккупированной в годы
Отечественной войны фашистскими захват-
чиками Одессе.*

Рисунки В. ВАСИЛЬЕВА

В 0763—473—570—73
101(03)73

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». 1973 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПАМЯТНИК ДЮКУ

Глава первая

«Как жить дальше?» — это был вопрос, с которым полковник Савицкий обращался к себе всегда, когда предавался размышлениям, и в зависимости от настроения и обстоятельств он вкладывал в него самое разнообразное содержание. Он мог задать себе вопрос, потягиваясь и мурлыча: «Как будем жить дальше, дорогой Мишенька?» — это значило, что полковник собою доволен. «Михаил Михалыч, а как же ты будешь жить дальше?» — в этой интонации уже проступало некоторое недовольство: значит, совершена какая-то ошибка, известная пока ему одному. И, наконец, когда он произносил: «Подумай, товарищ Савицкий, как будешь жить дальше!» — недовольство собой достигало крайнего предела. Тут уже следовало действовать.

Савицкому далеко за сорок. Жизнь его и трепала и миловала. В тридцать седьмом году его вдруг вызвали в Наркомат обороны и предложили срочно отправиться в Испанию.

Через десять дней он уже был под Мадридом, в бригаде

генерала Лукача. Однажды целую ночь провел с Хемингуэем, бродя по ночному городу. Хемингуэй, высокий и подвижный, что-то весело говорил коренастому молоджавому испанцу, и впервые в жизни Савицкий ощутил горечь оттого, что не знает иностранных языков, так хотелось ему поговорить с Хемингуэем!

Когда они проходили мимо цирка, выдавшего не одну яростную корриду, Савицкий остановился и сказал:

— Фиеста!.. Но пасаран!..

«Фиеста» — так назывался роман Хемингуэя, который он читал, а «Но пасаран» были первые испанские слова, которые Савицкий твердо усвоил. В общем, получилось непосредственно и смешно.

Хемингуэй засмеялся и дружески потрепал Савицкого по плечу:

— Но пасаран, камарада...

А потом был бой. Тяжелое ранение... На одном из последних уходящих кораблей Савицкого отправили на родину. В госпитале он узнал, что награжден орденом и получил звание полковника.

Через полгода его направили в разведку. Может быть, потому, что за время болезни он написал обстоятельный доклад о своем пребывании в Испании, доклад, в котором глубоко проанализировал обстановку, сложившуюся в тылу у республиканцев, и подробно рассказал о деятельности «пятой колонны».

Теперь полковник Савицкий был уже разведчиком со стажем. Со стажем! Когда-то он пошутил, что стаж разведчика надо исчислять со дня, когда ребенком он впервые играл в прятки...

— Да, так как же, Михаил Михалыч, ты будешь жить дальше? — проговорил Савицкий, тяжело вздохнув.

Он стоял у окна и смотрел, как вдалеке, у рыжего оврага, трактор тащил пушку. «Какой-то идиот нарушил маскировку штаба», — зло подумал Савицкий, но тут же, взглянув на серые, низкие, по-стариковски неопрятно взлохмаченные тучи, успокоился — погода нелетная...

Как поступить? Этот Дьяченко сумел не на шутку его озадачить.

Конечно, разлучить Тоню и Егорова проще простого: Тоню отправить на задание, а Егорова — в распоряжение штаба фронта... Фу, дьявол! Конечно, лучше всего, если бы этой проблемы вообще не было... Ах, Дьяченко, Дьяченко!

Ну и задал ты мне задачу! Уже готовы все документы: и румынский паспорт, и удостоверение, свидетельствующее о том, что Егоров коммерсант. И свою новую «биографию» он уже вызубрил. У Тони надежные справки, подтверждающие ее рождение в немецкой колонии под Одессой, и Егоров застрахован не менее надежно. Старые акции компании Черноморского пароходства и ссылка на богатого деда — вот аргументы, подкрепляющие версию, что коммерцией Егоров (а отныне Иван Константинович Корш-Михайловский) занимается по сложившейся в семье традиции.

Савицкий усмехнулся. И надо же придумать фамилию — Корш-Михайловский! Силен Дьяченко! Это ведь именно он постарался, чтобы фирма новоявленного коммерсанта звучала солидно: «Оптовая торговля фруктами Корш-Михайловского».

Да, но что же, черт возьми, делать? Может, оставить все по-прежнему, будто он ничего не знает, а Дьяченко ни о чем ему не рассказывал? Действительно, почему он должен заниматься подобными делами, влезать в чужие отношения? Почему? Казалось бы, если два человека встретились и полюбили друг друга в этом вселенском пекле, за них только радоваться можно. Оба молодые, и кто знает, доживут ли они до конца войны. Нет! Нет! Он не станет вмешиваться, не должен.

Хотя, если взглянуть на это с другой стороны... Вот они оказываются в Одессе, в окружении врагов. Надо принимать решения, подчас крутые, даже, быть может, жестокие. Не будет ли Егоров скован да и Тоня тоже? Не случится ли так, что, вместо того чтобы действовать и, если нужно, идти на крайний риск, они станут охранять друг друга? Пожалуй, с этой точки зрения, тревога Дьяченко оправдана. Тут таится определенная опасность.

Приходили и уходили люди. Михаил Михайлович выслушивал доклады, подписывал разведсводки, изучал допросы пленных. Начальник оперативного отдела переслал ему шифровку с запросом о том, как осуществляется директива 17/СК.

Как осуществляется?..

Пятый день не взлетают самолеты. И даже для выполнения особого задания нет условий: тучи ползут, ползут упрямо, и ни одного просвета.

Только неосведомленному человеку кажется самым простым — посадил разведчиков на самолет, выбросил их по

ту сторону линии фронта, и дело сделано. Нет, тысячи мелочей, если о них не подумать вовремя, если их не предвидеть, могут погубить разведчиков и сорвать операцию.

А командование торопит: «Как выполняется директива?» Но не лучше ли на день-другой задержать операцию, чтобы еще раз проверить, все ли подготовлено и учтено, чем потом днями и ночами сидеть у радиостанции и ждать вызова, который, может быть, никогда не прозвучит в наушниках радиста?

— Товарищ полковник, разрешите?

Савицкий снял очки и поднял глаза от сводки. В дверях стоял подполковник Корнев. Невысокий, сутуловатый, он всегда щурился, когда смотрел на собеседника, как бы давая понять, что видит его насквозь, и даже о самых обычных вещах он сообщал таинственным полусеппотом. Савицкого смешили эти манеры провинциального Шерлока Холмса, и он подтрунивал над Корневым.

— Сегодня в пять тридцать утра, товарищ полковник, взято в плен пять румын и два немца. Допрос ведется, протоколы будут представлены,— склонившись над столом, доверительно зашептал Корнев.

О том, что пленены пять румын и два немца, было известно уже всему штабу — утренняя сводка не только поступила в отделы, но и была вручена корреспондентам газет.

Но Корнев морщит широкий, с залысинами лоб и говорит об этом как о совершенно секретном деле, о котором никто не должен знать. Впрочем, и о делах действительно секретных он говорит всегда так же. Это его извиняет. В конце концов, у каждого свой стиль.

Корнев неторопливо прикрыл дверь поплотнее и, каплянув, вновь склонился над столом. Его круглое лицо выражало глубокую таинственность.

— Товарищ полковник,— продолжал он негромко,— Петреску во всем признался.

Савицкий никогда не слышал этого имени, но сразу догадался, что, вероятно, это один из взятых в плен румын.

— В чем? — спросил он. — В чем он признался?

— Немцы знают, что мы готовим воздушный десант!

Несколько мгновений Савицкий молча глядел на Корнева. Ему хотелось крикнуть: «Чего же ты стоишь, как истукан?! Ведь это тяжелый удар!.. И как они, черт их возьми, могли узнать?..»

Но он промолчал и только нервно постучал пальцами по краю стола.

— Предполагают или знают? — глухо спросил он.

— Знают! — повторил Корнев и, достав платок, вытер голову, на которой кое-где еще сохранились редкие кустики рыжеватых волос; так в выжженной солнцем степи с удивлением видишь влачащий жалкое существование кустарник. — Именно знают!.. Вот, почитайте!.. — И он быстрым движением положил перед Савицким уже перепечатанный на машинке протокол допроса майора Петреску.

Наметанным глазом Савицкий сразу отметил, что Корнев принес ему второй экземпляр. Значит, уже начал действовать. Как, однако, он торопится, когда есть возможность выслужиться перед начальством!

— Уже вручили начальнику штаба? — холодно спросил он.

— Передал.

Он не сказал «сам отнес», а применил довольно гибкое слово «передал». Передать можно и лично, и через посыльного. Впрочем, до того ли, когда какой-то неизвестный майор Петреску, которого разведчики перехватили на одной из тыловых дорог, на первом же допросе выбалтывает то, что так тщательно скрывалось от противника! Правда, Петреску ни одним словом не упоминал ни о месте предполагаемой высадки десанта, ни о времени. Но сам по себе факт очень тревожен.

На столе загудел телефон в желтом кожаном чехле.

Савицкий взял трубку и, пока слушал то, что ему строго выговаривал начальник штаба, все время смотрел мимо Корнева, в далекую степь. Он умел, когда ему это было необходимо, словно выключаться. Чего, собственно, кричать? Криком здесь не поможешь. Положение трудное, и из него надо как-то выходить. Если даже показания майора Петреску — сплошная выдумка, если он лжет, чтобы видимой чистосердечностью спасти свою жизнь, все равно дело серьезно: значит, противник понимает, что в этой крайне тяжелой для него обстановке воздушный десант — совершенно реальная операция, которой можно ожидать со дня на день. А коль скоро это так, то несомненно противник внимательно изучает все участки и дороги, прикидывая, где с наибольшей вероятностью может произойти выброска. В этой ситуации переправлять разведчиков на самолете опасно.

Да, сообщение майора Петреску — сигнал. Важный и своевременный.

— Вот что, Корнев,— сказал Савицкий, пряча в папку протокол допроса,— Егорова и Тоню завтра отправлять не будем. Очевидно, над их заданием еще придется подумать...

Корнев повернулся и быстро вышел.

Когда дверь закрылась, Савицкий поднялся с места, подошел к окну и глубоко вздохнул.

«Ну, товарищ Савицкий,— мысленно произнес он,— как ты намерен жить дальше?»

Глава вторая

Ему довольно сильно досталось, когда сраженный автоматной очередью шофер упал ему на плечо, а неуправляемая машина на полной скорости съехала в кювет и опрокинулась. Что произошло потом, Леон помнил смутно. В полузабытии он чувствовал, что его несут, но кто несет и куда, не понимал, и не было даже сил открыть глаза.

Окончательно он пришел в себя, когда вдруг ощутил покой. С трудом подняв тяжелые веки, он не увидел ничего, кроме черноты. Ослеп! Где-то рядом послышалась русская речь, и от страха у Леона сжалось сердце. Он в плену!..

То, что показалось слепотой, на самом деле было черным сводом землянки. Но сквозь раскрытый дверной проем падал неяркий свет занимающегося утра, и одного быстрого взгляда хватило, чтобы заметить высокого немолодого офицера, склонившегося над столом с разложенными на нем пузырьками лекарств и пакетами марли. Рядом с нарами стоял солдат с автоматом, небрежно висевшим на плече, и закуривал папиросу.

Петреску крепко зажмурил глаза. Еще хоть несколько минут вырвать у смерти! Как ломит голову! И даже нельзя застонать, нельзя попросить о помощи.

Он лежал с закрытыми глазами, стараясь выиграть время. Саднило лоб, остро ныл правый висок, которым он обо что-то ударился, когда перевернулась машина. Теплая тяжесть давила на грудь. Не в силах более сдерживаться, он перевел дыхание.

Солдат, стоявший рядом, вдруг засуетился.

— Ожил! — воскликнул он мальчишески звонким голосом.— Слава тебе господи! Не зря тащили!..

— Тише, Карасев! — проговорил строгий голос.

Послышались шаги. К Леону подошел офицер, взял его руку, нащупывая пульс.

На несколько мгновений в землянке наступила полная тишина. Потом в раскрытую дверь донеслось лошадиное ржание, где-то с курлыкающим звуком несколько раз ударила зенитная пушка, прогудел самолет, и снова все смолкло.

— Пульс нормальный,— проговорил врач, осторожно отпуская руку пленного.— Скоро, наверно, окончательно придет в себя. Содрясение, конечно, получил основательное, но жить будет.

— Так можно сообщить в штаб, что все в порядке? — спросил солдат и звякнул автоматом.

— Сообщай, Карасев,— сказал врач и заскрипел пером.— Постой! — окликнул он солдата, и Леон услышал, как стук сапог вдруг затих.— Это какой же твой «язык» по счету?

— Седьмой, товарищ капитан!

— Орден полагается?

— Да за майора могут и повесить, а за тех только медали давали... Лейтенант Дьяченко, сами знаете, лишнего не даст. Еще и твое отнимет...

Врач усмехнулся и промолчал. Снова, удаляясь, застучали кованые сапоги, и все стихло.

Гулко пульсировала в висках кровь. Леон даже не предполагал раньше, что голова может так гудеть. Наконец, чтобы умерить его страдания, вмешался сам бог.

Врач встал и вышел из землянки.

— Стереги пленного. Сейчас вернусь,— сказал он кому-то, и стало совсем тихо.

Леон чутко прислушался. Часовой, очевидно, находился у входа, и его не было слышно. Приоткрыв глаза, румьи оглядел землянку. Врытый в землю грубо сколоченный стол, медицинская сумка на гвозде, полотенце со следами крови брошено в угол, в другом углу — пара стоптанных сапог и начатая буханка хлеба на газете. Немудреный военный быт.

И вдруг он заплакал — от боли, от одиночества и бессилия. Он не сомневался, что его расстреляют, что, как только допросят и он станет не нужен, его тут же уничтожат. Перевязка, пульс, покой — все эти «заботы» призваны были лишь вернуть сознание, чтобы не сорвался допрос...

Им овладело ожесточенное, мстительное чувство. «Нет, вы не получите меня живым! А ты, солдат, не получишь за меня орден!» Он рванулся с нар. Острая боль пронзила голову. Леон покачнулся и прислонился к стене. До стола было не больше трех шагов, но ему показалось, что он идет вечно. Глаза застилал темный туман. Он боялся только одного — вновь впасть в беспамятство.

Звякнули пузырьки. Неверным движением он опрокинул какой-то флакон, разлетевшийся вдребезги у его ног. Остро запахло эфиром.

Леон вздрогнул — звон стекла мог привлечь внимание часового. И чтобы успеть, во что бы то ни стало успеть, он схватил два первых попавшихся в руки пузырька с какой-то жидкостью и, выдернув из одного пробку, опрокинул его содержимое в рот. Нестерпимым жаром обожгло грудь. Леон повалился ничком на стол.

Очнувшись он снова на нарах, и первое, что услышал, был веселый смех.

— Черт подери! — узнал он голос врача. — Этот румын выпил у нас недельный запас спирта!

А другой голос, басовитый, с хрипотцой, сказал:

— Вряд ли. Глотнул, наверно, а остальное вылилось... Жаль! Смотри, как будто пошевелился...

Действительно, Леон невольно вытянул левую, затекшую руку.

— Сейчас придет в себя.

По тому, как эти двое спокойно сидели на своих скамейках, ведя неторопливый разговор, Леон понял, что отравиться ему не удалось. Но теперь уже его без присмотра не оставят. Они будут дежурить около него час, два, сутки, недели — сколько угодно! Ах, если бы можно было бесконечно лежать вот так, с закрытыми глазами, и в какой-то миг умереть! Его стал душить раздражающий грудь, мучительный кашель.

В ту же минуту над ним склонился коренастый человек, лысоватый, с острым прищуром глаз.

— Как дела, майор? — по-румынски спросил он. — Вам туговато пришлось, не правда ли?

Леон подавил приступ кашля, помолчал, рассматривая лицо русского офицера.

— Да, — слабо улыбнулся он, — мне изрядно досталось!

— Вы знаете, что находитесь в плену?

Леон только вздохнул.

Офицер взял со стола дымящуюся кружку, протянул ему:

— Выпейте-ка горячего чаю. Конечно, это не спирт, — он коротко усмехнулся, — но тоже помогает!

Чай был приторно сладкий, и от него пахло веником. Жестяная кружка обжигала губы, но Леон жадно глотал. Врач сидел, опершись о стол локтями, молча смотрел, как пленный пьет, и временами переглядывался с коренастым офицером, раскладывавшим на другой стороне стола листки бумаги, карандаши и какие-то документы.

«Будут допрашивать!» — понял Леон и невольно взглянул на плотно прикрытую дверь. Ему послышались шаги. Это, вероятно, солдаты, которые станут его избивать, едва он откажется от показаний. Но за дверями было тихо, если не считать доносящихся звуков отдаленной стрельбы. А в том, с какой тщательностью офицер занимался своими бумагами, было нечто успокаивающее.

Допрос действительно начался. Леон отвечал по возможности коротко, односложно, а сам вглядывался в лицо офицера, ведущего допрос. Однако на этом сухом, замкнутом лице он ничего не мог прочесть. Оно не выражало ни ненависти, ни участия, ни даже просто интереса... И в коротких репликах, которыми изредка обменивались офицеры, не таилось угрозы.

Леон, конечно, ничем не выдал того, что понимает по-русски, но ему казалось, что допрашивают его лишь для порядка, на самом же деле им обоим скучно и они хотели бы скорее покончить с формальностями.

— Меня расстреляют? — вдруг спросил он и почувствовал облегчение от собственной решимости. Ему нужна была ясность, вот и все!

Офицер перестал писать, поднял голову и удивленно пошевелил бровями.

— Хотите определенности? — спросил он.

— Да! Только не говорите, пожалуйста, банальных фраз о том, что все, мол, зависит от степени моей искренности. В это я не поверю.

— А между тем это близко к истине.

— Ну, а если я откажусь с вами разговаривать?.. — Где-то в глубине души Леону хотелось, чтобы офицер его пристрелил, — так мучительно болела голова.

В конце концов, какая разница — часом раньше, часом позже; спокойствие обманчиво: они ведут себя так мирно

потому, что он говорит. А что этот круглолицый, со свирепыми глазками станет делать, когда Леон откажется давать показания? Ну, бей, бей!.. Бей же! Сквозь жаркую пелену откуда-то издали донесся голос:

— Майор, а вы можете не закатывать истерик?..

Придя в себя, Леон долго молчал, ощущая горькую сухость во рту. Но офицер ничем не выдавал своего раздражения. Он сидел за столом и перочинным ножиком сосредоточенно оттачивал карандаши.

Врач разложил перед собой на бумаге хлеб, помидоры, кончиком ножа поддевал в консервной банке куски мяса в желтоватой пленке холодного сала и отправлял в рот.

— Корнев, есть хотите? — спросил он.

— Нет, не до еды сейчас, — сказал подполковник. — Этот тип решил меня испытать. Выясняет мои намерения, торгуется.

Капитан усмехнулся:

— Ну что ж, его тоже можно понять...

— Понять-то можно! Но попади я в его лапы, не лежал бы вот так, как барин... Он бы мне уже иглы под ногти загонял!

Леон невольно приподнялся на локте, затем, опираясь обеими руками о нары, сел, стараясь не шевелить головой.

— О! — воскликнул врач. — Смотри-ка, спирт оказывает целебное действие! Пациент набирается сил на глазах!

Леон несколько мгновений сидел молча. Ему хотелось сказать им что-то едкое, злое. Этот подполковник, кажется, считает его гестаповцем. Пусть даже так! Но он будет продолжать игру до конца, и никто не узнает, что он понимает по-русски. Это, пожалуй, единственный его шанс, если вообще еще можно говорить о шансах.

— Хорошо, — сказал он, — я буду отвечать. Но только на те вопросы, которые не роняют моей офицерской чести.

Корнев вдруг отложил карандаш. В его замкнутом взгляде появилось какое-то новое, почти веселое выражение.

— Вы говорите о чести? — И повернулся к врачу: — Слышите, этот оригинал заговорил о чести!

Врач усмехнулся:

— Да уж! Впрочем, говорят, что румыны ведут себя все же лучше, чем немцы.

— Как будто, — пробурчал Корнев. — Ну ладно. —

И опять по-румынски обратился к Леону: — Хорошо, будем говорить по чести!

Если бы не некоторый акцент, Леон подумал бы, что перед ним сидит румын. Корнев говорил по-румынски легко, пользуясь редко встречающимися оборотами и идиомами.

— Вы отлично знаете язык, — заметил Леон, пытаюсь как-то смягчить напряжение.

— Да нет, — возразил подполковник, — успел подзабыть.

— Где вы изучали румынский?

— Я родился в Кишиневе.

— Ах, вот как! А моя мать — в Тирасполе.

— Можно сказать, мы с ней земляки!

В какой именно момент Леон сказал, что ожидается воздушный десант русских, этого он потом не мог вспомнить. Но он сказал это, и по тому, как вдруг остановился взгляд подполковника, сразу понял, что сообщение вызвало интерес. Подполковник вцепился в него, словно клещами. Откуда пленному известно о десанте? Кто говорил? В каком именно штабе? Где, по мнению немцев, этот десант должен высадиться? В какое время? Предположительно, какой численностью?

Он допрашивал с такой дотошностью, словно речь шла о немецком десанте. А ведь Леон ее придумал, эту версию, будто немцы ждут высадки советского десанта. И придумал именно для того, чтобы в нем увидели особенно осведомленного информатора, — таких обычно не расстреливают, во всяком случае не торопятся это делать. Выиграть время! Хоть сколько-то! А там кто знает — судьба ведет людей непостижимыми путями.

В первые минуты Леон даже порадовался, что его маневр удался, но, поняв, что подполковнику важны подробности, испугался. Что еще он мог прибавить? Действительно, среди офицеров ходили слухи о том, что возможен советский десант, но это были лишь предположения, основанные на оценке сложившейся обстановки. А Леон, стремясь убедить русского офицера в своей правдивости, говорил об этих слухах как о достоверно известных ему сведениях. И это могло очень скверно кончиться! Впрочем, обратного хода уже не было, и он решил твердо стоять на своем.

Постепенно рассказ обрастал деталями, которые должны были придать достоверность всему, что он говорил...

«О десанте сообщали из штаба самого Антонеску!.. Сообщил об этом командир дивизии генерал Садовяну... Высадиться советский десант должен на отлогом берегу Каролина-Бугаза...» Он понимал, что эти сведения быстро проверить невозможно. Боже, как трудна битва за жизнь! Какого нечеловеческого напряжения она требует!

Но вот разговор подошел к концу. Подполковник явно спешил. Леон видел, как торопливо он нумерует и складывает листки допроса. Потом, согнув бумагу пополам, он сунул их в кожаную полевую сумку, висевшую на боку, и, попрощавшись с врачом, почти выбежал из землянки...

— Он сказал что-нибудь ценное? — вдогонку спросил врач: он никогда не умел задать вопрос вовремя.

Хлопнула дверца машины, зашумел мотор, и послышалось шуршание колес о гравий.

Через полчаса за Леоном пришли двое конвоиров и на вездеходе повезли его куда-то по дороге, петлявшей среди серых, выжженных солнцем холмов.

Постепенно он оживал. Трясая дорога утомляла, но он мог держать голову прямо, и, хотя висок изредка пронзала острая боль, все же его не кидало в беспамятство. Он прислушивался к разговору конвоиров, и постепенно, из разрозненных реплик, понял, что везут его в какой-то большой штаб, где его будет допрашивать полковник Савицкий, какой-то большой начальник, о должности которого солдаты умалчивали. Ему хотелось подробнее узнать, кто этот человек, но, позабыв о Савицком, солдаты стали говорить о какой-то девушке, которая одному из них писала из тыла письма, потом прислала свое фото, а теперь вот пишет, что хочет выйти за него замуж...

Солдаты обсуждали это дело совершенно серьезно. Второй солдат одобрял девушку. Леон сумел взглянуть на фотографию. Девушка действительно была красива. Толстая коса, конец которой терялся за обрезом фотографии, лежала на правом плече, сползая вниз, заплетенная в тяжелые пряди. А глаза, то ли светло-серые, то ли голубые, смотрели с выражением первозданной наивности, но Леон подумал, что, наверно, она довольно глуповата.

Слушая эту бесхитростную историю, Леон подумал, что, пожалуй, зря не женился на той, в Плоешти. Она ведь была и красива и умна. Не захотел быть мебельщиком!.. Впрочем, о чем жалеть? Мебельная фабрика несостоявше-

гося тестя, вероятно, сгорела во время бомбежки, а его, Леона, ждет теперь отнюдь не свадьба.

Его поместили в домике на краю деревни. В маленькой комнате стояла койка, застеленная серым ворсистым одеялом, табуретка и грубо сколоченный стол. С потолка свисала на шнуре электрическая лампочка, но она не горела. Его не заперли, нет, но под окном маячил часовой. Не все ли равно?! И все-таки он ощутил счастье от возможности растянуться на койке и не двигаться. Пусть сейчас начнется адская бомбежка, пусть вокруг рвутся снаряды, — он даже не шевельнется.

Через час принесли обед — два котелка, в одном суп, в другом гречневая каша с тушенкой. Грубовато, но вполне сытно. Да он и не думал о еде. Он думал о человеке, с которым предстоит скорая и неминуемая встреча...

И вот перед ним действительно сидит полковник, сравнительно молодой, черноволосый, с интеллигентным, выразительным лицом. Обращаясь к переводчику, лейтенанту, он говорит ему «ты» и называет попросту Витей. И лейтенант, хотя ему не больше двадцати пяти лет, сутулый, в очках, очевидно из недавних студентов, держится так свободно, словно этот полковник доводится ему дядей, — без тени трепета перед высоким званием. «Вероятно, это и есть Савицкий», — подумал Леон, настороженно следя за каждым жестом полковника. И хотя ничто, казалось, не предвещало грозы, это не успокаивало. Наоборот, Леон был слишком опытен, чтобы не ожидать ловушки. Когда, сейчас или позднее, начнется самое страшное? Он увидел, как полковник перебирал лежавшие перед ним на столе листки, и, разглядев вверх ногами свою фамилию, сразу понял, что допрашивавший его раньше подполковник уже успел перепечатать протокол допроса.

— Скажи ему, Витя, что я ознакомился с его показаниями, — сказал Савицкий, надевая очки, которые сразу придали строгость его лицу, — и меня интересует всего лишь один вопрос: чем он может подтвердить, что немецкое командование знает о предполагаемом десанте?

Пока Витя переводил, спотыкаясь на словах, которые давались ему не без труда, у Леона было время подумать над ответом. Но он внимательно смотрел в рот переводчику, словно только от него и узнавал содержание вопроса. Витя старался. Его пухлое лицо взмокло от пота. Видно, он имел не очень-то большую практику.

Наконец с переводом было покончено.

— Мне думается... Я, конечно, точно не знаю, — начал Леон, стараясь говорить уклончиво, — но к району Каролина-Бугаза подводятся войска.

Пока переводчик переводил, уточняя у Леона значение отдельных слов, полковник слушал с полным вниманием.

— Спроси его, Виктор, убежден ли он в этом.

Виктор переспросил, и Леон уже более уверенно кивнул. В конце-то концов, его сообщение не расходилось с истинной. Действительно, он сам видел доты на берегу Каролина-Бугаза. Другое дело, что построены они были года полтора назад, — это противоречие не казалось ему существенным. В конце концов, не обязан же он знать, когда они строились! Они существуют — вот что главное, и, значит, он не лжет.

Ему показалось, что полковник поверил.

— Это все очень интересно, — проговорил он и вдруг снял трубку загудевшего телефона: — Савицкий слушает.

Через несколько минут конвойные вели Леона обратно, в хату на краю деревни. Он напряженно восстанавливал в памяти только что состоявшийся разговор, все, о чем его спрашивал Савицкий, вдумывался в значение каждой интонации полковника, каждого его жеста. И каждого своего ответа. И хотя, как ему казалось, он вел себя правильно, будущее все равно представлялось беспросветным.

Глава третья

После допроса Петреску Савицкий понял, что Корнев ничего не прибавил и не убавил, — возможно, высадка воздушного десанта теперь действительно уже не явится для противника неожиданностью. И еще понял Савицкий, что дополнительных военных сведений Петреску сообщить не сможет, вряд ли он знает что-нибудь еще, но им, Савицкому и Корневу, он может еще послужить. Как он смотрел! Испытующе, с холерическим блеском в темных глазах.

Нет, он не производит впечатления малодушного человека. Хорошо держится, спокойно и с достоинством. Только глаза выдают его истинное состояние. Но почему он так просто рассказывал о том, о чем должен был бы молчать? Над этим, пожалуй, следует серьезно подумать.

Вечером Савицкий созвал группу офицеров. Конечно,

далеко не всех подчиненных он мог приобщить к обсуждению своего плана — когда, где и каким образом засылать разведчиков. Его советчиками оказались молчаливый Корнев, быстрый Дьяченко и еще двое. Говорили долго, горячо спорили, и все же решение не приходило. Самолетом — пока опасно, а с моря — трудно, необходима долгая и тщательная подготовка.

Если бы не широко раскрытые окна, все давно задохнулись бы от папиросного дыма. И надо же было, чтоб именно в этот трудный для всех момент мимо разведотдела, возвращаясь со стрельбы, проходили Егоров и Тоня.

Первым, конечно, их заметил Дьяченко.

— Товарищ полковник, взгляните на дорогу. Вот они, наши голубки!

По комнате пробежал легкий, вполне дружелюбный смешок. После долгого напряжения вдруг наступила разрядка.

Корнев встал, разминаясь, подошел к окну, долгим взглядом проводил Егорова и Тоню, пока их совсем не заслонили деревья, росшие вдоль дороги. Потом обернулся, оглядел всех, кто сидел в комнате, и с присущей ему грубоватой бесцеремонностью сказал:

— Вроде все обсудили? У меня к начальнику дело!

Савицкий не раз возмущался полным пренебрежением Корнева к элементарному такту, но настолько терялся в этих случаях, что вовремя не находил слов, чтобы его одернуть. А потом уже считал, что не стоит, момент упущен.

Сейчас, после очередной выходки подполковника, он опять смолчал. А Корнев, неторопливо прикрыв дверь за последним покинувшим комнату, подсел к столу.

— Есть предложение, — проговорил он спокойно и так при этом прищурил глаза, что Савицкому показалось, будто он закрыл их вовсе.

По опыту, долгому и многотрудному, Савицкий знал, что если уж Корнев что-нибудь придумал, то хоть четвертый — будет стоять на своем. «Не дай бог, — думал он иногда, когда подполковник чем-нибудь особенно его допекал, — попасть в его подчинение. Костей не соберешь!»

Выслушав, Савицкий молча долго изучал лицо Корнева. Да, довольно хитроумный план возник в этой лысой башке!

По роду своей работы Савицкий был далек от всякого рода фантазий. Его интересовала прежде всего реальность той или иной операции, того или иного плана. В предложе-

нии Корнева все было на грани реальности и фантастики, и все же оно было интересным и заманчивым.

Корнев сидел, тяжело опершись о стол локтями, и ждал решения Савицкого. А Савицкий молчал и думал. Конечно, история разведок знает случаи и похитрее, и посложнее, но...

«Времени нет! Времени нет! — думал полковник, поглядывая на телефон, который каждую минуту мог издать зуммерное гудение. — Нужно идти докладывать, а что? План Корнева? Но в нем пока еще много неизвестных. Справится ли Тоня со своей ролью? Достаточно ли естественно себя поведет? И не похоже ли вообще все это на легковесную пьесу о разведчиках, написанную лихим драматургом?»

— «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить!» — сказал он словно самому себе и улыбнулся. — Ну хорошо, Корнев, доложу твою идею начальнику штаба. Послушаю, что скажет.

И, сложив в папку бумаги, полковник вышел из хаты.

Глава четвертая

— Ну как, Тоня, новую биографию усвоила?

— Новую помню, старую забыла!

— Молодец, Тонечка! А задание Корнев еще не уточнял?

— Нет, товарищ полковник! Только вот Дьяченко, когда к вам звал, сказал, что, может быть, все еще изменится...

— Как — изменится?

— Да разве его поймешь! Пробурчал что-то...

Савицкий вздохнул.

Тоня сидела у стола, положив руки на колени, этакая примерная первая ученица. Только в серых глазах затаилось беспокойство. Конечно, ее тревожит неизвестность, не может не тревожить.

Узкие, худенькие плечи торчали под гимнастеркой, и вся она, маленькая, какая-то незащищенная, казалась случайно забредшим сюда подростком, которого нужно немедленно отослать к родителям. И Савицкий подумал, что, не будь сейчас войны, Тоня, наверное, не только бы не научилась прыгать с парашютом, работать на радиоаппаратах,

подслушивать телефонные разговоры, стрелять из пулемета и автомата, а и мелкокалиберной винтовки не держала бы в руках. И на парашютистов, спускающихся на поле Тупинского аэродрома во время летнего авиационного праздника, глядела бы с детским восхищением. И училась бы в институте, а по вечерам спешила бы на свидание с каким-нибудь студентом. И не было бы в ее жизни никакого Геннадия Егорова.

У Савицкого было свое мнение о репутации веселого и довольно бесшабашного одессита, которую Егоров сам себе создал. Но, во-первых, Егоров родился в Виннице, во-вторых, за его веселостью и кажущейся непосредственностью скрывалась немалая практичность. Конечно, она ему помогала в той сложной жизни, которую приходилось вести, но все же эта черта характера напоминала о себе довольно часто. Егоров умеет заводить знакомства с полезными людьми, такими, например, как кладовщики складов Военторга. Правда, ему нельзя отказать в доброте, он с готовностью делится с товарищами результатами этих знакомств. Однако Савицкий не мог простить Егорову, что тот как-то мало думал о будущем. Когда-то несколько месяцев проучился на курсах товароведов, так их и не закончил, он считал себя специалистом по фруктам, и эта неопределенная специальность, казалось, полностью его устраивала.

«Кто-кто, а я доживу до коммунизма! — шутил он. — Круглый год ем виноград. Два килограмма в день!.. Приглашаю вас всех на свое столетие...»

Несерьезно все это для человека двадцати семи лет! И как только этот рыжеватый парень мог затуманить Тоне мозги?

— А если, Тонечка, мы действительно несколько изменим наш план? — осторожно начал Савицкий. — Дело в том, что тут внезапно возникли новые обстоятельства...

Он поднял взгляд. «Какое все-таки у нее взрослое лицо! — подумал он. — Совсем как у много пережившей женщины».

Но это мгновение прошло, что-то в выражении глаз Тони смягчилось, и опять перед ним сидела девушка, с которой Савицкому казалось странным и неловким вести сложный разговор.

— Если нужно, меняйте, — проговорила Тоня.

Ее покорно сложенные на коленях руки, и вниматель-

ный взгляд серых глаз, в которых читались доверие и готовность сделать все, что ей прикажут, и юная непосредственность в выражении чувств — все это трогало и успокаивало Савицкого. Что ж, может, Корнев и прав? Общение с Петреску станет для девушки суровым экзаменом, который покажет, на что она способна.

— Вот что, Тонечка,— сказал он уже почти весело,— ты когда-нибудь в драмкружке играла?

— Играла! — улыбнулась Тоня и сейчас, когда она вдруг непосредственно, по-детски улыбнулась, стала совсем похожей на пятнадцатилетнюю девчонку.

— Зайчиков, наверно?

— И зайчиков! И Красную Шапочку!.. И даже однажды Бармалея!.. — И весело засмеялась, вспоминая недавнего детства были живы в ее памяти.

— Ну вот, теперь твое актерское дарование может пригодиться,— сказал Савицкий.

Он долго молчал, не зная, как приступить к главному. Весь его жизненный опыт вдруг оказался недостаточным для того, чтобы сказать то, что ему было нужно, и при этом не уронить достоинства — ни своего, ни Тониного.

— Понимаешь, Тонечка... — Савицкий запнулся, подыскивая слова. — Тут такое дело... Взяли мы одного румына... Майора... Довольно видный... Лет эдак тридцати... Ранен, правда, не очень серьезно... Стукнулся головой, когда машина опрокинулась... Так вот, понимаешь, какое дело...

В дверях появился Корнев со своей потертой папкой — он всегда ходил с нею на доклад к начальству.

На этот раз Савицкий явно обрадовался появлению подполковника — вдвоем они более толково объяснят Тоне ее задачу.

— Заходи, садись, Корнев,— пригласил он, облегченно вздыхая. — Мы вот здесь с Тонечкой по душам беседуем.

— А чего тут особенно беседовать? — проговорил Корнев, подсаживаясь к столу и прилаживая с краю свою папку. — Дело-то ясное. Начинать надо, вот и все...

Он врезался в разговор, как ледокол в толщу льда, и действительно в комнате словно похолодало. Тоня зябко повела плечами и напряженным взглядом смотрела на Корнева.

— Перед тобой ставится боевая задача. Понятно? — начал он.

— Понятно,— прошептала Тоня и, словно ища защиты, взглянула на Савицкого, который смущенно приглаживал волосы.

— Нам нужно, чтобы Петреску тебе поверил, ясно?

— Ясно...

Теперь ее внимание целиком переключилось на Корнева.

— Но войти к нему в доверие — это лишь первый этап,— продолжал Корнев. — Потом наступит второй. О нем мы тебе скажем позднее.

— А зачем? — вдруг спросила Тоня. — Зачем мне добиваться доверия этого румына?

Корнев и Савицкий переглянулись.

— Вот и этого пока тебе знать не надо,— сказал Савицкий. — Потерпи. Сейчас главное — чтобы Петреску увидел в тебе своего ангела-спасителя.

— Понятно? — снова спросил Корнев.

— Нет,— простодушно ответила Тоня и тут же добавила: — Не все понятно. Но это неважно. Я постараюсь. Когда прикажете идти к румыну?

— Сейчас. Дьяченко тебя ждет! — сказал Савицкий и проводил Тонию глазами до самых дверей.

Тоня вышла, даже не оглянувшись.

Глава пятая

— Вот пойду сейчас к Савицкому и рубану напрямик все, что думаю по этому поводу!

— Не смеешь, Геня! Ты не должен!

— Нет, это он не должен! Не хочу, чтобы ты шла к этому типу! Понимаешь, не хочу!

— Генечка, но это же надо! Это же задание. Неужели ты не понимаешь? Я ведь не сама напросилась!

Они стояли внутри старой, заброшенной риги, давно не слышавшей голосов людей, скрытые от посторонних глаз скрипучей щелястой дверью. Пахло прелой соломой. По черневшие кривые жерди подпирали стены. И все это еще больше усиливало тоску, душевную тревогу, ощущение какой-то безысходности. Но заброшенная рига была единственным местом на земле, где они могли поговорить, не чувствуя на себе посторонних взглядов.

Егоров стоял, прислонившись к косяку, нахохлившийся,

злой, в низко надвинутой на глаза смятой фуражке. Его худощавое лицо потемнело и осунулось за эти минуты. Тоня зябко куталась в шинель, наброшенную на плечи. Она ощущала глубокую вину перед ним, хотя и понимала, что, в сущности, ни в чем не виновата.

— Генечка,— проговорила она,— я ведь все время буду приходить к тебе, я и шага не сделаю без твоего совета!..

Он криво усмехнулся.

— Какие еще советы? — И снова распалился: — Интересно, как это ты заставишь его себе поверить? Думаешь, просто? Да он, наверно, сам прожженный разведчик! Он же тебя насквозь увидит! И придушит при первой возможности!

Последние слова он произнес с такой убежденностью, что Тоне стало еще холоднее и от страха перехватило дыхание.

— Геня, но не могу же я отказаться! — жалобно сказала она. — Это же боевое задание, мы же на войне!

— Ну ладно! Иди, раз приказывают. Но помни: если румын станет к тебе приставать,— стреляй!

— Конечно, Генечка!

Он постоял, мрачно переминаясь с ноги на ногу.

— И вообще...

Но больше слов не нашлось. Быстрым движением он привлек ее к себе, ткнул в щеку жесткими, обветренными губами и выбежал из риги.

Тоня смотрела, как, ссутулившись, Егоров бежал по полю, а когда он исчез за ветлами, прижалась лбом к шершавым доскам и заплакала.

Все это время Дьяченко терпеливо ждал Тоню у плетня, окружавшего хатку разведотдела. И вот наконец она подошла, уже спокойная, внутренне собранная.

— Ну, Дьяченко, пошли?

— Могла бы и поторопиться,— сердито буркнул он и, заметив следы размазанных слез на ее щеках, добавил: — Что же это, из-за возлюбленного своего ревел?

— Слушай, Дьяченко, если ты еще хоть раз что-нибудь такое скажешь, я за себя не ручаюсь!

Дьяченко рассмеялся, раскатисто и весело:

— А что же ты сделаешь? Суду военного трибунала предашь меня, что ли?

Она смолчала, лишь метнула в него недобрый, острый взгляд.

Дьяченко повел ее в дальний конец деревни, по пути давая последние наставления.

— Когда придешь к пленному, скажи, что ты, мол, медицинская сестра. Голову ему перебинтуй. Чайку согрей... В общем, постарайся быть с ним помягче. Ясно?

— А ты-то сам с ним разговаривал? — спросила Тоня.

— Корнев его допрашивал. И Савицкий.

— А как его звать?

— Леон.

— Ишь ты! Не румынское вроде имя.

Они остановились у плетня, за которым стояла хата, двумя окнами смотревшая на дорогу. На ступеньках крыльца сидел часовой, покуривая папиросу. Увидев лейтенанта, он стремительно вскочил.

Дьяченко погрозил ему пальцем:

— Круглов! Ты чего расселся на посту?

— Давно смены не было, товарищ лейтенант!

Дьяченко пожевал губами и повернулся к Тоне:

— Ну, действуй по обстановке. А в девятнадцать тридцать явись к Савицкому и доложи, как идут дела... Круглов! Пропусти ее к пленному.

Дьяченко повернулся и быстро пошел назад. А Тоня еще постояла у крыльца, собираясь с мыслями. Сейчас она должна сделать шаг, может быть самый серьезный и трудный в жизни. И ни Геня, ни Савицкий, никто на свете не сможет заменить ее в той борьбе, которую ей предстоит вести одной — с глазу на глаз с врагом.

Она дружески кивнула часовому, и тот широко улыбнулся.

— Томится, видно, от безделья! Песни свои пел,— доложил он.

Скрипнула обитая мешковиной дверь, и, чувствуя, как сильно бьется ее сердце, Тоня перешагнула порог.

Пленный лежал на койке одетый, даже не сняв сапог, накрывшись с головой шинелью. Казалось, он спал. Но Тоне почудилось, что он следит за нею из-под воротника. Ощущая скованность, она вышла на середину хаты, выбрала местечко на старом, щербатом столе, заставленном котелками и пузырьками, и положила на него медицинскую сумку. Что делать? Уйти, а затем вновь вернуться? Или, может, сесть на табуретку и ждать, когда он заговорит?..

Нет, не так она представляла себе этот первый момент. Ей казалось, что пленный встретит ее пытливым и насто-

рожденным взглядом, а она сразу, с ходу начнет входить в свою роль...

Она постояла у стола, глядя в окно, где маячила голова часового. День кончался, и тени от дальнего леса, казалось, наступали на деревню. В хате сгустился сумрак. В темнеющем небе кружили птицы...

Тоня почему-то думала, что вот уже наступил март и скоро, совсем скоро день ее рождения.

Пленный тихо посапывал. Под ногами Тони резко скрипнули половицы. Что делать? Ладно, посидит, подождет. Для разведчика терпение — тоже оружие. Если пленный не спит и наблюдает за ней, пусть видит, что она пришла с добрыми намерениями.

Тихо звякнул котелок — она составила его со стола на скамейку, рядом поставила пузырьки, а свою сумку положила у ног на пол. Потом в пазу большой остывшей русской печки нашла тряпку, вытерла ею стол, вышла в сени и вымыла котелок, зачерпнув талую воду из ведра.

Через несколько минут все было вновь расставлено на столе, но уже аккуратно, в порядке. Достав в углу веник, Тоня подмела пол. Делая все это, она старалась незаметно наблюдать за пленным — что-то слишком уж тихо он лежит. Но вот шевельнулась шинель, воротник на мгновение отогнулся и тут же снова упал на лицо пленного. Все же она успела заметить блеснувший глаз.

Ну вот, игра началась... И Тоня почему-то успокоилась. Игра началась, и она будет вести ее по всем правилам.

Боже, сколько мусора! Наверно, хату не подметали с тех пор, как ее покинули хозяева.

Она собрала сор в старый, истоптанный половик, связала его концы узлом и потащила во двор.

Круглов, звякнув о камень прикладом винтовки, осуждающе покачал головой:

— Ты, девушка, что, очумела? Такую тяжесть таскать! Да заставь этого красномордого самого поработать! Подожди, я его растолкаю! Нечего тут дрыхнуть! Не курорт небось...

Тоня вывалила мусор поближе к забору и вытряхнула половик.

— Не надо! — испуганно воскликнула она, боясь, что часовой испортит все дело. — Он ведь ранен!

— «Ранен!» — презрительно усмехнулся Круглов. — Царапнуло малость, и всё. Симулянт чертов!

Он уже хотел войти в избу и растолкать румына, но Тоня, обогнав его, вспрыгнула на верхнюю ступеньку крыльца.

— Подожди! Если надо будет, сама позову.

Круглов даже крикнул от досады.

Взбежав на крыльцо, Тоня быстро притворила за собой дверь и замерла на пороге.

Пленный сидел посреди комнаты на табуретке и смотрел на нее в упор. В его позе не чувствовалось настороженности, а взгляд был почти дружеским.

Тоня смутилась. Опять все получилось совсем не так, как она ожидала!

Не поздоровавшись, она прошла мимо румына, подняла свою пухлую санитарную сумку, снова водрузила ее на стол и слишком долго копалась в ней, стараясь собраться с мыслями.

Пленный молчал, и она чувствовала на себе его внимательный взгляд. Но вот на столе лежат бинты, ножницы, стоит баночка с мазью Вишневского и еще какие-то лекарства, которые вовсе не были нужны, — она доставала их лишь для того, чтобы как-то оттянуть время.

Если бы она пришла сюда только для того, чтобы наложить повязку на голову раненого, ей было бы совсем легко. Но ей требовалось расположить к себе человека не только незнакомого, чужого, но враждебного уже по одному тому, что он одет в форму офицера вражеской армии. Она чувствовала, как дрожат руки.

И вдруг Тоня услышала его голос. Она не знала ни слова по-румынски, но по интонации поняла, что пленный за что-то явно ее благодарил. Голос у него был низкий, спокойный, приятный. Она даже не смогла понять, что произошло, — просто, наверно, ее нервы не выдержали долгого молчания и неопределенности. А теперь, когда он заговорил, она облегченно вздохнула.

— Шпрехен зи дойч? — спросила она.

— Я! — ответил пленный и перешел на немецкий язык. Он говорил неплохо, хотя и делал ошибки.

— «Стул» — мужского рода, — заметила Тоня, когда он, предлагая ей сесть, сказал: «ди штuhl».

— О боже! — воскликнул Леон и засмеялся. — Наконец-то я сумею изучить немецкий язык! Для этого надо было всего-навсего попасть в плен к русским. Превосходно!..

Она продолжала стоять у окна, сжимая в руке бинт

и забыв, что ей следует перевязать ему голову, и ей казалось, что она невероятно устала и надо выиграть хоть немного времени, чтобы унять дрожь в руках.

Леон сидел на табуретке в расстегнутом кителе. Белая повязка, немного ослабнув, сползала на глаза, и он время от времени сдвигал ее. Заметив это, Тоня сказала:

— Я должна переменить вам повязку.

В его взгляде появилось ироническое выражение.

— Вас послали для этого?

— Ну конечно! Я медсестра.

Леон усмехнулся:

— У вас обо всех так заботятся перед расстрелом?

— А вы уже попрощались с жизнью? Да? — насмешливо сказала Тоня, разрывая пакет. Вощеная бумага затрещала под ее пальцами.

— Да, я уже прочитал последние молитвы.

Он старался говорить с юмором, но Тоня понимала, что его томит неизвестность, что он жаждет услышать от нее слова, которые приоткроют ему будущее. То, что о нем позаботились, вселяло в него надежду, но всего лишь робкую надежду, — не больше. Да, именно этого хотел Леон: знать, оставят ли его жить. Он думал, что эта девушка, на вид такая юная и непосредственная, конечно, многое знает, во всяком случае может знать. Ведь ей хоть что-то сказали, когда послали к нему!

— Надеюсь, что бог услышит вас и вы окажетесь в раю, — в тон ему сказала Тоня.

— Вы беспощадны!

Леон поморщился, то ли от ее слов, то ли оттого, что Тоня начала отдира́ть от раны старую повязку.

— Сейчас, сейчас, — говорила Тоня. — Сейчас вам будет легче.

Она видела, как на лбу румьина выступила испарина. Его руки вцепились в края табуретки, и весь он напрягся.

— Еще секундочку! — Она физически чувствовала, как ему больно. Нет, никогда бы она не могла быть медсестрой!

— Ох! — воскликнул Леон и невольно дернул головой.

— Все! Все! — быстро сказала Тоня, отбрасывая в сторону окровавленный тампон. — Вы сами себе помогли.

Накладывать бинты ее учили в разведшколе. Но по-настоящему она бинтовала второй раз в жизни. В первый пришлось бинтовать ногу Гени, которую тот до крови ушиб

недели две назад, во время приземления, после учебного прыжка с парашютом. Гения, правда, не стонал, но один раз дико выругался от боли...

А этот пленный терпеливо переносил страдания. Тоня невольно с уважением отнеслась к его стойкости, а Леон, ощущая, как новый бинт мягко стягивает ему голову, как быстро и ловко движутся руки девушки, впервые поймал себя на том, что не прислушивается к шагам за окном.

Когда с перевязкой было покончено, Тоня осторожно затянула узелок и ножницами отрезала концы бинта. Славно получилось: голова сахарно-белая, бинт — виток к витку, уложен по всем правилам, каким ее обучали еще в разведшколе.

Леон закрыл глаза и молча откинулся на подушку. Казалось, он потерял сознание. Тоня долго искала пульс на его большой руке и, когда совсем уже отчаялась, нашла. Пульс был, как ей показалось, ровный и сильный.

В хате сгустились сумерки, плетень за окном растворился во мгле, и только тонкие ветви тополя, казавшиеся еще более черными, чем днем, злоеподе покачивались на фоне неба, похожие на воздетые в мольбе руки.

Где-то гудели самолеты. Тоня уже давно привыкла различать их по шуму мотора. Особенно точно она узнавала «юнкерсы»: если слышался как бы двойной надрывный звук: «у-у, у-у, у-у...» — значит, приближаются «юнкерсы». Но сейчас ей было не до самолетов. Как будто бы и все в порядке, но слишком уж долго он молчит. Что с ним?

— Вы меня слышите? — спросила она, склоняясь над раненым.

— Да, — тихо ответил он. — Ничего, теперь уже легче... Если можно, пожалуйста, зажгите свет... Фонарь на полке. Электричество здесь не горит.

В углу, на полке наспех срубленного шкафа, из глубины которого пахло мышами, Тоня нащупала «летучую мышь», вытащила и, сломав несколько спичек, наконец зажгла. Чадное пламя взметнулось поверх стекла, и по толку заплесали тени.

— Ну вот, — сказала Тоня и поставила лампу поближе к его изголовью.

В ту же секунду кто-то сильно забарабанил в дребезжащее стекло.

— Что? Чего надо? — закричала Тоня, прижав лицо к окну.

Совсем близко, с другой стороны, к стеклу прижалось испуганное лицо Круглова.

— Окно занавесь, тетя!.. Слышь, «юнкерса» летят!..

Тоня быстро обернулась. Что это? Рука Леона медленно поворачивала колесико лампы, убавляя пламя. Значит, он понял?! Понял или догадался?

Она замерла, глядя, как румын повернул колесико почти до конца, оставив вокруг фитиля едва тлеющую желтую корону. Все предметы в хате вновь погрузились во тьму. Как хотелось бы ей сейчас увидеть его лицо — что оно выражает? Но белела лишь повязка, а черты лица смазал полумрак.

В одно мгновение ее чувства до крайности обострились.

— Почему он стучал? — вдруг спросил Леон. — Потому что мы зажгли свет?

Тоня молчала. Вопрос Леона не только не снял, но как бы даже подтвердил ее предположение.

— Да, — проговорила она медленно. — Я забыла затемнить окно.

Он уловил в ее ответе сухость.

— Это я виноват.

— Нет, — сказала Тоня. — Почему же вы?

— Я вчера закрывал окно половиком, — сказал Леон. — Он лежит у дверей. Но я забыл вас предупредить. Значит, виноват я!

Тоня взяла половик и стала прицеплять его к двум прибитым над окном гвоздям. Когда это ей удалось, Леон вновь прибавил света.

— Вы очень торопитесь? — спросил он.

Тоня взглянула на часы — без четверти восемь. Она вспомнила о приказе Савицкого.

— Да, мне пора.

Он приподнялся на локтях и, стараясь не поворачивать большую голову, стал поправлять подушку.

— Я помогу вам, — сказала она.

— Нет, спасибо, я сам. Вы не могли бы достать мне какую-нибудь книгу?

— Но у нас книги только на русском языке, — сказала Тоня, наивно надеясь «поймать» его.

Но в желтом, сумрачном свете лицо его казалось спокойным. Он не выдал себя ничем. Взгляд темных, чуть выпуклых глаз был устремлен куда-то поверх ее головы и не выражал ничего, кроме усталости.

— Жалко, — проговорил он. — А скажите, как вас зовут? Это не секрет?

— Тоня.

— Тоня? Спасибо вам, Тоня. Вы были ко мне добры!

— Что вы! — возразила она. И, уже стоя в дверях, попрощалась.

— Вы еще придете? — спросил он.

— Приду. Нужны ежедневные перевязки.

— Нет, приходите сегодня, — попросил он как-то по-мальчишески, словно перед ним была знакомая девушка. — Вы сможете прийти сегодня?

— Не знаю, — сказала Тоня. — Если не будет других дел. У меня ведь еще пятеро раненых.

— И все такие, как я?

— Нет, это наши.

— Понимаю, — сказал он и с улыбкой махнул рукой. — Ну ладно, я постараюсь заснуть. Как вы думаете, — оставил он ее, когда она уже взялась за ручку двери, — меня сегодня уже не будут допрашивать?

Она пожала плечами и вышла.

Какой темный, промозглый вечер! Резкий ветер ударил Тоне в лицо, и она ощутила на щеках хлопья мокрого снега. Во мраке маячила фигура часового.

— Круглов! — окликнула она.

— Круглов сменился! — ответил из темноты густой, приглушенный бас. — Уже полчаса как... А вы не знаете, сколько времени?..

— Так если ты полчаса назад заступил, значит, сейчас на полчаса больше.

— Кто знает, — отозвался часовой. — На посту время, как резина, тянется...

Ему, очевидно, хотелось поговорить, но Тоня торопилась. Она быстро сбежала с крыльца и по щиколотку увязла в чавкающей грязи. Что может за каких-нибудь два часа наделать мокрый снег!

И Тоня подумала, что это ведь первый весенний дождь. В Москве он пройдет, может быть, в конце апреля, а возможно, и в середине мая, а здесь весна ранняя...

Она уже минут на сорок опаздывала к Савицкому. Что же сказать ему? Как будто ничего интересного не было. А история с лампой?..

— Тоня!

Она перепрыгнула через лужу и остановилась. Егоров вышел из-за дерева, мимо которого она только что пробежала.

— Ты что тут делаешь? — спросила она, хотя вполне могла бы и не спрашивать.

На плечи Егорова была брошена плащ-палатка. Он тут же скинул ее с себя, набросил на плечи Тони. Затылком она ощутила грубую влажную ткань.

— Ну, поговорила? — хмуро спросил он. — С этим...

— Поговорила.

Он шел рядом, широкими шагами переступая через те лужи, которые она с трудом перепрыгивала.

— Ну и что?

— Вот иду к Савицкому. Все ему доложу...

Он ни о чем больше не стал расспрашивать, просто шел рядом и молчал.

Она взяла его ладонь в свою.

— Замерз совсем, дурень!

Егоров шумно вздохнул.

Они уже подходили к хатке разведотдела. Тоня выпустила его руку.

— Иди домой. Как освобожусь, загляну. — И быстро свернула на дорожку.

Однако Савицкого не было. Ординарец, худощавый, шустрый паренек, сказал, что полковник у командующего, а ей приказано ждать.

Тоня присела на скамейку перед жарко топившейся печкой. Яркий электрический свет от стучавшего за стеной движка заливал хату, на стенах которой еще сохранились выцветшие фотографии хозяев; их было до десятка в каждой рамке, висевшей рядом с окном. Очевидно, вся родня: от деда, участника русско-японской войны, и до того солдата, который мерзнет где-нибудь на Севере, в карельских лесах. Вот он совсем мальчишкой снят с гармошкой. Руки держат гармонь напряженно, а светлые глаза таращатся в объектив. Очень уж старался парень получше получиться...

Впрочем, кроме печи, темных стен и этих вот фотографий, в хате ничто не напоминало о прошлой жизни.

Посреди комнаты — походный стол на тонких ножках, на нем грудой лежат документы, а на самом краю — телефоны в желтых кожухах; в углу, покрытый зеленой краской, примостился немецкий несгораемый ящик. Ну и

кряхтят солдаты, когда грузят его на машину при переездах!

Только сейчас, глядя, как вихрятся огоньки пламени, Тоня почувствовала облегчение. Она словно вернулась из мира тоски и неизвестности в мир привычный, мир света и людей, которым она так нужна.

Она быстро скинула плащ-палатку, на мгновение задержав ее в руках. Пожалела, что не вернула ее Гене, он так и пошел под дождем. Потом стала кочергой шуровать в печке, разбивая пылающие головни, от которых при каждом ударе летели снопы искр. И не заметила, как за спиной появился Савицкий.

— Люблю тепло, — сказал он и, скинув шинель, присел на скамейку рядом с Тоней. — Сиди! Сиди! — удержал он ее, так как она тут же вскочила. — Грейся... Ну, как там? Какие разведданные?.. — Он улыбнулся.

Тоня смотрела на его длинные пальцы, которые тянулись к огню. Они были очень красивые. И вдруг спросила:

— Вы играете на рояле?

Савицкий удивленно посмотрел на нее и засмеялся:

— Это все меня спрашивают. Нет, с музыкой у меня нелады. Бездарен! А вот рисовать люблю. Правда, для себя. И карикатуры для стенгазеты. Когда в институте учился, меня из-за этого всегда в редколлегиях выбирали.

Он неторопливо закурил, а Тоня стала подробно рассказывать о разговоре с пленным, стараясь не упустить ни одной детали.

— Так, значит, — переспросил Савицкий, — как только Круглов закричал «занавесь окна», он тут же схватился за лампу?

— Да, — сказала Тоня. — Когда я обернулась, он уже опускал фитиль... Но потом, правда, переспросил, что, мол, кричал часовой...

Савицкий подкинул в печь дров и, морща лоб, просидел с минуту молча, ни о чем не спрашивая. Ординарец принес чайник и долго прилаживал его к огню так, чтобы поменьше закоптить.

Савицкий заметил это и усмехнулся:

— У каждого свои заботы! Ну что ж, — проговорил он, — если бы это оказалось действительно так, любопытная получилась бы ситуация... Как говорится, ситуэйшн! Из нее мы могли бы извлечь для себя немало пользы. Вот что,

Тоня, ты к нему сегодня больше не ходи. Мы должны кое-что продумать...

— Хорошо,— сказала Тоня и поймала себя на мысли, что ей жаль румына: он ведь надеется, что она придет.

Но в это время быстрым шагом вошел Корнев, и она сразу отвлелась от этой своей неожиданной и ненужной мысли.

Подполковник подметил сразу, что девушка держится спокойно. Несомненно, первая встреча удалась.

— Ну как? — спросил он. — Кажется, работа по медицинской части тебе понравилась?..

Тоня улыбнулась. Улыбнулся и он.

— Я же говорил, товарищ полковник, что Тоня у нас девушка способная! Глаз у нее острый! — Как всегда, подполковнику не терпелось подчеркнуть свою личную причастность к происходящему. — Ладно, иди отдыхай,— сказал он, заметив Тонино нетерпение. — И готовься к следующей встрече.

На душе у Тони было смутно. Что даст ей завтрашний день и даст ли хоть что-нибудь или, перебинтовав Леону голову, она не будет знать, что делать дальше, о чем и как с ним говорить?

Весь вечер она искала Егорова, но так и не нашла его, хотя обошла все хаты, где жили разведчики. Кто-то сказал, что его послали в штаб одной из дивизий. Не нашла она и Дьяченко — он словно сквозь землю провалился. И вдруг Тоня почувствовала себя страшно одинокой. Геннадий умел ее слушать, умел понимать, и сейчас он был ей просто необходим, потому что одно дело — служебный рапорт начальству и совершенно другое — откровенный разговор с близким человеком.

Ночью она долго думала. Конечно, Петреску следил за каждым ее движением, за каждым произнесенным ею словом. Какое впечатление она произвела на него? Если плохое, то зачем он просил ее прийти снова?

И вот опять наступило утро.

Круглов, занявший свой пост у хаты, еще издали узнал Тонию и улыбался ей всеми морщинами, которые щедро избороздили его суховатое лицо.

— Опять в гости? — весело спросил он, когда она подошла к крыльцу. — Вчера ты, девушка, долго здесь засиделась. — Его глаза хитровато блеснули. — Раны, видать, глубокие...

— Эх, дядя! — вздохнула Тоня.

— Да, тетя! — в тон ей ответил Круглов.

Она посмотрела на окно. К стеклу изнутри прижалось лицо Петреску. Он пристально вглядывался в нее.

— Ну, я пойду,— сказала Тоня.

— Иди, иди... — И Круглов двинулся по своему короткому, смертельно надоевшему маршруту — вокруг хаты, — держа винтовку под мышкой, штыком вниз.

Когда Тоня вошла, Петреску стоял посреди хаты, взлохмаченный, в расстегнутом кителе, из-под которого была видна поросшая черными вьющимися волосами плотная грудь и короткая сильная шея. Повязка на голове едва держалась, а лицо за ночь заметно осунулось.

Он встретил Тонию настороженным, замкнутым взглядом.

— Здравствуйте! — весело сказала она. — Ну, как вы себя чувствуете?

— Плохо! Очень плохо,— проговорил он, не двигаясь с места.

— Что такое? Болит голова? Ну, сейчас сделаем перевязку...

— Нет-нет, ничего мы не будем делать! Ничего,— решительно возразил румын и даже отпрянул от Тони, словно опасаясь ее прикосновений. — Я вообще не знаю, кто вы такая, кто вас подсылает ко мне.

Тоня вскинула голову, и ее руки, которые уже стали разбирать содержимое сумки, на мгновение замерли в воздухе. Вот уж чего она действительно не ждала!

— И скажите тем, кто вас ко мне подослал, что больше я не скажу ни слова. Ясно вам? Я всю ночь не спал, думал и понял, что никакая вы не медсестра! Вы просто дурачите меня! Но я не так наивен...

Тоня подавленно молчала. Она была неискушенной разведчицей и сейчас отчетливо ощутила всю меру своей беспомощности. Нет, она проиграет эту схватку. Геня правильно говорил, он знал, что перед нею слишком сильный противник, ей не по зубам. Он может броситься на нее сейчас и задушить, и никто, даже Круглов, не услышит ее крика.

Ей хотелось броситься к двери и убежать, удрать куда глаза глядят, а потом будь что будет. Пусть ее хоть в штрафной батальон посылают!..

И вдруг она заплакала, уронив голову на стол, заплакала по-детски горько, неутешно, и узкая спина ее вздрагивала.

ла под гимнастеркой, а густые длинные волосы разметались и закрыли лицо.

Петреску оцепенел от этих глухих, сдавленных рыданий. Он так и остался стоять посреди хаты, а взгляд его выражал растерянность. За что он обидел ее? Вполне возможно, что она действительно медицинская сестра, добрая девушка, выполняющая свой воинский долг. Он обвинил ее в обмане, в притворстве, и вот она рыдает. Но какая актриса сумела бы так изобразить отчаяние? И если она разведчица, то какая разведчица позволила бы себе разрыдаться в присутствии врага?

— Я понимаю,— заговорил он.— Вы, конечно, не хотите мне зла... Простите меня...

Тоня отбросила с побледневшего лица тяжелые пряди волос и подняла на Леона влажные серые глаза с длинными ресницами, потемневшими от слез. Она и самой себе не могла бы объяснить, что с ней случилось, как прорвалось наружу непосильное внутреннее напряжение последних недель. И, уже не контролируя себя, она заговорила с тем воодушевлением, которое передалось и Петреску и заставило его верить каждому ее слову:

— Что вы знаете о моей жизни? Может быть, я в тысячу раз несчастнее, чем вы. Я осталась одна! В Одессе застряла моя сестра. Жива ли она, не угнали ли ее в Германию? Господи, каждый день для меня пытка, потому что я ничего о ней не знаю! Я готова на что угодно, лишь бы найти ее!

— Не плачьте,— сказал Петреску, шагнув к ней.— Эта проклятая война всех нас сделала несчастными. Если бы я был в Одессе, я бы помог вам найти сестру...

Тоня не ответила и стала готовиться к перевязке. Сегодня эта операция уже не причинила Леону боли—марлевая прокладка была густо смазана мазью и не присохла к ране. Тоня работала быстро, ловя на себе то ли виноватые, то ли благодарные взгляды пленного. Стыдно, конечно, что она не сумела сдержаться и именно при нем, при человеке из вражеского лагеря, дала волю слезам. Но, с другой стороны, это может ускорить их сближение: кажется, Петреску именно в этот момент проникся к ней и доверием и участием. Во всяком случае, сейчас от его недавней озлобленности и следа не осталось.

Она посидела с ним еще немного, спросила, не голоден ли он. Вспомнив, что на дне ее сумки давно хранится кусок

шоколада, который она почему-то никак не позволяла себе съесть, хотя иногда очень этого хотела, Тоня вытащила его и протянула румыну.

— Пожалуйста,— сказала она.— Вы, наверное, давно этого не ели?

— О! — воскликнул он, не скрывая удивления.— Откуда такое богатство? И могу ли я лишиться вас его? Нет, ни за что!

— Ну, давайте поделимся,— предложила Тоня.— И съедим этот шоколад вместе в знак того, что вы прощаете мне мои слезы, а я вам — дурные мысли обо мне. Согласны?

Она взяла из рук Петреску шоколад, пальцем пересчитала квадратики. Получилось девять. Пять она протянула ему, четыре оставила себе.

— Нет,— сказал румын,— это нечестно. Все-таки я хоть и пленный, но мужчина!

— Ну ладно,— не стала спорить Тоня и взяла свою долю.

— А теперь я пошла,— сказала Тоня.— Ждите меня завтра.

— Спасибо, Тоня. Я буду ждать.

Только сойдя с крыльца, Тоня почувствовала, как утомил ее этот странный, неожиданно обернувшийся для нее визит.

Савицкий встретил ее обычным вопросом:

— Ну, как?

По его взгляду, острому и веселому, по тому, как подался вперед Корнев, который сидел у стола, удобно опершись о его край, Тоня поняла, что ее ждали.

— Садись,— сказал Корнев.— Рассказывай. Вчера ты даже не поделилась со мной своим предположением, что этот румын понимает по-русски!

— Да, так, по крайней мере, мне показалось.

— Это было бы нам очень кстати,— заметил Корнев.— Нельзя ли уточнить, а? Ты не думала над этим?

— Что вы, товарищ подполковник! Если это и так, то он не признается. Ему ведь важно слышать, о чем мы говорим между собою.

— Он, может, и не надеется выжить, но хочет вести игру до последнего,— заключил Савицкий.— Что ж, его можно понять.— Полковник просмотрел какую-то бумагу, подписал ее и снова поднял взгляд на Тонию: — Ну, а еще что там было? Как налаживаются отношения?

Рассказать обо всем, что произошло с ней во время разговора с Петреску? Нет, это невозможно. Она все еще была растревожена мыслями о сестре, о которой действительно горевала и тосковала, все еще оставалась под впечатлением этой встречи, так трудно начавшейся и так мирно закончившейся. Говорить обо всем этом не хотелось. В сущности, это только начало. Вчера он поверил ей, сегодня встретил враждебно, а проводил дружески. Кто знает, что будет завтра? Не следует торопиться с выводами.

— По-моему, он неплохой человек,— вдруг сказала Тоня,— но ведь я так мало его знаю.

Савицкий кашлянул и пораженно посмотрел на нее.

— Ты что, занялась психологическими опытами? — строго спросил он.— Конечно, хорошо знать, с кем имеешь дело, но меня интересует другое...

— По-моему, он мне начал верить,— прервала полковника Тоня.— Разве это не относится к области психологии?

— А ты убеждена, что он тебе верит?

— Пожалуй...

Савицкий досадливо мотнул головой.

— Пойми, здесь не место предположениям. Да или нет — вот как ставится вопрос!

Что она могла ответить?

Савицкий понял растерянность девушки и мысленно упрекнул себя в том, что требовал от нее доказательств недоказуемого.

— Видишь ли, Тоня,— начал он мягко,— мы не можем рисковать ни делом, ни тобой. Сейчас наступает новый этап. У нас нет времени. Операция разворачивается. Мы отвечаем за жизнь десятков тысяч людей... Вот почему я и спрашиваю: уверена ли ты, что румын с тобой не хитрит?

Серые глаза Тони теперь смотрели на него с жесткой остротой.

— Мне так кажется,— упрямо сказала она.— С двух коротких встреч я ни в чем не могу быть уверена.

— Ну хорошо! — сказал он примирительно.— Пожалуй, ты права. Но о чем хоть вы говорили? Рассказала ли ты ему о себе, о сестре в Одессе?

— Да.

— Значит, кое-что о тебе он уже знает? Ну, и как он реагировал на твой рассказ? — спросил Савицкий. По отдельным деталям, по слову он все же вытягивал из Тони то, что его интересовало.

— По-моему, ему было меня жаль. Он даже сказал, что в Одессе помог бы мне найти Катю...

— Ого! — усмехнулся Савицкий.— Это уже кое-что!

— Что я должна делать дальше? — тихо спросила она.

— Попробуй завтра заговорить с ним так, чтобы он всерьез задумался о побеге,— как-то очень буднично продолжал Савицкий.— В этом и состоит вторая часть нашего плана. А когда дойдет до побега, ты пойдешь вместе с ним, доказывая этим и свою преданность ему, и стремление во что бы то ни стало найти сестру. Общая задача — проникнуть в Одессу и наладить связь с подпольщиками. Передашь им деньги и задание: разведать районы возможной высадки нашего десанта. А затем ваша группа будет собирать сведения о положении в Одессе, наблюдать за портом. Егоров и Дьяченко присоединятся к вам позднее.

Как ни готовилась Тоня к любым неожиданностям, но по плечам ее и по спине пополз влажный холодок.

— Но что же я ему скажу? — спросила она растерянно.— Как объясню, что решила бежать вместе с ним?

— Это как раз просто,— включился в разговор Корнев.— Ты скажешь, что хочешь жить вместе с сестрой, и все. А твой отец, мол, пропал без вести, и поговаривают, будто он перебежал к немцам.

— Что с тобой? — обеспокоенно спросил Савицкий, заметив, как дрожат Тонины пальцы и мелко-мелко стучат зубы.— Ты боишься? Ты не решаешься?

— Ничего, ничего!.. — онемевшими губами проговорила Тоня и поспешно поднялась.— Можно идти?

Глава шестая

Она вышла в поле и направилась к старой риге, которая темнела вдаль. Дверь тихо скрипнула, покачиваясь под порывами ветра. Тоня вошла, и мыши, сновавшие между охапками прелой соломы, мгновенно исчезли. Корявые жерди под потолком поддерживали гнилую крышу. Большое ржавое колесо от телеги, прислоненное к углу, напоминало о том, что и здесь когда-то была жизнь.

Ах, как хотелось Тоне, чтобы вот здесь, в углу, за дверью, стоял Геня и она могла бы хоть на мгновение прижаться щекой к заштопанному ее руками ватнику!

Позади скрипнула дверь. Она быстро оглянулась. Нет, это ветер...

Как много неприметных для постороннего глаза, но больших событий вместили прожитые сутки! Вчера в это время она впервые встретилась с Петреску, а сегодня... Поверит ли он?.. Может быть, она должна была сказать Савицкому, что не уверена? Не взваливать на себя такую ответственность? А вдруг Петреску разгадает ее мысли? Что тогда?..

Она пыталась сосредоточиться. Что, если действительно они с Петреску переберутся через линию фронта? Ведь тогда роли сразу переменятся! А будет ли он ее защищать? Ох, как же все запутано! И куда все-таки делся Егоров?

Когда она, уже в сумерках, подходила к плетню, окружавшему хату Петреску, сердце у нее вдруг остановилось от страха за Геннадия. Она подумала, что он уже переброшен на ту сторону и от нее это просто скрывают...

Круглов пошел было к ней навстречу, чтобы поговорить, но молча отступил, увидев, как стремительно она проходит мимо, даже не удостоив его взглядом. А она просто не заметила его, поглощенная своими нелегкими мыслями.

Петреску сидел на своем топчане и рассматривал фотографии в старом номере «Известий», который ему, вероятно, дал кто-то из часовых. Он даже не повернулся, когда она вошла. Ну вот, опять начинай сначала!

Тоня подняла с пола дерюгу, занавесила окно, зажгла «летучую мышь», поставила ее на табуретку рядом с топчаном, а сама села напротив, примостившись в углу на скамейке.

Наконец Леону надоело молчать. Он медленно положил газету на стол и повернулся к ней.

— Ну, как дела? — спросил он. — Судя по тому, что вот этот солдат, — он кивнул в сторону окна, — подарил мне гармошку, которую он, очевидно, забрал у предыдущего расстрелянного, моя очередь приближается?

— Ах, вы все о том же! — с досадой воскликнула Тоня. — Вас сегодня допрашивали?

— Нет, обо мне, видимо, забыли все, кроме повара.

— Ну почему же кроме повара? Я тоже помню о вас, пришла сделать перевязку, развлечь вас немного.

Он дотронулся рукой до головы:

— Пожалуй, не надо. Сегодня мне гораздо легче... И не все ли равно, в сущности, в какой повязке это произойдет...

— Неужели вы всерьез считаете, что доживаете последние дни?

Засунув руки в карманы, он прошелся по хате, поднял фонарь и добавил света. Потом поднес фонарь к лицу Тони.

— Смотрите на меня, — тихо проговорил он.

Она взглянула в его напряженные, широко раскрытые глаза, которые смотрели на нее так испытующе, что она невольно подалась назад.

— Кто вы? — спросил он. — Зачем вы ко мне приходите? Вы хотите забраться мне в душу, чтобы, размягчив ее, добиться того, чего не смогли дать допросы? Напрасно, милая девушка! Мне очень жаль, но вы трудитесь напрасно. Я все сказал, что мог, и больше уже ничто не заставит меня разговаривать — ни пытки, ни смерть...

Он выговаривал каждое слово отдельно, и Тоня слушала не мигая, собрав всю свою волю.

— Что вы! — наконец тихо проговорила она. — Я не знаю, о чем вы говорите... Вы же только несколько часов назад извинялись за то, что обидели меня. Что случилось, Леон?

— А то, что не приходи сюда! Больше не приходи! А то я убью тебя! Мне ведь нечего терять... Оставь меня в покое!.. — Его рука дрогнула, он медленно отвел лампу, повернулся и поставил ее на стол.

Некоторое время Тоня молчала. Как много сил уже истрачено, а борьба только начинается!

И тогда она решилась — будь что будет!

— Слушайте, Леон, если бы вы оказались в Одессе, вы действительно помогли бы мне найти сестру?

— Я — офицер и слов на ветер не бросаю. Остается пустяк — перенестись в Одессу.

— Я помогу вам бежать, — шепотом сказала Тоня.

— Это чтобы выстрелить мне в спину?

— Нет, — возразила она, чувствуя, как в ней рождается какой-то другой человек, который может говорить убежденно о том, во что сам не верит. — Я не стану стрелять. Я сама пойду с вами, слышите?

— То есть как?

— Вчера ночью я все решила и продумала. Этот дом стоит на самом краю деревни. Его охраняет всего один часовой. Неужели мы его не снимем? Я достану оружие.

Он с недоверием смотрел на нее.

— Не понимаю! — пробормотал он. — Я вас не понимаю! — Быстрыми шагами он заходил из угла в угол, потом вдруг остановился перед нею. — Уходите! Уходите! Я не верю! Ни одному вашему слову не верю, как бы вы ни играли. Кто я вам?

— Вы? Никто! Но я же сказала, что у меня в Одессе сестра... Единственный родной мне человек. Я надеюсь найти ее.

— Уходите! Уходите!

Он повернулся и рухнул на топчан, сжав руками голову.

Многие годы, пока не началась война, Леон, романтически настроенный, считал, что только тот враг, кто держит в руках оружие. Но теперь от его юношеских иллюзий не осталось и следа. Он никогда не забудет, как немецкий солдат застрелил русского мальчишку, заподозрив, что тот партизан. Только сумасшедший мог это подумать! Солдат сам в это не верил, но убил мальчика просто так, на всякий случай. А потом оттащил его за ногу в канаву. И самое страшное — что никто не схватил убийцу за руку, никто не ужаснулся. Только ефрейтор, сидевший на крыльце, испугавшись выстрела, на мгновение прекратил играть на губной гармошке, а увидев, в чем дело, улыбнулся и заиграл вальс Штрауса.

Из окна штаба Леон видел всю эту сцену и вдруг по своему каменному спокойствию понял, что с этой минуты стал совсем другим человеком. А ведь мать так гордилась, что сын выбился в офицеры! Отец, разорившийся князь, всю жизнь старался занять видное место в обществе, но так и умер в нищете. Один из дальних родственников, богатый коммерсант, живший в Париже, время от времени присылал вдове и сироте щедрые подарки, которые помогли матери поставить Леона на ноги. Мать же научила Леона говорить по-русски. Она была родом из России, а жили они в Бухаресте. Отец любил водить маленького Леона гулять к королевскому дворцу. Затаив дыхание они смотрели на торжественную церемонию смены караула, на великолепные мундиры офицеров и солдат, и Леон мечтал поскорее вырасти, чтобы стать офицером королевской гвардии.

И вот он вырос! Он стал офицером! Только отец не дождал до этого знаменательного дня. Впрочем, если бы и дождал, то карьера сына скорее опечалила бы его, чем порадовала.

Ни одного дня Леон не служил в Бухаресте. Его перевели из одного провинциального гарнизона в другой, и хотя начальство отмечало его старательность и не обходило чинами, но ничего, кроме скромной офицерской пенсии, не ждало Леона Петреску в будущем.

А он мечтал о карьере, об орденах и красивой молодой жене из знатной семьи. И потому не женился на дочери владельца мебельной фабрики в Плоешти. Красивый, с гордой и мужественной осанкой, он знал себе цену. Но карьеристом Леон не был.

Когда в Одессе полковник Ионеску хотел назначить его в группу, помогающую гестапо, он попросил, чтобы его отправили на фронт. И решительность, с которой Петреску настаивал на этом, была расценена полковником как высшее проявление патриотизма.

Конечно, Леон понимал, что дела на фронте складываются скверно, но он, как и другие, надеялся, что немцы нанесут сильные удары на северных участках фронта и натиск на Одессу ослабнет. Как будто это и произошло — линия фронта стабилизировалась, и в штабе говорили, что надолго. Но именно в эти самые дни затишья в жизни Леона Петреску произошел трагический крутой перелом. Глушесть истории!..

Глава седьмая

Зачем его сюда привели? Почему заставляют уже три часа сидеть на этой проклятой скамейке в узком коридоре? Почему не допрашивают?

Сначала Леон даже обрадовался, что его вывели наконец из хаты, где все ему опротивело, где он томился и терзался мыслями о своем ближайшем будущем. Он знал, что его не станут долго лечить. Очевидно, только и ждут, когда он немного окрепнет, чтобы приступить к настоящим допросам. Нет, он не играл, когда говорил с русской медицинской сестрой о смерти. Что с ним сделают? В лучшем случае пошлют в лагерь для военнопленных. Он досыта посмотрелся на лагеря под Яссами и Одессой. Русские солдаты и офицеры умирали каждый день десятками от голода и непосильной работы. Несомненно, и здесь его ожидает медленная, мучительная смерть.

Он сидел на скрипучей деревянной скамейке, постав-

ленной около двери, в которую однажды его уже вводили. Тогда его допрашивал низкорослый, лысоватый подполковник с прищуренными глазами, тот, которого он впервые увидел в блиндаже сразу после пленения.

Теперь этот подполковник уже дважды проходил мимо, не обращая на него никакого внимания, словно не замечая. И дважды уже сменили часового, а он все сидит и сидит, и время тянется мучительно медленно.

За тонкой дверью мерно стучит пишущая машинка. Чей-то густой бас вызывает какого-то сорок восьмого, очевидно старшего начальника, потому что как только начинается разговор, бас начинает звучать высоким тенором: «Вас беспокоит капитан Свиридов...» Быстро прошел фельдгегерь с толстым кожаным портфелем. Высокий красивый майор появился из крайней двери, постоял перед Леоном, разглядывая его внимательно и, как показалось Леону, почти дружелюбно. Потом коротко приказал проходившему мимо лейтенанту: «Позовите Корнева. Его вызывает Савицкий», — и неторопливо вернулся в комнату, прикрыв за собою дверь.

Лейтенант, козырнув, устремился в конец коридора, скрылся за дверью, и через мгновение коренастый подполковник, пройдя мимо Леона, вошел туда, где его ожидал начальник.

Обычная, знакомая штабная суэта! Хорошо, если бы вдруг появилась Тоня. Все же с ней было бы как-то легче... Нет, неужели она действительно готова бежать вместе с ним? Странно!.. Очень странно! Вполне возможно, что это только игра, что она действует по заданию, хочет внушить ему надежду, сломить его волю, а затем нанести удар. Но ведь он сказал все, что мог, даже больше — о высадке на пляжах Каролина-Бугаза!

Ведь они как будто и не догадывались, что немцы этого ждут!

У него перехватило дыхание. Проверка! Конечно же, его сообщение проверили, убедились в ложности, и теперь его расстреляют! Обязательно! За такое расстреливают во всех армиях мира.

Так вот почему никто не обращает на него внимания! С ним уже покончено! Он не представляет ни малейшего интереса, поэтому его больше не допрашивают.

Внимание! О чем это говорит за стеной капитан, обладатель баса, который может в нужные моменты становить-

ся тенором? Как будто о нем. Тонкая перегородка не может пригласить голос.

— Он тут. Три часа сидит!.. Больше не интересуетесь?.. Не будете допрашивать? Ясно!

Леон почувствовал, как его притягивает пол. Хотелось упасть, забиться, закричать. Но он только сунул в рот кончики пальцев и прикусил до боли. Кончено! Теперь уже все кончено! Так, может быть, прекратить пытку ожидания сейчас же? Броситься бежать и пусть убивают в спину?

Все его чувства были обострены до предела. Что делать? Что делать? Как спасти жизнь? Успеет ли Тоня? Где она? Только бы его вернули обратно в хату... Тогда еще не все пропало! Ведь возможно, что она и не лгала!

Скрипнула крайняя дверь, вышли офицеры.

— Решено, — негромко сказал полковник. — Сейчас же посылайте шифровку... Командующему... Каролина-Бугаз... Уточним отдельно! Все поняли?

— Все понял, товарищ полковник!

Полковник вышел во двор, а подполковник торопливо направился к себе.

Все кончено! Теперь все кончено! Если бы его оставили жить, при нем не вели бы разговора, который является строжайшей военной тайной.

Для них он уже труп! И признания его теперь уже не имеют никакого смысла. Никакого!..

Боже!.. Мама!.. Нет сил все это вытерпеть. Скорее бы все кончилось!.. Как жаль, что он понимает по-русски! Лучше бы до последнего мгновения не знать, что его ожидает.

Из соседней двери выглянул немолодой капитан и коротко приказал часовому увести пленного.

Опустив голову, Леон медленно шагал по тропинке к хате. Все краски и контуры вдруг стерлись. Он не видел ни домов, ни встречающих людей, ни неба, ни земли. А что, если все это ложь и его убьют сейчас, в затылок? Почему солдат отстал? Стоит? Целится? Сейчас... Сейчас...

Он ощутил острую боль в затылке...

Но выстрела не было. Солдат отстал, чтобы закурить новую папиросу.

Наконец ступеньки крыльца. Одна ступенька — жив! Вторая — жив!.. Третья... Шаг, еще шаг... Жизнь распалась на отдельные движения. Вот рука взялась за дверь. Жив! Вот дверь приоткрылась. Жив!..

Нет! Солдат не выстрелил! Не выстрелил!..

Он тяжело опустился на топчан и немеющими пальцами расстегнул воротник кителя. На столе стыл обед, но он даже не притронулся к нему.

В окошко было видно, как солдат, который его привел, о чем-то беседует с часовым — оба посмеиваются.

В мире еще есть смех!

Его знобило. Он потуже натянул на плечи шинель и приткнулся в угол. И тут вдруг вспомнил, что давно не молился. Губы стали шептать молитву, которую он знал с самого детства: «Боже, прими и прости мои грехи!..»

Но он поймал себя на мысли, что думает не о боге — о Тоне. Последняя его надежда. Ведь он не хочет умирать, не хочет...

День тянулся. Он потерял счет времени. Как будто за окном смеркается? Скоро ночь!.. Ночь!.. Где его убьют?.. Наверно, здесь же, около хаты... Он будет лежать на земле, и вот эти руки уже ничего не будут чувствовать.

Он смотрит на свои широкие, сильные ладони, сгибает и разгибает пальцы. Сейчас они еще живы! Куда попадет пуля?.. Вот сюда, в сердце?.. А может быть, в глаз?! И он зажмурился, так невыносимо об этом думать...

Может быть, не все кончено?.. Испытай судьбу!.. Как будто охрану не усилили. Попробуй бежать!..

Осторожно, крадучись, он пробрался к окну. Часовой уныло сидел на крыльце, зажав винтовку меж колен. А что, если вызвать его, заставить войти в хату, наброситься и задушить? А потом надеть его шинель и пробираться к фронту. Если уж суждено погибнуть, то пусть в бою — он будет отстреливаться из винтовки.

Он постучал согнутыми пальцами в стекло.

Круглов встал и неторопливо подошел к окну.

— Чего тебе?

Леон знаком показал, что просит его зайти.

— Не положено! — крикнул Круглов и уселся на свое место.

Леон постоял немного у окна, судорожно думая, что же делать. И, ничего не придумав, поплелся к своему топчану.

Ломило голову. Хотелось сорвать повязку, но он понимал, что только причинит себе лишние мучения. Посидев немного, он прилег, и едва голова коснулась подушки, как он почувствовал под нею какой-то посторонний жесткий предмет,

Через мгновение в его руке оказалась маленькая солдатская лопатка, к черенку которой был прикреплен клочок бумаги. Он быстро развернул его, прочитал написанное печатными буквами по-немецки: «Копайте в сених со стороны поля и ждите».

Несколько мгновений он всматривался в эти слова, постигая их тайный смысл. Угасшая было надежда, возрождаясь, возвращала его к жизни. Действовать! Немедленно, не теряя ни минуты!..

Он давно заметил, что доски пола в сених прогнили и едва держатся. Их легко раздвинуть и спуститься в неглубокое подполье. Фундамент у этой хаты, наверно, уходит в землю всего на несколько сантиметров, а под сениями его и вовсе нет... Только тихо!.. Тихо... Ни одного лишнего звука!.. Нервы напряжены до предела. Рука с силой сжимает древко лопатки. Он выглянул в окно. Часовой медленно удаляется от крыльца. Вот его голова промелькнула в окне. Теперь можно приоткрыть дверь в сени.

Боже! Какой предательский скрип! Он только сейчас услышал этот визгливый стон, от которого цепенеют все мускулы. Проклятая! Теперь она сама закрывается!..

Отчаянным движением он выскочил в сени, придерживая дверь. В сумраке трудно разглядеть, какая половица наиболее годна для того, чтобы ее быстрее приподнять. Он опустился на колени и ощупью стал выискивать щель, настолько широкую, чтобы, действуя лопаткой, как рычагом, раздвинуть доски. Огромная заноза вонзилась ему в левую ладонь; он выдернул ее, зашипев от боли, и тут же забыл о ней...

Вот наконец и щель. Здесь доски едва держатся. Один сильный нажим, и они поддадутся. Но едва он засунул в щель лопатку, как услышал шаги часового.

Если бы только он мог, то сдавил бы себе горло, чтобы не дышать. Замерев в неудобной позе, согнутый в три погибели, он старался бесшумно приподнять трухлявую доску.

И вдруг запершило в горле. Спазма терзала горло. Как трудно справиться с самим собой! Он широко раскрыл рот, затаил дыхание и почти задохнулся, когда почувствовал, что наконец спазма отпустила его.

Шаги стали снова удаляться. Выждав, он начал медленно нажимать на ручку лопатки. И доска немного приподнялась. Но гвозди все же держали ее, и в какой-то момент она, упрямо прогнувшись кверху, начала сопротивляться.

Но все же он справился с нею. Теперь надо было оторвать вторую. И повторилось все сначала.

То, на что в обычной жизни ушло бы полторы минуты, сейчас потребовало не меньше часа тяжелейшего напряжения. Но теперь он может спуститься вниз, к земле, до которой меньше метра. Он пригнулся и ударил в землю лопаткой. Раздался резкий скрежещущий звук — лопатка скользнула по камню. Он похолодел от ужаса, застыл, выжидая. Но, видимо, часовой отошел от крыльца и ничего не слышал.

Нет, действовать этой лопаткой слишком опасно. Руками надежнее... И, срывая кожу и ногти, он начал пальцами разрыхлять землю. Потом приспособил осколок кирпича, который выковырял из подпорки нижнего бревна хаты.

Когда боль в пояснице стала невыносимой, Леон лег на живот. Дело пошло быстрее. Он уже запускал руки в нору по локоть, все время ее расширяя. Потом снова вспомнил о лопатке. На глубине, где не было камней, она входила в землю сравнительно бесшумно.

Лишнюю землю он старался тихо откидывать в стороны и постепенно оказался стиснутым ею. Земля набивалась в рот, скрипела на зубах, забивалась в нос, мешала дышать. Ее полно было под рубашкой, в волосах, она залепила ему уши... Но он не чувствовал ничего; им двигало только одно темное, уже не подконтрольное чувство — выжить!.. Выжить!..

Когда наконец он просунул руку в нору и вытащил комель провалившегося в подкоп оледенелого дерна с той стороны, где были жизнь и свобода, он замер от счастья...

Только бы не услышал часовой!..

Теперь к нему вдруг вернулось спокойствие, тяжелое, каменное. Каждое движение стало рассчитанным, точным.

В темноте он не видел ног часового, но чутко угадывал каждое его движение. Вот он дошел до угла хаты, вот оглянулся, вот снова завернул за угол.

Еще немного. Нора расширена... Он протиснулся в нее и выглянул. Вблизи темнел плетень, а за ним — поле! Спасительное поле!..

Бежать! Бежать, не медля ни секунды!

Бежать? Но куда? Где искать спасения одному, без компаса, без знания обстановки? Его же найдут и пристрелят, как только взойдет солнце!..

Нет, надо ждать, когда придет девушка. Но ведь это

безумие! У нее же не хватит сил справиться с часовым!.. А каждую минуту могут появиться те, кто должен его убить...

Шаги!.. Уже идут!.. Нет, это часовой...

Леон быстро втиснулся назад в нору. Скрипуче прощали совсем близко сапоги, тихо звякнула о землю винтовка. Часовой остановился. Чиркнул спичкой. Пошел дальше по своему бесконечному кругу.

И вдруг румын услышал тихий, как шелест ветра, шепот:

— Леон!.. Ле-он!

Уж не сходит ли он с ума?

— Ле-он...

Он высунул голову из норы.

— Ле-он...

Да, это она! Он увидел очертания ее фигуры за плетнем, но в тот же миг она исчезла.

Опять появился часовой. Леон с такой силой рванулся назад, что ударился головой о нависающее сверху бревно. Незажившая рана! От дьявольской, сумасшедшей боли светело тело. Он не мог ни двинуться, ни шевельнуться. Теперь ему хотелось только одного — поскорее умереть. Нет сил выдерживать такое молча, без стога!

Но боль постепенно утихла, и он снова почувствовал, что может двигаться. На локтях подтянулся к норе, высунул голову и, уже не в силах более терпеть и выжидать, вылез и изо всех сил, на которые был еще способен, метнулся к плетню, в кусты.

— Сюда! — услышал он шепот Тони, и тут же ее руки с силой пригнули его к земле.

Он послушно упал, испытывая одно желание: никогда больше не подниматься.

— Пошли! Быстрее!

Она подхватила его, помогла встать, и на неверных ногах, непрерывно припадая, он поплелся за нею. Все плыло перед глазами, как в тумане. Разбитая голова казалась схваченной тесным горячим обручем. Он запомнил только, что они заходили в какой-то сарай и там она надела на него поверх мундира русскую шинель, а на голову — солдатскую шапку. Где-то совсем близко стреляли. Очевидно, его побег уже был обнаружен.

— Быстрее... Быстрее... — торопила Тоня, шагая рядом и поддерживая его под руку.

Силы постепенно возвращались. Очевидно, повязка смягчила удар, и потревоженная рана успокаивалась.

— Куда мы идем? — наконец спросил он, когда они пересекли пустынную полевую дорогу и углубились в молодой лесок.

— К фронту! — коротко ответила Тоня.

Только сейчас он разглядел, что она тащит с собой санитарную сумку, словно собралась на очередную перевязку.

— За нами гонятся? — спросил он.

— Наверняка! Но они еще не знают, что с вами ушла я...

— Собаки?!

— Вряд ли. Слишком развезло дороги.

— У вас есть револьвер?

— Да! — И она дотронулась до кармана шинели.

— А для меня?

— Только один.

— Отдайте!..

— Нет! — сказала она так сурово, что он долго молчал.

Они шли всю ночь, не отдыхая, минуя поселки, где могли бы встретить солдат, переехали в какой-то лодке через Днепр.

Несколько раз позади слышалась стрельба. Может быть, это стреляла наугад брошенная вслед за ними поисковая группа, а возможно, часовые давали в воздух предупредительные выстрелы, когда кто-то посторонний приближался к их постам.

Вдалеке лаяли собаки. Казалось, где-то там, во мраке, плавно течет мирная жизнь, которую война обошла стороной.

Тоня вела Леона маршрутом, указанным ей Савицким. Он выбрал для перехода такой участок, где противник находился наиболее близко и можно было пройти оврагами. Конечно, командиры частей были предупреждены, что на участке от ветряной мельницы до опушки рощи, расстояние между которыми равнялось примерно восьмистам метрам, утром, на рассвете, пройдут в направлении противника девушка и человек в солдатской шинели. Командирам было приказано организовать видимость преследования, но пропустить.

Подобные задания всегда доставляли Корневу много тревог. Того и гляди, какой-нибудь чужак, которого не изве-

стили, возьмет да и ухлопает. И ничего с ним не сделаешь!

Поэтому еще с вечера подполковник сам отправился на передний край, чтобы все подготовить.

Когда Тоня и Леон, миновав мельницу, проползли мимо артиллерийских позиций, замаскированных на опушке рощи, и стали продвигаться к нейтральной зоне, сзади их вдруг окликнули.

— Куда вас черт понес? Сейчас же назад! — крикнул чей-то хриплый голос, и как ни были напряжены нервы Тони, она узнала голос Корнева.

— Стойте! Там же противник! — закричало еще несколько голосов.

Тоня оглянулась, что-то сказала Леону и стремительно бросилась к подбитому немецкому танку, застывшему среди поля. Леон устремился за нею, полностью подчиняясь ее командам.

Едва они один за другим свалились на землю, под надежную защиту стальной машины, как с опушки в их сторону ударили крупнокалиберный пулемет. Пули дробно стучали о броню.

Леон, лежа на боку, разглядывал позиции немцев, стараясь разгадать, как они расположены.

— Не хватает, чтобы нас ухлопали свои, — проговорил он.

«Свои»!.. Тоня взглядела в редкий кустарник, находившийся примерно в двухстах метрах от танка, и заметила нескольких солдат в серо-зеленых шинелях, которые выглядывали из-за укрытия. Один из них, приложив к глазам бинокль, старался разглядеть их в неверном свете занимающегося утра.

Немцы молчали. Очевидно, их озадачило поведение двух человек, появившихся перед их позициями, и они старались понять, куда эти люди направляются. Но теперь, когда по танку началась стрельба, поняли, что эти двое — перебежчики, и, чтобы им помочь, открыли бешеный заградительный огонь.

Четверть часа над полем стояла такая отчаянная стрельба, что и думать нельзя было подняться из-за танка.

Леон испытующе поглядывал на Тоню, которая молча смотрела куда-то вдаль, на серый горизонт, и о чем-то напряженно думала.

— А ты смелая девушка, Тоня! — вдруг по-русски сказал он.

Она равнодушно скосила в его сторону глаза.

— О! — удивился Леон. — Тебя даже не поразило, что я говорю по-русски?

— Я поняла это в первый вечер, — спокойно сказала она. — Но больше никто этого не узнал — я молчала.

На ее счастье, низко над головой просвистела мина, пущенная немцами, и она невольно уткнулась лицом в землю, это же сделал и Леон. Мина оглушительно взорвалась где-то позади танка. А когда вновь стало относительно спокойно, Леон уже забыл о своем вопросе.

Некоторое время они не говорили больше ни слова.

— А все-таки зачем ты со мной идешь? — спросил Леон, дотрагиваясь до ее плеча. (Она вновь посмотрела на него и встретила с его беспокойным взглядом.) — Зачем? — повторил он.

— Но я же спасла тебя, — сказала она. — Один ты не сумел бы выбраться, ты бы погиб через пять минут после побега.

— Если я останусь жив, — проговорил Леон, — то буду за тебя молиться.

Тоня усмехнулась:

— Однако, когда я перевязывала твою рану, ты за меня не молился! Такое нес, что мне плакать хотелось!

— Черт побери! Долго они еще будут стрелять? — воскликнул Леон. Осколок мины ударился над его головой о башню танка и, отскочив, воткнулся в землю у его ног.

Тоня дотронулась до острого, отливающего голубоватым блеском края увесистого куска железа: угоди он на десять сантиметров левее, и этот их разговор был бы прерван навсегда.

— Горячий! — сказал Леон и тоже осторожно провел по краю кончиками пальцев. — Скажи, — вдруг спросил он, — где я был? Где меня допрашивали?

— В штабе дивизии.

— А почему меня не отправили в другой штаб?

— Все, что нужно, ты сказал и в этом.

Леон хмуρο отвернулся и стал смотреть в сторону немецких позиций.

«Что делать?» — напряженно и беспокойно думала Тоня. Уж если человек, спасенный ею, задает вопросы, на которые трудно ответить, то что же с ней будут делать гестаповцы? Они наверняка начнут проверять ее со всеми строгостями.

Осколок притягивал ее взгляд. Впервые в жизни она почувствовала себя способной убить человека. Сейчас она вновь начинала ненавидеть Петреску.

Он посмотрел на нее сощуренными глазами, и от этого пристального взгляда Тоне стало не по себе.

— Я верю тебе, — сказал Леон быстрым шепотом. — Теперь я верю тебе! Но ты глупая, глупая девчонка! Ты жертва войны. И я жертва войны. Мы ничего не можем изменить! Я всех обвел вокруг пальца. Я все слышал. Меня хотели убить!

Она строго крикнула:

— Замолчи! Ты лжешь! Ты не мог этого слышать!

— Нет, нет! — продолжал он. — Я тоже сумею защитить тебя. Я не оставлю тебя. Боже мой!.. — Он замолчал, облизнул запекшиеся губы.

— Болит голова?

— Очень.

Тоня вдруг с ужасом подумала, что Леон может умереть. Тогда все необычайно усложнится. Ей придется доказывать немцам, что она спасала румынского майора. Спасала, но не спасла! Ей, конечно, не поверят. Нет, он должен жить! Она должна довести его до немецких позиций, а там — что будет, то и будет...

Неожиданно для самой себя она вспомнила, что в кармане ее гимнастерки лежит пакет с немецкими марками. Несколько тысяч! Савицкий сказал, чтобы она убедила Петреску, будто украла эти деньги в штабе, и отдала бы их ему, потому что немцы румына не станут обыскивать.

— Леон! — позвала она тихо. — Спрячь вот это!

Он приоткрыл глаза и удивленно взглянул на тугую пачку сероватых купюр. Потом, ничего не спросив, сунул ее во внутренний карман кителя.

Совсем близко ударил взрыв, но у Леона даже не хватило сил опуститься на землю — он так и сидел, положив голову на звено ржавой гусеницы.

Тоня уже давно заметила, что в десяти — пятнадцати метрах от них начинается узкий овраг, рваные края которого, опускаясь почти отвесно, затем переходят в обрыв, обращенный в сторону немцев. Вот если бы удалось быстрым рывком добраться до края, а потом скатиться вниз! Тогда они сразу оказались бы в мертвом пространстве.

— Леон, — сказала она, — ты можешь собраться с силами?

— Могу, — ответил он, не открывая глаз.

— Леон! Открой глаза!

Он сделал усилие и приоткрыл сначала один глаз, затем второй.

Тоня показала в сторону оврага:

— Соберись с силами. Пробеги и сразу прыгай вниз... А я за тобой.

— А если дождаться ночи? — спросил он.

— Нельзя дожидаться. Никак нельзя! До ночи нас тысячу раз убьют. — Тоня представила себе, как сейчас, должно быть, нервничает Корнев, как он сейчас ее ругает. — Соберись с силами, Леон! Главное — добежать до оврага. Никто не успеет выстрелить... Хочешь, я побегу первой?

— Беги! — проговорил Леон.

— Нет, давай вместе!.. Ну, вставай, вставай...

Леон сделал усилие и приподнялся. Его руки тяжело опирались о ее плечи. С минуту, которая показалась ей необычайно долгой, они стояли обнявшись, их головы торчали рядом с башней.

Тоня понимала, что промедление теперь крайне опасно, немцы удивятся, что по ним не стреляют снайперы, и она, напрягая все силы, устремилась вперед, почти таща его на себе.

— Быстрее... Быстрее...

Он поспешно передвигал ноги, всеми силами стараясь идти сам, но слишком велика была слабость.

И вот уже танк их не прикрывает, они стали открытой мишенью. Вперед!.. Вперед!.. В какой-то момент Леон спотыкается, падает, толкает ее в бок с такой силой, что она летит вперед и кубарем перекатывается через край оврага, шмякается плашмя о каменистую землю и несколько мгновений лежит без движения, не в силах вздохнуть, слыша нестерпимый звон в ушах.

Леон! Где Леон? Убит?! Вскрикивает и кидается назад, не чувствуя ног. Но Леон, над которым свистят пули, медленно переваливается через край прямо на ее подставленные руки. Жив!.. И будто даже не ранен...

Через несколько минут их окружили немецкие солдаты. Коренастый ефрейтор с поросшими рыжеватой щетиной щеками недоверчиво бурчал:

— Наверно, вас заколдовал сам дьявол! Кто вы такие? — Его цепкий взгляд впился в русскую шинель Леона. — Руссиш?!

— Сообщите генералу фон Зонтагу, — сказал Леон и рывком сбросил с себя шинель. — Пригласите врача... Мне очень плохо...

Его перевязали и в тыл уже не повели, а понесли. Позади небольшой процессии брела Тоня. И чувствовала она себя так, будто какие-то нити, связывавшие ее с прошлым, оборвались навсегда. И теперь уже она ни на мгновение не сможет забыть, что стала другим человеком и что человек этот должен изображать радость от встречи с врагами, должен приспособливаться, молчать там, где надо говорить, говорить и смеяться там, где надо стрелять.

И все же, идя за солдатами, тащившими на своих плечах грузное тело Леона Петреску, Тоня еще не представляла себе всей тяжести испытаний, которые ее ждут.

Глава восьмая

Тоню долго допрашивал какой-то полковник, очевидно занимающий довольно высокое положение, потому что, когда в комнату входили офицеры, они подчеркнуто вытягивались. Его молодое лицо освещали пронизательные глаза, уверенные манеры свидетельствовали о привычке к власти. Он разговаривал с Тоней без свидетелей, в той доверительной манере, в какой ведут допрос только очень умные следователи.

Прежде чем доставить Тоню сюда, ее напоили крепким кофе. Какой-то офицер с железным крестом на груди долго тряс ее руку.

— О фрейлейн, — говорил он, — вы спасли моего друга! О вашем подвиге мы сообщим в Берлин. — Потом нагнулся к ней и, подмигнув, игриво спросил: — Вы, конечно, в него влюблены? Скажу по секрету, он холостяк!

Полковник не позволял себе подобных вольностей. Он держал себя так, словно побуждения, которые толкнули ее на этот крайне рискованный поступок, были ему вполне понятны и не требовали объяснений. Но зато интересовался расположением штаба, фамилиями офицеров и генералов.

Тоня сказала, что она из медсанбата, который только недавно переведен на новый участок, и потому многих еще не знает. Однако назвала все же две-три истинные фамилии офицеров, которые разрешил ей назвать Савицкий. На-

звала и место, где находился под арестом Петреску. Это была полуразрушенная, покинутая жителями деревня, в которой месяца полтора назад проходили жестокие бои. Деревня находилась километрах в семи от штаба, и Петреску, вряд ли помнивший, какими ночными дорогами прошел весь путь, не смог, рассматривая карту, доказать, что она говорит неправду. Кто его допрашивал? Тоня не знает, ведь она медсестра. В этой деревне, уточнила она, разместился штаб дивизии.

Пока она говорила, полковник внимательно рассматривал лежавшую перед ним на столе карту, что-то на ней отмечал остро отточенным карандашом.

— А вы очень хорошо говорите по-немецки! — вдруг сказал он. — Почти как немка. Где вы учились?

— В Одессе. У нас ведь там есть целая немецкая колония, и моей домашней воспитательницей с самого детства была одна немка.

— Да, Петреску мне об этом говорил. Он вообще восхищен вами! — Глаза его смотрели вниз, на карту, он что-то прикидывал в уме. — Скажите, фрейлейн, вы могли бы прочертить путь, каким шли к линии фронта?

Тоня смутилась.

— Я никогда не пользовалась картой.

— И все же попробуйте.

Офицер перевернул карту и склонился над ней с другой стороны стола, вложив в руку Тони свой карандаш.

— Итак, сначала давайте найдем точку, от которой вы начали путь.

Карта была трофейная, над каждым русским названием каллиграфическим почерком от руки был сделан немецкий перевод.

Тоня сразу нашла нужное название, но долго водила карандашом вокруг да около, пока наконец не уперлась грифелем в маленькую черную точку.

— Зеер гут! — улыбнулся полковник. — Теперь шагаем к фронту.

Морщины вокруг его рта сложились в добрую улыбку. Он внимательно следил за тем, как она прочерчивает путь.

— Конечно, это только приблизительно, — говорила Тоня, чувствуя, что перед ней расставлена какая-то ловушка, и стараясь быть предельно осторожной. — Вот тут мы как будто перешли дорогу.

— А где пересекли реку?

Тоня растерялась. К своему ужасу, она увидела, что, если все было так, как она показала, они с Петреску обязательно должны были перейти вброд узкую речку. Но отступать было поздно.

— Мы перешли по мосткам, — сказала она, холодея и думая только о том, чтобы не дрогнул карандаш, к кончику которого был прикован взгляд ее мучителя.

— Вы в этом уверены? — поднял он на нее внимательный взгляд.

— Ну как же! — воскликнула она. — Спросите Петреску!

Несколько мгновений он внимательно изучал ее лицо.

— Когда вы вышли? Ну, когда пустились в путь? — спросил он, как бы показывая, что с предыдущим вопросом покончено, но в то же время зачем-то прикрыв карту ладонью.

Тоня помолчала.

— Около двенадцати ночи, — сказала она, прикинув в уме, какое расстояние до линии фронта они с Петреску прошли и сколько времени это могло занять, если считать, что они двигались по прочерченному ею маршруту. — Эта ночь была такой ужасной! Я не знала, дождусь ли ее конца...

— Хорошо, — сказал он, отнимая руку от карты. — Давайте займемся арифметикой. Вы появились около танка в шесть часов тридцать семь минут утра. — Точность до одной минуты должна была показать Тоне, что он полностью информирован. — Обычно в час проходят до четырех километров... Конечно, когда спасаются от погони, в первый час можно пройти и до пяти, но в дальнейшем человек устает и скорость его движения резко падает... Но надо принять в расчет, что Петреску был ранен и, как он мне рассказывал, в начале побега едва передвигал ноги... Предположим, он напрягал все силы и вы шли со скоростью два с половиной километра в час...

— Наверное, быстрее, — прошептала Тоня, начиная пожимать, на чем ее проверяют: если она неправильно назвала пункт, откуда они с Петреску вышли, то, значит, ей нельзя доверять и в остальном.

— Ну, предположим, три! Это при крайнем напряжении сил! Теперь измерим расстояние. — Он вынул линейку и тщательно, до миллиметра, вымерил все изломы довольно извилистого пути, который прочертила рука Тони. — Так, — проговорил он тоном учителя, проверяющего работу учени-

ка.— Будем считать, что вы шли ровно шесть часов. Шесть часов — это примерно восемнадцать километров... Ну, двадцать, не больше. Ведь Петреску был очень слаб. А вашему получается не меньше чем двадцать пять... Пять километров разницы! Это много, дорогая фрейлейн! Это целых полтора часа!

— Может, я неправильно начертила? — проговорила Тоня.— Ведь мы шли ночью, и я неточно помню путь.

Тогда быстрым движением он положил на карту линейку, напрямик соединив пункт, из которого они вышли, и место, где они перешли линию фронта.

— Взгляните, фрейлейн! — сказал он.— Если бы вы даже шли строго по компасу, через все кручи и овраги, то и в этом случае путь сократился бы всего на километр!..

Тоня молчала. Он снял очки и, неторопливо достав из кармана кусочек черной замши, начал старательно протирать стекла. Всем своим видом он показывал, что дает ей полную возможность подумать, собраться с мыслями и разъяснить наконец это досадное недоразумение. Он видел ее смущение, ощущал охватившую ее внутреннюю напряженность и, понимая, что неточности в объяснении могут быть результатом ее неопытности и волнения, все же присматривался к ней.

— Спросите Петреску,— сказала Тоня.— Мы шли очень быстро...

— Мы бежали! Мы бежали, господин Фолькенец! — раздался за ее спиной голос Петреску, который тихо вошел в комнату и стоял у двери.

Улыбка сбегала с лица Фолькенеца. Он строго взглянул мимо Тони в глубь комнаты и сухо осведомился:

— Как вы себя чувствуете, господин Петреску?

— Гораздо лучше! — Петреску подошел к столу, взял из раскрытой коробки сигарету и закурил.

Потом сел напротив Тони и дружески потрепал ее по плечу. Тоня сразу заметила, что повязку на его голове уже сменили. За эти сутки он явно пришел в себя, очевидно, успокоился, к тому же сильный организм брал свое.

— Что вы хотите от этой девушки, Фолькенец? Она достойна награды!

Фолькенец положил обе руки на карту и, тяжело опершись о стол, подался вперед.

— Я тоже восхищен мужеством фрейлейн,— проговорил он, не спуская глаз с лица Петреску.— Но меня инте-

ресуют некоторые детали. И, к сожалению, я не могу найти достаточно убедительное объяснение тому, как вы оба смогли пройти такой путь за столь короткое время.

— Я же сказал — мы почти бежали! — внимательно посмотрев на Тоню, сказал Петреску.— Я уже обо всем доложил генералу Зонтагу...

Фолькенец усмехнулся:

— Мне известно, о чем вы сообщили генералу. Не будем сейчас говорить об этом. Мой служебный долг — тщательная проверка. Мне кажется, что фрейлейн все же не совсем точна в своем рассказе. Вы не могли...

Петреску встал.

— Этот путь я прошел сам, господин полковник! — перебил он полковника.— Если вы ставите под сомнение фрейлейн, то тем самым...

Фолькенец вскинул руки:

— Это уже крайности! Я глубоко уважаю вас, майор, за ваше мужество...

Петреску сухо кивнул.

— Я еду в Одессу со специальным поручением генерала Зонтага. Он разрешил мне захватить с собой фрейлейн и доставить ее к сестре... Ну, собирайся! — прибавил он по-русски, обращаясь к Тоне.

— Пусть будет так,— сказал Фолькенец, тщательно оглядывая карту.— Надеюсь, фрейлейн, мы еще встретимся при более благоприятных обстоятельствах.— И он проводил обоих до двери со сдержанной улыбкой.

— До свидания, господин Фолькенец.— Петреску крепко пожал ему руку.— Я тоже верю, что мы увидимся.

У штаба Петреску ожидала машина. Он сам сел за руль и приказал Тоне сесть рядом.

Когда они отъехали, он повернул к ней разъяренное лицо.

— Ты дура! Ты знаешь, кто такой Фолькенец? Вежливо улыбаясь, он повесит да еще будет тянуть за ноги! Твоя болтовня могла погубить нас обоих. Зачем ты ему пгала?..

— Я говорила правду.

Он притормозил машину.

— Слушай! Вот, возьми,— он сунул ей в руку смятую пачку денег. Острый взгляд его темных глаз словно проник в глубину ее мыслей.— Услуга за услугу! Это то, что ты украла. Тебя больше не потревожат, если будешь вести себя умно.

Путь не близкий и трудный занял много времени. Вокруг кружились поля с отметинами войны, и, казалось, дороге не будет конца. Им даже пришлось заночевать в полуразрушенной деревне и снова отправиться в путь на рассвете. Наконец показались сожженные остовы домов окраины Одессы.

Петреску деловито осведомился:

— Кто твоя сестра?

— Учительница музыки.

— Сколько ей лет?

— Двадцать три.

— Красивая?

— По-моему, да.

— Где живет?

— Пушкинская, двадцать семь. Но не знаю, жива ли она.

— Знаю эту улицу. Рядом отель. Будем надеяться, что жива.

Тоня прижалась в угол машины и никак не могла сосредоточиться на чем-то одном, мысли путались. Она думала то о сестре, то о Петреску, то о Егорове. Кем стала Катя? Как они встретятся, если действительно встретятся? Найдут ли пути друг к другу?.. А Петреску? Ох, надо все-таки с ним поосторожнее...

Вывески!.. Вывески!.. «Торговля фруктами В. Боровикова», «Ресторан «Модерн». Совсем как в кино!

Дерибасовская... Немецкие офицеры в тщательно подогнанных шинелях и женщины, которые стараются забыть о войне. А между тем война рядом с ними — вот она в этой забрызганной грязью штабной машине, которую ведет красивый румынский офицер! Улыбаясь, он машет кому-то рукой, а маленькая девушка рядом с ним пылливо и тревожно всматривается в ветровое стекло, словно стараясь разглядеть свое неясное будущее.

У дома двадцать семь Петреску остановил машину.

— Выходи, — сказал он. — Завтра утром придешь к коменданту. У него уже будет распоряжение выдать тебе документы. От коменданта сразу же возвращайся домой и жди. Я приеду.

И, захлопнув дверцу, быстро умчался в сторону Приморского бульвара.

А Тоня, постояв в нерешительности, собралась с духом и вошла в ворота...

Ну вот, Кати нет! Соседка, вручившая Тоне ключ от квартиры, рассказала, что еще месяц назад несколько сотен девушек вызвали в магистрат и под конвоем отправили на «Констанцу» — большой сухогруз, доставивший в Одессу оружие. Дальнейшая судьба девушек так же темна, как трюм, в котором их заперли. Но, по слухам, их отправили в Германию на какой-то завод под Мюнхеном. Так ли это в действительности, кто знает.

Хорошо, что хоть квартира уцелела. Мир привычных вещей подействовал на Тонию успокаивающе. Старый, покрытый зеленым ковром диван, по которому в детстве она каталась, играя с черным жуликоватым котом Степаном. На стенах — пожелтевшие портреты отца и матери. Мать — с высокой прической, в кокетливой кофточке... Она словно печально улыбается Тоне из своего давнего небытия. Тоня плохо помнит маму, умершую пятнадцать лет назад. А вот отец фотографировался незадолго до войны, и лицо у него на фотографии усталое. И мама рядом с ним выглядит юной девушкой. Он воюет где-то на Волховском фронте, но писем нет давно...

Вот за этим старым, поскрипывающим столом с темными подпалинами от горячих чайников собиралась семья, отец — поближе к окну, Катя — поближе к кухне, она ведь была за хозяйку, а Тоня — между ними.

Как пригodiлось Тоне старое платье! Правда, оно чуть широковато, но, если стянуть в талии пояском, вполне сойдет.

Тоня переоделась, пристально и придирчиво оглядела себя в зеркале. Ну, пора идти. Только куда?..

Она долго сидела на краю дивана, мучительно размышляя, что же теперь делать. Отправляться по адресу, чтобы передать деньги и указания, или явиться к коменданту? И то и другое сопряжено с риском. Если за ней следят, то поспешностью действий она может навести гестапо на след подпольщиков и провалить явку. Ну, а если Петреску ее предал, то у коменданта ее просто-напросто арестуют, и поручение останется невыполненным.

Нет, сначала все же нужно идти к коменданту, хотя бы для того, чтобы продемонстрировать Петреску послушание. Да и те, кто за ней следят — если это так, — убедятся в последовательности ее действий. Только вот деньги...

Она вспомнила, что когда-то из дымохода печки вываливался кирпич.

Ну конечно, Кате было не до ремонта, и, черный от сажи, он все еще качается, как старый зуб.

Вынув кирпич, Тоня засунула в углубление всю пачку, оставив себе лишь две-три марки.

На улице она несколько раз оглянулась вокруг — нет, как будто никто за ней не идет. Ускорив шаг, Тоня быстро направилась к Соборной площади.

У подъезда комендатуры теснилось несколько машин. Тоня узнала ту, на которой ее привез Петреску.

Солдат, дежуривший у дверей, удивленно оглядел ее с ног до головы — не так-то часто в комендатуру приходили девушки, — спросил, что ей надо, и послал на второй этаж в комнату номер восемь.

Медленно поднималась она по широкой лестнице, по которой не раз девчонкой избегала на третий этаж. Тогда здесь помещалась музыкальная школа, и на воскресных утренниках Катя часто играла на рояле в большом актовом зале — она считалась очень способной девочкой. А сейчас на площадках толпились солдаты, покуривали чадные сигареты. С каждой следующей ступенькой у Тони усиливалось ощущение безысходности. Нет, из этого дома она уже, кажется, не выйдет на свободу. Может, уйти, пока не поздно? Петлять по улицам, сбивая со следа преследователей, добраться до явки и хотя бы сообщить, где спрятаны деньги...

Нет, бежать нельзя! Этим она сразу выдаст себя.

Постепенно ею овладело какое-то холодное, ожесточенное спокойствие.

Вот и плотно закрытая дверь, высокая, когда-то белая, а теперь обшарпанная, с грязно-желтыми пятнами. Что там, за нею? Смерть? Жизнь?

Внезапно дверь распахнулась, и, едва не сбив Тоню с ног, в коридор выбежали два офицера, на ходу засовывая в карманы какие-то бумаги. А из глубины комнаты на Тоню внимательно и выжидающе смотрел молодой офицер, сидевший за большим столом. Сняв очки, он неторопливо протер стекла и вежливо пригласил:

— Входите, фрейлейн!

Тоня переступила порог.

— Вы фрейлейн Тоня?

Значит, ее ждали!

Офицер заглянул в какую-то синюю папку и положил ее перед собой.

Вдоль стены стояли знакомые Тоне стулья. Неудобные, с жесткими сиденьями, обитыми черной клеенкой, они тоже напоминали о том, что еще недавно здесь была совсем другая жизнь.

Движением руки офицер указал на стул у самой двери и, сверкнув очками, спокойно сказал:

— Я имею приказ, фрейлейн, выдать вам справку, по которой в магистрате вы получите паспорт. Где вы живете?

— На Пушкинской, двадцать семь.

Офицер кивнул, словно подтверждая правильность ее ответа.

— У вас есть состояние?

Тоня сначала не поняла вопроса, потом наконец сообразила, что он имеет в виду, и поспешно ответила:

— Да, у меня есть немного денег.

— Совсем немного? — прищурился офицер.

«Начинается», — подумала Тоня. — Сейчас он потребует все деньги...

— Да, в общем, очень немного, — сказала она чужим голосом.

— Вы очень волнуетесь... Понимаю... — Офицер помолчал, как бы взвешивая все обстоятельства. — Фрейлейн Тоня, — продолжал он вполне доброжелательно, — однажды вы уже доказали свою преданность нашим идеалам. Правда, вы спасли жизнь румынского офицера, — он подчеркнул слово «румынского», — но ведь румыны — наши союзники. Мы надеемся, что вы продолжите сотрудничество с нами. Такие храбрые девушки нам нужны...

Он замолчал, поигрывая карандашом. А Тоня смотрела в открытое настежь окно и не знала, верить ей или не верить в свою первую и такую легкую удачу.

— Господин офицер, — проговорила она, — я стремилась вернуться домой. Я спасала господина Петреску не без корыстной цели.

— О, как вы откровенны! — с улыбкой воскликнул офицер. — Но, если вы так стремились домой, значит, не сомневались в нашей победе? Не так ли?

— Да, — покорно подтвердила Тоня. — Но дело не только в этом. Видите ли, мой отец пропал без вести. В штабе считают, что он перебежал на вашу сторону.

— И вы боялись преследования?

— В общем, конечно...

— Так что же вам мешает, обрета новую жизнь, помогать тем, кто принял вашего отца и вас? Поверьте, Фрейлейн, ваш отец поступил очень мудро. Конечно, война переменчива. Иногда приходится и отступать... Но победа рейха несомненна.— Он встал и, обойдя вокруг стола, остановился перед Тоней.— Я не настаиваю на немедленном вашем решении. Отдохните несколько дней, а потом мы обсудим, чем вы можете быть нам полезны. К сожалению, в Одессе еще много притаившихся врагов... Я убежден, что вы поможете нам... До свидания, Фрейлейн! Явитесь в магистрат, и все формальности будут соблюдены.

Случилось нечто более страшное, чем она могла ожидать. Ей предложили не что иное, как стать агентом гестапо! Даже Савицкий, обсуждая с ней все возможные ситуации, не предусмотрел такого поворота.

В оцепенении Тоня шла по улицам. Она не чувствовала голода, хотя со вчерашнего вечера не ела, не чувствовала, кажется, вообще ничего. Отказаться? Нет, отказываться нельзя. В гестапо она может узнать много ценного. Но...

В магистрате бородатый чиновник в крахмальной манишке, едва взглянув на бумагу, тут же достал из несгораемого ящика чистый паспорт и, спросив фамилию, имя, отчество, вероисповедание, год рождения, долго писал каллиграфическим почерком, старательно выводя каждую букву.

Итак, впереди у нее не меньше недели, в течение которой гестапо не будет ее трогать. Эти дни нельзя терять. На явке многое может решиться. Ведь Савицкий сказал, что после выполнения задания она вправе принимать самостоятельные решения сообразно со сложившейся обстановкой.

Тоня спешила домой: вероятно, придет Петреску. Она скажет Леону, что ее вызвали в гестапо и не исключено, что ее заставят выполнять задания.

— Барышня, купите жареную ставриду! Еще утром плавала в море!

Она оглянулась. Из-под нахлобученной на лоб фуражки сквозь очки на нее смотрели хитроватые глаза Андриюши Карпова. Она училась с ним в одном классе.

На Андриюшке — короткое черное пальто, через плечо перекинут широкий ремень, на котором держится тяжелый деревянный лоток.

Запах жареной ставриды вызвал у Тони головокружение.

— Андриюшка! — В первый момент она испугалась, но тут же справилась с собой и дальше вела себя уже совершенно естественно.— Ох, Андриюшка, как мне хочется есть! Дай рыбки!.. Ну и длинный ты стал! Как живешь?

— Как видишь,— хмуро ответил он и опустил глаза.— Выбирай любую.

Тоня выбрала ставриду пожирнее и стала с аппетитом есть. А к Андриюшке подошла какая-то старуха, долго торговалась, наконец купила три ставриды и, ворча, удалилась.

— Пойдем отсюда,— быстро сказал Андрей.— Тут и поговорить не дадут. Только ты со мной не иди. Я спущусь по Дерибасовской и буду ждать тебя у моста, справа.

Странная предосторожность для продавца жареной ставриды!

Через несколько минут Тоня нашла Андрея на условленном месте и едва протянула руку за второй ставридой, как услышала:

— А рыба теперь в цене!

Пальцы ее дрогнули. Это же был отзыв на ту парольную фразу, которую ей следовало произнести на явке! Неужели просто случайное совпадение?

Он даже вспотел от волнения, маленький мальчишка! Вот уж меньше всего она ожидала, что жизнь сведет с ним!

— Можно купить скумбрию? — решила проверить она.

— Рыба теперь в цене! — внушительно и тихо повторил Андрей, от волнения изо всех сил сжимая пальцами край лотка.— По радио нам сообщили о твоём выходе,— продолжал он.— Тебе повезло! Потом батарее совсем сели — без связи сидим. Я единственный, кто знает тебя в лицо. На явку не ходи, она провалена. А на запасной в соседней квартире поселился немецкий офицер, туда тоже ходить опасно... Командир группы, Федор Михайлович, будет ждать тебя у памятника Дюку послезавтра ровно в девять утра.

— Но как же я его узнаю?

— Когда мы поравняемся, я попрошу у него спички и закурю. Потом он повернет к Табаневу мосту. Ты пойдешь следом, но приблизишься только тогда, когда он сам остановится и закурит. Усвоила?

— Усвоила!
— А теперь топай отсюда да не забудь мне заплатить.
— Сколько?
— С тебя по знакомству — марку.
— Дорого дерешь! — Она сунула ему марку. — Если надо будет срочно меня видеть, приходи. Надеюсь, ты еще помнишь мой адрес?

Они условились о сигнальном стуке в дверь, и Тоня пошла к Пушкинской. Но на углу он снова догнал ее и сквозь зубы процедил:

— Все, что привезла, захвати с собой.

Тоня заметила, что с противоположного угла за ними наблюдает полицейский. Мгновенно сообразив, она бросила на лоток еще одну марку и, коротко обругав его дураком, быстро пошла к своему дому.

До позднего вечера она прождала Петреску, но он так и не пришел. В тягостном ожидании она провела и весь следующий день. Петреску не было. Видимо, он решил, что их взаимные расчеты закончены и теперь он свободен от забот о ее судьбе.

Одна ночь отделяла ее от встречи у памятника Дюку. Одна долгая ночь...

Глава десятая

Она услышала тихие шаги на лестнице и, замерев, взглянула на часы. Половина второго! За окном — глухая ветреная ночь. Патруль? Облава?

Она подкралась к двери и тревожно прислушалась.

Шаги притихли. Человек, очевидно, достиг первой лестничной площадки и почему-то остановился. Ей стало спокойнее. Вероятно, кто-то из соседней квартиры, имеющий ночной пропуск.

Но шаги приближались. Человек поднимался медленно; казалось, он с трудом преодолевает каждую ступеньку. Уж не ранен ли? Вот уже слышно прерывистое дыхание. Стоит. Ждет... Может, колеблется?

Тихий удар... Пауза... Два удара... Пауза... Еще один удар...

Андрей! Только он знает этот условный стук. Но зачем он пришел? Что случилось?

— Кто там? — тихо спросила она на всякий случай.

— Я! — отозвался знакомый, с простудной хрипотцой голос.

Она долго вертела ручкой проржавленного французского замка. Наконец дверь скрипнула и распахнулась. В темном проеме застыла долговязая фигура Андрея.

— Быстрее входи!

Андрей прошел, неловко задев ее плечом, и почти рухнул на ближайший стул. Тоня подергала дверь и, убедившись, что она заперта, вернулась в комнату.

Свеча почти погасла, и ее неверный свет, колеблясь, расползался по комнате.

По тому, как тяжело откинулся Андрей на спинку стула, по его прерывистому дыханию Тоня поняла — парню плохо.

— Что с тобой? — спросила она, присаживаясь рядом.

— Сердце... Дай воды, — проговорил Андрей, и его очки, блеснув, погрузились в сумрак.

Тоня сходила на кухню, погромела посудой, в темноте нащупала жестяную кружку, налила из-под крана воду и вернулась в комнату.

Андрей пил долго, словно изнывал от жары и жажды.

— Давно это у тебя? — спросила Тоня, когда наконец он поставил кружку на стол и как-то по-детски глубоко вздохнул.

— Первый раз в катакомбах два месяца назад схватило. — Он кашлянул и помолчал. — Ну, теперь легче... От патруля пришлось удирать, — добавил он со смешком.

— Что случилось? — строго спросила она. — Зачем рисковал?

За окнами тихо, и тишина эта смягчала тревогу. Хотя они были однолетки, но рядом с ним Тоня чувствовала себя совсем взрослой. «Так и проваливаются, — сердито думала она, — из-за таких вот мальчишек».

— Сядь еще ближе, — сказал Андрей, хотя никто не мог их подслушать. — Сегодня по Дерибасовской гулял Камышинский, — заговорил он тихо, с каким-то злым презрением, которого Тоня не могла объяснить.

— Ну и что? Кто он, этот Камышинский?

— Был в нашей группе.

— А до войны где работал?

— Как будто в кино. Администратором. Сам вызвался остаться. А месяц назад вдруг исчез. Только через две недели мы узнали, что он арестован. И вдруг сегодня днем иду по Дерибасовской, смотрю — гуляет!..

— Ну и что? — сказала Тоня. — Даже если так, ты мог бы дотерпеть до утра, а не бежать ко мне среди ночи. Эх, ты! — с укором воскликнула она. — Конспиратор липовый!

— В том-то и дело, что не мог! — Андрей досадливо мотнул головой. — Я ведь шел за ним сзади и наблюдал. А он меня не видел. За ним шли двое в штатском и делали вид, будто вовсе им не интересуются. У табачного магазина Камышинский поздоровался с Яковлевым.

Тоня нервно встала, пересела на диван. Воцарилось молчание. Было слышно, как потрескивает фетиль в лужице стеарина.

— М-да... — сказала она задумчиво. — Не слишком ты меня порадовал.

— И теперь я думаю, что ты не должна завтра встречаться с Федором Михайловичем, — убежденно сказал Андрей.

— Но почему? Камышинский гулял по Дерибасовской, а Федор Михайлович придет к Дюку, — неуверенно возразила Тоня. — Не нужно, Андрюша, паниковать.

Андрей долго каплял, а когда приступ прошел, заговорил вновь:

— Да в том-то и дело, что в конце Дерибасовской их ждала машина. Когда они в нее залезали, я подошел вплотную и услышал: один, из охраны, говорит Камышинскому: «Хорошо поработал, завтра в награду подыпишь свежим воздухом на Приморском бульваре». А второй, который сиделся последним, только усмехнулся. В общем, я так понял, что Камышинского снова в тюрьму повезли...

— Но это точно был Камышинский? — спросила Тоня.

— Да я его, как тебя, видел! — обиделся Андрей.

— Ладно, — примирительно сказала Тоня. — А ты уверен, что он Федора Михайловича узнает?

— Конечно, узнает! Федор Михайлович много раз задания ему давал, idiotу такому.

Помолчали. Каждый по-своему думал о том, что произошло и как теперь поступить.

Тоня думала о том, что завтра, ровно в девять утра, когда она встретится с Федором Михайловичем у памятника Дюку, достаточно будет одного едва уловимого жеста предателя — и Федор Михайлович погиб, а заодно с ним и она. Конечно, удобнее всего было бы поговорить вот в этой квартире, но строгие правила конспирации это исключают.

— Надо предупредить Федора Михайловича, — наконец сказала она.

— Да как же я его предупрежу? Где я его сейчас найду, спрашивается.

Они долго обсуждали, как перехватить Федора Михайловича на пути к Приморскому бульвару. Прикидывали, с какой стороны он может пойти. По Потемкинской лестнице? От Воронцовского дворца? Или перейдет Сабаенев мост? Как ни считай, нужно не менее пяти человек, чтобы расставить посты и поддерживать между ними связь. А где их взять? До встречи остались считанные часы, собрать группу уже невозможно. Кроме того, это связано с новым риском — ведь Камышинский многих знает!

— Как же вы раньше не раскусили этого своего Камышинского? — вздохнула Тоня.

— А он хорошо работал, — сказал Андрей. — Три машины подорвал... В гестапо побоев не выдержал!..

И снова они перебирали варианты, которые могут возникнуть и осложнить или вовсе сорвать встречу.

Конечно, Камышинского могут вывезти из тюрьмы после десяти утра, но твердо знать этого никто не может. Затем в момент встречи Федора Михайловича с Тоней Камышинский может находиться на другом конце бульвара. Это вполне вероятно, но и на это рассчитывать нельзя.

Так на что же тогда надеяться? На что?..

Они договорились, что, если Камышинский будет на бульваре, Андрей почешет подбородок. Его-то, Андрея, он не знает, а Андрею его показывали, и не раз.

По краям одеяла, занавешивавшего окно, проступили бледные полосы. Андрей подошел к окну и, откинув одеяло, растворил его настежь.

В комнату ворвался холодный рассветный воздух. В сумерках еще чернели голые ветви платанов. Откуда-то с моря донесся сильный гудок парохода.

— Поспим немножко, — сказала Тоня. — Ты уйдешь в восемь часов, а я в половине девятого... Но что же все-таки мы будем делать? — в который уж раз спросила она, пристраиваясь на диване.

Андрей сдвинул стулья, подложил под голову жесткий диванный валик, прилег и тихо, блаженно вздохнул.

— Ну, что? — повторила Тоня.

— Спи, спи!.. — сонно ответил он. — Это уж мое дело обеспечить... — Он повернулся на бок и тут же заснул.

А Тоня еще долго смотрела в открытое окно, за которым зарождался день, и думала, куда же это ее бросает жизнь. И сон к ней так и не пришел.

Она вышла из квартиры ровно через тридцать минут после Андрея, держа в руках потрепанную Катину хозяйственную сумку. Деньги она положила на самое дно, под старый бумажный пакет, а сверху придавила бидоном. Теперь у нее был вид хозяйки, отправляющейся за покупками.

С каждым шагом, который приближал ее к Приморскому бульвару, нервы натягивались. Тоня пристально вглядывалась в тех одиноких мужчин, за которыми в небольшом отдалении шли двое-трое. Этот? Этот? Этот?

С Дерибасовской на Пушкинскую выехало несколько машин с солдатами. На большой скорости они направились в сторону вокзала. Солдаты пели.

Андрея она увидела сразу. Он стоял со своим лотком у постаментов пушки и заворачивал какому-то пожилому человеку рыбу. Едва покупатель отошел, Андрей почесал подбородок. Камышинский — на бульваре!

Часы на городской Примарии показывали без пяти девять. Осталось ровно столько времени, сколько требуется, чтобы неторопливым шагом дойти до памятника Дюку.

Она видела перед собой худую, узкую спину Андрея, его коротенькое, потертое пальто. Со своим тяжелым лотком он казался ряженым. Она никак не могла привыкнуть, что можно вот так, среди бела дня, ходить по Приморскому бульвару и торговать рыбой.

Навстречу прошли два солдата. Они о чем-то оживленно разговаривали и смеялись. На скамейках сидели женщины с детьми.

Никтокуда, казалось, ничто не грозило. Но вдруг Тоня увидела, как Андрей круто повернулся, почти побежал назад, а потом резко свернул к каменному парапету.

Что случилось? Тоня на мгновение приостановилась, но тут же, собрав волю, двинулась дальше. Ее настороженный взгляд вырвал из идущих навстречу мужчин невысокого, сутуловатого человека в сером мятом пальто; походка его была неторопливой, даже ленивой, а глаза глядели остро и беспокойно. «Он! Камышинский!» — решила Тоня, и ей стал понятен маневр Андрея. Позади Камышинского вразброс шли какие-то мужчины, но ни один из них не казался ей подозрительным — это могли быть просто прохожие.

Когда Камышинский миновал ее, Тоня уже приближалась к памятнику Дюку. Невдалеке от гранитного постаментов стояли несколько мужчин, и трое, как назло, курили. Так который же из них Федор Михайлович?

Часы показывали без трех минут. Как долго тянется время и сколько событий иной раз может вместить в себя одна минута!

Краем глаза она заметила Андрея. Он устремился мимо каменного парапета к памятнику.

Тоня невольно оглянулась. Шагах в десяти от нее, возвращаясь назад, шел Камышинский.

Узел затягивался стремительно, и, казалось, нет выхода. «Что делать? Что делать?..» — лихорадочно думала Тоня. Сознание того, что она ничего не может изменить и ничему помешать, ввергало ее в отчаяние.

Чего же медлит Андрей? Он мог бы еще успеть подбежать к Федору Михайловичу и предупредить его! Почему он так неторопливо идет?.. Почему? Опять пропустит Камышинского!

Тоню трясло в ознобе.

И в это мгновение она увидела четвертого мужчину, высокого, черноволосого, в синем плаще. Он вышел из-за постаментов памятника и остановился, неторопливо оглядевшись вокруг. Все в этом человеке было крупно — и голова с жестким подбородком, и руки, которыми он медленно вытащил из кармана коробку, раскрыл, достал папиросу и стал медленно ее разминать... «Федор Михайлович!» — решила Тоня. Она узнала его сразу, потому что именно таким себе и представляла.

Но почему Андрей не подходит? Куда он идет? Почему мимо?..

С другой стороны бульвара, с боковой аллеи, вдруг появился невысокий старик в вытертом ватнике. У старика был вид ночного сторожа, который провел бессонную ночь, сидя у дверей магазина, а теперь возвращается домой.

Он был уже в нескольких шагах от памятника, когда Андрей подошел к нему и попросил спички, а прикурив, повернулся и двинулся к Тоне.

Во взгляде его появилось такое острое, такое злобное выражение, что Тоню охватило предчувствие трагической неотвратимости. Вот сейчас произойдет то, чего уже никто не может предотвратить.

Выстрел!..

Тоня не заметила, как в руке Андрея появился револьвер, но услышала за своей спиной отчаянный крик и оглянулась. Схватившись руками за плечо, Камышинский медленно падал на мостовую.

И тут же раздался второй выстрел. Это человек в синем плаще выстрелил в Андрея сзади, в спину. Андрей охнул, выронил пистолет, повернулся и рухнул, ударившись головой о гранит. Лоток развалился, и ставрида рассыпалась по грязным камням.

Все произошло так быстро, так стремительно, что Тоня растерялась.

А с разных сторон бульвара уже бежали люди, и полицейский стал разгонять толпу. Откуда-то появилась крытая машина. Несколько человек в штатском под руки повели к ней Камышинского.

Тоня вспомнила о старике, похожем на ночного сторожа, поискала взглядом. Он медленно и устало шел в направлении Сабанеева моста. Тоня поспешила за ним, бросив последний взгляд на Андрея; он лежал, неловко подвернув руку под голову, из-под которой по каменным плитам расплзлось темное пятно крови...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БОРЬБА В ПЛАВНЯХ

Глава первая

— Милая домнишуара¹ Тонечка! Здравствуй!

Рядом стоял Леон Петреску. В тщательно одетом лощеном офицере трудно было узнать того растерянного, потерявшего последние надежды на жизнь человека, который еще совсем недавно из-под воротника надвинутой на лицо шинели остекленевшим взглядом следил за каждым ее движением.

Весь его облик — от сапог с твердыми, сияющими голенищами и до черных усиков, подбритых с величайшим парикмахерским искусством — говорил о высоком положении штабного офицера, уверенного в своей карьере. Он вписывался в пеструю, шумливую толпу чиновников, коммерсантов и офицеров, заполнявших вечернюю Дерibasовскую, и, казалось, наслаждался вновь обретенной свободой.

Нет, все же лучше с ним не встречаться. Угол переулка

¹ Домнишуара (рум.) — девушка.

совсем рядом. Словно угадав, Леон схватил ее за руку и удерживал мягко, но настойчиво.

— Подожди! — В его темных, насмешливо прищуренных глазах появилось выражение дружеской настойчивости. — Не торопись... Давай поговорим.

Она не видела Леона более двух недель, за это время так много пережила, что ночь, которая прикрывала их, когда они брели по размытым дорогам, казалась сейчас нереальной, словно увиденной в давнем, полузабытом сне.

— Как ты живешь? Почему тебя никогда не бывает дома?

— Я живу у подруги, — проговорила Тоня, чувствуя, как сохнут губы.

Прохожие недоуменно оглядывались на эту странную пару. Что может быть общего между роскошным румынским офицером и девушкой, одетой в потрепанную меховую кацавейку, напоминающую вылинявшую от старости кошку?

— Ты от меня сбежала! Я все понимаю! — Он усмехнулся и испытующе оглядел ее с ног до головы. (Тоня невольно опустила глаза.) — Я вижу, что деньги тебе пришлось кому-то отдать?

— Нет, они у меня!

— Ах, Тонечка! Неужели ты не убедилась, что имеешь дело с наблюдательным человеком?

— Деньги у меня есть, — упрямо повторила Тоня. Она выдернула из его ладони руку и глянула на свою сумку. Нет-нет, все в порядке: из сумки торчит горлышко молочной бутылки.

Чья-то ладонь с короткими пальцами опустилась ему на плечо.

— Леон! Соблазняйте домнишуару?

Неожиданное сочетание немецких и румынских слов рассмешило Тонию, но тут же внутри у нее что-то дрогнуло. Это был Фолькенец! Дружески улыбнувшись, он обратился к Тоне:

— Ах, это вы, фрейлейн! — Он явно сделал вид, что не сразу ее узнал. — Я вижу, вы занялись домашним хозяйством.

— Вы не ошиблись, Эрнст! — смеясь, проговорил Леон. — Тоня отличная хозяйка.

— Да? И вы, майор, успели в этом убедиться? Как вы поживаете, фрейлейн Тоня? Вас никто не обижает?

— Спасибо, хорошо!

— Если что понадобится, приходите. Мы всегда будем вам рады!

Тоня поняла искусно замаскированный намек. Прошло уже много дней, как она пообещала гестаповцу при комендатуре дать ответ, но не только не явилась, а старалась даже не почевать дома.

— Вы мне нужны, Леон. — Фолькенец бесцеремонно стал тянуть его за собой. — До скорой встречи, фрейлейн Тоня.

Офицеры зашли за угол и скрылись в дверях «Черной кошки». Тоня свернула в переулочек и устремилась к Соборной площади. Боже мой, чего стоили ей эти минуты! Тысячу раз она давала себе зарок обходить Дерibasовскую стороной, особенно вечером. Что же теперь делать? Но ведь Леон ей верит, и не следует вызывать у него подозрения.

Как тяжела сумка! Если бы только Фолькенец знал, что спрятано под бутылкой с молоком, то наверняка сидел бы сейчас не в «Черной кошке», а присутствовал при ее допросе в гестапо.

Она быстро прошла по дорожке и присела на лавочке рядом со старухой в рыжеватом пальто. Узкие черные глазки на широком обветренном лице женщины остро и настороженно поблескивали. Заметив Тонию, она отвернулась и, чиркнув спичкой, закурила. Казалось, она была крайне недовольна тем, что какая-то незнакомка нарушила ее одиночество.

Тоня пристроила сумку на скамейке между собою и не приветливой старухой и стала смотреть на бесечно бегающих детей.

— Грамотная? — вдруг сердито проговорила старуха. Голос у нее был неприятный, с наждачным скрипом.

Тоня вздрогнула, быстро вытащила из сумки томик Льва Толстого и раскрыла его.

— Что читаешь?

— «Воскресение»!

Старуха стрельнула взглядом на переплет, удостоверившись, что это действительно Толстой, и, цепко сжав Тонину сумку толстыми пальцами, вперевалку пошла к выходу из сквера.

А Тоня долго еще сидела на скамейке, листая знакомый роман и от пережитого волнения не понимая в нем ни строчки.

Глава вторая

— Слушай, Тоня, я тебе в десятый раз говорю — не бегай ты по городу! Какая холера тебя на Дерibasовскую занесла? А если облава?..

— А кто видел?

— Кто? Ну я, например!.. Сначала чуть не обмер, когда заметил рядом двух офицеров. А потом, смотрю, кокетничаешь...

— Да это ж Петреску!

— Петреску?

Федор Михайлович сосет крепкую, с надсадным ядовитым запахом папиросу, сжимая прокуренный мундштук пальцами в черных мазутных пятнах. Где он побывал, об этом можно только догадываться. Но как хватает у старика сил с утра до ночи бродить по городу, шаркая истоптанными ботинками? В глазах у него красноватые прожилки от усталости, седая борода аккуратно подстрижена, а на сутулых плечах — черный пиджак, заштопанный в нескольких местах. Все продумано, каждая мелочь. Ну кто обратит внимание на старика, который старается сохранить достойный вид, а сам, наверное, подбирается по знакомым!

Они сидят в небольшой комнате одноэтажного домика, затерянного среди трущобных переулков на Пересыпи. Когда-то всеми уже забытый купец построил кирпичный лабаз: добротные, клепаные из полосового железа двери сохранились и по сей день; рядом с ними в стене прорублены окна, прикрытые изнутри застиранными ситцевыми занавесками. Из узкой прихожей сразу попадаешь в комнату, заставленную старомодной, крепко сбитой мебелью, пережившей много поколений. Громоздкие шкафы, столы с изогнутыми ножками, подточенными кошачьими когтями, словно вросли в когда-то крашеный, а теперь серый, щербатый пол. Икона божьей матери в углу тускло отсвечивает закопченной свечами бронзой. Все здесь свидетельствует о том, что в домике доживает списанный жизнью одинокий старик и полициям здесь нечего делать.

Тоня была уверена, что Федору Михайловичу не меньше шестидесяти. Да он и держался, как человек в летах, сутулился, сгибал ноги в коленях при ходьбе. А на самом деле ему не было и сорока пяти. Совсем недавно, перед войной, он ремонтировал корабли на судоремонтном заводе и его здоровью могли позавидовать мастера спорта.

Всю жизнь Кравчук-старший проработал на судоремонтном токарем, тянул семью и мечтал, что его сын станет инженером. И Федор стал инженером. В двадцатых годах окончил рабфак, а затем поехал в Ленинград учиться в кораблестроительном институте. А потом вернулся в Одессу и стал работать на той же верфи, где от несчастного случая погиб отец.

Когда ему предложили остаться в подполье, он сразу согласился, но надо было решительно изменить внешность, так как в городе его многие знали. Теперь этот новый облик настолько стал его сущностью, что, даже оставаясь наедине с самим собою, он не распрямлял сутулящейся спины.

Но самым трудным для него оказалась торговля. Открывая на одной из улиц, примыкающих к Привозу, маленькую фруктовую и овощную лавчонку, он даже не предполагал, какое это будет тяжкое бремя! В подсобке непрерывно что-то гнило — то груши, которые он не успевал перебирать, то яблоки, которые поставляли ему со всей округи. А какая мука часами томиться за прилавком в ожидании покупателей! Нет, хотя это и надежное прикрытие, но не по его характеру. К тому же торговля фруктами приносила одни убытки, и «фирма» катилась к неминуемому краху.

При редких встречах с Андрюшкой Карповым Федор Михайлович давал мальчишке деньги, чтобы тот с лотка торговал жареной ставридой.

Это помогало парню без особого риска толкаться около порта и у вокзала.

Ох, Андрюшка! Кто может тебя заменить? Когда он упал, ударившись головой о гранитные ступени памятника, Федора Михайловича покинуло самообладание. Еще мгновение, и он стал бы стрелять. Почему же он не вырвал из кармана руку с пистолетом?.. Что ему помешало? Ощущение непоправимости? Он пережил так много потерь, избегал так много ловушек, что приучил себя к быстроте решений в моменты внезапно возникшей опасности.

Федор Михайлович на мгновение прикрыл лицо ладонями, и Тоня, взглянув на его руки, удивилась: нет, это не руки старика!

За окном протарахтела телега. Молодой румынский солдат, обросший черной щетиной, лениво понукал лошадь. Тоня проводила его взглядом и обернулась к Федору Ми-

хайловичу. «Сейчас же надо обо всем сказать». Но Федор Михайлович нетерпеливо поднял руку.

— А кто был другой? Говори быстрее... Уже смеркается, а тебе далеко добираться.

— Фолькенец.

— Фолькенец! Из штаба?! Д-да!.. Я вижу, у тебя серьезные связи.

— Это тот самый Фолькенец, который меня допрашивал.

— И сразу записал тебя в друзья?

— Федор Михайлович... Не так это все... Я должна вам рассказать.

— Говори.

— Федор Михайлович, — помедлив, сказала Тоня, — вы только поймите правильно... Меня вызывали в комендатуру... Они предложили мне... Короче, предложили на них работать...

— Так! — Он пристально глядел ей в лицо. — И что ты ответила?

— Сказала — подумаю...

— Значит, сразу не дала согласия?

— Нет.

— Правду говоришь?

— Федор Михайлович...

— Ну хорошо! — сказал он. — Как же ты думаешь поступить?

— Не знаю. Не поможете ли запросить Савицкого?

— С батареями дела неважные. Новых еще не достал. Связи пока не имею. Придется решать без Савицкого.

— Трудно, Федор Михайлович!

— А нужно. Раз они за тебя взялись, в покое не оставят.

— Что же теперь? Соглашаться?

— Да!.. Но только учти, что тебе придется ходить по тонкой проволоке. Оступишься — по обе стороны смерть. — Он замолчал, побарабанил пальцами о край стола. Взгляд его из-под набрякших, в складках век казался Тоне тяжелым. — Мы, конечно, будем тебе помогать, Тоня. А теперь послушай меня. Они угоняют тысячу двести девушек и парней. Послезавтра к девяти утра состав из тридцати товарных вагонов будет подан к грузовой станции порта. Надо что-то делать...

Надо что-то делать... Но что? Она уже видела однажды с высокого обрыва парка Шевченко, как это происходит.

Десятки немецких солдат, многие из которых держат на ремнях рвущихся собак, оцепляют огромную территорию, закрывая к ней доступ родным. Тех, кого угоняют в Германию, привозят в грузовиках, крытых брезентом, и тут же заталкивают в вагоны. Затем вагоны наглухо запираются, и автоматчики не разрешают узникам даже глядеть в крохотные оконца, обшитые железными решетками.

— Ты поняла меня? — спросил Федор Михайлович.

— Да, — проговорила Тоня и, подняв глаза, встретила с его упрямым, требовательным взглядом.

— Мы должны их спасти! Я связался со штабом армии и получил разрешение на операцию. Когда эшелон достигнет Днестровских плавней, он будет остановлен. Мы подорвем рельсы...

— Но ведь эшелон будет сопровождать сильная охрана.

— Это естественно! А наша группа будет небольшой. Мы не сможем выиграть бой. Но есть другой план, его-то и надо осуществить. Среди угоняемых два хлопца из нашей группы — Коля Грачев и Васька Якименко. Сначала я хотел их в катакомбы упрятать, а потом решил, что они как раз подойдут для дела. Но ребятам надо помочь.

Он поднялся, вышел на кухню и долго чем-то громыхал, очевидно, в кладовке, а Тоня сидела у стола и напряженно прислушивалась. Она еще не понимала, какое поручение ей дадут. Если он возьмет ее с собою в плавни, она, конечно, согласится. В разведшколе ее учили закладывать под рельсы мины, и она сможет справиться с этим не хуже, чем любой минер из группы.

Она разглядывала старые громоздкие вещи — буфет с деревянными гроздьями винограда на потрескавшихся дверцах, большую кровать с когда-то никелированными шпиками и стертый, траченный молью коврик на стене. На нем была выткана сцена средневековой охоты. Рыцари в латах, на конях, окруженные свитой и псарями, мчатся через поле за лосем с величественными ветвистыми рогами.

Тихая мещанская квартирка на Пересыпи! Кто может подумать о том, что здесь решаются большие дела и старик, медленно передвигающийся на склеротических ногах, на самом деле полон сил и энергии!

Наконец она услышала приближающиеся шаркающие шаги и оглянулась.

Федор Михайлович подошел к столу и положил на него два небольших, глухо стукнувших топора.

— Вот,— сказал он,— топорик! Заржавели, правда, немного, но вполне еще подходящие.

Тоня взяла в руки один из них. Действительно, топорик солидный, увесистое — спрятать такое нелегко.

— Сучья рубить? — спросила она, стараясь разгадать замысел Федора Михайловича.

— Зачем рубить сучья?.. — Федор Михайлович пронесчески кашлянул. — Сучья нам рубить ни к чему. А вот доски в полу вагонов...

Конечно, до этого Тоня никогда бы сама не додумалась. Топоры следовало как угодно доставить в вагоны, где среди других угоняемых на чужбину будут Николай Грачев и Василий Якименко. Нет никакой надежды на то, что они сами смогут пронести топоры на территорию порта, — все вещи тщательно просматриваются охраной. Но топоры должны тем не менее оказаться в вагонах. После того как на рассвете эшелон застрянет среди плавней и внимание охраны будет отвлечено перестрелкой, которую затеет группа Федора Михайловича, молодые подпольщики прорубят в полу вагонов люки и через них выйдут. Затем они откинут засовы на соседних вагонах, и, если все пойдет, как задумано, ребята сумеют скрыться в плавнях.

А через несколько часов с парашютами будет сброшено снаряжение, продовольствие, медикаменты, к спасшейся молодежи спустится группа командиров, которая выведет ребят из плавней. В дальнейшем из них будет создан отряд. Теперь, когда гитлеровскую армию преследуют неудачи и в Одесском порту все больше кораблей, груженых ранеными, берут по ночам курс на Констанцу, такой отряд внесет сумятицу в немецкие тылы. Этот план был тщательно продуман и согласован со штабом армии.

— Итак, первая проблема — доставить топоры в вагоны, — повторил Федор Михайлович, пытаясь засунуть один из них под пиджак, однако топорик предательски высовывалось. — Вот дьяволище! Знаешь что? — помолчав, сказал он. — Иди к Бирюкову... Он сцепщик вагонов в порту. Правда, вряд ли его допустят к этому эшелону, но, может быть, он что-нибудь и посоветует. Живет на Военном спуске... Пароль: «Дома ли Мария Михайловна»... И обязательно загляни к Зинаиде Тюллер.

На улице Тоня почувствовала некоторое облегчение. Трудный разговор наконец-то состоялся. Ах, как не хочется заходить к Зине! И зачем Федор Михайлович настаивает? Нет, это добром не кончится!..

В сейфе разведотдела армии хранится письменное обязательство Зинаиды Тюллер помогать разведчикам, которые будут являться к ней по условленному паролю. Однако не прошло и года, как в душе девушки возникли сомнения. Нужно ли их ждать, этих разведчиков? Фронт откатился уже далеко на восток, новая власть утвердилась как будто прочно. К тому же время от времени в «Молве»¹ печатались сообщения о том, что по приговору военного трибунала расстреляны разоблаченные подпольщики. Неужели так и пройдет ее жизнь в тягостном ожидании каких-то неизвестных людей, появление которых и ее приведет к гибели?

Когда в теперь уже далекий осенний день, подавленная сумятицей отступления, она дала свое опрометчивое согласие, все вокруг говорили о том, что не минет и нескольких месяцев, как Одесса будет освобождена. Но месяцы растянулись в годы. Зина работала в порту учетчицей на складе. Каждый день команды русских военнопленных покорно перетаскивали грузы в трюмы кораблей. Она жалела солдат, но все же незаметно для себя приучилась говорить: «Они русские», словно между нею и ими пролегла пропасть.

Что ждет ее завтра? Кто постучит в дверь и спросит: «Здесь ли живет Анатолий Иванович Королев?» А едва только она ответит: «Анатолий Иванович переехал на шестнадцатую станцию», как каждый час может стать для нее последним.

В то давнее утро в штабе армии, защищавшей Одессу, подполковник, назвавший себя Корневым, обстоятельно растолковывал Зине, что предстоит делать, когда в город придет немцы. Она слушала, не чувствуя страха. Стать разведчицей — да она мечтала об этом с юности! Когда-то случайно ей в руки попала книга о красавице танцовщице Мата Хари, которую французы казнили за шпионаж в пользу немцев. Нет, казненной ей, конечно, не хотелось быть, упаси бог, но во всем остальном она завидовала судь-

¹ «Молва» — антисоветская газета, издававшаяся в Одессе в годы гитлеровской оккупации.

бе Мата Хари. К тому же и она, Зина, тоже красивая. У нее светлые вьющиеся волосы, темные глаза. В восемнадцать лет она уже знала, что такое успех и как трудно отбиваться от навязчивых поклонников. Она давно могла бы выйти замуж, если бы кого-нибудь полюбила. Но ее жизнь сложилась совсем нелегко. Отец, из обрусевших немцев-колонистов, расстался с ее матерью, когда девочке не исполнилось и двенадцати лет. Он был мастером по изготовлению сувениров. И еще долгое время она не могла глядеть на целлулоидные кораблики и на аистов из искусственного перламутра, заполнявших полки галантерейных магазинов. Все, что было связано с отцом, у нее вызывало глухую ненависть.

И все же раза два в год он появлялся в маленькой квартире на улице Пастера и приносил игрушки, обычно куклы, которые делал с большим мастерством. В первые годы она мстительно их увечила, отрывая им руки и ноги, потом стала складывать на шкаф, а когда ей исполнилось семнадцать и появились молодые люди, ее ненависть к отцу стала угасать. И наиболее красивые куклы переселились на диван. Теперь они украшали комнату.

Единственное, чему он успел научить ее, — это отлично говорить по-немецки. В душе он всегда оставался немцем и хотел, чтобы дочь знала свой родной язык. А так как мать преподавала немецкий язык в школе, то между супругами не возникло разногласий. Знание второго языка всегда пригодится, и, для того чтобы приучить дочку, родители почти всегда говорили между собой дома по-немецки.

К четырем годам Зина уже свободно владела двумя языками, и, когда в школе старшие ребята допытывались, на каком языке она думает, смеясь, отвечала: «На каком хочу, на таком и думаю».

Отец поселился где-то на Молдаванке, и Зина никогда не видела его новой жены и маленького сына. Но, видимо, отцу жилось неважно. Он вечно ходил в одном и том же пиджаке с блестящими от частой утюжки ладканами.

В тридцать девятом от рака крови умерла мать — она сгорела за каких-нибудь два месяца, — и отец предложил Зине переехать в его квартиру. Как он посмел! Ненависть к нему вспыхнула с новой силой.

В семнадцать лет Зина почувствовала себя взрослой. Окончила трехмесячные курсы машинисток, поступила на работу в порт и наотрез отказалась от помощи отца. Какое

наслаждение получить первые, самой заработанные деньги! Свободна, совершенно свободна! Теперь она ни от кого не зависит и будет строить свою жизнь как только захочет.

В первые же недели войны многих немцев-колонистов переселили в глубь страны. В городе распространились слухи, что они начали укрывать немецких шпионов. Зина носила немецкую фамилию — Тюллер; она бы несомненно взяла фамилию матери, но уж очень ей не хотелось называться Трепиборода — фамилия редкая, всегда вызывающая улыбку. К тому времени ненависть ее к отцу сменилась безразличием. А потом, когда ее вызвали в городскую управу, то на регистрационной карточке рядом с этой фамилией появилась отметка: «фольксдойче». Так она оказалась в числе тех, кто может не бояться ни облав, ни товарных вагонов, в которых девушек увозили на работу в Германию.

Отца в последний раз она видела месяца за два до начала оккупации. Чем-то озабоченный, он шел по одной из аллей Приморского бульвара. Она его не окликнула, вообще она никогда его первой не останавливала, а он, очевидно, в тот раз ее не заметил.

Конечно, Зина могла бы сделать большую карьеру. Ей предлагали место переводчика при начальнике порта, но она отказалась. Нет, лучше не лезть высоко. Если ее разоблачат на маленьком месте, легче будет сохранить себе жизнь.

Немцы уважительно называли ее «фрейлейн» и признавали в ней представительницу арийской расы, но она не чувствовала себя немкой. Однако в какой-то день поймала себя на мысли, что перестает чувствовать себя и русской.

Это поразило ее и встревожило.

Однажды ее вызвали в военный штаб, и с ней долго разговаривал немолодой офицер. Он ничего не предлагал, а только расспрашивал об отце и матери. Ему очень понравилась правильность ее немецкого выговора. «У вас хорошее берлинское произношение, — сказал он, — чувствуется, что отец ваш истинный немец и дал вам прекрасное воспитание».

Как-то раз к ней домой неожиданно пришел Фолькенец и пригласил ее в театр. С тех пор он накрепко вошел в ее жизнь, главное, он помог ей забыть о страхе. В Гамбурге у него погибла от английских бомб семья — жена, дети. Он рассказал ей об этом.

Чем он занимался там у себя в штабе, она не интересовалась. С нею он всегда весел, непринужден, и дружба с ним уже сама по себе являлась надежной защитой от неприятностей. Потрясения, смерть, гибель многих людей — все это было рядом и все же где-то за пределами ее спокойного, размеренного существования. Она старалась никому не причинять зла, чем могла облегчала судьбу военнопленных, никогда ни на кого не доносила, но все же чужие страдания не вызывали у нее ненависти к тем, кто их причинял. Все ее чувства были приглушены. Она жила так, как сложилось, не думая о будущем.

...Когда, приоткрыв дверь, Зина увидела на лестничной площадке незнакомую девушку, совсем еще юную, в старенькой вытертой куртке, то в первую минуту решила, что это просто нищая, и уже хотела вернуться в комнату за мелочью, как до ее сознания дошло, что девушка произнесла парольную фразу: «Здесь живет Анатолий Иванович Королев?»

— Что тебе надо! — испуганно воскликнула она. — Нет здесь никакого Анатолия Ивановича! Слышишь?

Ей хотелось немедленно захлопнуть дверь, чтобы отсечь от себя незнакомку, возникшую словно из небытия. Так внезапно, наверно, появляется сам дьявол, чтобы унести чью-то душу в ад. Но нет, она так просто не дастся, она будет бороться!

Зина уже схватилась за ручку двери, как вдруг увидела глаза девушки — большие серые глаза, глядящие на нее с холодным презрением и в то же время, кажется, даже с жалостью и еще с требовательностью, чуть ли не с угрозой... «Конечно, она подслана, — лихорадочно подумала она. — Но что же делать? Сейчас придет Эрнст... Не впустить ее? Это, пожалуй, еще опаснее, чем впустить».

Фолькенец приходил почти каждый день не позднее семи часов, а было уже без четверти семь. Пальцы Зины до боли сжимали ручку двери, пока наконец, отступив в сторону, она не прошептала побледневшими губами:

— Входи!

Тоня вошла в прихожую. Женщина, которую она увидела, ничем не напоминала ту, изображенную на моментальной фотографии, которую показывал ей в разведотделе Корнев. Там была совсем юная девушка с худощавым лицом, обрамленным короткими кудряшками, славная, как сказал Корнев — «симпатичная». «Запомни отличительный

знак, — сказал он, — небольшой шрам над левой бровью. Когда-то Зина упала на катке и поранила лоб о конек полруги».

Шрам? Да, тщательно запудренный, он все же виден был даже в тусклом свете коридора. И, пожалуй, если бы не он, Тоня не поверила бы, что женщина, одетая в богатое цветастое румынское платье, — это и есть та самая «симпатичная» Зина. Но на всякий случай Тоня все же спросила:

— Вы Зина Тюллер?

— Ну и что? Кто тебя послал ко мне?

Тоня молчала.

По тому, как приняла ее Зина, как металась по комнате с лицом, искаженным страхом, Тоня поняла, что не должна была сюда идти и что этот визит может стоить ей жизни. Уйти? Поздно. Это уже ничего не изменит.

— Кто тебя послал? Говори! — шептала Зина, отступая в комнату и движением руки приказывая Тоне следовать за собою.

Тоня в смятении приостановилась у порога. Сейчас кто-то навалится, схватит ее, и все будет кончено. Но когда Зина повернулась к ней спиной, чтобы поправить прикрывающую окно занавеску из старого солдатского одеяла, по ее быстрому движению Тоня поняла, что и она боится, и к ней сразу вернулось ощущение уверенности.

Тоня вошла и опустилась на широкую низкую тахту, покрытую пестрым ковром. Все в комнате — и шкаф, такой же дешевый фанерный, как у нее дома, и стол, покрытый голубоватой клеенкой, и старые обои, кое-где отставшие от стен, — все говорило о скромных возможностях хозяйки, и Тоню это почему-то немного успокоило. Только вот флаконы духов на столике перед зеркалом... Не слишком ли их много? И почему Зина так поспешно засунула в шкаф чью-то фотографию — мужское лицо в резной фанерной рамке?

Наконец Зина присела на маленький стул, спиной к зеркалу, беспокойно взглянула на ручные часы. «И часы наши», — невольно отметил взгляд Тони.

— Вот что, милая, — начала Зина, внимательно разглядывая незнакомку, — запомни: никакой Анатолий Иванович тут никогда не жил. Ясно? И больше не приходи. — И, вновь перейдя на шепот, лихорадочно спросила: — Кто тебя послал, говори! Почему молчишь?

— Никто! Я сама пришла! — твердо ответила Тоня, хо-

тя беспокойство хозяйки комнаты все ошутимее передавалось и ей.

Тени в углах словно ожили. «Уходи, уходи,— грозили они,— или будет поздно».

— Сама?! — У Зины хватило сил саркастически улыбнуться. — Не верю...

— Нет, я сама! — Тоня удивилась тому, как просто и естественно прозвучали эти ее слова. — Ты ведь Зина Тюллер? — вновь спросила она. — Почему ты не отвечаешь на мои вопросы?

— Да, я Тюллер! — с вызовом сказала Зина. — Но с вами я не хочу иметь никакого дела! Убирайся... Уходи...

Она сидела спиной к зеркалу и не видела своего лица, искаженного страхом, а если бы увидела, то, может, сама ужаснулась бы — так оно подурнело.

— Я никого не знаю... У меня своя жизнь, я не хочу ни во что впутываться,— торопливо бормотала она.

Часы показывали уже без пяти семь. Если Эрнст застанет здесь незнакомую девушку, да еще в таком странном облачении, его цепкий ум сразу же заподозрит неладное. И он уже не успокоится, пока не размочит клубок.

Когда она видела автоматы, нацеленные на толпу во время облавы, или обреченных, которых вели на казнь, у нее возникало паническое чувство опасности; со временем это чувство притупилось, но все же не покидало ее окончательно. А сейчас маленькая, приткнувшаяся в углу дивана девушка вызвала у нее безотчетный страх, и с ним она не могла справиться.

— Уходи! Уходи!.. — повторяла она, как заклинание. — Умоляю, уходи!..

И в ее срывающемся голосе, переходящем с истерического крика на едва различимый шепот, Тоне чудилась действительная опасность, реальная угроза, такая, от которой надо бежать немедленно, если, конечно, еще не поздно.

...На ближайшем углу она остановилась и перевела дыхание. Какое счастье, что она не назвала Зине своего имени! Ах, предательница! А Корнев и Федор Михайлович считали ее надежной!

Мимо проехал закрытый автомобиль и завернул за угол. Тоня невольно оглянулась. Машина затормозила у подъезда, из которого она только что вышла. Кто этот офицер? Невысокий, худощавый... Вот, отдав какое-то распоря-

жение шоферу, он повернулся к Зинину крыльцу. Да это же Фолькенец! Конечно, Фолькенец!..

Тоня прислонилась к стене, чувствуя, как ее оставляют силы. Что, если бы она задержалась у Зины еще на несколько минут? Вот уж это был бы наверняка конец!

Схожее чувство безысходности она испытала осенью прошлого года. Пронзительный, нарастающий рев!.. Казалось, бомба сама не хотела умирать и в мстительной ярости искала жертву. И этой жертвой была она, Тоня, сжавшаяся на дне узкой, осклизлой земляной щели. И когда ухнул близкий взрыв и комья земли больно ударили ее по спине, это вдруг безумно обрадовало ее. Жива!.. Она вскочила на ноги, с поразительной остротой ощущая первозданность белизны снега. Но тут же упала на край окопа, не в силах сделать ни шагу. Она лежала в оцепенении, смотря на небо, не испытывая страха. Когда за амбаром разорвалась еще одна бомба, она даже не шевельнулась. Казалось, иссякла последняя капля жизненных сил...

Когда она рассказала Федору Михайловичу об этой встрече, едва не закончившейся для нее трагически, тот не согласился с Тониным решением вообще позабыть о Зинаиде Тюллер. Нет, осторожность, конечно, необходима, но борьба не кончена, и нужно держать Зинаиду в поле зрения, мало ли как могут сложиться обстоятельства.

Через несколько часов Тоня входила в ворота небольшого каменного дома на Военном спуске.

Бирюков оказался человеком лет сорока, коренастым, круглолицым, с темными от вьевшегося машинного масла руками. После обмена паролями он не торопился приглашать ее в комнату, а долго тихо выспрашивал в полутемной передней, кто она и что ей от него нужно. Наконец поверив, что девушка действительно прислана Федором Михайловичем, он провел ее длинным неосвещенным коридором в свою небольшую, скудно обставленную комнату и, придвинув к столу скрипучий стул с фанерной спинкой, пригласил сесть.

— Ты уж прости меня, девушка,— пробасил он,— осторожность в нашем деле — первейшая забота. В прошлом месяце гестапо из нашей группы пятерых забрало, а все по глупой доверчивости: провокатора подослали.

Тоня передала ему все, о чем просил Федор Михайлович. Озадаченный, Бирюков закурил.

— Д-да!.. — сказал он, почесывая кончиками пальцев глубокую залысину. — Федор Михайлович придумает, а ты крутись... Да ведь если я к этому эшелону на сто метров подойду, меня тут же, как воробья, — раз! — и нет. С такими эшелонами у нас особо доверенная бригада работает, да и та на время погрузки изолируется.

— Но так или иначе, а топоры надо доставить, — упрямо сказала Тоня.

Сейчас, когда она выражала волю Федора Михайловича, в голосе ее зазвучала та жесткость, которая и для нее самой была неожиданной, потому что совсем еще недавно она тоже не представляла себе, каким образом удастся пробиться сквозь охрану к вагонам.

Вдруг Бирюков схватил с этажерки карандашный огрызок.

— Подожди, подожди, девушка, — заговорил он. — Давай-ка изобразим путь, по которому пойдут машины... Что-то у меня в голове начало раскручиваться.

Не найдя чистого клочка, он варварски вырвал из какой-то книги титульный лист и огрызком карандаша, зажатый в толстых, неповинующихся пальцах, начал вычерчивать на чистой стороне схему движения машин от эвакопункта до товарной станции порта.

Тоня пристально наблюдала через плечо Бирюкова за неверными движениями его руки, стараясь уловить ход мысли.

— Стоп! — И он поставил жирный крестик около двух тонких волнистых линий, протянутых вдоль порта. — Это железная дорога. А крестик — переезд. Ясно?

— Ну и что? — спросила Тоня.

— Как — что? Переезд — единственное место, где машины могут задержаться. И то если будет опущен шлагбаум...

— А если не будет?

— Ну, это я устрою. Но нужен маневровый паровоз. А обеспечить и то и другое — это уже задача посложнее.

— А обязательно именно маневровый?

— А как же! Если шлагбаум опустился, значит, на путях движение. Черт побери! Ведь если машины остановятся, сунуть топоры под брезент — дело мгновения. Но вот как узнать, в каких машинах едут наши ребята? Тут надо как-то условиться, договориться о каком-то сигнале, что ли. В общем, это уж твое дело. Коля живет на Пушкин-

ской, тридцать два, Васька — на Базарной, дом восемь. Отправляйся к ним и договорись о каком-нибудь условном знаке. А я займусь своими делами. Авось найдем выход...

— Коля Грачев здесь живет?

Старая женщина повернулась от плиты, на которой в небольшой черной кастрюле что-то бурлило, и глубоко зажавшими глазами настороженно поглядела на Тоню.

— А зачем тебе Коля? Тебя прислали из магистрата? — Женщина задавала вопросы, а сама быстро поглядывала в окно, не привела ли незнакомая девушка с собой еще кого-нибудь из полиции.

— У меня к нему дело.

— Какое?

— Я ему скажу!

— Все секреты, секреты! — проворчала мать. — До добра-то они и не доводят. — Она сердито толкнула дверь в коридор и крикнула: — Коля! Тебя тут спрашивает какая-то...

Послышались быстрые шаги, и в кухню стремительно вошел молодой парень, худощавый, в белой рубашке и черных брюках. Он, очевидно, собирался уходить, потому что держал в руках серый галстук, который так и не успел позвать.

Продолговатое, смуглое от загара лицо юноши нельзя было назвать красивым, но оно привлекало живостью. Темные глаза, широко расставленные, чем-то напоминали глаза матери. «Он не умеет скрывать свои переживания, и глаза выдают все, что он чувствует», — подумала Тоня.

— Вы ко мне? — спросил он, рассматривая Тоню настороженно и внимательно.

Мать сдвинула кастрюлю на край плиты, отошла к окну и из-за спины сына пронзила ее таким колючим, неприятным взглядом, что в другое время Тоня тут же повернулась бы и только бы они ее и видели.

— К вам! — со скрытым вызовом ответила она.

— А вы от кого? — спросил Николай, оглядываясь на мать и как бы успокаивая: «Не бойся, меня не проведут». Женщина сумрачно усмехнулась.

— Что ж ты молчишь?..

— Выйдем, Коля, я вам все скажу.

— Никуда не ходи! — крикнула мать и двинулась на Тоню.

Но Николай, очевидно, уже начал кое-что понимать.

— Мама, мы же во двор! На минуточку!

— Мы будем во дворе,— быстро сказала Тоня,— у меня к нему дело от одной подружки. Я сразу уйду.

Когда они присели на скамейку в маленьком садике посреди двора, окруженном со всех сторон летними верандами, на которых старухи каждый день решали судьбы Одессы, Николай тревожно спросил:

— Ну что, говори скорее!

Тоня произнесла пароль. Николай сразу успокоился. Поднял взгляд на балкон и махнул рукой матери: «Занимайся делом, все в порядке».

— Меня прислал к тебе Бирюков,— сказала Тоня.— Мать беспокоится?

— Да, уж неделю не спит, дни считает. А по ночам плачет. А я тоже дурак: имел глупость сказать, что уйду в катакомбы. А теперь, когда Федор Михайлович дал задание погружаться вместе с ребятами в эшелон, никак не может понять, почему я не хочу отвертеться, чтобы в Германию не уехать... А я не могу объяснить...— Николай опять взглянул на веранду, но матери уже там не было, и он облегченно вздохнул — скорее бы уж уйти...

— Коля, я насчет топоров пришла. Бирюков сказал, что в эшелон их никак не забросить — охрана увидит...

— Ну, и на сборном пункте их обязательно отберут.

— Да. Поэтому их можно передать вам только в одном месте — у шлагбаума. Бирюков обещал сделать так, чтобы шлагбаум на несколько минут опустился, и машины станут.

— Что ж, может быть... Но как ты узнаешь, в каких грузовиках мы с Васькой будем ехать? И опять же — охрана!..

— Вот потому-то Бирюков и послал меня. Иди, говори, договорись, как отличить ваши грузовики от других.

Они задумались. На балконе старуха в ветхом цветастом капоте, помнившем еще ее молодость, развешивала на веревке белье.

— Знаешь что? Мы, пожалуй, запоем! — сказал он.

— Прекрасно! — воскликнула Тоня.— Какую песню?

— «Катюшу», например. Подойдет?

— Подойдет,— улыбнулась Тоня.— Веселенькая такая песенка, как раз к случаю...

— Дай я сейчас тебе ее спою, чтобы ты мой голос узнала.

Он запел негромко, но старуха на веранде услышала, обиделась и, перегнувшись через перила, крикнула:

— Тебя еще в детстве выгнали из школы Столярского, так ты с тех пор, наверно, решил, что у тебя голос для консерватории!

И вдруг, с другой стороны балкона, раздался голос матери:

— Мадам Жебрак, как вам не стыдно! Его завтра угонят!..

Старуха в отчаянии вскинула руки.

— Угоняют!.. О боже!.. Почему же вы мне раньше не сказали! — И в глубине веранды стукнула дверь.

— А узнаешь мой голос? — спросил Николай.

— Еще бы! Обязательно узнаю! — сказала Тоня, поднимаясь со скамейки.

— Только ты, девушка, от машины к машине не посясь, лучше уж в мою оба топора бросай, не то схватят.

— Ладно, посоветуюсь с Федором Михайловичем...

Он смотрел на нее улыбочивыми мальчишескими глазами, и, хотя вообще-то двадцатилетних парней Тоня считала чуть ли не младенцами, к Николаю она почувствовала невольное уважение — так он был спокоен, так уверен. А ведь уже завтра утром он, как и все другие, может оказаться в душном вагоне и затем исчезнет на чужбине, быть может, даже навсегда.

Она добралась домой уже после комендантского часа и, упав без сил на свой жесткий диван, поняла, что не заснет. Но заснула мгновенно, и приснились ей огромные, как секиры, топоры. Они сверкали и куда-то рвались из рук. И светило солнце... Николай что-то говорил, но что — этого она не запомнила. Потом все смешалось, и она впала в забытье.

Федора Михайловича Тоня уже не застала. Рано утром он ушел со своей группой из города. Выходили по одному: два пропуска с большим трудом Федор Михайлович сумел достать в районном магистрате, но в группе было пять человек, и троим пришлось обходить посты глухими переулками и задворками.

Бирюков вернулся домой только к пяти вечера и, увидев Тоню, которая терпеливо прождала его почти целый день, сказал:

— Ну, из тебя выйдет толк. В нашем деле терпение — половина удачи. А у меня есть новости! Уговорил спецников: если маневрового не будет, они толкнут пустую платформу, и шлагбаум все равно опустится.

Тоня рассказала о своей встрече с Николаем, и Бирюков согласился, что передавать топоры безопаснее в одну машину.

Тоня решила, что надо завернуть их в детское одеяло: во-первых, ребенок на руках у молодой женщины не вызовет подозрения, а во-вторых, когда она закинет мягкий узел в машину, то никого не ушибет.

Все, решено.

Ровно в половине девятого она должна появиться у переезда и держаться подальше от охраны.

Она долго упаковывала топоры в старое ворсистое одеяло. Получился небольшой тюк, правда довольно увесистый, но со стороны вполне напоминающий завернутого грудного младенца.

На следующее утро, ровно в восемь, она вышла из дому, наскоро позавтракав, и направилась к порту.

Какое мучение проходить мимо полицейского, который так и сверлит тебя глазами!..

В двадцать минут девятого она вышла к торговому порту и с обрыва взглянула вниз. Перед ней простерся унылый пейзаж разрушенных пакгаузов и складов, кое-где у причалов дымили трубы немецких транспортов, стоящих под погрузкой.

На путях уже протянулись длинные составы. Тоня насчитала тридцать две теплушки. В начале и в хвосте состава — по два классных вагона, очевидно для охраны. Но переезд еще казался пустынным, и нигде не было видно оцепления.

Это немного успокаивало. Можно успеть занять выгодную позицию. А что, если притаиться в кустах на обрыве, а затем, когда колонна начнет останавливаться, скатиться вниз неожиданно для охраны? На дороге ведь не будет оцепления, и, значит, ее появление не вызовет пристального внимания автоматчиков.

Вдалеке мерцало успокоенное море. Она стала спускаться с крутого обрыва. Под ногами шуршала земля. Чтобы умерить скольжение, она хваталась за упругие стебли высокой травы, и на ладонях оставался прохладный сок.

Когда она достигла половины склона, из-за поворота хлынула и сразу заполонила дорогу пестрая, стремительно бегущая толпа. Пожилые женщины и мужчины сгибались под тяжелыми узлами. Толпа приближалась к переезду, а навстречу уже бежали выскочившие из последних вагонов автоматчики. Очевидно, на этот раз, чтобы не привлекать внимания к эшелону, немцы решили выставить оцепление в самый последний момент. Но они просчитались. Родственники сумели узнать, где стоит эшелон и когда он уходит.

— Хальт!.. Хальт!.. Цүрюк!..

Тоня кубарем скатилась вниз и, смешавшись с толпой, с облегчением вздохнула.

Горе! Никогда еще за свою короткую жизнь она не видела такого страдания, таких напряженных лиц, такой безысходности.

Какой-то старик, державший в руках обшарпанный чемодан, лихорадочно вертел маленькой головой со склеротическим румянцем на впалых щеках и всех спрашивал об одном и том же:

— Какая в Германии погода? Говорят, там непрерывные дожди? Это верно, что там непрерывные дожди?..

Мимо Тони сквозь толпу к солдатам пробиралась женщина лет пятидесяти, высоко держа в руке очки в металлической оправе.

— Господин офицер! — крикнула она через головы тех, кто теснился впереди. — Разрешите мне передать очки!.. Только очки!.. Мой сын сломал очки! Он не видит!..

Ее голос тонул в выкриках, несшихся со всех сторон. У каждого было свое крайне важное дело, по которому необходимо последнее свидание с сыном, дочерью или внуком. А солдаты методически теснили и теснили толпу, покакивая и размахивая автоматами.

Внезапно из-за поворота шоссе на большой скорости выехало несколько черных фургонов. Толпа раздалась в стороны, и машины, миновав переезд, круто затормозили у головных вагонов эшелона.

Это были лишь первые машины, за ними должны были появиться остальные.

Тоня крепко прижала к груди «младенца». А что, если молодые подпольщики в этих первых машинах? Тогда все пропало. Не останется последней надежды.

Оцепление надежно прикрыло эшелон. Автоматчики

стояли друг от друга на расстоянии всего нескольких шагов. Рвались с поводков ожесточенно лающие псы.

Что же делать?! Тоня метнулась к шлагбауму в последней надежде — уговорить офицера пропустить ее к брату. Но в этот момент за спиной раздался резкий гудок, и тут же, обдав ее удушливыми выхлопными газами, мимо промчалась еще одна машина. С небольшими интервалами за нею двигалась колонна машин. Вот уже первая миновала зону шлагбаума. Очевидно, погрузка начнется тогда, когда все грузовики выстроятся вдоль состава.

Неужели нет силы, которая сможет остановить их хоть на мгновение?

И вдруг Тоня увидела, как по параллельному, свободному пути в сторону переезда катится длинная платформа. Вот она! Наконец-то!

Затаив дыхание Тоня следила за ней. Плавное подрагивание на стыках рельсов, она медленно движется и движется. Немцы пока, видимо, не отдают себе отчета, что за этим последует, и ничего не делают, чтобы ее остановить.

Но дежурный по переезду заметил опасность и, пропустив две машины, торопливо опустил шлагбаум. Скрипнули тормоза. Колонна остановилась. Что-то крикнул офицер — что именно, Тоня не слышала, — но солдаты поспешили к платформе, чтобы остановить ее... А на дороге уже возникла давка. Все бросились к машинам. Неслись отчаянные крики: «Коля! Коля! Это я! Мама!», «Витя Семенов! Где Витя Семенов?!», «Катя!», «Ирина!..» И в ответ: «Мама!.. Мамочка!..» Головы... Руки... Руки...

И вдруг — так странно, так неуместно и весело:

— «Выходила на берег Катюша...»

В какой это машине? Вот в этой, что поближе, или в той?

Тоня бросилась к ближайшей. Один солдат из охраны прыгнул на дорогу, чтобы узнать, в чем дело, и побежал в голову колонны. Вот сейчас как раз удобный момент! Но песню подхватили! К какой бы машине Тоня ни подбежала, ее пели все! Все!.. Как же теперь быть?..

Но она ясно слышала, что начали ее в одной из ближних машин. В какой?! И, пробежав вперед, метнулась обратно. Солдат уже возвращался назад. Рядом с ним бежал другой — платформу уже остановили.

— Тоня! Тоня! Тонечка!..

Голос Николая с трудом пробился сквозь песню. Она

увидела тянущиеся к ней через борт машины руки. Мгновение — и сверток исчез в темной глубине кузова.

Один из солдат грубо оттолкнул ее в сторону и, вскочив на подножку, погрозил автоматом. Но ей уже было все равно... Она провожала взглядом машины, медленно пересекавшие переезд. Ею овладело чувство безмерной усталости и счастья.

Глава третья

Положение в Одессе осложняется. Получено агентурное сообщение, что немцы подвозят новые резервы. Из Констанцы прибыло четыре транспорта с войсками. У группы разведчиков, действующих на железной дороге, появилось много новых дел и забот. Им нужна помощь. Дьяченко и Егорову даются сутки на окончательную подготовку к переходу через линию фронта. У Дьяченко, которого должны были забросить в тыл противника еще несколько месяцев назад, но не забросили из-за изменившейся обстановки, «легенда» остается прежней. Он — полицейский из Кишинева, который приехал в Одессу со специальным поручением в полицию. Подлинные документы полицейского, убитого подпольщиками недалеко от Бендер, когда тот направлялся в Одессу, давно уже хранились в сейфе у Савицкого, и Дьяченко не раз держал их в руках — «привыкал». По этим документам он был Иваном Даниловичем Макагоненко, родившимся в Виннице в 1919 году, имеющим среднее незаконченное образование, неженатым.

Конечно, опытные руки подправили некоторые даты, подновив их, но это было сделано с такой скрупулезной осторожностью, что ничто в документах не могло вызвать подозрения у самого придирчивого контрразведчика.

Проникнув в Одессу, Дьяченко должен был войти в связь с подпольем и организовать наблюдение за передвижением войск. А Егорову после приземления надлежало отправиться на явку в Одессу, разыскать Тоню, прописаться, поступить на работу и ждать дальнейших указаний. Между ним и Дьяченко должна быть налажена постоянная связь, чтобы, когда потребуется, действовать совместно. Так беспощадная военная судьба объединила столь разных и не во всем симпатизировавших друг другу людей.

В иное время они, конечно, нашли бы способ не зависеть друг от друга, но не теперь. Савицкий связал их общей целью, а приказ есть приказ. Да и вся болтовня Дьяченко о Егорове и Тоне сейчас представлялась не стоящей внимания.

Толя уже начала действовать, и неплохо. Он уже получил от нее радиограммы, переданные радисткой группы Федора Михайловича.

Но в самый последний момент, когда, казалось, остается лишь проводить разведчиков на аэродром, новые обстоятельства заставили начальника разведотдела армии Савицкого отменить их вылет до момента, когда командарм отдаст об этом специальное распоряжение.

И вот уже несколько дней Егоров и Дьяченко ездят на базу и помогают Корневу свозить к аэродрому грузы, томась в ожидании главного дела.

Теперь группа состоит из десяти офицеров с солидным опытом десантной службы. Решено, что они соберут молодежь, которую подпольщики освободят из эшелона, и выведут из плавней.

Конечно, немцы не станут терять время и, как только узнают о потере целого эшелона, окружают плавни и встретят самолеты ожесточенным огнем.

Поэтому придется прыгать ночью, что создаст новые осложнения. Во-первых, на поиски друг друга уйдет драгоценное время, оставшееся до рассвета; во-вторых, куда упадут грузы?

Савицкий собрал офицеров, долго вместе с ними изучал по крупномасштабной карте плавни, прикидывая возможные направления, в которых придется действовать. Терпеливо выслушав всех, он предложил, чтобы после приземления каждый в своем районе в первую очередь постарался найти спасающихся юношей и девушек и уже вместе с ними искал бы сброшенные грузы. После этого отдельные группы должны встретиться и объединиться.

Егоров и Дьяченко сначала должны действовать вместе со всеми, а затем отправиться в Одессу для выполнения собственного задания.

Где-то в сотнях километров от маленькой деревушки, в которой расположился разведотдел армии, по неизвестным тропам пробирался Федор Михайлович с несколькими смельчаками. И уже стучали колеса эшелона, в котором

плотно закрытые вагоны до краев наполнены безысходным горем и отчаянием обреченных.

Сменяются радисты на штабной рации, и каждый, надевая наушники, вслушивается в беснующуюся кутерьму морзянок.

Глава четвертая

Лежали молча, изредка переговариваясь. Федор Михайлович заметно нервничал и тихо бранил Бондаренко, которому не терпелось влезть на насыпь, чтобы, прижавшись ухом к рельсу, послушать, не приближается ли поезд.

Они пропустили уже три тяжелых состава, и всякий раз, когда нарастал шум, Бондаренко клялся, что это их поезд и нельзя терять ни минуты. Если бы не твердая рука Федора Михайловича, удерживавшая его на месте, он бы натворил дел. Конечно, эшелон с ранеными немецкими солдатами полетел бы под откос, но группе пришлось бы убираться поскорее в глубь плавней, потеряв всякую надежду осуществить то, ради чего они с дьявольским риском три дня и три ночи тащили на дне своих рюкзаков мины и взрывчатку, обходя немецкие заставы. Конечно, немцы наверняка всполошились — исчезновение нескольких солдат не может остаться незамеченным.

А теперь, когда они добрались до плавней, главная опасность — потерять выдержку.

Федор Михайлович считал, что эшелон, вышедший из Одессы часов в одиннадцать-двенадцать дня, может достигнуть участка, который они избрали, не ранее десяти вечера. В первую очередь немцы пропускают военные составы, а вагоны с живым грузом загоняют на полустанки в тупики, чтобы освободить путь для более важных поездов.

Бондаренко может тащить на спине десять километров двухпудовый мешок и не свалиться от усталости, а вот терпеливо выдержать несколько часов бездействия ему не по силам.

— Лежи, чертов сын! — покрикивал на него Федор Михайлович всякий раз, когда чувствовал, как напрягаются мышцы Бондаренко под узкой в плечах курткой с серыми бляхами засохшей грязи на рукавах.

— Стучит! — то и дело шептал Бондаренко запекшимися пухлыми губами.

Ему было уже далеко за тридцать, но жило в нем еще что-то наивное, детское.

Климов, слесарь с судоремонтного завода, человек в летах, собрался в дорогу обстоятельно: надел две шерстяные фуфайки, и теперь, несмотря на то что уже несколько часов лежал на холодной земле, страдал от жары. Время от времени он снимал кепку, подставляя ветру вспотевшую лысину.

— Не демаскируй! — покрикивал на него Яша Голубков. — Твоя плешь на всю округу сияет!

От отправки в Германию Яшу, самого молодого в группе, спасла хромота — в раннем детстве он сломал правую ногу, и кости срослись неправильно.

Федор Зубков и Кирилл Ефремов, которого за его младенческую пухлость все называли Кирюшей, сумели пронести с собою рацию, немецкий автомат, который захватили у убитого солдата, и два револьвера.

Конечно, оружия было маловато, даже с учетом трех ручных гранат, рассованных по карманам. С таким оружием серьезный бой они принять не смогут. Но Федор Михайлович и не намеревался вступать в длительную перестрелку. Главное — не упустить первых минут шока, который безусловно испытает охрана, когда паровоз подорвется. Несколько очередей по классным вагонам наверняка испугают солдат, они побоятся сразу выскочить на насыпь.

Самая сложная проблема возникает потом: что делать с молодежью? Если вовремя не подоспеет помощь из-за линии фронта, то, блокируя плавни, немцы возьмут ребят измором. И когда, спасшись от вражеской неволи, они погибнут от холода и голода, их смерть будет на его совести.

— Кирюша, — обернулся он к толстяку, сидевшему за кустами у радиации, — поменьше разговаривай!.. Зубков! Ты умеешь молчать?

На узком лице Зубкова появилась виноватая улыбка. Он отодвинулся от Киры и стал подчеркнуто пристально смотреть вдоль насыпи. Издалека нарастал лязг — привычные резкие металлические звуки. Возвращалась патрульная дрезина с охраной. Каждый час она стремительно проносилась мимо то в одну, то в другую сторону.

Вот она, платформа с застекленной кабиной, в которой сидит водитель. За кабиной солдаты, по двое спинами друг к другу, одинаковые под касками лица, руки сжимают пулеметы.

Стук давит на уши, уже привыкшие к тишине, взвинчивает и без того напряженные нервы. «Дать бы по ним пару очередей из автомата, — думает Федор Михайлович, — и пулеметы наши. Ах, как нужны пулеметы!»

Все прижались к земле, хотя выем, в котором они укрылись, и не был виден с насыпи.

Когда лязг постепенно замер, Федор Михайлович вытащил из пачки последнюю сигарету, хотел закурить, но тут же сунул обратно в пачку. Быстро сгущаются сумерки. В десять совсем стемнеет.

Над плавнями повис сырой слоистый туман. Камышовые джунгли!

— Пора!.. — прошептал Бондаренко, и на этот раз Федор Михайлович мягко коснулся ладонью его плеча:

— Ну, давай!.. Только осторожнее... Климов, иди с ним...

— Нож!.. Нож у кого?! — суетился Бондаренко, словно боясь, что Федор Михайлович отменит приказ.

Большой охотничий нож Киры шлепнулся о землю у его ног. Яша доставал из мешка взрывчатку. Федя Зубков проверял ударный механизм.

— Давайте, давайте быстрее! — торопил Бондаренко. Его бил нервный озноб. — Климов, не отставай...

Он сунул в руки Климова нож, а мешок с миной крепко сжал обеими руками, потом, пригнувшись, как солдат при перебежке на виду у противника, бросился вперед.

До насыпи — не больше ста метров, но Федору Михайловичу показалось, что Бондаренко и Климов бежали бесконечно долго, пока наконец не припали к рельсам.

Два темных силуэта... Шорох гравия... Неясный говор...

— Возьми автомат, — тихо сказал Федор Михайлович Яше. — В случае чего — прикрывай...

Звонко, будь он неладен, стукнул о камни автомат. Яша перевел дыхание и выполз на пригорок, откуда все же лучше видно.

Плавни тихо шумели. Камыш шелестел, и из его глубины доносились булькающие звуки. Где-то в вышине прошли самолеты. Двойные завывающие звуки «у-у... у-у... у-у...», словно моторы на мгновение останавливаются в изнеможении, теряя силы.

Федор Михайлович прислушался. «Юнкерсы». Тяжелые бомбардировщики. Очевидно, их перегоняют на фронтовые аэродромы.

Скорее... скорее... Чего они там копаются? Федор Михайлович подавляет нетерпение. Он понимает, что его время тянется дольше, чем у тех, кто сейчас на насыпи. Он ждет, а те работают.

Послышался удар о рельсы. «Тише, черти!..» Он шепчет, а ему кажется, что кричит. За кустами притих Кира. Его полное лицо стиснуто кожаными наушниками; для него плавни — лишь маленькая точка в необъятном мире. Он живет в других измерениях. Где-то с нетерпением ждут, когда тихо запоет его рация и через долю секунды торопливая рука радиста начнет выписывать на телеграфном бланке группы цифр.

Но вот послышался приглушенный топот. Возвращаются!..

Бондаренко прыгает с невысокого выступа, за которым, привалившись к корню, полулежит Федор Михайлович.

— Все в порядке! — почти кричит он, давая выход эмоциям, которые так долго сдерживал. — Все в порядке, Федор Михайлович.

Климов молча присел рядом и закурил в кулак.

— Брось папиросу! — строго сказал Федор Михайлович. — Брось, говорю!.. — прикрикнул он.

Климов торопливо затушил дымом и ткнул папироску в землю.

— Дай хотя душу немного подлечить, Федор Михайлович!

— Потом подлечишь!.. А сейчас слушайте меня! Ты, Бондаренко, останешься здесь... Вот вам с Климовым по гравате... а мы с Яшкой пойдем метров на триста дальше, к конпу состава... Кира! Кира! Ты меня слышишь?

— Слышу! — не сразу отозвался хриловатый голос из-за кустов.

— Твоя задача — оставаться у рации и в случае чего — спасти ее... Полного крушения поезда допускать нельзя: теплушки сплющатся — много народу погибнет... Взрывать, когда паровоз будет метрах в ста пятидесяти и машинист начнет тормозить. Паровоз так или иначе рухнет, но состав должен уцелеть. Классные вагоны с охраной, как всегда, в хвосте. Поэтому ты, Бондаренко, гранаты зря не трать.

— Я и не собираюсь, — обиделся Бондаренко.

— Климов, ты последи за ним! Это и для твоих нервов будет полезно... А сейчас... — Федор Михайлович замолчал на полуслове и прислушался.

— Поезд! — возбужденно прервал молчание Яша. — Федор Михайлович, это поезд!..

Дальний гул, словно исходивший из глубины земных недр, нарастал. Федор Михайлович чиркнул спичкой, поднес трепещущее пламя к часам. Ветер тут же задул синеватый язычок, но Федор Михайлович успел взглянуть на стрелки.

— Двадцать два часа сорок семь минут, — сказал он. — На сколько минут рассчитан шнур?

— На одну минуту.

— Так! Значит, надо поджигать, когда состав будет от нас в километре.

— А как измеришь? — спросил Бондаренко.

— Ну, примерно. Торопись, Бондаренко, возвращайся к насыпи, а подожжешь, когда я тебе крикну.

Гудят плавни, уже слышен перестук колес, и вдалеке светят два желтых, словно кошачьих, глаза.

— Километра два! — прикинул Федор Михайлович.

Все молчали. Бондаренко уже взобрался на насыпь, и в темноте маячил его силуэт.

— Нашел шнур? — окликнул его Федор Михайлович, и, как он ни прятал свое волнение, голос его сорвался.

— Нашел! — донесся приглушенный ответ Бондаренко.

— Он уже близко... совсем близко, — горячо шептал Яша. — Федор Михайлович!.. Он близко!..

Федор Михайлович недвижно смотрел в сторону поезда.

— Федор Михайлович! — не выдержал Климов. — Опоздаем!..

Федор Михайлович шагнул вперед, прижал ладони ру-пором ко рту:

— Бондаренко!.. Зажигай!.. И быстрее убирайся!..

Вспышки не было видно. Но по тому, с какой скоростью Бондаренко слетел с насыпи, все поняли, что дело сделано.

— Яша, за мной!.. — Федор Михайлович выхватил из его рук автомат и устремился по кустам вдоль насыпи навстречу поезду.

Яша побегал за ним, споткнулся о камень и рухнул головой вперед на землю, выругался и, еще больше прихрамывая, стал догонять Федора Михайловича.

Темная громада поезда уже появилась из-за поворота. В неярком свете фар призрачно засветился камыш, пополз-ли тени.

Кровь прихлынула к вискам. Федор Михайлович почув-

ствовал, как деревенеют ноги. Почему же нет взрыва? Почему?!

Проворачиваясь, стучат колеса, тревожно постукивают поршни. Вагоны слились в одну бесконечную сумрачную полосу — она выползает из мрака и, как глухая стена, нависает над насыпью.

Удар!.. Буйный всполох огня. Молнией сверкнул вздыбившийся рельс. Просвистев в воздухе, шмякнулись о землю совсем рядом несколько камней.

Сверлящий визг тормозов. Истошные крики в кабине паровоза — это, вероятно, кричат машинист и кочегар.

Состав вздрагивает, визгливо перестукиваются тормозные колодки.

Паровоз упирался, он словно не хотел умирать, но огромная энергия только что послушного состава толкала его вперед, к гибели.

Вагоны трещали, некоторые сошли с путей, колесами врезались в шпалы.

Вот паровоз достиг роковой черты, медленно накренился вправо, качнулся и со страшным шумом повалился набок, окутанный горячим паром. Из раскрывшейся топки полилась раскаленная лава.

Тендер тоже наполовину сполз по насыпи, перегородив пути, и потянул за собой классный вагон.

Эшелон замер. Ни звука. Словно в теплушках не было ни одного живого существа.

«Неужели порожняк? — с ужасом подумал Федор Михайлович. — Тогда все кончено!»

Лихорадочно шептал Яша:

— Что же это? Федор Михайлович, что же это? — Его била мелкая дрожь.

И вдруг из вагонов, нарастая, понеслись крики. Мужские и женские голоса слились в один сплошной вопль. Бешено загромыхали наглухо закрытые двери.

Пулеметная очередь! Стреляют с той стороны, где упал паровоз, очевидно из классного вагона, и тут же на насыпи тяжело ухнула ручная граната.

Ближайший вагон совсем рядом.

— Яша! Беги за мной!.. — крикнул Федор Михайлович и тут же глухо выругался. — Ложись! Ложись! — И бросился навзничь.

Пулеметчик стрелял короткими очередями. Точнее прицелиться ему мешали края насыпи. Во всяком случае, сво-

его он добился: не то что приблизиться к вагону, но и поднять голову нельзя без риска получить пулю.

Федор Михайлович начал отползать назад. Яша все же рванулся, хотел проскочить на насыпь, но очередь, вспоровшая землю в нескольких сантиметрах от его ног, отрезвила. Он выругался с отчаянной яростью и, пригнувшись, устремился в камыши.

— Федор Михайлович! Разрешите — пойду в обход!

— Подожди! — прикрикнул Федор Михайлович. — Слушай!..

— Чего слушать?!

— Молчи!

Яков удивленно взглянул на слипшуюся, мокрую бороду своего командира и примолк.

— Слышишь? — прошептал Федор Михайлович.

Со стороны насыпи совершенно явственно доносились быстрые, глухие удары топоров.

— Рубят! Топорами рубят! В третьем вагоне! И как будто в пятом... Черт подери! Ползи вдоль состава — стреляй по охране!.. — скомандовал Федор Михайлович Яше.

Парень мигом исчез. Федора Михайловича охватил озноб. Через десять — пятнадцать минут охрана эшелона рассредоточится, и тогда под перекрестным огнем малочисленная группа окончательно растеряет свое главное преимущество — результат внезапного нападения.

— Климов! Где ты?

— Здесь! — отозвался Климов. Он стоял всего в нескольких шагах, в гуще камыша.

— Забрось гранату в классный вагон. Подползи к паровозу... Из-за тендера. Там близко!

В хвосте состава замелькали зеленоватые шинели солдат.

Федор Михайлович поднял автомат и полоснул очередь без всякой надежды в кого-нибудь попасть — слишком далеко. Но ему показалось, что двое упали.

Визгливо затрещали доски. Федор Михайлович невольно взглянул под вагоны. И вдруг он услышал скрежет железной проволоки, заменявшей на вагонах замки. Множество рук с силой раскачивали двери, стараясь сорвать кольца, в которые была продета проволока.

— Молодцы, ребята! Толкайте, толкайте дверь, сильнее!.. — закричал он.

Однако оглушительный взрыв перекрыл его голос. Из

окон пассажирского вагона выплеснулось яркое пламя, окутанное светлым дымом. Это граната Климова сделала свое дело.

С грохотом откатилась дверь вагона. И тут произошло непонятное. Вместо того чтобы обрадоваться свободе, только что остервенело рвавшиеся ребята в нерешительности застыли в вагоне. Передние вцепились в боковые доски, никто не прыгнул на землю. Слышались растерянные голоса.

— Ребята, мы в плавнях...

— Выходите! Выходите все! — закричал Федор Михайлович. — Чего вы стоите? Бегите! Девушки — в плавни! Мужчины, открывайте соседние вагоны!

Чужой уверенный голос словно вывел людей из оцепенения. На насыпь прыгнуло несколько ребят, за ними посыпались остальные.

— Открывайте соседние вагоны! — надрывно кричал Федор Михайлович. И в этот момент заметил, что прямо на него надвигается солдат с автоматом...

— Цурюк!.. Цурюк!.. Хальт!.. — кричал солдат.

Остановившись, он прижал автомат к бедру и выпустил очередь по вагону, из которого в этот момент выскакивали девушки.

Три разом упали, одна поползла по земле с отчаянным криком.

Яша подскочил к солдату и выстрелил в упор.

Солдат повалился под колеса вагона.

Яша схватил его автомат.

— Бежим! — крикнул Федор Михайлович, увлекая парня в хвост состава.

Они попали в самую давку. Солдаты старались сдерживать толпу, стреляя по бегущим. И все же только немногие не успели выскочить из вагонов.

— Стрелять осторожно! — крикнул Федор Михайлович.

Стрелять издалека по солдатам — безумие. Убив одного, он может поразить и своих. Надо как-то отвлечь внимание охраны.

Яша достиг последнего вагона, приостановился, выстрелил в солдата, который свисал с подножки, что-то крича в толпу. Солдат рухнул на гравий.

Сейчас решали мгновения.

Едва Федор Михайлович скатился по насыпи, как услы-

шал свист пуль. Камыши замкнулись за ним, они секли лицо, а под ногами чвакала засасывающая илистая жижа.

Внезапно он провалился по пояс в холодную, обжигающую воду, охнул, выругался, чувствуя, как отяжелели сапоги и окоченели ноги.

Наконец он занял позицию, с которой можно было отвлечь внимание охраны огнем из автомата.

Он дал короткую очередь в воздух, затем быстро пробежал шагов двадцать в сторону и прострочил еще раз.

Да, расчет оказался верным. Его услышали. На насыпи замелькали силуэты солдат. Из окон вагона в сторону плавней полетели снопы огненных искр: солдаты стреляли наугад, в темноту. Они обнаруживали себя, и Федор Михайлович уже целился прямо в их вагон, посылая короткие очереди, экономя патроны и каждый раз меняя позицию. Это спасало его от пуль и в то же время создавало впечатление, что в камышах прячется большая группа.

Конечно, эта игра не могла продолжаться долго. Патроны были на исходе. Продержаться бы хоть минут пятнадцать, чтобы ребята успели укрыться в плавнях...

Федор Михайлович и сам не знал, какие силы в нем таятся. Он давно привык волочить ноги и ходить с согбенной спиной, а сейчас в этой холодной ночи, в этих враждебных, промозглых камышах ощущал в себе юношескую силу и подвижность.

Солдаты не решались входить в плавни. Ложились между рельсами, прятались за колесами вагонов. Несколько гранат, брошенных в камыши, разорвались в стороне, не причинив вреда.

Но вот остались последние патроны. Сколько же времени он продержался? Полчаса? Или больше? Сейчас надо уходить. В кармане все еще лежит граната, но бросить ее он не вправе...

Через десять минут он уже перебрался через насыпь и вновь скрылся в камышах. Искать в полной тьме людей из своей группы было совершенно бессмысленно.

«Передал ли Кира радиogramму?.. — думал Федор Михайлович. — Ведь если самолеты задержатся хоть на несколько часов, произойдет катастрофа: молодежь решит, что ее обманули. Подоспеют каратели, и начнется кровавая облава...»

Так или иначе, но остается одно — ждать рассвета.

Поздно вечером Савицкий сам пришел в хатку, где обоживались офицеры. Он не успел еще сказать ни слова, но весь его облик свидетельствовал о том, что час настал.

Перед выездом на аэродром офицеры сменили военную форму на гражданскую одежду. Сам Корнев тщательно осмотрел каждого. Выпили по сто граммов, закусили тушенкой и пошли к самолетам. На пустынном аэродроме механики заканчивали осмотр моторов.

— Ну, ребята, держись дружно! — напутствовал подполковник Корнев.

Распарывая ночные облака, самолеты мерно гудели. Дьяченко и Егоров молча сидели в хвосте, стянутые парашютными ремнями, и каждый по-своему представлял себе свое близкое будущее. До линии фронта оставались считанные минуты.

Сумеют ли они прорваться сквозь заградительный огонь?

Дьяченко прислонился к стеклу иллюминатора и посмотрел вниз. Кромешная тьма! Лишь где-то вдалеке шпарт по небу синеватые лучи прожекторов да желтеют сполохи пламени, которые, вспыхивая на земле, быстро угасают. Где-то бомбят.

Поколебавшись, Дьяченко коснулся руки Егорова. Тот обернулся.

— Слушай, Егоров!

Геня показал на уши — не слышно, мешают гудящие моторы, — и чуть придвинулся к Дьяченко.

Дьяченко нагнулся к его уху:

— Геня, забудь все...

Егоров понял, улыбнулся, пожал ему руку выше локтя и вновь откинулся назад.

У Дьяченко немного отлегло от души. Сейчас, когда они оказались вдвоем, он почувствовал в Егорове то спокойствие, которого ему не хватало.

Внутренняя собранность в минуты опасности была свойственна Егорову. Отец, который командовал полком на Украине, любил повторять слова Суворова: «Никогда никому не навязывайся и никогда ни от чего не отказывайся». «Не лезь в пекло, если туда тебя не посылают, а уж если послали, не ищи лазеек, иди вперед, борись» — так отец истолковывал эту поговорку. И Егоров, запомнив ее

с детства, тоже часто повторял ее, особенно когда обсуждал с Тоней ее дела и он удерживал девушку, как ему казалось, от безрассудных порывов.

Ах, Тоня, Тоня!.. Она представлялась ему такой маленькой, хрупкой! То, что она не погибла до сих пор в этой страшной войне, казалось ему чудом. И если бы это было в его власти, он немедленно отослал бы ее в Ташкент.

Так же как и Дьяченко, Тоня была украинка. Почему-то Егоров так и не запомнил ее отчества. Он и фамилии-то ее долго не знал...

Яркий луч света ударил откуда-то снизу, все иллюминаторы засверкали, внутри фюзеляжа все засветилось фиолетовым светом.

— Линия фронта! — крикнул Дьяченко и отшатнулся от оконца, словно боясь, что в него влетит пуля.

Мерно гудели моторы.

Пилот сделал крутой вираж, и самолет ушел еще выше, зарывшись в облака. Слева и справа замелькали яркие, добела раскаленные молнии. Линия фронта!..

Этакая дьявольская иллюминация, красивая, если смотреть со стороны. По самолету били автоматические зенитки, но летчик все время менял курс, сбивая артиллеристов с толку.

И опять мгла. Самолет летит в облаках. Не видно ни земли, ни звезд. Егоров взглянул на часы, три часа утра. Летчик говорил, что в заданном для приземления районе они будут примерно в четверть четвертого. Какое-то время потеряли на маневрировании, но все равно пора собираться.

Дьяченко понял, что наступают последние минуты перед прыжком. Самолет стал снижаться...

Вот распахнулась дверь кабины пилота, и штурман, немолодой, сухощавый человек, стараясь не споткнуться о ящики, деловито прошел в конец фюзеляжа, рывком распахнул дверь.

— Желаю удачи! — сказал он. — Быстрее, ребята! Высота тысяча метров!

Егоров на мгновение задержал руку штурмана в своей, кинулся во тьму головой вниз.

— Быстрее! — крикнул штурман Дьяченко. — Ну, давай!..

Дьяченко приостановился, чтобы собраться с духом, и рухнул в бездну.

Мрак... И лишь вдалеке буйство прожекторов, полосующих небо ослепительными лучами, яростно разрубающих его на части.

В какой момент его рука вырвала кольцо, Дьяченко и сам не помнил. Но, когда над головой громко щелкнул раскрывшийся парашют, Дьяченко пришел в себя. Земли он не видел, но она угадывалась по приближающимся снизу редким, разрозненным огням.

Их обоих ветром отнесло в плавни, но в непроглядной тьме они не могли найти друг друга. Тишина казалась неестественной. Дьяченко чудилось, что за каждым его движением упорно и выжидающе следят невидимые глаза. Крепко сжимая в руке пистолет, он осторожно раздвигал камыши. Под ногами хлюпала вода, иногда он проваливался по пояс, и огненный холод зябко сковывал тело.

И вдруг — тихий свист. Это Егоров! Он где-то совсем рядом, зовет!

Дьяченко замер, вглядываясь во тьму. Свист повторился. Кажется, справа.

Да, точно. Вот он, кажется, возится с парашютом, не может отцепить от куста.

Дьяченко приблизился. Ножам они располосовали тугой тонкий шелк, сорвали его по кускам. Белая грудa, казалось, дышала под порывами ветра у их ног.

Егоров снова тихо свистнул, но никто не отозвался.

— Наверное, все разошлись в разные стороны, — сказал Дьяченко. — Двинем и мы!..

Но не прошли они и ста шагов, как Егоров тихо окликнул Дьяченко, который пробирался сквозь камыш чуть левее.

— Подойди-ка...

В камышах, уткнувшись в грунт, светлел большой тук с оружием. Они отделили парашют, оторвали от него неширокую ленту и привязали к ближайшему кустарнику. Минут десять ушло на то, чтобы надежно прикрыть тук вырванным камышом, зато теперь уже у них был свой арсенал.

Но где же те, ради кого они пробираются по этим треклятым, промозглым плавням? Неужели штурман ошибся в маршруте и высадил группу в другой стороне?

Вдруг оба замерли, прислушиваясь. Издалека донеслись выстрелы. Натренированный слух не мог обмануть! Да, это были немецкие автоматы. Это рвались гранаты...

— Наконец-то, дорогая домнишуара, вы дома!

Леон Петреску стоял в дверях, весело улыбаясь. В руках он небрежно держал элегантно перевязанный шелковой ленточкой небольшой сверток.

О румынские офицеры! Первая их забота — произвести впечатление на женщину.

Форма на Леоне была тщательно выутюжена, сапоги будто впервые надеты, а тонкости духов могла бы позабавить любая красотка из «Черной кошки».

Переступив порог, он дружески чмокнул Тоню в щеку.

— Здравствуй, — сказала Тоня, принимая из его рук сверток, который он вручил с легким шутливым поклоном.

— Надеюсь, по старой дружбе мы выпьем по рюмочке коньяку?

Да, он держал себя здесь и впрямь как старый друг дома. Пока Тоня искала в буфете рюмки, он снял шинель и стал рассказывать по комнате, вглядываясь в фотографии.

— Это отец и мать? Какие славные лица!..

Тоня разыскала наконец две граненые рюмки из зеленоватого бутылочного стекла и смущенно поставила их на стол. Рядом с бутылкой французского коньяка и конфетами в яркой глянцевой коробке они выглядели простецки, как лапти рядом с модными туфлями. Впрочем, Леон не обратил на это внимания.

— Итак, моя спасительница, — продолжал он, разливая коньяк по рюмкам, — выпьем за нашу дружбу?

— Выпьем! — сказала Тоня и лихо запрокинула рюмку.

— Ого! — воскликнул Леон. — Да ты отличный собутыльник! Но коньяк — не водка. Его надо пить маленькими глотками... Вот так! — И он немного отпил. — Его надо смаковать... Он должен доставлять наслаждение... Милая домнишуара, тебя надо еще воспитывать...

Он расстегнул верхнюю пуговицу мундира и пересел на стул поближе к Тоне. Очевидно, он никуда не торопился, и Тоня даже обрадовалась случаю провести вечер не так тоскливо и одиноко, как обычно. Ведь ночного пропуска у нее не было, и вечера казались бесконечно длинными и тягкими.

— Ну, рассказывай! Как твои дела?

Он разговаривал и разглядывал ее с той дружелюбной иронией, в которой таилось сознание собственной силы. «Я тебя не подвел,— как бы говорил взгляд его прищуренных темных глаз.— Вот видишь, все в порядке. Но если тебе что-нибудь нужно, выкладывай, я помогу».

— Какие же у меня дела? — сказала Тоня, пытаясь понять, знает ли Леон о предложении, сделанном ей в комедантуре.— Вот видишь, сестры не застала... Одной тоскливо, и потому я стараюсь поменьше бывать дома.— Она невольно отвела глаза.

Леон взял ее руку, крепко сжал.

— Слушай, давай поговорим серьезно,— сказал он, все еще продолжая улыбаться.— Ты ведь умеешь быть серьезной, не правда ли?..

Он встал и прошелся по комнате. Несомненно, он был красив и знал об этом. Но к Тоне он относился, как к хорошему парню, которому можно доверять, и пришел сюда, очевидно, не в погоне за очередным приключением, а, скорее всего, просто от одиночества.

— Я не спрашиваю, кто дал тебе те деньги, и не интересуюсь, кому ты их передала,— это твое дело. Только твое...

Рюмка выпитого коньяка уже коварно кружит голову. Тоня видит, что улыбка в прищуре его глаз словно зажата в тиски, и вдруг ей становится весело.

— А ты ведь мог и не вернуть их мне! Верно, Леон? — засмеялась Тоня.— Три тысячи марок — не шутка!

— Ты что же, принимаешь меня за мелкого воришку?

— Ну, зачем же так! Наоборот, я их ukrала, ты же знаешь.

— И продолжаешь настаивать на этой версии?

— Да! Настаиваю! Впрочем, ты сказал, что это тебя не интересует.

Он вынул пачку сигарет и закурил.

— Да-а,— проговорил он обиженно.— Я всегда забываю, как обманчива твоя внешность. И хотя я обогнал тебя лет на пятнадцать, но мне кажется, что старше ты, а не я.

— Женщина всегда рано взрослеет,— наставительно сказала Тоня.— А мужчина в двадцать лет еще совсем мальчишка,— и, вспомнив о своем Егорове, невольно вздохнула.

Геня, Геня, где ты сейчас? Она вспомнила хатку разведотдела, и ей так захотелось хоть минутку посидеть у ярко

пылающей печки, что она даже зажмурилась, зябко поведя плечами.

— Зато сейчас мы находимся примерно в равных отношениях.— Леон снова присел к столу и налил себе рюмочку.— Это дает мне право говорить с тобой, как мужчина с женщиной.

— Конечно!

— Ну, а теперь ответь мне на один вопрос: где ты ночуешь, когда тебя нет дома? Это мне интересно. Тем более, что стало известно, будто Фолькенец в чем-то рассчитывает на тебя.

— Ах, так! Это тебе интересно? — Сузившимися глазами Тоня следила за выражением лица Леона, стараясь понять, что же именно он знает.

— Я пришел для серьезного разговора,— произнес Леон, оставив игривый тон.— Учти: Фолькенец не только хранит тайны, но и создает их. Он близок с генералом фон Зонтагом и наверняка думает о своей карьере.

— Но при чем здесь я? Я, кажется, откровенно!

— Мне тоже так казалось до вчерашнего дня. А вчера...— Он понизил голос и сказал почти шепотом: — На фронте плохие дела.

Она с трудом сдержала радостную улыбку.

— Новое отступление?

— Как будто да! — Он яростно стукнул кулаком по столу.— Они во всем обвиняют нас! Нас, румын!.. Они издеваются над нами. Транснистрию, говорят, захотели, а погибать за вас, румын, должны мы?!

— Успокойся, Леон! Румыны прекрасный народ, вы талантливее и честнее немцев.

Он усмехнулся:

— Ладно! Дело сейчас не в этом. Но, Тоня, я хочу, чтобы ты уехала отсюда, пока еще можно.

— Куда?

— Я могу достать тебе пропуск на «Лаудон». Корабль с тяжелоранеными послезавтра уходит в Констанцу. Ты станешь санитаркой.

— Зачем мне в Констанцу? Что я там буду делать?

— В Бухаресте у меня родители. Я дам тебе к ним письмо. Тебе уже нельзя здесь оставаться.

— Почему?

Он потерял терпение:

— Да потому, что Одесса обречена! И если ты

останешься...— Он выразительно провел пальцем поперек горла.

— Я не могу уехать,— тихо проговорила Тоня.

— Не можешь? — В его голосе послышались жесткие нотки, которые сразу насторожили Тоню.— Почему ты не можешь? — резко спросил он.

— Я боюсь ехать одна, без тебя,— пролепетала она так искренне, что он не мог ей не поверить, а сама мучительно думала: «Чего он от меня хочет? Зачем он меня испытывает?»

Леон снова взглянул на нее. В его глазах уже не осталось ничего, кроме злой решимости.

— Тоня,— сказал он холодно и печально,— я теперь убежден — ты связана с гестапо. И мне остается спросить тебя лишь об одном: если Штуммер заставит тебя работать на себя, если он поручит тебе следить за мною и доносить на меня, я буду это знать?

— Но вы как будто друзья?

— У него вообще нет друзей.

— Сделай так, чтобы он оставил меня в покое,— тем самым ты избежишь опасности хотя бы с этой стороны.

— Это уже не в моих силах.

— Но что же произошло? Что случилось? — с неподдельной тревогой спросила Тоня, подумав, что вот ей-то теперь действительно не на кого надеяться.

Он пожал плечами:

— Что случилось? Ничего, кроме того, что они нам больше не доверяют.— Внезапно Леон вскочил и подбежал к окну.— Кто там? Кто? — резко крикнул он, и его рука рванулась к пистолету.— Погаси свет! — скомандовал он.

Тоня повернула выключатель. Откинув занавеску, Леон прижался к стеклу.

За окном темнели деревья, по черному небу медленно скользил серебристо-голубой луч прожектора, и вдруг он исчез, словно поглощенный этой черной бездной.

— Тебе показалось,— сказала Тоня, чтобы успокоить его.— Никого там нет.

Леон тщательно задернул занавеску, снова зажег свет, и они заняли свои места за столом.

— Подумать только, как давно я не сидел вот так спокойно! — проговорил он.— Последний раз это было три года назад, в канун войны, в Плоешти. Меня сватали за дочку фабриканта. Если бы не война, я торговал бы теперь

сервантами или кушетками.— Он с горькой улыбкой оглядел комнату.— И тебе бы подарил ореховый гарнитур, а? Ты приняла бы от меня этот скромный дар?

— Я приму его после войны,— засмеялась Тоня.

— Нет уж! Фабрика, вероятно, сгорела, а невеста моя перезрела или вышла замуж... Впрочем, хватит шутить! — прервал он себя.— Если ты решила остаться в Одессе, устраивайся на работу.

— Куда?

— Думаю, что тебе скоро предложат. За этим дело не станет.

— Но я могу отказаться?

— Нет! Это будет приказ. В общем, славная моя домнишуара, тебе еще предстоят испытания. Но положишься на меня. Может быть, я у тебя и не единственный друг, но зато самый верный.— Он произнес это со значением и поднялся, надел шинель, тщательно застегнул все пуговицы и опять с улыбкой взглянул на Тоню: — Мы еще увидимся... Но дней пять меня не будет.

— Ты уезжаешь?

— Да! То есть нет... Фолькенец забирает меня на одну небольшую операцию... В Днестровских плавнях разбежался целый эшелон. Самоубийцы! Решили погибнуть от голода в камышах, лишь бы не ехать в Германию. Но их быстро выловят — в распоряжении Фолькенеца два батальона... Да! — вдруг вспомнил он и, достав из кармана пачку денег, положил на край стола.— Обязательно приоденься. Может быть, нам придется кое-где появляться вместе. Ведь ты моя спасительница, и мои друзья хотят на тебя взглянуть.

Он опять поцеловал ее в щеку и вышел. Когда его шаги затихли, Тоня приоткрыла дверь, осторожно выглянула на лестницу. Никого!.. Быстро накинув пальто, она выбежала на улицу.

Она давно уже приучала себя не верить обманчивой тишине улиц, проходим, как будто спешащим по своим делам. До квартиры, где ее ждала радистка, было всего несколько кварталов, напрямик — пять минут ходьбы, но Тоня петляла по городу больше часа, заходила в магазины, посидела в сквере и даже вошла в раскрытые двери церкви. А через два часа на столе Савицкого лежало расшифрованное сообщение о том, что в плавни направлено два батальона карателей, которых возглавляет полковник Фолькенец.

Савицкий приказал немедленно радировать в плавни, чтобы там приготовились к встрече с противником.

Имя полковника Фолькенеца ему уже было знакомо. О существовании этого полковника он узнал совсем недавно, но проявлял к нему все нарастающий интерес.

Глава седьмая

Какая дьявольская пытка три часа томиться вжатым в дрезину, чувствовать, как острый угол ящика с пулеметными лентами вгрызается тебе в бок, и молчать, тревожно поглядывая в узкую щель на заброшенные поля, которые печально проносятся мимо в безжизненном однообразии!

Стучит, гремит и подпрыгивает на стыках рельсов бронированный корпус. Он может защитить от пуль станкового пулемета, но если под рельсами взорвется мина, то этот чертов гроб на колесах закувыркается с насыпи, и, пока он еще будет лететь, все головы расколуются, как тыквы, о бесчисленные железные выступы.

Скоро ли наконец эти плавни?! Плавни, которым, говорят, нет ни конца ни края. Добраться бы хоть до них живыми!

Леона раздражали поблескивающие в сумерках очки Фолькенеца, сидевшего рядом со Штуммером позади пулеметчика; раздражала напряженная спина Штуммера в зеленой шинели, заслоняющая передний люк, так что невозможно было рассмотреть, что же делается впереди.

Три часа в обществе Фолькенеца! Нет, пускай они и считаются друзьями, столь длительное пребывание рядом вселяло в Леона ощущение смутной тревоги.

Удивительно, как мало Фолькенец похож на военного! А ведь Канарис считает его одним из лучших своих разведчиков. Об этом как-то проговорился командующий немецкой армией генерал фон Зонтаг. Интеллигентная улыбка, бледное, всегда тщательно выбритое лицо, очки без оправы, с двумя золотистыми дужками, светлые приветливые глаза, в которых лишь изредка мерцают гневные искорки, — невероятно, как за такой внешностью может таиться столь зловещая сущность.

Гестаповец Штуммер формально не подчинен Фолькенецу, но, конечно, понимает свою зависимость от него. И он

отдает должное опыту полковника, старается подражать ему, даже его манерам.

С тех пор как Леон так счастливо бежал из плена, в его жизни словно бы ничего не изменилось, он вновь стал офицером связи между румынским и немецким штабами, а фон Зонтаг не только не лишил его своего доверия, но наоборот — сам обратился к румынскому командованию с просьбой представить Петреску к награде. Впрочем, может быть, именно поэтому Леон так и не получил ордена: начальник штаба генерал Манулеску не терпел вмешательства немцев в его дела и по возможности решительно этому противодействовал.

Леон вспомнил ту трудную минуту, когда одно его слово решало судьбу Тони. Уличив ее во лжи, он предал бы ее. Но ведь она спасла ему жизнь! Нет, ни Штуммеру, ни Фолькенецу никогда не понять ужаса, который пришлось ему пережить в маленькой хатке на краю безвестной деревни. Нет, им неведомо, как останавливается сердце и холодеет тело при звуке приближающихся к дверям скрипучих шагов. А ночное бегство по полям... А «ничейная» земля, к которой оба они прижались, преследуемые огнем с двух сторон... Ведь это же огромная жизнь!..

В конце концов, он и на самом деле не знает, из какой деревни они бежали. Туда его привезли почти в бессмысленности, а обратно он пробирался во мраке, с раскалывающейся от боли головой. И он вообще ничего не утверждает, кроме того, что его должны были расстрелять, а русская девушка Тоня его спасла!

Впрочем, обо всем этом ему не хотелось думать. Не хотелось думать и о том, что его ожидает в плавнях. Да, в невеселую командировку он угодил! Когда он сказал Тоне, что Фолькенец берет его с собой на небольшую операцию, он и сам верил в безнадежность положения тех, кто прятался в плавнях. Он считал, что голод и холод вынудят их всех с повинной вернуться к эшелону.

Однако ранним утром следующего дня в штабе началась лихорадка. Из плавней по телефону сообщили, что ночью появился неопознанный самолет. Возможно, сброшен десант! Это сразу изменило картину. Группа диверсантов, организовавших массовое бегство из эшелона, — несомненно серьезная сила, поддерживающая связь через линию фронта.

В гестапо составлялись подробные списки всех, кто

имел хотя бы малейшее отношение к формированию эшелона, — начиная с чиновников магистрата и кончая путевыми обходчиками. Инцидент с платформой, которая внезапно оказалась на пути машин, уже не казался простым невинным случаем, результатом недосмотра.

Фолькенец позвонил Манулеску и, не выбирая выражений, приказал немедленно снять с эшелона румынскую команду. Он назначает охрану только из немецких солдат!

На этот раз Манулеску оказался сговорчивей. Ссора с фон Зонтагом может окончиться телеграммой Антонеску, и тогда-то начнутся серьезные неприятности! И он заявил, что немедленно направит в плавни майора Петреску, который произведет строжайшее расследование на месте, и он, Манулеску, всех виновных, всех до единого, отправит в штрафные роты или отдаст под трибунал.

— Майор! — услышал Леон сквозь грохот. — Идите сюда! — Фолькенец подвинулся на своей узкой скамейке.

Наконец-то можно избавиться от пытки, но все же Леон помедлил.

— Идите сюда! — настойчиво махнул рукой Фолькенец. — Довольно вам там скучать в одиночестве!

Леон приподнялся, тихо охнул и протиснулся за спиной пулеметчика. Штуммер подвинул колени и рукой подержал его под локоть.

— Ну, ну! Смелее!

Нет, все же лучше сидеть в тесноте, но чувствовать, как начинаешь отходить твой истрадавший бок.

— Мы отчаянные головы, — услышал Леон голос Фолькенеца. — Трясемся в этой колымаге, хотя куда безопаснее было бы ехать на машинах вместе с батальоном. Фон Зонтаг, наверное, уже нас клянет, — сказал он весело. — Он же считает, что мы должны мчаться со скоростью самолета! Когда сидишь в штабе и ждешь, то всегда кажется, что время тянется бесконечно, — улыбался Фолькенец. — Ну, Леон, вам предстоит неприятная работа. Впрочем, я не думаю, что придется рубить много голов. В конце концов, не все же виноваты в том, что дорога плохо охранялась!

— Вот именно, — согласился Леон и, взглянув на Штуммера, заметил, что тот поспешно отвел глаза.

— Главное, — продолжал Фолькенец, — как можно быстрее закончить дело в плавнях. Мы не станем сразу отправлять назад ваших солдат, а потом, когда операция закончится, доложим, что и они отличились. Согласны?

Леон не успел ответить, как Штуммер воскликнул:

— Вы великий дипломат!

— А что? Нельзя серьезные дела решать стгоряча. Ведь не всегда виноват тот, кто на первый взгляд кажется виноватым. Не правда ли?

— Мудро! — кивнул Штуммер. И вдруг коснулся рукой колена Леона: — А что вы можете сказать о вашей спасительнице?

Вопрос был задан внезапно, но по тому, как встрепетнулся Фолькенец, Леон понял, что он был продиктован не пустым любопытством или дорожной скукой. Нет, это было нечто совсем иное...

— Она очень милая девушка, — сказал Леон. — Недавно мы с Фолькенецем встретили ее на Дерибасовской. — Леон умышленно взял себе в союзники Фолькенеца: пусть они думают, что он не виделся с Тоней после той встречи.

— Все-таки это очень нехорошо, Леон. По существу, вы бросили девушку на произвол судьбы. — В голосе Фолькенеца прозвучал дружеский упрек, не более того. Это было сказано так по-человечески просто, что Леон невольно смутился.

— Но я сделал для нее все, что мог, — возразил Леон. — В конце концов, спасая меня, она достигла того, к чему и сама стремилась: вернулась домой!

— Нет, нет, — продолжал Фолькенец все в той же мягкой, даже полущутливой манере, — вы, Леон, меня огорчили. Румынские офицеры так с девушками не поступают! — И он с силой хлопнул Леона по плечу. — Да, кстати, не удалось ли вам все-таки вспомнить точный путь, каким она вела вас через линию фронта?

— О господи, — засмеялся Леон, — вы все еще об этом думаете?

— Приходится, — вздохнул Фолькенец, — уж так устроена моя голова! Да и профессия обязывает. Трудная! Пожалуй, доведись мне начать все сначала, я выбрал бы что-нибудь полегче: открыл бы, например, адвокатскую контору.

Штуммер кашлянул, и грубые, крупные черты его лица смягчились в веселой улыбке.

— О, господин полковник, а я-то считал, что вы нашли свое призвание!

— Нет, нет, — серьезно возразил Фолькенец. — Кончится война, и я сразу же подам в отставку. Мне уже сорок пять, лучшие годы прошли в непрерывных заботах, во

взвешивании и анализировании чужих поступков. Вот вы, к примеру, смеетесь надо мной,— обратился он к Леону,— а ведь я сумел доказать, правда самому себе,— подчеркнул он, понимая, что в этой ситуации правильнее сохранять корректность,— что русская девушка, возможно, и не намеренно, но дала нам крайне неточные сведения.

— Вы подозреваете, что она...

— Совершенно верно! — прервал Леона Фолькенец и размеренным голосом продолжал: — Мои люди повторили ваш предполагаемый путь, туда и обратно. В покинутой деревне обнаружены лишь голодные собаки и одичавшие кошки.

— Но за это время штаб мог и переехать,— возразил Леон.

— Нет, его там никогда не было,— твердо сказал Фолькенец.— Все дома разрушены по всем признакам еще нашей зондер-командой при отходе. Не осталось следов ни от машин, ни от временной электропроводки. В общем, как хотите, Леон, но вы доставили мне много хлопот. Впрочем, я не сержусь.

Леон почувствовал на себе испытующе-иронический взгляд Штуммера и все отчетливее понимал, что от него ждут признания, чтобы потом, по возвращении в Одессу, устроить очную ставку с Тоней.

— Но у меня нет никаких оснований не верить тому, на чем настаивает русская девушка,— сказал он.— Поверьте, мне было в ту ночь не до топографии.

— Не помните ли вы,— спросил Фолькенец,— есть ли в той деревне, где вас держали под арестом, церковь?

Леон совершенно точно помнил — никакой церкви не было. Но, возможно, церковь существует в той деревне, о которой говорила Тоня? А что, если вопрос — лишь хитрый ход Фолькенеца? Расчетливая проверка? И в этой деревне тоже нет церкви?

— Клянусь, не знаю! — ответил он, переводя взгляд с лица Фолькенеца на лицо Штуммера и обратно.— Меня водили на допрос, а это всегда было поздним вечером. И я глядел себе под ноги, чтобы не утонуть в луже.

— А из окна? — спросил Штуммер.

— Из окна я видел только поле!.. Они ведь тоже понимали, что мне не следует показывать лишнее.

— Какая для них разница, если они решили отправить вас к праотцам? — сказал Штуммер.

— Это правда... Но ведь для меня отвели не личные апартаменты,— парировал Леон.— В этом доме, как я понимал, до меня перебивали многие... И не всем из них, вероятно, готовилась столь печальная участь! Если бы я был сговорчивей...

Фолькенец улыбнулся:

— Я не ставлю вас под сомнение, Леон. Вы совершили поистине героический поступок! Суметь так обработать русскую девчонку! Как вам удалось? Расскажите хоть об этом!

— Да, да! — оживился Штуммер.— Это очень интересно! Не скрывайте, она в вас влюбилась?.. — Он лукаво прищурил правый глаз и быстрым мальчишеским движением лихо сбил на затылок фуражку.— Рисковать жизнью из-за какого-то пленного! Да она могла бы сбежать и сама и перебраться через линию фронта где-нибудь на более спокойном участке.

— Но в том-то и дело, что она не хотела допустить моей гибели!

— Это, конечно, благородно,— проговорил Фолькенец.— Значит, вы полагаете, что у нее не было при этом никаких, так сказать... ну, побочных, что ли, интересов...

— Почему же? — возразил Леон.— Именно я и являлся побочным, а основной целью было вернуться в родной город и найти сестру. Спасая меня, она, скорее всего, хотела в известной мере искупить свою вину за то, что служила во враждебной нам армии.

— Значит, вы признаете, что ее поступок был не так уж бескорыстен? — спросил Фолькенец, доставая новую сигарету.— Курите! Курите! Кто знает, сколько каждому из нас осталось еще сигарет до конца жизни...

— Вы очень мрачно шутите,— заметил Штуммер, но сигарету взял.

— Мне думается,— затянувшись, заговорил Леон,— что вы ищете в ней тот рационализм, который ей не свойствен. Я склонен считать, что просто-напросто мое появление подтолкнуло ее к действию, а решение она приняла давно, но боялась бежать одна. Вы ведь с ней разговаривали. Вы видели, какая она беззащитная? Как она рыдала тогда, находясь рядом со мной, чья судьба была уже predetermined! На всю жизнь запомню эти слезы... На всю жизнь!.. В этот момент, очевидно, и произошел окончательный перелом.

— Но почему все-таки она солгала? — спросил Фолькенец.

— Я убежден, что она вообще толком не разбирается в карте.

— Но от этого пройденный вами путь не становится короче, — заметил Штуммер.

— Так или иначе, у меня к вам просьба, — сказал Фолькенец. — Впрочем, думаю, что Штуммер к ней присоединится: почаще встречайтесь с этой самой Тоней. Я убежден, что вы выполните свой долг, и если наши сомнения подтвердятся...

Он не договорил, повернулся к пулеметчику и долго глядел через его плечо в открытый люк. Леон тоже нагнулся и вдруг увидел рядом с насыпью бескрайние серо-зеленые камышовые заросли, словно изъеденные густой коричневой ржавчиной.

Плавни!.. Дремучие болота, в которых, вероятно, водятся и ядовитые гады. Огромные, глухие пространства, которые могут бесследно поглотить не только какую-нибудь тысячу человек, но и целую армию!

— Да-а, — высоким фальцетом протянул над ухом Леона Фолькенец, — не хотел бы я быть на их месте...

У Штуммера явно испортилось настроение. До сих пор о существовании плавней он знал только понаслышке и не представлял себе их размеров. Он думал, что предстоящая операция — нечто вроде прочесывания густого кустарника, но, когда он увидел, как тускло поблескивает в глубине камышей гнилая вода, и понял, что преследовать противника в этих джунглях опасно, он заметно поуял.

— Слава богу, что в задание не входит организация преследования, — сказал Фолькенец. — Мы должны лишь определить виновных, разобраться в обстановке и доложить фон Зонтагу свои выводы.

Глава восьмая

Ночь казалась бесконечной. Рассвет принес некоторое облегчение — все же можно было без компаса определить, где север и где юг.

Но куда идти? Где спрячутся бежавшие из эшелона?

— Над этим голову не ломай, — сказал Дьяченко, мучившийся с голенищем сапога, который он опрометчиво

стащил с ноги, чтобы вылить воду: теперь сапог ни за что не хотел натягиваться на выжатую портянку. — Помоги, слышишь, — пыхтел он. — Тяни за правое ушко, а я — за левое... Подожди же, притопну!..

И вдруг, не сговариваясь, оба бросились ничком на колючую мокрую траву. Совсем близко зашуршал камыш и послышались приглушенные голоса.

— Ребята из эшелона? — прошептал Дьяченко.

— Тише!..

Треск, чавкающие звуки, негромкий осторожный говор, но ни одного слова не разобрать.

Сколько человек там, в темноте?.. Пять? Десять? Шум то усиливается, то затихает в отдалении.

— Может быть, они ищут нас? — прошептал Дьяченко. — Давай откликнемся.

— Тише! — Егоров напряг слух, пытаясь разобрать хотя бы одно слово из доносящегося рокота голосов. — Они первыми должны окликнуть, если ищут.

— А если боятся?..

Внезапно вдалеке, очевидно на насыпи, взвилась белая ракета. Несколько мгновений она пылала над плавнями яркой звездочкой, и ее мертвенный свет невольно заставил Егорова и Дьяченко замолчать и сильнее вжаться в траву.

И сразу же в глубине застучали автоматы. Этот внезапный переход от полной тишины к яростной стрельбе взвинтил и без того уставшие от напряжения нервы.

— Неужели они нас окружают? — спросил Дьяченко и лягнул в темноте затвором автомата. — Что будем делать? Они же нас перестреляют.

— Замолчи!

Егоров приподнялся и взглянул вверх камышей: ему почудилось, что во мраке движутся тени. Вглядевшись, он убедился, что, раскинувшись цепью, прямо на них шли солдаты.

Егоров вскинул автомат и долгой очередью полоснул вверх плавней. Порывисто вскочил Дьяченко и, никого не видя, потому что солдаты тут же исчезли, тоже открыл огонь.

Из темноты донесся дикий, почти нечеловеческий крик, то захлебывающийся, то переходящий в рев.

— Кого-то подсекли! — сумрачно проговорил Дьяченко. — Наверно, умирает...

Они вглядывались во тьму, прислушивались к каждому

шороху. Стрельба в стороне начала замирать. Раненый еще кричал, но стон доносился издалека.

— Уходят! — сказал Егоров.

Внезапно он почувствовал такую усталость, что рухнул на мокрую траву и тут же впал в полузабытие. Дьяченко пытался ему что-то объяснить, и он слышал над ухом его бубнящий голос, но не мог понять ни слова. Когда Геннадий очнулся, над плавнями занимался рассвет. Среди камыша недвижно висели белые хлопья тумана. Из глубины доносились булькающие звуки и резкий клекот. Суматошно взмахивая крыльями, низко кружили какие-то черные птицы, несомненно спугнутые со своих гнезд.

— Как по-твоему, это вороны? — сказал Дьяченко: он так и просидел всю ночь рядом с Егоровым, не сомкнув глаз.

— Какие же это вороны, Дьяченко!.. Ты даже в птицах не кумекаешь!

— Мы с тобой одинаковые специалисты. Индюка от курицы еще отличим... Ну, двинулись!.. Куда?

Все тело ломило, в коленях словно ослабли шарниры, качало, даже когда Егоров стоял на месте. Но он сказал все же:

— Пойдем. Наши где-то поблизости. Ты же слышал, стреляли совсем рядом. — И двинулся вперед, раздвигая руками упругие стебли камыша.

Главное — не сбиться с курса, все время двигаться в одном направлении, иначе они не смогут вернуться назад и разыскать место, где спрятано снаряжение.

Рассвет наступил быстро, и Егоров подумал о том, что всегда, когда возникает опасность, все в природе как бы меняется. Вернее, не в самой природе, а в том, как начинаешь ее воспринимать. Так, например, он стал люто ненавидеть лунные ночи. Даже диск луны, поднимающийся над горизонтом, не вызывал поэтических чувств. Самые страшные ночные бомбежки он пережил именно тогда, когда луна подсвечивала вражеским бомбардировщикам и они без труда находили цели. Перестал любить и море, с тех пор как участвовал в десанте под Керчью. Волны бросали катер, мешая целиться в противника, артиллерия которого точно клала снаряды. Получив пробойну, катер едва дотянул до мели. Оставшиеся в живых спасались в лагерь. Рядом с его головой цокали пули, поднимая маленькие смерчи. Из сорока человек достигли берега всего четырнадцать.

Ночь! И она не помогла. На этот раз не помогла. Не прикрыла.

Наступает день — и снова все меняется...

В глубине камышей глухо выругался Дьяченко.

— Ты чего? — окликнул Егоров.

— Чуть ногу не сломал! Дьявольская яма!

...Тишина. Лишь хрусткий шорох. Где птицы? Продолжают кружить, но, словно заманивая людей, отлетели еще дальше.

— Егоров!

Руки вскинули автомат. Он шарахнулся в сторону и тут только сообразил, что голос, который его окликнул, принадлежит полковнику Богачуку, командиру десантников, человеку лет сорока, тяжеловатому, с мощными плечами. Говорили, что до войны он брал первые места в каких-то соревнованиях по борьбе и крепкая хватка не раз выручала его в нелегкой службе десантника.

— Ты куда? — замахал руками Богачук, решив, что Егорова обмануло эхо. — Мы здесь! Давай сюда! Быстрее...

Егоров обернулся и увидел в зарослях кряжистую фигуру полковника.

Через минуту он и Дьяченко выбрались на небольшую, сравнительно сухую лужайку, примерно такую же, на какой дожидались рассвета. Их окружили офицеры.

— Где вы бродили всю ночь? — раздраженно спросил Богачук. — Мы уже решили, что вы заблудились!.. — Он взглянул на Дьяченко, на его лицо, ставшее серым за эти несколько часов, и, словно извиняясь за резкость, добавил: — На вид мужик ты крепкий, а скукожился, как старуха. Ну, что вы видели?

— Пока ничего, — сказал Егоров. — Мы решили, что вас обнаружили.

— Нет, они не нас искали, — возразил Богачук. — Охрана эшелона решила устроить ночную облаву.

— Но по кому же они стреляли?

— Ни по кому. Страх на молодежь наводили.

— Хорош страх! — заметил Егоров. — Они на нас цепью шли!

— Это вы кого-то подстрелили?

— Мы.

— Ну дела! — вздохнул Богачук. — Конечно, рановато мы себя обнаружили, но другого выхода не было. Они рассчитывали поднять панику... Сначала тихонько подкрались,

а потом — сигнал... Ракета... И внезапный удар с разных сторон!.. Сколько тюков напши? — спросил он, давая понять, что пора переходить к конкретным делам.

Теперь уже на этом маленьком пятачке собрались все. Так как прыгали из самолета один за другим, кучно и со сравнительно небольшой высоты, ветер не успел разметать парашюты в разные стороны.

— Два,— сказал Егоров.

— Где они?

— Надежно замаскировали.

— А сами-то найдете?

— Найдем, если не будем много петлять.

— Далеко отсюда?

— Километра полтора,— подумав, сказал Егоров.

— Если не больше,— меланхолично заметил Дьяченко.

Путь, который они прошли, сейчас казался ему неимоверно длинным.

Офицеры переговаривались, томясь от вынужденного бездействия. Когда же наконец Богачук скажет им, что делать дальше? А он, присев рядом с радистом, хмуро поглядывал на ручные часы и, скрывая беспокойство, выжидал, когда откликнется рация подпольщиков. Она молчала уже столько часов!

Из тех, кто сейчас входил в их группу, Егоров и Дьяченко почти ни с кем не были знакомы. С Богачуком они, правда, изредка встречались в штабе, а остальных впервые увидели во время инструктажа у Савицкого. Богачук же знал, что эти двое в группе временно и, как только позволит обстановка, он их отпустит. Впрочем, остальные тоже догадывались, что двое из штаба прикомандированы к группе с каким-то особым заданием, и приглядывались к ним, не скрывая интереса.

Уже совсем рассвело, а Богачук продолжал сидеть у радики. Сержант-радист непрерывно крутил ручки настройки, и щеки его, перечерченные шнурами телефонов, временно нервно подергивались.

— Ну что? Слышишь что-нибудь?.. — в тысячный раз спрашивал Богачук.

Радист только покачивал головой и отмалчивался.

У Богачука истощилось терпение.

— Черт подери! Они наверняка в каком-нибудь километре от нас! Хоть бы со штабом связались, бестолковые люди!

— А чего мы, собственно, ждем? — спросил вдруг Егоров высокого капитана, неторопливо бинтовавшего себе шею, которую он поцарапал о камыши, неудачно приземлившись.

— Где-то в плавнях шурует группа одесских подпольщиков. Залезли — и носа не кажут. А мы из-за них зря время теряем! — зло сказал капитан.

— Не выходят на связь?

— Вот именно! А без них нам вслепую и за неделю народ не собрать... Завяжем в этих болотах!

Егоров приблизился к Богачуку:

— Товарищ полковник! Может, мы за тюками пока сходим?

Но именно в этот момент у радиста снова задержались щеки, и Богачук раздраженно обернулся:

— Отойдите! Не мешайте!

— Товарищ полковник, товарищ полковник! — сухими губами прошептал радист. — Нас вызывают! — Он крепко прижал к уху наушник и замер. — Они близко, совсем рядом... Прямо дробью в ухо бьет!..

— Передавай, чтобы шли сюда!

— Без шифра?..

— Какой еще шифр?! Пусть скорее идут на северо-восток... — И тут же обратился к офицерам: — Внимание! Связь установлена! К нам идут! Рассыпаемся в цепь на расстоянии слышимости и двинем навстречу! Пароль — «Синица», отзыв — «Соловей». Понятно? Радист остается! С ним двое для охраны. Вы, Коробов, и вы, Дьяченко...

Дьяченко перевел дыхание, хотел что-то возразить, но так ничего и не сказал, лишь растерянно взглянул на Егорова и безошибочно прочитал на его лице: «Поступай, как приказывают».

Невысоко просвистела мина и взорвалась где-то в стороне.

Взвихрилось и медленно поползло над плавнями облако белого дыма.

— Началось! — сказал кто-то.

Но второго залпа не последовало.

Егоров двигался по пояс в холодной воде, теперь уже привычно прощупывая дно при каждом новом шаге. Он много читал о том, как в годы гражданской войны партизаны прятались в плавнях, которые представлялись ему надежным укрытием. А на самом деле это одно из самых

гиблых мест на земле, и если группа прокопается еще здесь несколько часов, то немцы всех перестреляют с самолетов. К счастью, серые облака беспроглядны, авиация вряд ли будет действовать. «Как будто погода сегодня работает на нас», — подумал Егоров, и эта мысль несколько примирила его с положением и с промозглыми камышами, которые все же укрыли спасающихся от фашистов парней и девушек.

Не прошло и пятнадцати минут, как где-то вдали раздалось протяжное: «Ого-го!..» Это был сигнал, что встреча произошла и всем следует немедленно вернуться назад.

Теперь только бы не заблудиться! Сближаясь, офицеры непрерывно окликали друг друга. Наконец Егоров услышал тонкий голос Дьяченко, на разные лады переливавший: «Ого-го!»

— Твой напарник прямо леший! — насмешливо сказал капитан с повязкой на шее, пробиравшийся невдалеке от Егорова.

— Старается, — ответил Егоров, уловив в тоне капитана стремление рассматривать его и Дьяченко как неразрывное целое.

Наконец они добрались до спасительного островка. Какое счастье ступить на твердую землю! Даже если с тебя стекают потоки воды, а кожу стягивает колючий холод.

Первым, кого невольно заметил Егоров, был невысокий худощавый человек с седой бородой, одетый в черное пальто и серые брюки, заправленные в высокие сапоги. Он был похож на сторожа, из тех, которые по ночам дремлют в каком-нибудь укромном местечке в обнимку с заряженным дробью охотничьим ружьем. Так, по крайней мере, показалось Егорову в первый момент. Но, подойдя поближе, понял, что впечатление это обманчиво. Во всем облике этого человека, в его энергичном взгляде не было и намека на старость. И по тому, как внимательно слушали его Богачук и десантники, которые уже успели выбраться из камыша, можно было судить, что этот подпольщик рассказывает о чем-то важном.

Когда они с капитаном подошли поближе, Дьяченко, сразу же заметивший их появление, обернулся и шепнул Геннадю:

— Это их главный. Из Одессы. Федор Михайлович какой-то.

— А рядом с ним кто?

Это был немолодой человек в стеганой куртке, из-под которой виднелась серая, в рыжих пятнах высохшей глины фуфайка. Человек снял кепку, обнажив блестящую розоватую лысину.

— Не знаю. С этим не знакомили.

Егоров подвинулся поближе, внимательно разглядывая бородача, который без особых подробностей, но так, чтобы все поняли, как развивались события, рассказывал о действиях своей группы. Молодежь рассредоточена в основном на редких сухих островках. Положение тяжелое. За сутки никто не съел и кусочка хлеба. Во главе каждой группы — один или двое подпольщиков, они подбадривают ребят. Когда ночью появились самолеты, у всех поднялось настроение. Есть раненные, несколько из них не могут самостоятельно двигаться.

«Наверно, с бородачом придется иметь дело в Одессе, — подумал Егоров. — И зачем только бороду отрастил? По ней его каждый гестаповский шпион за километр узнает... Может, прямо сейчас и поговорить с ним? Отозвать в сторону и условиться о дальнейшем...»

Нет, Савицкий не дал ему такого права. Значит, надо молчать.

— Пора бы покормить товарищей, — спохватился Богачук. — Откройте там банки с тушенкой да хлеба побольше давайте.

Дьяченко почему-то принял этот возглас как личный приказ ему, тут же вытащил из кармана припасенную банку, раскрыл складной нож и вонзил его в жесть. Кто-то занялся второй банкой. Но выяснилось, что проголодались все, а не только гости, и один тюк был мгновенно опустошен.

— Вы что, забыли, где находитесь? — сердито накинулся на десантников Богачук. — По одной банке только нашим гостям!.. Остальным по половинке!.. И до вечера не просить...

Наверняка он тоже зверски проголодался, но понимал, что должен проявлять сдержанность. Поэтому он не спешил добираться до банки со своей долей. Богачук достал из планшета лист бумаги и начал подсчитывать, сколько снаряжения, оружия и продовольствия он может немедленно выдать молодежи.

Сколько же человек в плавнях? Не сумели убежать

только из нескольких вагонов да кое-кто в последний момент струсил. Пока собраны почти все.

— Мы можем вооружить только старших ребят,— подумав, сказал Богачук.

— Что ж, это тоже дело,— ответил Федор Михайлович.

— А стрелять-то, наверно, никто из них не умеет?

Федор Михайлович, который ел с жадностью, тщательно выскреб ножом дно банки и отбросил ее в сторону.

— Многие стреляли из мелкокалиберной. Но, конечно, не снайперы. Придется учить...

— Полчаса на обучение найдем,— усмехнулся Богачук.— Ну, не будем терять время... Сколько у вас групп?

— Пока восемь.

— Ну, так вот. Разведите всех офицеров по местам. От каждой группы выделите по десять крепких ребят, которые и получают все необходимое.

— Где?

— Мы им укажем. Торопитесь! Сейчас пять утра. Не позднее семи группы должны двинуться к выходу из плавней.

— А куда их поведут?

— В леса. Я остаюсь здесь, со мной трое. Восемь офицеров пойдут с вами.

На острове он оставил капитана, Егорова и Дьяченко, остальным приказал следовать за подпольщиками.

Когда вдали постепенно затих шум камышей, Богачук устало опустился на один из тюков и досадливо поморщился.

— Вот что, братцы,— сказал он,— из двадцати шести тюков мы нашли пока только восемнадцать. Сколько у вас? — обернулся он к Дьяченко.

— Два.

— Значит, двадцать... Потерять шесть тюков! Нет, это невозможно. Пока еще есть время, внимательно обыщите район. Вы и вы,— кивнул он Егорову и Дьяченко.

— А если найдем, тащить сюда? — спросил Егоров.

— Ставьте отметки. Когда явятся представители групп, покажете им места... Странно,— проговорил он, вынимая из футляра бинокль,— почему молчат на насыпи?

— Наверно, ожидают подмоги,— сказал капитан, провоя взглядом Егорова и Дьяченко. И когда они были уже далеко, спросил: — Товарищ полковник, те двое, они откуда?

Богачук вложил бинокль в кожаный футляр.

— Товарищ Григоренко,— сказал он тихо и внушительно,— самое лучшее — не задавать вопросов.

И Григоренко, нагнувшись над очередным тюком, полоснул ножом по стропам с такой силой, что насквозь прорубил брезент, так что сталь звякнула о сталь.

Богачук прислушался. Издалека, со стороны насыпи, нарастал шум. Он словно стелился поверх камышей. Сначала походил на жужжание пчелы за кустом, потом все набирал силу, и вот уже слышно стало, что это гремят колеса.

Богачук вскочил на возвышение и в бинокль отчетливо увидел, как из остановившейся дрезины вышло несколько немецких офицеров. Очевидно, это были крупные начальники, потому что навстречу им от эшелона бежал офицер.

Прибывшие явно нервничали. Торопливо поговорив о чем-то с офицером, они тут же скрылись в классном вагоне. Но один из них, румын, почему-то не торопился. Он стоял на краю насыпи и пристально вглядывался в плавни. Эх, снайперскую винтовочку бы сейчас!

Вокруг эшелона вновь стало пусто. Не видно было даже часовых.

Глава девятая

Наконец дрезина замедлила ход. Штуммер заглянул в люк и радостно воскликнул:

— Слава богу, добрались!

Минут через пять они уже выскочили на гравий. Леон с наслаждением вдохнул холодный воздух. Встречавший их капитан Михалеску, начальник эшелона, увидев немецкого полковника, бросился им навстречу.

Вдалеке стоял, склонившись набок, паровоз; его черная туша, казалось, лениво прилегла, как усталый мул среди дороги.

Несколько товарных вагонов, сошедших с рельсов, врезались колесами в насыпь и, стиснутые с двух сторон, изогнулись горбом. Относительно уцелел лишь хвост эшелона.

Леоном овладело странное чувство. Он смотрел на плавни и думал о том, что его, наверно, сейчас рассматривают откуда-то из зловещих зарослей сотни глаз и, возможно,

он доживает последние мгновения, взятый на прицел снайпером.

— Леон! Вы, кажется, решили, что лучшей мишени, чем вы, на свете не существует?

Он оглянулся. Фолькенец стоял на площадке вагона и резкими жестами руки приказывал ему немедленно убраться с насыпи.

Леон повернулся, схватился за поручни и легко вскочил в тамбур, однако двери за собой не закрыл.

Капитан бросился к Леону с искаженным от страха лицом и крикнул осипшим голосом:

— Господин майор! Закройте же дверь, ради бога! Они же стреляют!..

Он повел его в другой конец вагона, прокуренного, грязного, душного от спертого воздуха; в приоткрытые двери купе Леон видел солдат, которые испуганно шарахались, проходя мимо. Солдаты понимали, что после всего случившегося им не ждать добра от прибывшей комиссии.

Ни Фолькенеца, ни Штуммера в коридоре не было, они скрылись в каком-то купе, видимо намеренно оставив его с глазу на глаз с начальником эшелона. В купе было относительно чисто. Во всяком случае, пол подметен. На жестких досках нижней полки лежал тюфячок, покрытый цветным пуховым одеялом. На столике у окна — полевой телефон в обшарпанном кожаном футляре. Провода выведены в окно и прикреплены к изолятору на ближайшем столбе.

— Работает? — спросил Леон, дотрагиваясь до трубки.

— Связь есть, господин майор! Слава богу, не прервалась. — И вдруг спросил со слабой надеждой, что все обрывается, во всяком случае, что он сумеет хоть как-то смягчить майора: — Не хотите ли выпить, господин Петреску?

Конечно, прежде всего следовало доложить в штаб о прибытии, но Леон решил сначала побеседовать с капитаном. Пусть фон Зонтаг с первых же слов поймет, что комиссия приступила к делу.

— Капитан Михалеску, — начал Леон, — вы понимаете, что несете полную ответственность за случившееся?

Капитан сидел поближе к двери и угрюмо глядел поверх занавески на узкую полоску светлого неба.

— Вы понимаете свое положение? — строго спросил Леон, поглаживая правой рукой телефонную трубку.

Капитан угрюмо молчал. Откуда-то доносились приглушенные голоса Фолькенеца и Штуммера. «Почему они не хотят принять участие в этом разговоре?» — подумал Леон.

— Понимаю, господин майор, — наконец сказал капитан. — В моем положении стреляют в собственный висок!

— Я бы на вашем месте именно это и сделал! Это избавило бы вас от длительных, тяжелых неприятностей.

— Но, господин майор, я ведь не виноват в том, что была допущена диверсия.

— Вы виноваты в главном: вы растерялись. Сколько их было, нападающих?..

— По-моему... — Михалеску помедлил, словно подсчитывая в уме силы противника, на самом же деле он судорожно соображал, какую бы цифру назвать, чтобы в соотношении с количеством его солдат она уменьшала его вину. — По-моему, — повторил он, — их было не меньше ста.

— Капитан! Вы, кажется, считаете меня сумасшедшим? Кто вам поверит? Такой большой отряд не мог незамеченным пробраться в плавни по дорогам, которые непрерывно патрулируются.

— Во всяком случае, их было много, — сказал Михалеску.

— Сколько человек бежало?

— Бежали почти все. Девятнадцать раненых, двенадцать убитых мы подобрали на насыпи.

— Ну, и сколько же у вас осталось?

— Двести семьдесят два.

— Бухгалтерия не в вашу пользу. И что же вы сделали, чтобы помешать бегству?

— Господин майор! Поверьте, все это произошло так внезапно и так ужасно! В головном вагоне сразу же после крушения погибло тринадцать моих солдат, пятеро получили тяжелые ранения. Я организовал оборону. Перестрелка длилась не меньше часа.

— Меня не интересует, сколько длилась перестрелка, — повысил голос Леон. — Вы действовали, как новобранец, а не опытный офицер. Нельзя было допустить, чтобы они открыли вагоны!

— Это произошло в момент шока!

— А сейчас у вас шок прошел?

— Господин майор!..

— Вот что, капитан Михалеску, у вас есть лишь один способ спасти свою жизнь. Я имею приказ немедленно арестовать вас или расстрелять на месте! — Он увидел, как от лица капитана отлила кровь и рыжая щетина стала похожей на ржавчину. — Но я даю вам шанс, который вы можете использовать. Скоро сюда прибудет немецкая охрана. Она сменит нашу. Я не стану отправлять команду в Одессу, как это мне приказано. Вы сами поведете своих солдат в плавни и не выйдете оттуда, пока не доставите сюда живым или мертвым последнего из бежавших. А вообще, — добавил он приглушенным голосом, — из-за таких, как вы, страдает вся румынская армия! Мы теряем доверие наших союзников... Вы убеждены, что ночью сброшен русский десант?..

— Совершенно убежден, господин майор!

— Но, может быть, это действует все та же группа, которая совершила диверсию?

— Нет, нет! У них появились автоматы и даже пулеметы, а еще вчера утром их не было... Отходя, они отстреливались...

Он заметно повеселел. Плавни — это или жизнь, или смерть. Могут не расстрелять, а разжаловать по суду и солдатом отправить на передовую. Но это почти одно и то же, что расстрел.

— Как организована оборона?

— Выставлены посты. Успели вырыть окопы, и в них установлены пулеметы. Но, к сожалению, у меня ведь совсем мало оружия...

— Идите и предупредите всех, чтобы готовились...

Капитан стремительно вскочил и выбежал из вагона.

Леон взял трубку и стал вызывать штаб. Это оказалось нелегким делом. Михалеску включил свой телефон в перегруженную линию, и, прежде чем Леон сумел добиться первой подстанции, его грубо обругало несколько голосов.

Вдруг кто-то властно вырвал у Леона трубку. Он обернулся. Рядом стоял Фолькенец, а позади него с развернутой картой в руках — Штуммер. На лице его читался гнев.

— Не торопитесь докладывать! — резко сказал Фолькенец. — Все обстоит гораздо хуже, чем мы думали... — Он бросил трубку на стол.

Штуммер плотно задвинул дверь и, присев рядом с Леоном, молча разложил карту на противоположном сиденье, отодвинув котелки с недоеденным супом и кусками мяса.

Фолькенец нервно снял очки и долго протирал стекла чистым платком.

— Какой-то свинский вагон! Как можно в таком вагоне жить?.. Ну так вот, Леон, вы видите обстановку?..

Едва взглянув на карту, Леон сразу же понял, что Фолькенец не терял времени даром. На крупномасштабной карте плавней и близлежащего района были проставлены значки, много значков, о смысле которых несложно было догадаться.

— Неужели их так много? — поразился Леон.

— Да. И нет никакого сомнения, что бежавших кто-то вооружил, — вместо Фолькенеца ответил Штуммер.

— А как удалось определить, где находятся эти группы?

— Несомненно, они в непрерывном движении, — заметил Фолькенец. — Эта карта составлена по наблюдениям солдат, которые на рассвете пытались проникнуть в плавни. Их обстреляли по крайней мере с семи направлений. Вы спросили Михалеску, сколько у него минометов?.. Два?! Он уничтожил несколько десятков мин, но стрелял вслепую...

— Так что же делать? — растерявшись, спросил Леон.

— Самое верное — газы! — сказал Фолькенец совершенно серьезно. — Но по тактическим соображениям, известным одному богу, мы этого сделать не сможем...

— Батальона здесь мало! — утрировано сказал Штуммер.

— Мало, если брать пример с Михалеску! — Фолькенец явно перехватывал инициативу в свои руки. — Но если действовать решительно, то они, — он выразительно махнул рукой в сторону плавней, — навсегда останутся в этих гиблых болотах. Несомненно, они будут стремиться как можно быстрее выйти вот сюда... — Он склонился над картой. — Что тут написано? Взгляните-ка!.. Ужасные эти русские названия! А дальше леса... Отряд вполне может помешать этому! — Он замолчал и внимательно поглядел на Леона, ожидая, как тот с высоты своего штабного опыта оценит его тактический талант.

Штуммер молчал, понимая, что не должен вмешиваться в подобного рода дела.

— Ну что ж, — сказал Леон, прикинув на карте возможные направления, — остается лишь удивляться вашей проницательности. Да! Они наверняка пойдут в сторону леса!

— Ого! — самодовольно расхохотался Фолькенец. — Вы, Леон, первый человек, который признал во мне полковода! Ну, а вот теперь можно доложить фон Зонтагу наше общее мнение.

Он завладел телефонной трубкой и так рывкнул в нее на кого-то, что Леон и Штуммер засмеялись.

И все же потребовалось добрых десять минут, прежде чем через пять подстанций он наконец соединился с фон Зонтагом.

Еще никогда Леону не приходилось наблюдать Фолькенеца в непосредственном общении с командующим, и его поразила свободная, почти дружеская манера разговора. За нею угадывались далеко не чисто служебные отношения между этими людьми. Фолькенец ни на йоту не переступал той опасной грани, за которой начинается фамильярность, амикошонство. Нет, он как бы демонстрировал Леону и Штуммеру свое ненавязчивое и оттого еще более сильное влияние на фон Зонтага. Очевидно, командующий спросил его о том, как ведут себя двое других, потому что Фолькенец вдруг повысил голос и с шутливой бравадой вымуштрованного служаки доложил, что в его команде все действуют дружно. Конечно, Леон давно знал, что Фолькенец и фон Зонтаг связаны гораздо теснее, чем об этом знали многие из офицеров штаба. Сейчас это было продемонстрировано наглядно. Разговор заканчивался. Судя по всему, план Фолькенеца не вызвал возражений и у командующего.

Однако, когда произносились последние фразы, Леон заметил, как побелели пальцы Фолькенеца, с такой силой он сжал трубку. В его тоне впервые возникла напряженность, но усилием воли он справился с собой.

Когда наконец он положил трубку, Леон и Штуммер молча следили за выражением его лица.

— Да, господа, — с усмешкой сказал Фолькенец, — никогда не давай начальству дельных советов — тебе же и придется их выполнять!

— Вам поручено командование? Но это совсем не плохо! — живо отозвался Штуммер.

— Нет, фон Зонтаг предложил нам с вами совсем другое. Так как штаб не имеет связи сдвигающимся отрядом, нам надлежит разыскать его и передать приказ командующего — перерезать дорогу, ведущую к лесам. Причем, сделать это как можно скорее.

— Но, может быть, проще послать кого-нибудь из солдат охраны? — предложил Леон...

— Нет-нет! — возразил Фолькенец. — Положение слишком серьезное, и мы должны быть рядом с командиром отряда.

Леон снова пристально взглянул на карту.

— Отряд двинется по шоссе... Но ведь оно по ту сторону плавней! — воскликнул он, глядя на Фолькенеца. — Как же мы туда попадем?

Фолькенец тяжело вдохнул и похлопал Леона по плечу:

— Мой дорогой друг! У вас в детстве вырезали железы?

— Нет, они у меня никогда не болели.

— А у меня вырезали! Этой операции я никогда не забуду, но зато теперь я почти не подвержен простуде.

Штуммер нагнулся к окну и, приподняв занавеску, долго рассматривал плавни. Откуда-то издали донеслись выстрелы.

— Что это может быть?

Леон прислушался. Стрельба утихла.

— Очевидно, кого-то заметили часовые. — Он обернулся к Фолькенецу, который, склонившись над картой, вычерчивал красным карандашом ломаные линии, намечая маршрут, по которому им предстоит идти: — Когда придет смена?

— Как вам известно, в пути два эшелона, — отозвался Фолькенец, не отрываясь от своего дела, — ремонтный поезд и состав с еще одним батальоном. Одна рота сменит ваших солдат.

— Я уже приказал Михалеску сразу отправляться в плавни.

— Разумно. Этим вы сделали ему щедрый подарок!

— Да, он воспрянул духом.

Штуммер продолжал мрачно смотреть вдаль.

— В эти проклятые болота человека можно загнать только под угрозой смертной казни, — сказал он со вздохом.

— Хотите — оставайтесь... — предложил Фолькенец искренне дружеским тоном.

— В самом деле, — поддержал Леон, — вы вполне можете вернуться в Одессу с ремонтным поездом.

— Нет уж! Я пойду вместе с вами, — решительно возразил Штуммер.

— Не бойтесь, Штуммер, вас не обвинят в трусости, — сказал Фолькенец, не оборачиваясь. — Оставайтесь, пожалуйста!

— Господин полковник, я ничего не боюсь! И я привык выполнять свой долг до конца! — резко заявил Штуммер.

— Штуммер, вы обиделись? Господи, если бы я мог не пойти, то считал бы, что родился в сорочке! — пошутил Фолькенец, пытаясь разрядить обстановку.

Но Штуммер не принял шутки.

— Ну вот, — распрямляясь, сказал Фолькенец. — Как будто нам не грозит увязнуть в болотах. Мы пойдем тропами. Правда, придется сделать большой крюк, километров в пятнадцать, но зато минуем опасные участки...

Леон изучил взглядом замысловатую, много раз меняющую свое направление линию и невольно про себя отметил, что Фолькенец умеет постигнуть психологию противника. Конечно же, основная группа бежавших направилась на северо-восток, к лесам. Примерно через два-три часа карательный батальон прибудет в район плавней, и если солдаты займут неверные позиции, то сами окажутся под ударом.

— Наша судьба целиком зависит от нас, — сурово, как заклинание, произнес Фолькенец, перед тем как они двинулись в путь.

Михалеску проводил их до узкой тропинки, которая начиналась в отдалении, у насыпи, и исчезала в зеленой мгле плавней, строго приказал фельдфебелю Лаутяну, командовавшему группой солдат, охранять жизнь офицеров, и долго стоял, наблюдая за тем, как шевелится высокий камыш, поглотивший группу.

Глава десятая

Иногда жизнь тянется медленно и незаметно, годы, как кирпичи, которые кладут ленивые каменщики, ложатся впритык один к другому, одинаковые и неразличимые. Но в часы потрясений каждая минута, каждое мгновение вдруг растягиваются в бесконечность. Миновал всего лишь час, а кажется, что позади целая жизнь...

Федор Михайлович понимал, что плохо одетые, иззябшие, голодные юноши и девушки оказались в смертельной

опасности. Он спасал их от медленной гибели на чужбине, но в этих промозглых болотах они наверняка погибнут, если помощь не придет вовремя.

А тут еще новая беда: что-то испортилось в рации. Кира копается в ней одеревеневшими от холода пальцами, колдует, но кто знает, чем все это кончится. И как пережить страшные часы до рассвета?

И хотя подпольщики разбились на группы и разошлись в надежде как-то сплотить молодежь, внушить ей веру в скорое спасение, результатов пока не было. Ночная стрельба усилила беспокойство. Казалось, плавни окружены со всех сторон и, куда ни кинься, везде подстерегает смерть.

Но Федор Михайлович просто не знал, что события уже развивались. Первые тюки с оружием и консервами резко изменили настроение. Пусть одна банка тушенки на троих, пусть голод едва утолен, все равно — это жизнь.

Еще только немногие из юношей и девушек видели десантников, но уже возникли крепкие связи, в глубине плавней спланировался вооруженный отряд, пусть необученных и неопытных бойцов, но исполненных решимости биться с врагом.

...К месту крушения прибыл ремонтный поезд, за ним — второй эшелон с солдатами. Разглядывая насыпь из укрытия, Федор Михайлович прикинул: не меньше батальона! Саперы принялись поднимать паровоз и ремонтировать путь. Остальные, очевидно, готовятся к прочесыванию плавней.

Из мощного репродуктора, установленного на крыше вагона прибывшего поезда, несутся угрозы. Диктор, говорящий по-русски, приказывает всем, кто прячется в плавнях, немедленно выйти на насыпь. Тот, кто явится добровольно, будет помилован; неподчинившиеся — расстреляны, как бандиты.

Внезапно на плавни обрушился залп по крайней мере из пяти минометов. Немцы стреляли наугад, по разным квадратам, но с одной целью: класть мины как можно дальше, чтобы прижать прячущихся к насыпи.

Богачук взглянул на часы — стрелка приближалась к восьми. Ждать дольше невозможно. Три тюка — один с оружием и два с консервами — еще не разысканы, но времени уже нет.

Если идти на восток, то примерно через час он выведет юношей и девушек в почти безлюдные, изрезанные балками поля. Там много естественных укрытий и не так страшны самолеты. Он разделил вооруженных парней на две группы. Во главе одной поставил капитана Григоренко, другую оставил при себе.

Юноши, промокшие и изнуренные, прошедшие бессонную ночь, стояли в камышах, слушая, что говорит полковник. Многим из них не было и восемнадцати лет, они и в Одессе остались потому, что были еще детьми. И Егоров, сам едва держась на ногах от усталости, понимал: нужно быть рядом с ними, чтобы они не дрогнули, когда начнется бой. А продержаться надо совсем немного — всего несколько часов.

Обстрел усиливался. Но вскоре немцев, очевидно, смутило, что из плавней никто не выходит. Вновь загремел голос диктора, но теперь слова сливались в неразборчивый поток.

Группы уходили от насыпи всё дальше.

Богачук, опасаясь потерять связь с идущими вслед, на всех поворотах оставлял по два-три человека. А Федора Михайловича и его группу, поблагодарив за помощь, отпустил.

Федор Михайлович действительно торопился. Как-никак, а его маленькая лавочка — надежное прикрытие, и, если двери ее будут долго заперты, полиция заинтересуется, куда исчез владелец.

Уже проглядывались сквозь камыши серые, безлюдные поля, когда вдалеке появилось несколько больших, крытых брезентом машин. Они мчались прямо по бездорожью и в какой-то момент круто затормозили. Из-под брезента выскакивали солдаты. Образовав цепь, они устремились к плавням.

Богачук мгновенно оценил обстановку: солдаты — в двух, в двух с половиной километрах от участка, где сейчас концентрируется молодежь. Надо выиграть время! Пусть немцы углубятся в плавни. Когда же их наблюдатели, оставшиеся у машин, подадут им сигнал к возвращению, будет уже поздно: он успеет организовать оборону по краям балки, а по дну ее в сторону лесов устремится колонна невооруженных.

Леса! Это единственное направление, в котором могла

двигаться молодежь. Почему же каратели не спешат перерезать путь? Теперь решали выдержка и быстрота.

Богачук послал связных к группам с распоряжением, чтобы, достигнув края плавней, они остановились и ожидали приказа.

Вооруженный отряд из ста юношей выдвинулся вперед, прикрывая остальных с правого фланга.

Морщины на широком лице Богачука от напряженного внимания и холода словно задубели.

Раздвинув камыши, он пристально смотрел в сторону фургонов, около которых прохаживались часовые.

Теперь важно было точно высчитать время. До ближайшей балки метров триста. Не все связные вернулись. Некоторые еще бродят по плавням в поисках отставших. Это задержит темп движения. Если немцы их обнаружат и нападут, возможна паника среди невооруженных ребят, и тогда он утратит над ними власть.

Оставив Григоренку с двадцатью автоматчиками на месте и разъяснив всем остальным задачу — быстро добежать до балки и занять оборону по краю, обращенному к фургонам, — Богачук скомандовал:

— Вперед!

И первым рванулся с места.

Лавина рванулась из плавней и покатилась — неудержимо, стремительно, яростно. Сначала Егоров бежал рядом с ребятами из своей группы, но вскоре все перемешалось, и он уже потерял из виду примелькавшиеся лица. Только вооруженные парни держались друг друга, ощущая себя единым отрядом.

И вот уже первые скрылись в балке, а из камышей все бежали и бежали...

Глава одиннадцатая

Как он смертельно устал! Тело насквозь пронизано холодом. Ноги еще переступают, повинуются, но он их перестал чувствовать. И только пальцы с одеревеневшими суставами красными культиками цепко вцепились в автомат.

Настороженный слух уже привык к монотонному шурпанию камышей. Никого не видно, все утонуло в этих проклятых плавнях, но время от времени он слышит тяжкие вздохи и приглушенную ругань. Над головой серые, мгли-

стые тучи, а кажется, что это спящая пелена закрыла глаза.

Скоро ли наконец они выберутся на дорогу?

Где-то вдалеке прошумели машины, и почти сразу же над плавнями рассыпалась дробь автоматных очередей.

Стоп! Камыш перестал шуршать. Все остановилось. Стреляли позади и сравнительно недалеко.

...Федор Михайлович огляделся вокруг. Рядом, словно насаженная на камыш, торчала голова Киры. На одутловатых щеках — синюшная бледность. Кира выжидательно смотрел на Федора Михайловича и что-то беззвучно шептал по-детски пухлыми губами.

— Иди! Иди!.. — прикрикнул на него Федор Михайлович и поразился, услышав свой сдавленный, осевший голос. Он двинул ногой и вдруг почувствовал, что не в силах сделать ни шагу, а поясницу пронзила невыносимая, острая боль.

Очевидно, он громко вскрикнул, потому что тут же услышал встревоженный шепот Киры:

— Что с вами?

Федор Михайлович не различал ни неба, ни камыша, стоял с широко раскрытыми глазами, ощущая лишь сосущую пустоту в груди и боль в левой лопатке. «Нельзя умирать, нельзя. Нужно не упасть». Если не упадет — будет жить. И он стоял, пошатываясь из стороны в сторону, инстинктивно ища опоры. Сердечный приступ... Второй раз в жизни.

Вдруг чья-то сильная рука поддержала его под локоть.

— Обопрись на меня! Крепче! Крепче, Федор Михайлович! Идем, дорогой, идем!.. — говорил ему на ухо Кира, обдавая щеку жарким дыханием.

Каждый шаг причинял страдания, но Федор Михайлович шел и шел, понимая, что не должен сдаваться. Он не смог бы и с места двинуться, если бы не твердая, сильная рука Киры, властно тянувшего его вперед.

Постепенно возвращалось зрение. Федор Михайлович уже различал коричневую щетину камыша, и в путанице зарослей — спину Бондаренко, согбенную под тяжестью рации, и закутанного в зеленую плащ-палатку Климова.

Внезапно Кира резким движением толкнул его в хлябь, и тут же, еще оглушенный падением и болью, Федор Михайлович услышал взволнованный, срывающийся шепот:

— Лежите тихо! Немцы!

Эти слова вернули его к жизни. Кто знает, в каких тайниках сохраняются запасы энергии, о существовании которых до поры до времени человек и сам не подозревает? Когда наступает критический миг, организм, как великий стратег, бросает в сражение свои неведомые резервы.

Федор Михайлович привстал на колени рядом с пригнувшимся Кирой, который пристально смотрел перед собой, стволом автомата раздвинув камыши.

— Лежите, лежите! — шептал Кира. — Их много, офицеры, солдаты...

Прильнув к его мощному плечу, Федор Михайлович разглядел среди поредевшего камыша зеленоватые шишечки.

— Сколько примерно? — спросил он, отчетливо ощущая прилив сил.

— Человек десять, если не больше...

Бондаренко снял с плеча рацию и, приняв камыш, построил ящик так, чтобы он не касался мокрой земли. На его красном, испарпанном лице застыло выражение отчаянной решимости, и Федор Михайлович, вспомнив, как суетился Бондаренко у насыпи, строго одернул его:

— Тише ты! Не лезь!

— А я и не высываюсь, — обиделся Бондаренко и умолк; ломко зашуршал под его большим телом камыш, лягнул затвор, и только глубокое, трудное дыхание выдавало всю сложность чувств, которые он сдерживал.

— Сначала стрелять по офицерам! — Федор Михайлович отполз от Киры чуть в сторону и стал медленно целиться в центр группы, в невысокого офицера-немца, который, перепрыгивая с кочки на кочку, что-то указывал офицеру в румынской форме.

Вид у приближающихся, пожалуй, был не лучше, чем у притаившихся подпольщиков. Шинели насквозь промокли, лица в царапинах, даже фуражки на головах потеряли форму, съезжились, тулья провалились.

Климов по-пластунски подполз к Федору Михайловичу.

— Пойду им во фланг, — прошептал он, — пусть думают, что нас больше!..

Федор Михайлович молча кивнул, и вскоре с той стороны, куда уполз Климов, ударила автоматная очередь. Несколько солдат, прикрывавших группу справа, рухнули, выпустив из рук оружие. В тот же миг открыли огонь Фе-

дор Михайлович и Бондаренко, но Кирип залп был для немцев столь неожиданным, что они повалились в камыш, и лишь по его колыханию можно было понять, где они притаились.

Бондаренко упрямо молчал и стрелял почти непрерывно, а Кира стал отползать в сторону.

— Дальше! Ползи дальше! — поторапливал его Федор Михайлович. — Возможно, они начнут метать гранаты...

Давно уже шли по компасу. Тропинки, нанесенные на старую трофейную карту много лет назад, заросли, а те, что были проложены зверями, привели в такую трясику, из которой они едва выбирались.

Когда донеслись звуки отдаленной перестрелки, Фолькенец помрачнел и явно потерял самообладание.

— Все кончено! Мы опоздали! — воскликнул он.

— Но там идет бой! — сказал Леон, прислушиваясь к стрельбе. — Почему же кончено?

Фолькенец болезненно сморщился, достал из кармана портсигар и непослушными пальцами с трудом извлек из него сигарету.

— Да! — решил он. — Мы все же пойдем. Потому что, если мы вернемся, фон Зонтаг расправится с нами по-своему. Лучше не дожидаться этого.

Леон согласился, но подумал, что, видимо, не так близки и доверительны отношения между фон Зонтагом и Фолькенецем, как Фолькенец пытается это изобразить. И, скорее всего, Фолькенец сейчас проклинал ту минуту, когда в его голове созрел этот злосчастный план.

Несмотря на то что рядом двигалась вооруженная охрана, Фолькенец чувствовал щемящее одиночество. И Штуммер, и Петреску — обоим им он одинаково чужд, и, если он погибнет в этих болотах, они даже не вынесут его тело, чтобы похоронить с воинскими почестями. «Нет-нет, — думал он, все более ожесточаясь, — я прорвусь... Я должен прорваться!»

Как обманчива карта! Когда он ее рассматривал, этот ужасный путь представлялся совершенным пустяком.

Леон давно заметил, что Фолькенец потерял внутреннее спокойствие. Никогда еще жизнь не сводила их вместе в минуты испытаний. Теперь они оказались словно запертыми в одной клетке.

Сначала Леона озадачивало упорное молчание Штум-

мера, но потом он заметил, что между ним и Фолькенецем началась скрытая борьба. Своим молчанием Штуммер как бы утверждал свое право в дальнейшем, если их постигнет неудача, снять с себя всякую ответственность.

Теперь Фолькенец невольно стал искать сближения с Леоном. Не отпускал его от себя ни на шаг, обсуждая возможные варианты решений.

И, пытаясь скрыть истинное свое состояние, он возбужденно заговорил:

— Конечно, мы успеем! Мы не опоздаем. Я возьму инициативу в свои руки. Где Штуммер? — оглянувшись, спросил он Леона и крикнул: — Не отставайте, Штуммер! Мы вышли на верный путь!..

— Это еще неизвестно, — хмуро отозвался Штуммер, не подозревая, насколько пророческими окажутся его слова.

Камыши поредели, и вдалеке уже виднелись коричневые разводы балок, а за ними черные рощи, над которыми по-весеннему кружили птицы. И хотя низкие облака продолжали по-зимнему хмуриться, но они уже не таили опасности — время снегопадов миновало, а время первой весенней грозы еще не пришло.

Залп!

Леон инстинктивно бросился навзничь и только после того, как больно ударился лицом о каблук сапога Фолькенеца, который на какой-то миг опередил его, понял, что стреляют по ним.

Сжимая в руке пистолет, Фолькенец озирался по сторонам.

— Петреску, вы живы?

— Жив! — отозвался Леон.

— Так действуйте же, черт побери! Командуйте!.. Стреляют из-за кустов слева!.. Штуммер, где вы?

— Я здесь! — отозвался Штуммер. Он лежал в стороне, в самой гуще камышей. — Трое убито! И в том числе фельдфебель!

— Вы не ранены?

— Нет! Я взял автомат одного из убитых.

Пули срезали камыш над самыми головами.

Залегшие солдаты уже нащупали места, где прятался противник. Кто-то бросил гранату, но она разорвалась, не долетев до цели. Судя по всему, в засаде было несколько рассредоточившихся групп.

Прорываться? Для этого надо подняться во весь рост и снова подставить себя под пули. Нет, лучше уж скрыться в гуще камышей и продолжать отстреливаться оттуда. Так предложил Штуммер, и Фолькенец одобрил этот план. Пускай Леон удерживает противника, а они со Штуммером отползут назад и замаскируются, пока не настанет их черед.

И они покинули Леона так стремительно, что даже он, отлично знавший истинную суть Фолькенеца, был поражен этой жестокостью.

И все же к сумеркам именно он, Леон Петреску, вывел солдат на твердую почву. О, этот страшный путь! Леон запомнит его на всю жизнь. Кожа на пальцах сорвана до мяса, фуражка потеряна, грудь и живот исцарапаны о какие-то коряги. Но они все же сумели оторваться от погони. Стрельба затихла. Противник не решился преследовать их в глубине плавней.

Блокировать плавни так и не удалось. Пока батальон искал бежавших в плавнях, они сумели прорваться в сторону лесов. Преследование началось с большим опозданием. Несомненно, был сброшен сильный десант с оружием.

Командир батальона обер-лейтенант Краус передал Леону приказ Фолькенеца, который на рассвете вместе с Штуммером выехал в Одессу, оставить солдат в его, Крауса, распоряжении и срочно вернуться в штаб...

Глава двенадцатая

Как только ребята собрались на сухом островке, десантники по команде Богачука заняли позиции на краю балки и обрушили на карателей яростный шквал огня. И каратели, еще не получившие сообщения о десанте, залегли. Они не могли понять, что происходит, откуда у молодежи, только что покинувшей эшелон, оружие, и потому решили, что наткнулись на партизанский отряд. Здесь уже требовалось действовать с особой осторожностью.

А Богачук вел ребят к лесам, на север.

К двум часам дня колонна наконец достигла опушки. Все так устали, что, казалось, вот-вот упадут на землю. Но Богачук не велел останавливаться ни на минуту.

Вскоре все же в глубине чащи запылали костры. Сушили одежду, обувь, растирали друг другу ноги, боролись

с тяжело наваливающимся сном, жадно ели мясные консервы.

Дозор, оставленный на опушке, сообщил, что к лесу приближаются машины с карателями. Но Богачука это не обеспокоило: каратели с ходу в лес не сунутся, а пока оценят обстановку, наступит ночь.

Он связался по радиации со штабом армии, узнал, что ночью самолеты сбросят несколько минометов и мины, контейнеры с продовольствием, теплые куртки, обувь, вещевые мешки. После двенадцати было приказано зажечь сигнальные костры.

Вторую радиogramму подписал Савицкий: в ней Егорову и Дьяченко приказывалось, если позволяет обстановка, направиться в Одессу.

Они спали, прижавшись друг к другу у затухшего костра. Полковник разыскал их, растолкал, передал приказ и сказал:

— Двигайте, ребята, пока есть возможность выйти из леса. Утром будет сложнее.

Егоров и Дьяченко пожали руку полковнику и двинулись в путь. Они долго пробирались по чаще и вышли на опушку с другой стороны леса. Пересекли поле — и вот она, темная проселочная дорога. Судя по тому, как наезжена колея, днем, очевидно, по ней движется много машин.

— Ну, что теперь будем делать? — спросил Дьяченко, шагая рядом с Егоровым. — Как по-твоему, мы выйдем к Одессе?..

— Не знаю, — проговорил Егоров; у него саднило правую ногу. — Рассветет — разберемся!

Несколько часов они шли, никого не встретив. Только где-то вдали то падали, то поднимались голубоватыми столбами лучи прожекторов и, пошарив в медленно светлеющем низком небе, исчезали.

— Так и до Одессы дотопаем, — пошутил Дьяченко. — Как по-твоему, в какую мне их полицейскую часть явиться?

Некоторое время шли молча. Вдруг Егоров заметил, что Дьяченко сжимает в руке револьвер.

— Спрячь! — сказал он коротко.

Дьяченко сунул револьвер в карман и некоторое время шел насупившись. Вообще с момента, как они оказались рядом в самолете, в их отношениях произошел перелом. Спокойствие и опыт Егорова невольно поставили его в по-

ложение старшего. Дьяченко видел это, но понимал, что ерепениться не время. И еще он хотел сказать Егорову нечто очень важное, только не мог найти нужные слова.

— Слушай, Геня, — начал он глухо, почти на ухо Егорову, словно боясь, что на этой пустынной дороге их могут подслушать, — я признаю... Я часто был к тебе несправедлив...

— Да брось ты! Нашел время изливаться! — сказал Егоров. — Небось не к теще на блины идем...

— Нет, я о другом... Ты меня правильно пойми... Понимаешь, мало ли что может случиться... Война! Вдруг погибнет Савицкий, Корнев... Попадет бомба в штаб армии, сгорят документы — как я потом докажу, что стал полицаем по заданию нашей же разведки? Кто мне поверит?

— Ах, вот ты о чем! — усмехнулся Егоров. — А как я докажу, что не являюсь потомственным торговцем фруктами?

— Ты — другое дело: порвал документы, и всё... А я же полицаем должен быть! Все будут видеть...

— Ну, ведь это, наверное, недолго. Всего несколько месяцев.

— «Несколько месяцев!» — усмехнулся Дьяченко. — У нас с тобой за несколько часов вся судьба переломилась... Нам с тобой еще надо прожить эти месяцы...

Начинало светать. Над дальними полями поднималось солнце. Оно еще было за горизонтом, но в разрыве меж облаками проглядывало светлое небо. Поля, прихваченные утренним холодом, казались особенно тихими, и, может быть, этот покой и расположил Дьяченко к откровенному разговору, который словно бы растопил ледок недружелюбия в их отношениях, отбросил все, что их разделяло.

— Я тебя понял, Дьяченко, — сказал Егоров. — Давай условимся: кто выживет, тот и расскажет о другом всю правду.

— Согласен! — горячо отозвался Дьяченко.

— И еще об одном давай условимся: раз в три дня от семи до восьми вечера будем встречаться у памятника Дюку. Может, обстановка и не позволит нам поговорить, но хоть будем видеть друг друга.

— В какие же дни?

— Ну, например, по средам и воскресеньям...

— Условились!

— В последний момент Савицкий разрешил дать тебе

дополнительную явку: Пушкинская, двадцать семь. Там живет Тоня Марченко. Но предупреждаю: туда пойдешь только в случае крайней необходимости.

Уже совсем рассвело. Из-за поворота дороги на большой скорости выскочили две легковые машины. Сквозь ветровые стекла были видны шоферы, рядом с которыми сидели немецкие офицеры. С любопытством взглянули на ранних пешеходов, но тут же промчались мимо.

Теперь уже, с наступлением утра, пора было расставаться. Каждый в отдельности, если не задержит патруль, еще сможет как-то выкрутиться, а вместе они быстро завалятся: что общего может быть между полицаем и фруктовым коммерсантом? Полицай должен был ехать из Кишинева в Одессу железной дорогой, а коммерсант мог, конечно, ехать и на автомашине, но вместе им предъявлять документы патрулям — опасно.

— Ну, прощай! — растроганно сказал Дьяченко и обнял Егорова.

— Не говори «прощай». Говори «до свиданья», — усмехнулся Егоров, похлопывая товарища по спине. — И смотри при встрече не заberi меня по ошибке в полицию.

— Будь спокоен! — сказал Дьяченко, перескочил через канаву и пошел своим путем.

Егоров постоял немного, посмотрел ему вслед, что-то еще хотел крикнуть, но удержался и зашагал по дороге...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗАПАДНЯ

Глава первая

За долгие годы войны Савицкий привык, как он говорил, «думать за противника». Каждое сообщение он брал «на зубок», проверял и перепроверял, чтобы не стать жертвой умело подсунутой дезинформации. Сопоставляя и анализируя подчас противоречивые факты, он вел непрерывную незримую и изнурительную дуэль с противником.

Уже после того как Тоня успешно перебралась через линию фронта, Савицкий, допрашивая очередного пленного немецкого офицера, услышал фамилию Фолькенеца. Сначала он не обратил на нее особого внимания, но вскоре эта же фамилия прозвучала в радиোগрамме, переданной Тоней из Одессы: «Зинаида Тюллер встречается с немецким офицером Фолькенецем».

Опять Фолькенец?..

Савицкий почуял, что в его руки попал конец важной нити. А что, если ее потянуть? И он решил вновь допросить пленного.

Оказалось, что Фолькенец — офицер, близкий к коман-

дующему одесским гарнизоном. Отлично! Теперь Зинаида Тюллер, сама того не подозревая, будет играть одну из важнейших ролей в той операции, от выполнения которой зависит судьба целой группы разведчиков.

После освобождения Мелитополя на фронте наступило временное затишье — обе стороны укрепляли позиции и подвозили резервы. Но для разведки затишья не бывает. Для Савицкого передышка на фронте означала лишь то, что судьба дала ему возможность провести несколько операций, которые помогли бы получить к началу нового наступления важную информацию. Одна из групп, засланная Савицким в Одессу, сообщала обо всем, что делается в ремонтных доках. Другая, правда, менее успешно, но все же следила за железнодорожными перевозками. Ее пришлось укрепить. Но как получить информацию из первых рук о том, что замышляет в своем трудном положении немецкое командование?

План, который выработал Савицкий, был несомненно сопряжен с большим риском. По крайней мере, Корнев, выслушав его, долго чесал лысину, а потом буркнул нечто невразумительное, что можно было трактовать как угодно.

Несколько дней Савицкий внимательно изучал по крупномасштабной карте линию берега у Одессы и долго совещался с начальником военно-морской разведки. Тот сначала скептически отнесся к предложению Савицкого, но постепенно и сам увлекся его идеей. Они пригласили командующего группой подводных лодок и вместе с ним обсудили возможные варианты.

Подводник был человеком дела. Он попросил несколько дней для изучения возможности подхода подводных лодок к Одессе. Надо найти проходы через минные поля и определить, где именно удастся приблизиться к берегу на самое короткое расстояние.

Савицкий ждал. Высадка воздушного десанта откладывалась на более позднее время. К тому же Тоня уже передала Кравчуку распоряжение, и оно выполнено. Определены несколько участков.

Окончательный выбор можно будет сделать лишь перед самым началом операции.

Через неделю подводник сообщил, что берется помочь Савицкому, но при условии, если будет точно назван час операции. Есть возможность, не без риска, конечно, ночью

приблизиться к берегу в районе Люстдорфа, но даже в погруженном состоянии лодка не может находиться долго.

Да, нелегкое дело решить такую задачку! «Что будем делать, Михаил Михайлович?» — строго спросил себя Савицкий. Себя он вправе был подвергать риску, но своих разведчиков? Нет, на это он решался с неизмеримо большими колебаниями.

По отрывистым сведениям, полученным от пленных, можно было понять, что между румынами и немцами назревает серьезный кризис. Отступая, немцы стараются подставить под удар румынские дивизии. Кроме того, румыны крайне недовольны тем, что немцы, по сути, взяли в свои руки управление Транснистрией. Если эти конфликты действительно назрели, надо постараться обострить их и этим ускорить процесс разложения отступающей армии.

А Одесса?.. Что гитлеровцы задумали сделать с нею? Не намерены ли полностью уничтожить перед отходом?

На фронте назревает новое сражение. Остается одно: заглянуть в секретные планы и приказы противника, как бы это ни было сложно. Голубая мечта каждого начальника разведки — заслать во вражеский штаб своего человека, но удается это редко и очень немногим. Можно, конечно, завербовать, но и на это требуется время, а главное, никогда нет уверенности, что этим каналом не воспользуется вражеская разведка, чтобы вести свою игру.

Короче говоря, план Савицкого состоял из двух слов: похитить Фолькенеца. И главным звеном в этом плане была Зинаида Тюллер. Савицкий точно знал из донесений, что она старается уклониться от выполнения каких бы то ни было заданий. Что поделаешь! Зато надежной приманкой она стала вне зависимости от того, хотела этого или нет. Но как сделать, чтобы Фолькенец в определенное время оказался на берегу моря в районе Люстдорфа? Как это сделать? Подготовка и осуществление операции возлагаются на Егорова, Дьяченко и Тоню. Им поможет Кравчук, который будет поддерживать связь со штабом по радию.

Изложенный суховатым военным языком, план деловит, как чертеж на кальке. Все линии прочерчены и, кажется, все важное предусмотрено.

Но никогда не знаешь, что придет в голову Корневу.

— А вы уверены, что этот самый Фолькенец заговорит? — спросил он, хмуро пожевывая мундштук папиросы.

Савицкий подумал о том, что нет на свете человека более земного, чем Корнев. Вот уж никому не даст взлететь к облакам!

— Ну хорошо, — сказал Савицкий, — я скажу, почему я уверен. Показания пленного помнишь?

Рыжеватые зрачки Корнева сузились, нижняя губа, выпятившись, подняла папиросу кверху.

Савицкий, сдерживаясь, отвел глаза.

— Ну так вот. Пленный говорил о Фолькенеце как о человеке, который делает карьеру.

— Но ведь у нас он ее не будет делать!

— Справедливо. Но такие люди обычно цепляются за жизнь. Кроме того, ты забываешь, что сейчас не сорок первый, а сорок четвертый год!

— Это, пожалуй, единственный убедительный довод. Но он слишком общий. А если Фолькенец все же верит в победу?.. Может быть, он убежден, что сумеет выкрутиться даже в случае поражения.

Савицкий несколько мгновений смотрел на Корнева радостным, просветленным взглядом. Так смотрят дети на птичку, которая попала им в руки: они стараются держать ее осторожно, оберегая крылышки, но все же достаточно крепко, чтобы не дать вырваться.

— Вы считаете, что, попав к нам, он сумеет выкрутиться?.. Или будет считать, что выкрутился, раз уже находится у нас?

В результате долгого и шумного спора с Корневым, который поначалу всю эту затею считал чистейшей воды авантюрой, Савицкий прямо спросил:

— Значит, ты предлагаешь отказаться от этой операции? Так я тебя понял?

— Нет, не так, — возразил Корнев. — Просто я думаю, что спешить с этим делом нельзя — мы завалим и своих людей и подводников. Сначала наши «одесситы» должны на месте вступить в контакт с Зинаидой Тюллер, черт бы ее побрал! И тогда может возникнуть вариант более рациональный. Вот мое мнение.

Савицкий согласился и доложил командующему армией, что операция на какое-то время откладывается: «Будем надеяться, что не на столь уж длительный срок», — закончил он, покидая штаб.

Глава вторая

Пересекая линию фронта, Егоров был предупрежден, что не должен искать убежища у Зинаиды Тюллер. А к Тоне ему разрешили явиться лишь в «самом крайнем случае». Оставалась явка в одном из домов близ Куликова поля, у инженера Ивана Антоновича Бориславского, служившего на судоремонтном заводе.

С утра Геннадий неторопливо бродил по городу, стараясь погасить нарастающее чувство тревоги. Да, все оказалось еще сложнее, чем он думал. Выходит, что даже там, в штабе армии, он был ближе к Тоне, чем сейчас. Прежде чем он сможет приходить к ней, не вызывая ни у кого подозрений, надо как бы заново выстроить отношения. Они должны будут «познакомиться» так, чтобы у посторонних не возникло и отдаленных подозрений. В конце концов, могла же такая девушка, как Тоня, приглянуться молодому специалисту по фруктам.

Нет, он не мог назвать себя просто «фруктовщиком» — какое-то старорежимное слово, а вот «молодой специалист» звучит совсем по-иному. На фруктовой базе, где он работал, его так и называли.

Утренняя Одесса показалась ему гораздо более приветливой. На углу Дерибасовской висел красочный плакат, извещавший о концерте русского певца Николая Лещенко. О, Лещенко! Когда-то на чердаке, в ящике разбитого граммофона, он нашел треснувшую пластинку с выцветшим ярлычком фирмы «Пате» — «Чубчик». Так неужели он жив, этот самый Лещенко?

Геннадий был голоден. Он зашел в небольшое кафе на Дерибасовской, присел за столик. За стойкой перетирал бокалы старый румын с тщательно расчесанной черной бородкой. Заметив вошедшего, он приветливо улыбнулся и кивнул официанту.

— Яичницу. И кофе, — сказал Егоров, незаметно оглядывая посетителей.

В углу за столиком о чем-то спорили двое пожилых мужчин. Один из них, в черном помятом костюме, держал в правой руке портмоне из крокодиловой кожи, а в левой — пачку каких-то бумаг с огромным двуглавым орлом.

— Слушайте, Николай Иванович, — горячо говорил он, — я владею акциями Манташевских заводов, — голос звучал негромко, но с достоинством. — Взгляните сюда! Вот куп-

чая! А вот акции «Кавказ и Меркурий». Все пристави в Нижнем Новгороде, Казани, Самаре и Царицыне, — все они принадлежат мне!

— Ну, это еще надо доказать! Мы же не знаем, у кого остальные акции и на какую сумму они были выпущены.

Егоров никогда ничего не слышал о компании «Кавказ и Меркурий», но с трудом сдержал улыбку, слушая, как два старых чудака всерьез спорят по поводу старых бумаг, которые и гроша не стоят.

Ровно через два часа Геннадий входил в сквер у Соборной площади. День, казалось, только и создан для того, чтобы, взяв Тоню за руку, бездумно прохаживаться по дорожкам, наслаждаясь покоем. Солнце светило так щедро, что, казалось, пергаментные щеки старухи, одиноко сидевшей на скамейке, порозовели и разгладились, как в молодости.

Пора было идти к Бориславскому. Там он переночует, выяснит, не имеет ли инженер своих людей в городском магистрате...

В разведотделе Егорову показывали фотографию Бориславского: человек лет пятидесяти, моложавый, с нервным, интеллигентным лицом. По описанию, художав, всегда подтянут, на безымянном пальце левой руки — обручальное кольцо; он давно овдовел, еще в тридцать третьем году. Когда-то за это кольцо инженера обвинили в мещанской отсталости, но Савицкому как раз по душе пришлась эта верность памяти любимой женщине, она о многом ему сказала, внушила доверие.

Егоров настолько отчетливо представлял себе человека, с которым теперь его должна была связать судьба, будто они давно уже с ним знакомы.

Он пошел к Куликову полю — обширному плацу, примыкающему к вокзалу. Адрес был выучен наизусть, как молитва. Но как отыскать нужный дом среди руин, в которые превратился район вокзала от ночных бомбежек? Фасады разбиты осколками, номера почти везде сорваны, дома похожи на тяжелораненых, которые из последних сил стараются выстоять.

Словоохотливая старушка, которую никак нельзя было бы заподозрить в связях с гестапо, держа в руках хозяйственную сумку, вынырнула из подъезда дома, в котором добрая половина окон была забита листами фанеры, и через минуту Егоров уже точно знал, куда ему идти.

На углу приостановился, вынул папиросу и закурил. Мимо прошел высокий человек в черном пальто с каракулевым воротником, свернул вправо и стал удаляться.

Как труден последний шаг! Невозможно привыкнуть к враждебной тишине чужих подъездов — они словно затягивают в ловушку. Егоров приоткрыл распатанную в петлях дверь и заглянул в сумрачную впадину. Пусто! Рядом с лестницей, у стены, валяется дохлая кошка.

...Квартира восемь. Очевидно, на верхнем этаже. Ну, вперед! Верил ли он в предчувствия?.. Скорее, в приметы. Во всяком случае, он облегченно вздохнул, заметив, что кошка рыжая и не лежит поперек дороги.

Может быть, пойти к Тоне? Нет, нет, он не имеет права. Надо привыкнуть к слову «нет», к тому, что вокруг враги и смерть рядом; она только отступает, когда он упрямо двигается на нее, но стоит дрогнуть и побежать, как она нападет сзади.

Наконец он поднялся на третий этаж. На грязно-желтой, давно не крашенной двери неумелой рукой выведена цифра «восемь».

Он должен постучать. Когда Бориславский откроет дверь, надо снять шапку и как бы случайно ее уронить и сказать: «Извините, не знаете ли вы, в какой квартире живет доктор Федоров?» И услышать в ответ: «В квартире номер шесть, но он бывает дома поздно».

Как объяснил Егорову Савицкий, в шестой квартире, этажом ниже, действительно живет терапевт Федоров, так что вопрос не может вызвать подозрений, если его случайно услышит посторонний.

Кулак сжат до боли. Два удара, несильных, четких.

Тишина!

Потом осторожные шаги, приближаются к двери. Щелчок замка...

Нет, человек, который стоит за дверью в маленькой прихожей, не Бориславский. Он коренаст, на нем куртка защитного цвета, перешитая из румынского офицерского кителя, черные брюки заправлены в высокие сапоги. Лицо почти квадратное, темные волосы спутаны, словно он только что проснулся. А в темных глазах — колючая настороженность.

Почти автоматически Егоров приподнял шапку, уронил ее, тут же подхватил и спокойно, сам удивляясь своему спокойствию, произнес парольную фразу.

— Значит, вам нужно Федорова? — Человек стремительно шагнул через порог. — Заходите, молодой человек, в квартиру! Заходите. — Голос его звучал дружелюбно, но он явно загораживал лестницу, и в этом таилась опасность.

Сквозь распахнутую дверь Егоров заглянул в глубину квартиры. Никого не видно. Это немного успокаивало.

— Ну, заходите же... Не бойтесь... Поговорим...

— Простите!.. Но мне нужен доктор Федоров.

— Доктор на минуточку вышел. Он теперь живет здесь... Прошу!..

Человек мягко взял Егорова под локоть, и тот, едва почувствовав, как цепкие пальцы впились в его рукав, рванулся, но тут же кубарем влетел в квартиру от сильного толчка в спину.

Дверь захлопнулась. Грохнул крик. В прихожей стало совсем темно.

Егоров вжался в стену. Он сильно ударился головой о косяк двери, но не чувствовал боли. Рука нащупала в кармане нож, но он не спешил вынимать его.

— Ну, чего стоишь? Иди вперед!.. — Гипнотизирующий своей жесткой властью голос сорвался в смертельный вопль: — О-о-о!.. — И умолк.

Егоров оттолкнул от себя тяжелое тело и, на ходу пряча нож, бросился к двери. Кровь билась в висках.

Внизу, в подъезде, он разминулся с тем высоким человеком в черном пальто с каракулевым воротником, которого встретил на углу. Человек держал в руках булку и сверток с колбасой. Он удивленно посторонился, а затем, пропустив Егорова, внимательно посмотрел ему вслед.

Завернув за угол, Геннадий вспомнил о ноже и метнул его в развалины сгоревшего дома. Скорее бы дойти до следующего угла. Но бежать нельзя... Идти, спокойно идти!.. Никто не должен его заметить... Вот возвращается словоохотливая старуха. Она наверняка остановит. Быстрее!.. Свернуть за угол раньше, чем она начнет пересекать улицу.

Удалось! Как хорошо, что следующий поворот совсем близко! На углу — полицейский. Спокойнее, спокойнее!

Вдалеке, за домами, прогремел выстрел. Полицейский, топтавшийся на перекрестке, всполошился, огляделся по сторонам и рысцой бросился бежать в ту сторону, где стреляли.

Через несколько минут, узнав, в чем дело, полицейский вернется,— он наверняка запомнил приметы.

Скорее бы добраться до какого-нибудь оживленного места...

Через полчаса он наконец почувствовал себя в относительной безопасности. Переулки привели его к парку Шевченко.

Приближался комендантский час. Парк быстро пустел. Но Егоров прошел по его аллеям, свернул в кусты, долго пробирался по ним, пока не нашел старый окоп. Он забился в темный угол и стал прислушиваться к отдаленным шумам ночного города. А над головой в черном небе шарил прожектор, и где-то вдалеке били зенитки, и с моря доносились хрипловатые гудки кораблей.

Так провел он самую тягостную, самую длинную и жестокую ночь в своей жизни.

Тоня тихо ахнула:

— Геня! Не может быть!..

В измазанном пальто, из рваного плеча которого торчал клоч пепельно-серой ваты, Егоров стоял на площадке перед дверью. А Тоня, позабыв обо всех правилах конспирации, бросилась ему на шею.

Покачиваясь от усталости, Геннадий повторял:

— Ну вот, я пришел... Я пришел...

— Снимай пальто! Быстрее!..

Он покорно разрешил ей снять с себя пальто. Молча выпил рюмку вина. Потом как-то странно посмотрел на нее сосредоточенным, невидящим взглядом и тяжело оперся грудью о стол.

Тоня решила, что он ранен, что он потерял сознание, но, взглядевшись в бледное лицо с подрагивающими веками, поняла, что у Геннадия просто иссякли силы и он мгновенно заснул...

— Другого выхода нет.— сказал он на другое утро, когда они сидели за завтраком.— Предложение Штуммера надо принять.

— Я так и решила, Генечка!

Он сидел в расстегнутой рубашке, и, взглянув на его грудь, еще темную от летнего загара, Тоня вспомнила, как они купались в Керченском заливе и она едва не подорвалась на всплывшей мине. Егоров оттолкнул мину таким

спокойным, ленивым движением, словно ее короткие, начиненные смертью отростки были рогами глупой коровы, которой вдруг захотелось пободаться. А потом они, захватив одежду, взобрались на высокий обрыв, и Геня, внимательно оглядев кромку пустынного берега, зарядил винтовку. Он растратил почти всю обойму, пока метров с двухсот пятидесяти все же не угодил в мину. Ну и взрыв! Земля дрогнула и загудела. Кверху взлетел такой могучий столб воды, земли и дыма, что казалось, внезапно открылся вулкан и глубокие недра, миллионы лет сжатые толщами, наконец-то смогли перевести дыхание.

Утром, когда они уже обо всем переговорили, Егоров обратил внимание на бутылку дорогого вина, торчащую посреди стола, как пограничный столб. В ней было что-то нагловатое, она словно напоминала своим присутствием, что он, Егоров, не единственный, кто имеет право приходить сюда, сидеть за этим столом с глазу на глаз с Тоней. Подавив тяжелый вздох, он провел ладонью по шершавым щечкам.

— Побриться бы... В этом городе можно купить бритву?

Тоня взглянула на часы.

— Можно. На Дерибасовской.

— Пойдешь купишь.

— Ну, как с десантом? — спросила она.— Уже район разведали.

— С десантом? Ты о нем командарма спроси. Вообще-то, наверно, десант будет, но не так скоро... Наступление задерживается...—Он помолчал, рассматривая ее с тем хитрым, испытующим выражением, за которым — она уже знала — последует нечто важное. И действительно, Егоров сказал: — По приказу Савицкого ты поступаешь в мое распоряжение. Мы должны создать группу. Ты пойдешь на явку к Федору Михайловичу и договоришься о нашей с ним встрече.

— А какое задание?

— Любоньство хорошо, когда ты будешь заниматься тем делом, которое нам нужно.

— Чем я должна заниматься?

— Придет время — скажу. А пока вот что: не можешь ли ты через этого румына познакомиться с одним немецким полковником? Его фамилия Фолькенец.

— Фолькенец?

Он заметил, как дрогнули Тонины губы.

— Ты его знаешь?
— Знаю! Ведь это он меня первым допрашивал... И потом...

— Что — потом?
— Леон сказал мне, что Фолькенец хочет меня завербовать.

— Не называй румына Леоном! — вдруг яростно воскликнул Егоров. — Тоже дружка себе нашла! Называй, как положено, Петреску, еще лучше дадим ему кличку: «Лобастый».

— Он, скорее, кудрявый.

— Пусть будет «Кудрявый», — сердито усмехнулся Егоров, — но чтоб я больше его имени не слышал. Мы тут дело делаем, а не... — С его губ едва не слетело бранное слово, но он вовремя удержался.

— Егоров! — За секунду до этого она даже не подозревала, что когда-нибудь сможет возвысить на него голос. — Ты думаешь, что перед тобой девочка, которую можно обижать, когда вздумается, говорить ей все, что угодно, а она все стерпит?

— Я совсем этого и не думаю.

— Нет, думаешь! Ты мне еще не муж, Егоров!

Он никогда не мог даже за минуту предугадать, какое его неосторожное слово вызовет внезапный удар. Переход от, казалось бы, беспредельного послушания к ожесточенному и бурному протесту всегда мгновенен.

Егоров уже привык к тому, что постоянно ходил по минному полю и, как бы расчетливо, с внутренней опаской ни двигался по нему, время от времени подрывался, и все вокруг летело к черту. Его преданность и самоотверженность, постоянное желание добра, мужская забота, только что ценившиеся, мгновенно превращались в тлен, и он, Егоров, для нее уже не самый близкий и дорогой человек на свете, а чужой и неприятный, разрыв с которым давно назрел и неизбежен. Он смотрел в ее потемневшие глаза, и ему показалось, что вспышка угасла и она поняла, что сейчас не время ссориться.

— Ах, Генечка, — проговорила она уже спокойно и с сожалением, — неужели ты не понимаешь, что здесь ты не сможешь меня ни от чего уберечь... Сейчас я сильнее тебя, хотя бы потому, что у меня есть «Кудрявый», — она произнесла это слово с легкой усмешкой, — и неизвестно, что еще будет с тобой! Ты прожил в городе только одну ночь...

— У меня надежные документы.

— Но это еще не все! Мне придется пойти в комендатуру, и может так случиться, что мы с тобой не сумеем видаться... часто видаться, — уточнила она, заметив его протестующий жест.

Быстрым движением он налил из ненавистной бутылки рюмку, выпил одним глотком и резко поднялся.

— Что бы с тобой ни случилось, я за тебя в ответе, — сказал он, желая все же утвердить свое право старшего, — я должен знать о каждом твоём поступке.

— Это невозможно!

— Почему?

— Да потому, что мы не сможем часто видаться. Не сможем! Ты будешь ходить ко мне не на свидания, на явку...

Он медленно потер ладонью лоб и встряхнул головой, точно желая освободиться от мучительных мыслей.

— Ты права, — проговорил он. — Мне просто очень трудно.

— И мне тоже!..

— Подойди, — сказал он.

Она встала и обняла его. Никогда еще, кажется, Егоров не охватывало столь острое ощущение потери, как сейчас.

— Я рвался сюда, я так хотел быть рядом с тобой, — говорил он, стараясь подавить смятение. — Тоня! Нам надо пережить войну... Надо! А ты такая... такая хрупкая, незащищенная...

Внезапно она вздрогнула и отпрянула от него. Еще не понимая, что случилось, он попытался удержать ее, но тут же услышал стук в дверь.

— Кто это? — прошептал он.

— Не знаю, — едва слышно ответила она.

— Румын?

Она пожала плечами.

Егоров взглянул на часы. Одиннадцать утра. Что ж, в это время человек может зайти по делу. Надо только поскорее одеться.

Галстук путался, не хотел завязываться. Наконец он кое-как затянул его немислимым узлом, влез в пиджак, машинально пощупал во внутреннем кармане свои «плодоносные» документы потомственного фруктового магната...

Из прихожей донесся тихий голос Тони:

— Кто там?

Ответа Егоров не расслышал. Но тут же щелкнул дверной замок, и что-то тяжелое рухнуло на пол.

— Геня! — позвала Тоня.

Он бросился ей на помощь, сжав в руке столовый нож. Окровавленный, в растерзанном пальто человек лежал в глубоком обмороке, уткнувшись головой в старый сундук.

— Да ведь это Дьяченко! — только сейчас поняла Тоня. — Как он сюда попал?

Они с трудом дотащили мнимого «полицая» до дивана и, уложив, начали раздевать. Да, кто-то его основательно отделал. Под левым глазом синяк почти во всю щеку, на губах запекшаяся кровь. Куда делся тот Дьяченко, который произносил на собраниях громовые речи! Широкое румяное лицо, такое знакомое и в то же время что-то утерявшее. Тоня сразу побежала на кухню, смочила полотенце холодной водой и обтерла ему лицо.

Дьяченко, приоткрыв глаза, тихо застонал.

— Где это тебя? За тобой гнались? — склонившись над Дьяченко, спросил Геннадий.

Минут через десять Дьяченко пришел в себя и рассказал, что с ним случилось.

До города Дьяченко добрался благополучно, хотя несколько раз патрули проверяли его документы. А у вокзала он попал в облаву. Один из полицейских чинов долго и придирчиво рассматривал его командировочное удостоверение, и, когда Дьяченко уже решил, что сейчас его схватят, высокий чин строго приказал ему помочь оперативной группе. Оружия, конечно, ему не дали, но поставили в оцепление вокруг вокзальной площади, чтобы охранять группу задержанных. Вид у них был ужасный. Когда напарник Дьяченко на минутку отлучился в соседнюю лавку, чтобы выпить кружку кваса, Дьяченко — была не была! — подмигнув стоящему мужчине: беги, мол! Тот бросился наутек. Но остальные, не заметив поданного знака, решили, что безоружный полицейский может им помешать. Напав на Дьяченко, они скрутили ему руки и приложили головой о стену. Еще бы немного — и крышка.

Когда к нему вернулось сознание, вокруг ожесточенно стреляли. Всеми покинутый, Дьяченко лежал на пустынной улице.

Кто-то посоветовал ему пойти в больницу, но он отка-

зался. Хотелось одного: поскорее убраться подальше от Привокзальной площади. На углу одной из улиц он прислонился к тополи, чтобы собраться с силами, и вдруг, как в тумане, перед ним возникла прибитая к дому табличка: «Пушкинская». И само по себе вспомнилось: «дом двадцать семь».

В тот момент он забыл, что не должен, не имеет права идти к Тоне, он почти инстинктивно нарушил запрет и, лишь слегка опомнившись, начал сознавать всю меру своей вины.

— Вы уж простите меня, ребята! — бормотал он. — Виноват! Очень виноват! У меня словно все соображение выключилось.

Егоров неопределенно хмыкнул:

— Ну, ну!..

— Успокойся, Дьяченко, — строго сказала Тоня. — Подними голову... Вот так... Да не стони ты!

Она положила ему на лоб холодный компресс, потом сняла его, забинтовала голову — умело, как тогда Леону. Теперь он мог, как герой, явиться к своему начальству, которому несомненно уже известно о нападении арестованных на полиция.

Дьяченко оглядел комнату, стол, на котором стояли стаканы с недопитым чаем. Эта видимость домашнего уюта вызвала у него жалость к самому себе.

— Вот черти! — сказал он. — Неплохо устроились. А человека гоните на улицу!

— Не горюй, — усмехнулся Егоров. — Ты ж полицейский! Будешь со своими дружками по кабакам шляться. А вот куда податься бедному подло-ягодному фабриканту?

Тоня расхохоталась:

— Ничего, и подло-ягодного пристроим!

Она вспомнила, что Федору Михайловичу нужен помощник. Почему бы ему не взять подручным в свою лавочку Геннадия Егорова?

Егоров жестом радушного хозяина налил рюмку и придвинул Дьяченко:

— Ну, тяпни для крепости духа французского коньячку и шпарь поскорее отсюда!

Тот опрокинул коньяк в рот, прищелкнул языком и закрыл глаза.

— Не хочется, ребята, идти! Ой, не хочется!.. Такая это грязная работа. — Он поднялся, взглянул на себя в по-

темневшее зеркало, висевшее в простенке.— Красавец! Ну не полицай, а звезда Голливуда!

— Особенно у тебя нос хорош, Дьяченко! — улыбнулась Тоня. — Раздулся и посинел, как луковица. Я, например, не люблю носы, которые словно между дверьми сжимаются.

— Какой еще Дьяченко, фрейлейн? Перед вами Иван Данилович Макагоненко! Желаю здравствовать!

— До свиданья, господин Макагоненко, — в тон ему сказала Тоня.

— Вот что, — предложил Егоров. — Давай-ка на всякий случай назначим сегодня встречу — ровно в шесть у памятника Дюку!

Дьяченко застегнул пальто, надвинул на уши фуражку, чтобы прикрыть повязку, и взялся за ручку двери.

— Хорошо, когда существуют на свете родные души! — искренне сказал он на прощанье, решительно распахнул дверь и вышел.

В глубине прихожей звякнула щеколда, и все стихло.

— А теперь уходи и ты, — сказала Тоня.

— Куда? — Егоров сидел на диване с опущенными плечами.

— Куда-нибудь! Сюда может прийти Петреску. Вы не должны встречаться. Да и мне, собственно, пора к Федору Михайловичу, в лавочку. Встретимся через два часа в сквере на Соборной площади.

Глава третья

С Федором Михайловичем она договорилась в одну минуту. Он согласился пока что укрыть Егорова в своем доме на Пересыпи.

Конечно, Тоня могла бы добраться до Соборной площади и минуя комендатуру, но она так спешила встретиться с Егоровым, так боялась, что, не дождавшись ее, он уйдет и тогда все опять усложнится и запутается, что решила пойти ближайшим путем.

Еще издали увидела она ненавистный подъезд, около которого прохаживался часовой. Невольно замедлила шаг, захотелось повернуть обратно. Впрочем, чего бояться? Раз а три за эти десять дней она благополучно проходила мимо этого мрачного дома и никого не встретила. Пройдет и сейчас.

— Наконец-то, фрейлейн Тоня! Вы, конечно, спешите ко мне?

Офицер, тот самый, с которым она однажды беседовала, приветливо улыбался ей. Суховатые, в синих прожилках щеки его раскраснелись, он тяжело дышал. Очевидно, догонял ее, а это было ему уже не по силам.

— Зайдемте, зайдемте, фрейлейн Тоня. Нам есть о чем поговорить. — И, взяв под локоток, Штуммер настойчиво повел Тоню к парадному входу.

«Теперь конец», — подумала Тоня, поднимаясь по лестнице вслед за офицером, который шел впереди, позвякивая ключами, собранными на колечко.

Все эти дни она только и думала о том, что Штуммер и Фолькенец сами оставят ее в покое. Но нет, как видно, ее все время держат на прицеле; не случайно же так обеспокоен Леон — он, вероятно, все знает, но не может ей этого сказать.

Опять знакомая комната со стульями, напомнившими учительскую.

— Садитесь, фрейлейн! Снимайте пальто. Нам надо поговорить не спеша.

Тоня продолжала стоять у двери. Совсем близко, в двух кварталах отсюда, по скверу мечется Егоров, и каждая минута ожидания кажется ему вечностью, и скоро он поймет, что с ней стряслась беда.

— Раздевайтесь, фрейлейн! — повторил офицер с вежливой настойчивостью.

Тоня медленно сняла пальто, повесила его рядом с шинелью на круглую деревянную вешалку и, пригладив волосы, осторожно присела на край стула.

— Я вижу, фрейлейн, вам нелегко живется, — проговорил офицер, сочувственно оглядывая ее с ног до головы. — Петреску должен был бы о вас позаботиться — ведь вы спасли ему жизнь! Но... к сожалению, румыны не всегда бывают джентльменами. Ничего, — уже весело сказал он, — мы это исправим! А теперь давайте познакомимся. Меня зовут Генрих Штуммер... — Он снял трубку зазвонившего телефона и коротко сказал: — Штейнбах?.. Уже здесь? Пусть зайдет!

Несколько мгновений Штуммер молчал, сосредоточенно глядя в глаза Тони. Она старалась выдержать этот взгляд, но вдруг поняла, что, собственно, Штуммер вовсе не на нее смотрит, а как бы сквозь нее — на дверь.

В тревожном ожидании она невольно оглянулась. Кто же это должен зайти?

Никогда еще время не тянулось так долго. Сколько раз она слышала о том, что главное для разведчика — выдержка, умение ждать, ждать и ждать. Но как мучительна неизвестность! Сейчас распахнется дверь, и это может означать конец ее жизни.

— Фрейлейн Тоня, — услышала она вновь голос Штуммера, — попрошу вас быть переводчиком. — И он поднялся навстречу человеку, который, осторожно приоткрыв дверь, вошел в комнату.

Господи, да это же Камышинский! Тоня узнала его мгновенно. То же серое заношенное пальто, седые волосы торопливо приматы, свисают на лоб, во взгляде блеклых глаз — невероятная усталость, а на морицинистом лице — тюремная желтизна. И, кажется, если бы Тоня не знала, что именно из-за этого человека погиб Андрей, она прониклась бы к нему сочувствием.

Камышинский остановился около стола и коротко кивнул Тоне.

— Зетцен зи зих! — Штуммер показал рукой на свободный стул у стола, и Камышинский присел, крепко сцепив на коленях пальцы.

Штуммер молча и неторопливо перебирал на столе бумаги, а Тоня тем временем рассматривала Камышинского. Нет, он как-то не производит впечатления человека, который доволен тем, что предательством купил себе жизнь. Он явно испуган и насторожен. Его короткие пальцы с неровными ногтями непрерывно в движении — то сжимаются в кулаки, то расслабляются, то вдруг, крепко сжав ладони, Камышинский начинает щелкать подагрическими суставами. И лишь изредка, когда его взгляд устремляется за окно, где ослепительно сияет солнце, в глубине погасших глаз вспыхивают и тут же гаснут искорки.

— Познакомьтесь, фрейлейн, с господином Петровым, — сказал Штуммер со сдержанностью хозяина дома, представляющего друг другу своих гостей. — Господин Петров будет весьма полезен в том деле, которое мы намерены вам поручить. Но себя вы можете ему не называть.

Ах, Петров! Значит, Штуммер не хочет, чтобы она знала подлинное имя Камышинского! Значит, игра началась?

Только что Тоне казалось, что силы ее на пределе, а оказывается, это лишь начало испытаний.

Совладав с собой, она повернулась к Камышинскому и по-русски сказала:

— Нас с вами знакомят, господин Петров.

Камышинский хмуро кивнул. Штуммер поднялся, обошел вокруг стола, придвинул еще один стул и сел между Камышинским и Тоней, показывая этим, что разговор должен быть доверительным и дружеским.

— Фрейлейн Тоня, — начал он, положив руку на спинку ее стула, — господин Петров знает многих из тех, кто тайно нам вредил. Мы ему многим обязаны, и только ради сохранения его жизни, ради того, чтобы оградить его от возможной мести, временно изолировали от внешнего мира. Сейчас нам стало известно, что в Люстдорфе — не правда ли, я тоже стал одесситом? — так вот, в Люстдорфе появилась группа, которой руководит Илья Коротков. Мы знаем о нем немного. Сейчас он пытается связаться с партизанами. Что это такое, надеюсь, вы понимаете. Господин Петров до войны знал Короткова и может рассказать о нем подробнее.

— Но чем же я могу быть вам полезна? — спросила Тоня, стараясь не глядеть на Камышинского, продолжавшего сидеть с таким отрешенно-равнодушным выражением лица, что, казалось, он не слышит Штуммера. Впрочем, да — он ведь не понимает по-немецки.

— Надо сделать так, чтобы Коротков вам поверил, — сказал Штуммер и дотронулся до ее плеча. — О, это не будет трудно! Мы задержали одну связную, девушку вашего возраста, и получили от нее пароль и явку. Коротков ее никогда не видел, но она знает его по фотографии. К сожалению, у меня этой фотографии нет, и потому... — Штуммер улыбнулся и с шутливой сокрушенностью пожал плечами, — потому нам приходится вновь просить господина Петрова об услуге: он нарисует вам то, что называется словесным портретом. Попросите его об этом, фрейлейн.

— Господин Петров, — начала Тоня, — вас просят описать, как выглядит Коротков.

Камышинский внезапно резко вскинул голову.

— А ты спроси его!.. — произнес он с такой нескрываемой яростью, что Тоня испугалась. — Господи, когда же все это кончится? Скажи ему, что мне надоели и его сигареты, и вонючий шнапс, и заботы о моей жизни. Все мне надоело!..

— Господин Петров, успокойтесь! — прошептала она,

быстро сообразив, что все обстоит не столь просто, как это могло показаться.

А Камышинский вдруг спрятал лицо в ладонях и глухо зарыдал.

— Черт побери! — рассвирепел Штуммер. — Каждый раз истерики!.. — И, налив из графина воду, он протянул стакан Камышинскому: — Тринкен зи!

Крупная рука Камышинского дрожала, и стакан позвякивал, ударяясь о зубы. Какие горькие слезы! Неужели после всего этого человек может жить? Ведь вскочить на подоконник, разбить стекла и выбраться на мостовую — дело нескольких секунд.

Тоне показалось, что именно это сейчас и произойдет. Плечи старика продолжали конвульсивно вздрагивать, а воспаленные глаза, в которых возникло дикое, полное отчаянной ненависти выражение, действительно все чаще скашивались в сторону окна.

Но Штуммер оставался совершенно спокойным.

— Потерпите, фрейлейн Тоня, — сказал он, снова наливая из графина воду. — Его норма — три стакана. Потом он успокаивается и становится человеком. В общем-то, он неплохой старик, но несколько истеричен.

Через несколько минут Камышинский перестал метаться. Он сидел, прикрыв рукой набрякшие веки, и покусывал губы.

— Скажи ему, — обратился он к Тоне, — что о Короткове я почти ничего не знаю. И пусть меня отправят в камеру.

Тоня перевела эти слова. Штуммер был непреклонен:

— Пусть скажет хоть то, что знает.

— Скажите то, что знаете, — попросила Тоня, вновь вспомнив о Егорове. «Где он? Что с ним? Скорее бы все это кончилось!» — Быстрее говорите, — прибавила она от себя, уже строго. — Не тяните.

Камышинский шумно перевел дыхание.

— Коротков росту под сто девяносто. Лысоватый... Носит очки... Три передних зуба металлические... До войны жил на пятой станции. Оставался ли в подполье, не знаю... Вот и все... И скажи ему, что я устал. Я хочу в камеру!.. Сейчас же! — крикнул он, теряя самообладание. — И еще скажи, что больше он не вытянет из меня ни слова!

Штуммер небрежно махнул рукой, показывая, что Камышинский может убираться вон.

Старик тяжело встал, закашлялся и, резко повернувшись, быстро направился к двери.

Встала и Тоня.

— Теперь и мне можно идти? — спросила она, чувствуя, что больше не в силах здесь оставаться.

Штуммер слишком напоминал ей Фолькенеца — та же обманчивая изысканность манер, прикрывающая жестокое лицемерие. А что, если бросить ему в лицо, что ей известно подлинное имя доносчика? Пусть не думает, что перед ним наивная девчонка!.. Шальная мысль!.. Тоня тут же справилась с собой. Нет, нет, ни одного лишнего слова.

От Штуммера не ускользнула перемена в ее настроении, но он был далек от подозрения, что эта худенькая девчушка знает больше, чем он этого хочет.

— Да, фрейлейн, — проговорил он, — я понимаю ваше состояние. Жить нелегко. Очень нелегко! Особенно вам, совсем еще юной. Но я сделаю все, чтобы оградить вас от опасностей. Поверьте, поручение, которое мы вам даем, связано с совсем небольшим риском. Вы очень недолго будете связанной между Коротковым и теми, с кем он действует. А потом мы поможем вам уехать из Одессы. В мире есть уголки и получше. Австрийские Альпы, например! Я родился у их подножия... Вы когда-нибудь держали в руках букет эдельвейсов? Нет? Они растут в горах... Я и сам устал от этой войны, — вдруг сказал он, но тут же словно спохватился и вернулся к делу. — Запомните, пожалуйста: завтра утром вы отправитесь в Люстдорф, разыщете дом Мирона Стороженко... Этот дом всем известен. Отсчитаете от него в сторону моря еще четыре дома и войдете в пятый. У того, кто вам откроет, спросите: «Можно ли купить ставриду?» Вам должны ответить: «Ставриды нет, но есть бычки». После этого вы скажете, что пришли от Лугового, район, где можно перебраться к партизанам, выбран. Нужны два надежных человека, по возможности минеры. Вы должны задержаться в этом домике хоть несколько часов, послушать разговоры и, вернувшись, все мне рассказать... Дело, как видите, довольно несложное. А для того чтобы свести риск к минимуму, я установлю за домом наблюдение. Если ваша жизнь подвергнется хоть малейшей опасности, мои люди моментально придут на помощь.

— Но почему же нельзя просто арестовать Короткова? — искренне удивилась Тоня.

— О! Это была бы грубая ошибка! Нам нужно схватить

их всех вместе. Не скрою, фрейлейн, мы не знаем, кто такой этот Луговой. Арестованная, оказывается, тоже его не знает. Приказ она получила через так называемый «почтовый ящик». У них неплохая конспирация!

— Значит, вы не знаете, что они замышляют?

— В том-то и дело! Мы не знаем ни места, ни времени. Нам неизвестен человек, скрывающийся под фамилией Луговой. По наведенным справкам, среди служащих железной дороги человека с такой фамилией не было и нет. Поэтому мы не торопимся с арестом Короткова — хотим выявить всю его группу. Вам все понятно, фрейлейн?

— Да, все...

— С вами легко работать. Теперь я понимаю, почему вам удалось спасти Петреску.

Штуммер подошел к несгораемому шкафу и, щелкнув ключиком, раскрыл массивную дверцу. Тоня подумала, что сейчас он предложит ей деньги, но он достал небольшой бланк, долго заполнял многочисленные его графы, а затем протянул бумагу через стол Тоне:

— Поставьте внизу свою подпись, фрейлейн. Никто, кроме меня и еще одного-двух человек, не будет посвящен в вашу тайну.

Бланк лежал перед ней на столе, а Штуммер, раскрыв папку с бумагами, занялся своими делами.

Тишина! Если смотреть в небо, то кажется, что весь мир щедро залит солнцем и в нем нет ни смерти, ни горя, ни предательства. Мерно шумят морские волны, а в сквере ждет ее...

Она внезапно вспомнила памятник Дюку... Окровавленную голову Андрея... Но что же это они сделали с Камышинским? Ведь подпольщики доверяли ему. Он был честным. Почему же его оставило мужество, когда он оказался в этой комнате? Нет, все же быстро соглашаться не следует. Пусть он видит, что она не так уж покладиста.

Какая мертвая тишина! Даже не слышно шагов за дверью.

— Фрейлейн Тоня, — тихо спросил Штуммер, — вы все еще колеблетесь?

— Видите ли, — тихо заговорила Тоня, — когда я помогала Петреску, я поступала так, как подсказывало сердце... Но пожалуйста, прошу вас, не заставляйте меня подписывать эту бумагу...

— Вы не хотите с нами сотрудничать?

— Нет, я буду делать все, что вы скажете, но...

— А что же вам мешает оформить наш «брак»? — Штуммер улыбнулся и, подписав какую-то бумагу, захлопнул папку.

— Вы же говорили, что я должна выполнить всего несколько заданий. И я выполню их, я выполню все обязательства, о которых говорится в этом бланке, и все буду держать в строжайшем секрете. Мне некуда деваться! У меня есть только один друг...

— Петреску не должен знать о нашей встрече, — прервал Штуммер, уверенный в том, что именно его она имеет в виду. — Если только вы ему проговоритесь, я не ручаюсь за вашу жизнь. Ну ладно, — вздохнул он, — я еще подожду. Давайте бланк. Мы вернемся к этому делу в следующий раз, а сейчас расстанемся... Значит, завтра вы в Люстдорфе, а послезавтра я ожидаю вашего подробного письменного доклада. — Он поднял палец и повторил: — Письменного! Но сюда больше не приходите. Вас могут заметить. У меня есть квартира для встреч. Знаете улицу Петра Великого?

— Знаю.

— Дом тридцать семь. Первый этаж. Как войдете в подъезд, сразу направо. Позвоните шесть раз. Запомните: ни на пять, ни на семь вам не откроют. Жду ровно в четыре часа дня. Будьте точны.

Она быстро направилась к Соборной площади, чтобы хоть издали взглянуть, не ждет ли ее в сквере Егоров. Конечно, она к нему не подойдет: Штуммер мог послать ей вслед своего человека.

Часы на углу показывали без четверти пять. Пустынный сквер проглядывался насквозь. По дорожке бежал мальчишка. На скамейке у входа сидели две пожилые женщины. И всё. С ощущением гложащей тоски и полного одиночества Тоня медленно прошла мимо ограды.

Глава четвертая

Она думала, что не будет спать всю ночь.

За окном изредка раздавались шаги. Тоня вскакивала и, откинув занавеску, прижималась лицом к стеклу, вглядываясь в сумеречную пустоту ночной улицы.

Потом она все же заснула, да так, что, если бы даже Егоров и постучал в ее окно, вряд ли она услышала бы.

В половине седьмого Тоня тщательно умылась, оделась, позавтракала, и все это с обстоятельностью спортсмена, собирающегося на соревнования.

Все, о чем говорил Штуммер, представлялось сейчас в ином свете. Возможно, он ее испытывает и никакого Короткова на самом деле нет, как нет и Лугового. Так или иначе, но пужно следить за каждым своим словом, за каждым поступком. Ведь возможно, что все это просто-напросто проверка.

Она вышла из дома. Ее встретило светлое, спокойное утро. Мелкие облачка, казавшиеся расплывшимися дымками от разрыва зенитных снарядов, медленно ползли со стороны моря, пронизанные несмелым весенним солнцем.

Тоня решила идти пешком. Люстдорф довольно далеко, но к десяти она наверняка доберется...

К тому времени, когда началась война, она знала, что фашизм величайшее зло. В школу, где она училась, приезжал немецкий политэмигрант Гуго Штейнгарт и рассказывал о том, как Геринг со своими штурмовиками поджег рейхстаг; она любила слушать песни Эрнста Буша — в них звучала убежденность в победе над нацизмом.

А вот теперь она сама втянута в борьбу, и, если останется жива, будет чудо. Как ожесточен Камышинский! Конечно, он не фашист и ненавидит Штуммера, но сломлен...

Звонко позают каблучки. Тоненькая девушка спешит. На ее щеках румянец от быстрой ходьбы. Пальто расстегнуто. Кто бы мог подумать, что она, молодая девушка, такая с виду беззаботная и «домашняя», в действительности олицетворяет собою великую силу народного мщения, непреклонную, страшную силу!

Тоня ловила взгляд каждого встречного. «Наблюдаешь? Ну-ну!» — с нарастающим ожесточением думала она.

Еще не поздно было свернуть в один из переулков и, попетляв, убежать от преследователей, если они за нею наблюдают, добраться до Федора Михайловича и с его помощью исчезнуть в катакомбах.

Исчезнуть!..

Она представила себе темные своды, тускло освещенные керосиновыми лампами и свечами. Постоянное напряженное ожидание часа ночной вылазки, когда после спертого, пропахшего дымом и испарениями воздуха подземелий никак не можешь надышаться. За эти недели она уже много слышала о катакомбах — о том, что там скрывается

взбунтовавшийся отряд словаков. Этот отряд не дошел до фронта. Вскоре по прибытии в Одессу словаки связались с подпольщиками и перебили немало немецких офицеров. Теперь, совместно с другими группами, они громят немецкие эшелоны и склады.

«Иди!.. Иди!.. Иди!.. — твердила она себе. — Вдруг можно будет найти возможность осторожно предупредить Короткова о нависшей над группой опасности, ведь тогда многие будут спасены».

На пустынном шоссе ее остановил патруль. Молодой солдат в неопрятной, выдавшей виды шинели бегло взглянул на ее паспорт и, уверенный в том, что русская девушка не понимает по-немецки, весело сказал своему напарнику:

— А у девочки неплохие глазки!..

Потом она долго шла темными, изрытыми полями. Заброшенные окопы уже осыпались. Линия обороны! Так писалось в газетах. Последняя линия. Теперь ее и не разглядеть. Вдалеке, среди поля, валяется остов военной повозки, перевернутой взрывом. На колесе сидит ворон. Удивительно, как много здесь этих птиц! Она невзлюбила их еще в детстве, когда увидела в учебнике репродукцию с картины Верещагина: унылое поле, усеянное телами убитых солдат, и над павшими — стая черных воронов.

Вот и Люстдорф. Небольшой, прижатый к морю поселок. Почти все дома сохранились — крепкие, обжитые, построенные еще в прошлом столетии немецкими колонистами.

Мирон Стороженко... От дома, в котором он живет, надо отсчитать четыре и войти в пятый. А вдруг Коротков все же знаком с той девушкой, которая арестована, что тогда?..

От волнения кружилась голова, но она понимала, что теперь уже за каждым ее движением наверняка следят. Может, даже сам Штуммер наблюдает из какого-нибудь окна.

Кого спросить? Из-за поворота выбежал мальчишка лет десяти, озорно подпрыгнул, что-то крикнул девчонке в сером пальтишке, повуру стоявшей у крыльца дома с небольшим узелком в руке, и устремился навстречу Тоне. Она уже хотела его остановить, но, не добрав нескольких шагов до нее, он круто свернул направо, перемахнул через канаву и исчез за калиткой.

Тоня подошла к девочке и дружелюбно обратилась к ней:

— Здравствуй!

Девочка взглянула на незнакомку серьезно и даже настороженно и инстинктивно покрепче прижала к себе узелок.

— Где тут живет Стороженко? Мирон Стороженко. Не знаешь?

— Зачем он вам?—с откровенной неприязнью спросила девочка и не по-детски испытующе взглянула в глаза Тоне.

Тоня растерялась.

— Что это ты такая сердитая? Не хочешь — не говори.

— Нету больше моего дедушки Мирона! — горестно вздохнула девочка. — В этом вот доме он жил...

— А теперь?

— В тюрьму его увезли... Вот передачу ему несусь.

Так вот почему Штуммер дал ей именно этот ориентир! Ведь весь поселок знает об аресте Стороженко, и, конечно, незнакомый человек, интересующийся им, невольно привлечет к себе внимание, а Коротков заведомо отнесется к такому человеку с доверием.

Тоня медленно шла вдоль улицы. Первый... второй... третий... четвертый...

Вот и пятый дом. Ничем не приметный, обычный, поблекший от времени и невзгод. Щербатое крыльцо в три ступеньки, дверь в дом приоткрыта, во дворе позванивает цепью рыжеватый пес, обросший свалившейся клочковатой шерстью.

Заметив Тоню, пес беззлобно таякнул и тут же нырнул в свою конуру.

Улица пустынна, но Тоня чувствует, как со всех сторон ее пронзают затаенные взгляды. Ей показалось, что к окну рядом с крыльцом прижалось бледное лицо. Но, может быть, только показалось. Ее внутреннее напряжение достигло предела.

Спросить о ставриде? Какая глупость! Почему о ставриде? Никаких признаков того, что в доме живет рыбак.

Калитка тихонько скрипнула. Тоня медленно прошла по дорожке, поднялась на крыльцо. Из-за приоткрытой двери тянуло кислым запахом грязи и запустения.

Тоня не успела постучать, как дверь широко распахнулась, и она увидела очень высокого человека в шапке, в сером свитере и синих лыжных брюках. Поджарый, длин-

ноногий, он показался ей даже красивым, несмотря на сероватую бледность лица.

— Заходи! Заходи! — сказал он с неожиданным радующим и улыбнулся.

Так встречают хорошо знакомого человека. Вот сейчас она произнесет парольную фразу, и он все поймет. Что же будет тогда?

— Ну, заходи же... Смелее! — В его голосе слышалась подкупающая приветливость.

Тоня переступила через порог и остановилась у двери, не в силах сделать дальше и шага.

Ее взгляд остановился на продолжавшем улыбаться лицу хозяина, на тускло поблескивающей стали его передних зубов. Боковым же зрением она прощупала комнату, в которой как будто никого, кроме них, не было.

Хозяин небрежным, торопливым движением смахнул с головы шапку и бросил ее на стол, где стоял закопченный котелок, а на расстеленной газете лежала неровно обломанная краюха черного хлеба.

Удивительно, но, увидев этот голый, сужающийся к темени череп, Тоня чуть ли не огорчилась. Хозяин постарел сразу лет на пятнадцать.

Несомненно это был Коротков. Из светлых глаз его исчезла улыбка, на узкое лицо, отяжеленное крупным подбороком, легла тень настороженного недоверия.

— Нет ли у вас продажной ставриды? — спросила Тоня сдавленным голосом, и у нее перехватило дыхание.

— Еще чего захотела!.. — почти весело воскликнул хозяин дома и снова сверкнул металлическими зубами. — А бычков не хочешь?.. Ну, не жмись к двери! Садись...

Она присела на старый венский стул с распатанными ножками, придвинутый к столу, и только теперь внимательно оглядела комнату.

В углу стояла железная кровать, покрытая серым солдатским одеялом, на подушках — ситцевые наволочки в желтых цветочках. У двери — платяной фанерный шкаф «под дуб» с поцарапанной дверцей. И с этой случайной, бедной обстановкой совершенно не вязался портрет в черной полированной раме в простенке между окнами. На нем был изображен старичок, одетый по моде времен «Броненосца Потемкина», в белом пикеинном жилете, с благообразной, тщательно расчесанной седоватой бородой, а из кармана свисал черный шнурок пенсне.

Коротков перехватил ее взгляд.

— Бедно живу! Но по нынешним временам — вполне даже прилично. Работаю счетоводом у районного налогового инспектора... — Он сумрачно усмехнулся. — В такую богадельню никто лишний раз носа не сунет... Ну, рассказывай, с чем пришла? — прервал он самого себя и требовательно глянул на Тоню.

— Луговой просил передать, что надо подобрать двух надежных людей... Лучше минеров. Район, где можно перейти к партизанам, уже определен.

В светлых глазах Короткова возникло напряженное, жестокое выражение. Он прошелся по комнате, постоял у окна, глядя вдаль, потом повернулся к Тоне и спросил с неожиданным раздражением:

— У него что, своих людей нет? У меня провал за провалом... Третьего дня Стороженко забрали. Ко мне подбираются... Скажи, что нет у меня сейчас такой возможности и не предвидится...

— Хорошо, — проговорила Тоня, — передам...

— Слушай! — вдруг словно спохватился он и подсел к столу. В голосе его возникли властные нотки. — А как ты, собственно, меня нашла? Ведь Луговой знает старую явку, а с нее я ушел. Как же ты меня нашла?

Он не сводил с нее острого, недоброго взгляда, и Тоня боялась даже моргнуть, чтобы не выдать себя. Ей хотелось сразу во всем ему признаться и кончить эту мучительную игру. Ведь она должна, она обязана предупредить Короткова об опасности. Ведь она же не Зина Тюллер! Надо сказать Короткову правду, и вдвоем они сумеют придумать, как ей быть со Штуммером, как обмануть его.

— Сначала я пришла к дому Стороженко, — начала Тоня, чувствуя, как его взгляд становится все более и более подозрительным, и уже не имея сил продолжать ту низкую игру, которую ей навязали.

— Ты заходила в его дом? — перебил Коротков.

— Нет.

— Но как ты узнала, что я здесь?

— Мне сказала девочка.

— Какая девочка?

— Внучка Стороженко.

— Что сказала?

— Дедушка, говорит, арестован. Иду, говорит, в тюрьму, отнесу ему передачу.

— Но почему ты именно сюда пришла? Это девочка тебя послала?

— Нет.

— Слушай, девушка, как тебя зовут?

— Тоня.

— Так вот, Тоня, ври, да знай меру! — Он тяжело поднялся, подошел к двери и запер ее на крюк.

Тоня подавленно молчала. Слова признания сами рвались с ее губ, все предметы вокруг расплылись, она видела лишь бледное, отчужденное лицо Короткова, его глаза, ненавидящие и страшные.

— Признавайся, кто тебя послал, — сказал он требовательно.

— Луговой...

Он усмехнулся:

— Долго будешь лгать?

— Луговой сказал, чтобы я отсчитала от Стороженко четыре дома и вошла в пятый...

— Так прямо и сказал?

— Да. Так и сказал.

Он снова подошел к окну, тревожно оглядел улицу и все подступы к дому, словно боялся, что Тоня привела с собою гестаповцев.

— Какая же это сволочь предала меня?! — воскликнул Коротков, обращаясь не к Тоне, а словно к самому себе.

Тоне стало еще тяжелее оттого, что он ее ни в чем не подозревал. Глядя на его желтоватый череп, на серое, землистое лицо, она думала о том, что этот человек, вероятно, долго сидел в тюрьме. Вот такой же цвет и у Камышинского. И так же сутулится спина, словно от привычки держать руки связанными на поясице. Каждое слово Короткова обжигало Тоню. Как же, как предупредить его о том, что опасность рядом? Что он уже на самом краю гибели...

— Может, лучше вам уйти отсюда? — робко начала она. — Раз уж арестован Стороженко, то и на вас показать могут...

Он быстро оглянулся и с угрюмой настороженностью прошелся по комнате.

— А куда? Куда уйти? Все не просто. Нужно конспирироваться так, чтобы к тебе не могли найти путь враги, но нашли единомышленники... Ну уйду — и весь труд пойдет прахом... Прервутся связи... Нет, ты так и скажи Луговому, что я остаюсь на месте... И буду здесь до конца...

«Хорошо, если бы сюда больше никто не пришел! — с тоской думала Тоня. — Мне ничего не нужно знать, ничего». Хотелось побыстрее уйти. В конце концов, скажет Штуммеру, что этого потребовал Коротков. Но она не теряла надежды найти способ, чтобы сказать ему об опасности, в то же время не раскрывая себя до конца. Урок Камышинского многому ее научил. Не у всех, оказывается, хватает мужества бороться в одиночку. За ней стоят и Егоров, и Дьяченко, и группа Федора Михайловича, и она не может, не имеет права ими рисковать. А где-то в самых глубинах сердца, не признаваясь в этом самой себе, она тоже боялась одиночества, и тюрьмы, и жестоких допросов.

Коротков молчал, сосредоточенно глядя поверх ее головы. Казалось, он погрузился в мир своих нелегких мыслей, куда не было доступа никому, кроме него самого.

— Вот что, Тоня, — наконец тихо заговорил он и погладил край стола своими длинными пальцами, словно успокаивая самого себя, — передай Луговому, что я согласен. Группу выделю. Пять человек. Двое из них — опытные подрывники. Пусть сообщит через тебя время и место... И еще скажи, что у меня, мол, все в порядке. Действую по плану... А теперь, как мне ни приятно твое общество, ступай. Да вот возьми на дорогу что бог послал — хлеба... Больше нечем мне тебя угостить.

Он встал, достал из шкафа большой хлебный нож, а Тоня заметила там, в глубине, на полке, яркие этикетки французских консервов. Она уже видела такие консервы в магазинах на Дерибасовской, но купить их было просто немислимо!

Коротков отрезал от своей початой буханки щедрый лом, тщательно завернул в газету и протянул Тоне:

— Ну, прощай. Ты славная девушка, Тоня!

Она взяла хлеб, попрощалась и ушла с тяжелым и беспокойным чувством, в котором сама не могла разобраться. Что это? Привычка притворяться бедным и несчастным? Или скупость? Или, может, это ПЗ¹ для подпольщиков, управляющихся на операции? Но неужели он хранит в своем шкафу продукты для целой группы? Нет, это маловероятно.

Хлеб она съела до последней крошки, едва только вышла от Короткова.

¹ ПЗ — неприкосновенный запас.

По дороге Тоню никто не остановил. Она вернулась домой к вечеру, такая усталая, что не было даже сил согреть чай.

А ночью внезапно проснулась. Почудилось, что в окно постукивает ногтями Егоров. Но нет, за стеклом никого не было. На крышах истошно рыдали кошки. Они праздновали наступление весны.

Глава пятая

— Я была в Люстдорфе, — сказала Тоня, едва войдя к Федору Михайловичу.

— Где? — насторожился он.

— В Люстдорфе. У Короткова.

— Кто такой Коротков?

— Руководитель группы.

— Какой группы? Нет в Люстдорфе никакого Короткова.

— Есть. Я сама с ним разговаривала.

Она подробно рассказала и о своем разговоре со Штуммером, и о встрече с Камышинским, которого Штуммер назвал Петровым, и о своем походе в Люстдорф от имени некоего неизвестного ей Лугового. Обстоятельно, стараясь не упустить ни одной детали. Описала поведение Короткова, не забыла сказать и о Мироне Стороженко, в аресте которого сама убедилась.

— Удивительно! — проговорил Федор Михайлович. — Какой-то человек действует от имени подпольщиков и, насколько я тебя понял, ищет связи с ребятами, которых мы спасли. А я между тем после недавних арестов не могу восстановить связи с целым рядом товарищей.

— Конспирация! — хмыкнул Егоров.

А Федор Михайлович спросил:

— Так кто же такой этот самый Луговой? Сумела ты понять, что он из себя представляет?

— Нет. Но Коротков его, по-моему, знает.

Федор Михайлович с ожесточением вцепился пятерней в свою бороду; казалось, он начисто оторвет ее.

— Значит, так, — вслух размышлял он. — Получается, что Луговой действует на железной дороге. Но если он просит помощи, стало быть, дела его не слишком хороши. С другой же стороны, судя по твоему рассказу, у

Короткова довольно крепкая группа. Все это весьма загадочно!

— Но что мне сказать Штуммеру? — спросила Тоня, которая не переставала мучительно размышлять о предстоящем свидании.

— Подписку о сотрудничестве с тебя взяли, так? — спросил Федор Михайлович.

— Нет. Мне пока удалось отбиться, — возразила Тоня. Егоров со злостью вставил:

— Ничего, пусть этот Штуммер подождет. Успеет!

— Нет, Егоров, здесь очень опасно играть в независимость, — серьезно заметил Федор Михайлович. — У Тони положение сложное!..

— Так давайте решать... Но чуть позднее, — все так же нервно сказал Егоров. — Мне пора уходить, радиogramму подготовить.

— Передавай, — согласился Федор Михайлович, — Тоня покажет тебе, где радистка.

— Федор Михайлович!

— Что? — обернулся он к Тоне.

— Как же все-таки предупредить Короткова? Я ему, конечно, намекнула, но прямо сказать не решилась...

— И правильно сделала. Я его еще прощаю...

— Может быть, он мог бы успеть уйти в катакомбы? И других с собой увести? Ведь если он действительно знает, где подпольный обком, он нам так нужен!

— Вот в том-то и дело, что лучше бы он не знал. Достаточно нам Камышинского. Думаешь, Камышинский такой уж слабенький человечек? Он, если хочешь знать, своими руками двух полицаев задушил! А допросов вот не выдержал. В общем, так, ребятки! — Он хлопнул ладонью по прилавку, на котором горкой высились гниловатые яблоки и груши. — Будем поступать так, как прикажет начальство. А пока, Егоров, двигай к художнику Тюллеру, знаешь, где оперный театр? Придешь — спроси художника Карла Ивановича. Скажи, что тебя послал старый огородник, и он тебе любой штампик смастерит. Ночевать сегодня будешь в моем доме на Пересыпи.

«Тюллер! Это что же, Зинин отец?» — подумала Тоня, не став ни о чем спрашивать.

Федор Михайлович вышел из подсобки навстречу покупателю.

Они остались одни.

— Что же мне делать? — тихо спросила Тоня. — Коротков и его группа погибнут. Минеры будут схвачены.

Егоров обхватил голову руками. Положение казалось ему безвыходным.

— Пойми ты наконец, — проговорил он, — ничего исправить уже невозможно.

— Но я могу сообщить Штуммеру, что Коротков отказался послать минеров!

— Потом Короткова схватят, и на очной ставке с тобой он скажет, что тебе была известна истина.

— А если не скажет?

— Вот что, — Егоров понял, что спорить с ней бесполезно, нужно предложить какой-то разумный выход, — судя по всему, Штуммер ведет с Коротковым большую игру. Торопиться с его арестом не будет. Успеешь сказать при следующей встрече.

Ему показалось, что он ее убедил.

— Так, значит, писать донесение Штуммеру? — спросила она в последней надежде, что Егоров найдет какой-то другой выход.

— Писать!

Тоня зажмурила глаза, словно от охватившей ее боли.

— Ну ладно, пойду писать... Как же мы встретимся? У театра?

Она решила, что на этот раз ее разговор со Штуммером не затянется, и все же — кто может разглядеть во тьме рифы! — на тот случай, если она не придет вовремя, подробно рассказала Егорову путь, который приведет его к дому Федора Михайловича на Пересыпи. К радистке они смогут попасть только на следующее утро.

Она вышла на улицу, но ни солнечное марево, ни мягкий весенний ветер — ничто не радовало ее. Мысли были тяжелыми. Сколько лет она уже прожила на свете? Сто? Двести?

Глава шестая

Штуммер сам открыл дверь. Он стоял перед Тоней в черном костюме и накрахмаленной белой рубашке, чуть торжественный, словно приготовившийся к вечернему рауту.

— Входите, фрейлейн! Вы точны. А говорят, что точность — это вежливость королей.

Он провел ее по длинному коридору в глубь квартиры. Тоня заметила, что двери всех комнат, мимо которых они проходили, были наглухо закрыты. Дом казался необитаемым.

В комнате, куда они вошли, все осталось, по-видимому, так, как было при прежних хозяевах. Небольшой старинный ломберный стол был придвинут к окну. На стенах висели чучела: пыльный орел, вцепившись острыми когтями в отполированный дубовый сук, гордо поднял свой хищный клюв, а в углу, на черной тумбочке, поджав одну ногу, стояла цапля. В ее черных пуговичных глазах застыло выражение страха.

«Кого же она боится? — подумала Тоня. — Орла или Штуммера и тех тайн, в которые он посвятил ее во время свиданий с приходящими сюда людьми?» Около стены стоял книжный шкаф с помутневшими стеклами, за которыми не было книг. И то, что книг не было, усиливало ощущение исчезнувшей чьей-то в прошлом налаженной, устоявшейся жизни.

Штуммер пододвинул поближе к окну тяжелое кресло с изогнутой спинкой и предложил Тоне сесть.

— Ну, фрейлейн, — начал он, приветливо улыбаясь, — кое-что мне уже известно. Вы не совсем точно выполнили задание, хотя несомненно и старались...

— Я не могла задержаться у Короткова дольше, — сказала Тоня. — Видимо, он ждал кого-то, потому что попросил меня уйти. Я не успела поговорить с ним обо всем...

— Да! Да! Конечно! Просто невежливо оставаться в доме, если тебя просят уйти. А жаль! К нему действительно вскоре после вас зашел один человек... Кстати, тот, которым мы интересуемся. Ну хорошо!.. — Он присел на край ломберного столика, и тот под тяжестью его тела скрипнул. — Так о чем же все-таки вы успели договориться?

Повторяя все во второй раз, Тоня говорила довольно уверенно, и Штуммер, внимательно слушая ее, одобрительно кивал головой. Он явно отдавал должное ее памяти.

— Так, значит, фрейлейн, Коротков с Луговым знакомы? — спросил он, когда Тоня закончила свой рассказ.

— По-моему, они уже встречались. Так, по крайней мере, я думаю.

— А когда они готовят операцию?

— Коротков об этом не говорил. По-моему, он сам еще точно не знает.

Штуммер досадливо прищелкнул пальцами.

— Признаться, я надеялся, что хоть это вы сумеете узнать.

— Но ведь речь шла только о минерах! Вы сами говорили...

Штуммер приблизился к цапле, щелкнул ногтем по ее приоткрытому клюву и засмеялся:

— Представляете себе, фрейлейн, скольких червяков проглотила эта цапля за свою жизнь! А сейчас она набита ватой!.. — Он повернулся к Тоне, довольный своей шуткой. — Мы ведь с вами, в сущности, тоже ловим червяков, и надо помнить, что очень многие охотники сделали бы из нас чучела... — Он вдруг оборвал сам себя. — А теперь садитесь и пишите донесение.

Тоня надеялась, что он забыл про письменное донесение, которое, впрочем, она на всякий случай продумала заранее. Взяв лист бумаги и ручку, подsunутые ей Штуммером, она стала писать печатными буквами. Написав и помахав листком, чтобы высохли чернила, она протянула его Штуммеру.

Едва пробежав глазами написанное, Штуммер изобразил на лице разочарование.

— Ну, фрейлейн, — с легким укором сказал он, — за что же вы лишили меня удовольствия увидеть ваш собственный почерк?

Он положил листок на стол и вынул вечное перо.

— Будьте любезны, фрейлейн, поставьте вот тут, внизу, свою подпись... Спасибо! И теперь вам уже не придется подписывать никакие другие документы. Все формальности соблюдены... Вы чем-то расстроены, фрейлейн? — спросил он, пряча донесение во внутренний карман пиджака.

— Нет, нет! Что вы! — сказала Тоня, заставляя себя внутренне собраться; внезапно она вспомнила, как Коротков доставал из шкафа нож, чтобы нарезать хлеб; этот маленький штрих исчез из ее памяти, когда она рассказывала в подсобке Егорову и Федору Михайловичу, но сейчас Штуммер сам навел ее на мысль... — Мне кажется, что Коротков скупой...

— Как это вы говорите? Скупой?! Он вас не накормил?

— Нет, почему же. Дал на дорогу щедрый ломоть черного хлеба. Но почему-то очень не хотел, чтобы я увидела мясные консервы, спрятанные в шкафу.

— Но, может быть, их совсем мало!

— Что считать малым? Банок десять!

Штуммер всплеснул руками:

— А еще говорят о широте русских и скупости немцев! Истинный немец наделен величайшим чувством товарищества. Мы расчетливы, это верно. Подлинный хозяин прежде всего уважает труд! Но немцы щедры!.. — Он словно устал от своей беспокойной жизни и обрадовался возможности переключиться, забыть, что перед ним один из его агентов-осведомителей, да и девушка, примостившаяся в кресле, казалась простой доброй знакомой. — Вы когда-нибудь задавали себе вопрос, фрейлейн Тоня, почему мы за несколько лет прошли по всей Европе?.. И почему народы приняли наш новый порядок?

Тоня не шелохнулась. Она вдруг вспомнила политзанятия и ершистого Корнева. За ответ на этот вопрос она могла бы получить пятерку. Но Штуммер наверняка бы изменил к ней свою шкалу оценок.

— Так вот, — продолжал Штуммер, — немцы сильны прежде всего своей сплоченностью и верностью идее. Фюрер понял это лучше, чем другие, и в этом его гений. Представляете — ночь, на стадионе в Нюрнберге тысячи горящих факелов. У трибуны — знаменосцы. В строю «гитлерюгенд», юноши и девушки. Фанфары! Остановилось биение тысячи сердец! В лучах прожекторов фюрер поднимается на трибуну. Вот он перед нами! «Я доверяю вам безгранично и слепо!..» В этих словах тысячи тонн динамита! Что творилось!.. Мы кричали, плакали, клялись фюреру в верности. «Веди нас!..» И вот мы здесь. Мы во Франции, в Чехословакии, в Бельгии, в Дании... — Он замолчал, вынул из кармана платок, медленно развернул, провел им по лбу и щекам... — Конечно, я понимаю, что вам неприятно слушать, фрейлейн. Хотя вы и с нами, но остались русской. И я догадываюсь, о чем вы сейчас думаете. Вы хотите спросить меня, почему мы не взяли Москву, отступили от Сталинграда и Киева. Я вам на это отвечу. Война — это большой ткацкий челнок. Наступление — отступление, отступление — наступление... И так до конца! Выигрывает тот, у кого больше запасов пряжи и крепче нити. Вы же понимаете, что Россия обречена!.. И эти сумасшедшие, которые сидят в катакомбах, никогда из них не выйдут. Мы уничтожим их газом, как крыс.

Вот она, первая маленькая победа! Он и сам не понимает, почему прояснилось лицо сидящей перед ним

девушки, почему впервые дрогнули в слабой улыбке бледные губы. Одним этим своим признанием он оправдал тот смертельный риск, на который она пошла.

Но он по-своему истолковал оживление, которое она не сумела скрыть.

— Да, в ту ночь, фрейлейн Тоня, я стал тем, что есть сейчас. Я верю в нашу победу! Я солдат фюрера! И пойду с ним до конца... Хайль! — коротко закончил он.

— Вы были очень красивы, когда говорили обо всем этом, — сказала Тоня, поднимаясь с кресла. — У вас так заочно блестели глаза!..

Штуммер закурил сигарету и, следя взглядом за легкими кольцами дыма, с улыбкой осведомился:

— Как намерена фрейлейн провести вечер?

— Не знаю... Я устала, — сказала Тоня и взглянула на часы. Опять она не успеет увидеть Егорова. — Пойду домой. У меня ведь нет вечернего пропуска.

— К сожалению, и я не могу дать вам пропуск. Это привлекло бы к вам внимание. Кстати, фрейлейн Тоня, почему вы еще не работаете?...

— Но прошло так мало времени! Я просто не успела...

— Ну, а что вы умеете делать? — перебил он ее.

— Шить... Правда, я училась шить только в школе, но все же кое-что умею, простые вещицы, конечно.

Он смерил ее оценивающим взглядом с ног до головы и сказал серьезно:

— Я подумаю. Возможно, найду что-нибудь подходящее... А пока у меня к вам маленькая просьба: постарайтесь почаще видаться с Леоном Петреску. Мне думается, он очень одинок и тоскует.

Тоня взглянула в лицо Штуммеру, но не смогла прочитать на нем ничего, кроме спокойного дружелюбия.

— Хорошо, — согласилась она, — я постараюсь по мере возможности развлечь его. Это что, мое новое задание? — спросила она, сама удивляясь своей дерзости.

— Не совсем, — загадочно улыбнулся Штуммер. — Разве вам так неприятно встречаться с ним? И, кстати уж, спросите, что ему известно об исчезновении парашютов со станционного склада.

Она только неопределенно пожала плечами.

Он протянул руку:

— Ну, до свиданья, фрейлейн Тоня. Я подумаю о вашем несостоявшемся романе с Коротковым. Возможно,

вам еще придется повидаться с ним, если, конечно, он не встретится с Луговым. Если встретится, то тогда уже я сам поговорю с ними обоими. Да, кстати, вам нужны деньги? — Он полез во внутренний карман пиджака.

— Нет, спасибо. — решительно отказалась Тоня. — У меня еще есть. Я продала кое-какие вещи.

Он не настаивал и проводил ее до двери.

Идти к театру прямо от Штуммера Тоня не рискнула. Она решила вернуться ненадолго домой, чтобы отвязаться от возможного «хвоста», а потом кружным путем добраться до Пересыпи. Геннадий, наверное, уже ждет ее с нетерпением.

С тех пор как Тоня оказалась в Одессе, она все больше убеждалась, что наиболее быстрый путь — не всегда самый короткий.

Поев, она вышла на улицу, захватив сумку для продуктов.

Теперь она могла торопиться. Мало ли какие заботы.

Купила всякие мелочи и наконец, убедившись в том, что слежки нет, безлюдными переулками направилась на Пересыпь.

Конечно, она нарушала требование Федора Михайловича приходить реже, но ведь она узнала, какая страшная участь готовится партизанам, укрывшимся в катакомбах. Еще есть время подготовиться.

Когда она вошла, Егоров и Федор Михайлович сидели за столом, на котором стояла наполовину опустевшая бутылка вина.

— Вот омываем штампик в паспорте новоявленного одессита, — благодушно сказал Федор Михайлович.

Егоров выхватил из кармана паспорт и помахал им в воздухе:

— Вас приветствует инвалид труда, страдающий неоперабельной грыжей!

— Что-то очень уж развеселились, — заметила Тоня, снимая пальто.

Федор Михайлович поставил перед ней рюмку, налил до краев:

— Выпей!

— За штампик?

— Нет! За Савицкого! — провозгласил Федор Михай-

лович. — Он разрешил тебе «сотрудничать» с гестаповцами, но только под нашу с ним ответственность, — кивнул он в сторону Егорова, который, улыбаясь, тянулся к Тоне, чтобы чокнуться с ней.

Тихо звякнули рюмки из толстого тусклого стекла. Тоня отпила глоток сладковатого портвейна, который терпеть не могла, и впервые за долгое время почувствовала себя как-то более уверенно. И почему-то захотелось разбить эту благодатную атмосферу застолья, их чуть хмельное веселье. Они ведь даже не поинтересовались, о чем говорил с ней Штуммер и чего ей стоила эта встреча.

— А Тюллер мировой мужик! — сказал Егоров, видимо продолжая прерванный ее появлением рассказ. — Все понял с полуслова и попросил подождать. Я присел на боярскую скамью. Жду. Смотрю — мимо идет настоящий рыцарь, со шпагой на боку и в плаще. Ну, думаю, наверно, переодетый шпик!

Федор Михайлович расхохотался.

— А минут через пять, — продолжал Геннадий, — появляется Тюллер, подмигивает мне и сует паспорт. Он что, немец, этот Тюллер?

— Немец. Из колонистов, — сказал Федор Михайлович. — У него «крыша» будь здоров! Крепкая!

— И вы ему полностью доверяете? — спросила Тоня, не переставая думать о Зинаиде и Фолькенеце.

Федор Михайлович почувал что-то неприятное в этом ее вопросе.

— Доверяю! — и пристукнул кулаком по столу. — Во-первых, Тюллер член партии с двадцать четвертого... Ленинского призыва. А во-вторых, мною лично проверен. Для меня главное — дело! А в своем деле он просто незаменим. Художник!

— Да ведь Зинаида его дочь, кажется? — спросила Тоня.

— Дочь. Ну и что? Отвечает он за нее, что ли? Ты, Тоня, иногда примитивно мыслишь, прости уж меня. И лучше расскажи: была у Штуммера?

— Была.

— Что же ты молчишь?

— А вы не спрашиваете.

Она уже научилась рассказывать, не упуская подробностей, на первый взгляд незначительных, но передающих атмосферу события. Но сейчас ей трудно было излагать все

по порядку: ее беспокоила судьба Короткова, и только об этом она могла говорить и думать.

— На рожон лезть не к чему. Жаль только, что ты так мало узнала.

— Как вам не совестно, Федор Михайлович! Я же узнала главное! — взорвалась Тоня и чуть не уронила рюмку, стремительно поднявшись из-за стола.

Выслушав сбивчивый, взволнованный рассказ Тони, Федор Михайлович даже прикрикнул на нее:

— Успокойся! Нервные барышни нам не нужны! Я навел о Короткове справки. Он в такой котел людей втягивает, что им не спастись. Объявил о перерегистрации коммунистов и комсомольцев. А зачем? Ты, надеюсь, понимаешь, чем это может кончиться для всей группы?

— Но что же делать? — растерянно спросила Тоня. — Сказать ему прямо, что гестапо его раскусило? Предупредить?

— Конечно, предупредить бы надо. Но не тебе.

— А кому?

— Я сам найду человека. А теперь вот о чем слушай. Повтори ей, — сухо приказал он Егорову. — Повтори ей то, что ты сказал мне.

— Есть приказ Савицкого: похитить Фолькенеца.

Тоня от неожиданности откинулась на спинку стула.

— Как — похитить? Не понимаю!

— План уже разработан. Самое сложное — заманить его в определенный час на берег моря у Люстдорфа.

— Почему именно там? — спросила Тоня.

— Это удобнее для подводной лодки. — Егоров помолчал, отпил глоток вина. — Ты ведь, Тоня, с Фолькенецем хорошо знакома?

— Что значит «хорошо»? Я видела его дважды: в день, когда мы с Леоном перешли линию фронта, и случайно на Дерибасовской.

Когда она привычно назвала румына Леоном, у Егорова зло дернулся уголок рта, но он сдержался.

— Савицкий предложил совершить эту операцию с помощью Зинаиды Тюллер.

— Это невозможно! — вновь решительно возразила Тоня. — Я к ней больше не пойду! В тот раз едва унесла ноги, вы же, Федор Михайлович, сами это знаете.

— Да, ты, пожалуй, права. — глухо сказал Федор Михайлович. — Надо искать более верный вариант.

Судили-рядили, но положение казалось безвыходным. Тогда Геннадий сказал, что отправится к Зине и просто-напросто припугнет ее. Однако Федор Михайлович отверг этот план. Нет, нужно действовать более тонко. Если довести Зинаиду Тюллер до крайности, она, почувствовав безысходность, сама перейдет через ту черту, которую пока еще, возможно, не перешла.

И вдруг Тоня сказала:

— Петреску!

— Что — Петреску? — насторожился Егоров.

— Надо привлечь к этому делу его. Тем более, что и Штуммер просил меня почаще встречаться с Леоном — зачем-то им это надо.

Егоров прикусил губу. Он понимал, что от предложения Тони нельзя отмахнуться, но дал бы дорого, чтобы оно оказалось таким же бесперспективным, как и те, которые были единогласно отвергнуты.

— Петреску? — задумчиво повторил Федор Михайлович. — Что ж, пэ дило треба разжуваты!

— А чем он может помочь? — прищурился Егоров. — Ты же сама говорила, что этот твой Леончик побаивается Фолькенеца.

— Побавается или нет, дело не в этом, — возразила Тоня. — Речь идет не просто о Фолькенеце, а о Зинаиде и Леоне. Неужели это так трудно понять? Надо вклинить Петреску между ними, а там уже проще будет уточнить главный ход. Ведь Фолькенец увлечен Зинаидой. И если, к примеру, Леон пригласит ее на прогулку, Фолькенец, скорее всего, тоже увяжется. В общем, я подумаю, — сказала Тоня и поднялась. — Сейчас мы с вами все равно ничего не решим.

— Ты уже уходишь? — спросил Егоров.

— Ухожу. До свиданья...

Геннадий проводил ее до дверей, хотел поцеловать на прощанье, но постеснялся Федора Михайловича.

Уже с порога Тоня обратилась к Егорову:

— Ко мне больше не приходи. Если завтра не появлюсь, жди меня послезавтра в двенадцать дня в Александровском саду.

— Привет Штуммеру! — пошутил Федор Михайлович.

Тоня махнула ему рукой и прикрыла за собой дверь.

— О, Тонечка! Ты просто великолепна! — с искренним восхищением воскликнул Леон. — Собирайся быстрее! Пойдем в ресторан.

Леон явился неожиданно, сказав, как обычно, что зашел «на огонек». В комнате сразу стало душновато от запаха терпких духов, которыми, казалось, насквозь была пропитана его шинель.

Стоя перед зеркалом, Тоня в это время медленно расчесывала волосы. Она давно не стриглась и сама сейчас удивилась тяжелым длинным пушистым прядям, рассыпавшимся по плечам.

Недорогое платье, голубое в белый горошек, очень шло Тоне.

— Боже мой, — вдруг огорченно воскликнул Леон, с головы до ног оглядывая девушку, — неужели у тебя нет других туфель?

Туфли на Тоне и впрямь были жалкие — стоптанные, так не подходившие к голубому легкому платью. Да к тому же и пыльные, давно не знавшие ваксы.

— Снимай! — скомандовал Леон, и она подчинилась.

Он вышел в прихожую и там столь тщательно их почистил, что они приняли почти приличный вид.

— Куда мы пойдем? — спросила Тоня, опасаясь, что он потянет ее в излюбленную Фолькенецем «Черную кошку».

— Куда хочешь.

— Пойдем в «Лондонскую»...

В детстве отец часто водил Тоню в гостиницу «Лондонскую» и во внутреннем дворике, где было прохладно даже в самый жаркий день, угощал мороженым. Девочку огорчало лишь то, что на эстраде днем не играли музыканты.

Когда Тоня надела пальто, по лицу Леона пробежала тень. Но он промолчал, понимая, что тут уже и вакса бесильна.

— Леон, — сказала Тоня, решив воспользоваться его смущением, — может быть, посидим дома? У меня еще есть твой коньяк. Зачем плестись куда-то?

— Нет! — сказал он решительно. — Мое приглашение остается в силе. Пойдем развлечемся...

Едва они вошли в шумный, сверкающий огнями зал, как к Леону подбежал коренастый, тщательно выбритый человек в черном фраке — метрдотель.

— О, господин Петреску сегодня с дамой! — с дружеской почтительностью воскликнул он.

— Да! — весело отозвался Леон. — Сегодня я с дамой! И посадите нас так, чтобы все это видели. Фрейлейн Тоня — моя спасительница!

— Ваша спасительница прелестна, господин Петреску... Просту!..

Человек во фраке повел их.

Лавируя меж тесно поставленных столиков, Тоня ловила на себе внимательные взгляды. Очевидно, Леона здесь многие знали, и потому его спутница вызывала откровенный интерес.

Пока он заказывал ужин, Тоня старалась преодолеть чувство скованности и мучительного смущения. Блеск хрустали, белизна скатерти, гул голосов, запах дорогих духов и сигарет — к этому надо привыкать: тоже может пригодиться.

Рядом шумно спорили немецкие летчики. Некоторые по-домашнему расстегнули серые мундиры, словно бросая вызов чопорности сидевших вокруг господ.

Теперь уже Тоня чуть смелее поглядывала в дальние углы зала, невольно восхищаясь яркими туалетами дам, удивлялась богатым украшениям. Неужели это настоящие бриллианты?

— Ну как, нравится тебе здесь? — спросил Леон, закончив наконец разговор с официантом. — Ты даже не знаешь, наверное, за каким историческим столиком сидишь.

— Нет, — удивилась Тоня. — Чем же он знаменит?

— Ты слышала о Вере Холодной?

— Слышала. Когда-то, очень давно, она снималась в кино.

— Это была знаменитая красавица. Говорят, ее отравили, когда у вас была гражданская война. Так вот, она любила сидеть именно в этой нише. Так, по крайней мере, рассказывает метрдотель. Впрочем, бог с ней, с Верой Холодной. Лучше скажи, нравится ли тебе это вино?

Тоня глотнула раз-другой и поставила свой бокал.

— Да, очень вкусное, — сказала она.

— А как ты думаешь, кто вокруг нас сидит? — спросил Леон.

— Наверно, какие-нибудь очень богатые люди, — по-детски простодушно заключила Тоня. — Смотри, какие они нарядные!

— Ах, Тонечка! Ты считаешь, что люди делятся только на бедных и богатых. Но это не так. Взгляни хоть на этих трех унылых господ в центре зала. Видишь? Один из них, толстяк, — бывший бургомистр Черкасс. Живет в апартаментах гостиницы и ожидает эвакуации в Констанцу. С ним его помощники. Лысый господин около оркестра — это Орлов-Соколенок, бывший помещик. Он приехал требовать обратно свои земли. У него, кстати сказать, какие-то особые заслуги перед рейхом.

— И что же, получит он свои земли? — без тени улыбки спросила Тоня.

Леон усмехнулся:

— Сомневаюсь! Он немного опоздал. Сейчас уже некогда с ним возиться.

Заиграл оркестр. Леон наклонился через столик:

— Хочешь потанцевать?

Тоня улыбнулась и покачала головой, а он шутливо погрозил ей пальцем:

— Ты первая женщина, которая отказывает мне в танце! — И вдруг спросил совершенно серьезно: — Ты что-нибудь можешь мне сообщить?

Он смотрел на нее так испытующе, что Тоне стало не по себе.

— В чем-то ты оказался прав, Леон.

— Штуммер дал тебе задание?

— Да. И я уже его выполнила.

— Оно касается меня?

— Нет, Леон! Разве я могла бы от тебя скрыть?

— Тоня! Я совершенно точно знаю, что Штуммер мною интересуется. Ну, не только одним мною, конечно, — уточнил он. — Гестапо ведет расследование одного случая на станции... В нем замешаны румынские солдаты...

Он помолчал, как бы раздумывая, говорить ли дальше. А Тоня воспользовалась паузой.

— Я не хочу обо всем этом ничего знать! — твердо сказала она. — И я не знаю даже того, что ты только что мне сообщил. Ясно?

Он налил себе полный бокал и выпил.

— Ладно! — сказал он и болезненно сморщился. — Все равно мы уже здесь не хозяева. Транснистрии фактически больше не существует. Взгляни на них. — Он кивнул в сторону летчиков. — Они пьют и плюют на всех! Совсем недалеко отсюда гибнут румыны, а немцы в порту грузят рус-

ский хлеб!.. — Он пристально поглядел в глубину зала и мрачно улыбнулся: — Фолькенец! Он нас заметил... Приближается. И с ним — его постоянная дама!

Зинаида Тюллер?!

У Тони пересохло во рту, она заметно побледнела, а Леон, по-своему истолковав ее волнение, спросил:

— Неприятно встречаться со своим новым шефом? Да?

— Он не мой шеф, — возразила Тоня. — Я ведь не связана с абвером.

— Зато абвер тесно связан с гестапо, — заметил Леон и поднялся из-за стола. — Господин Фолькенец! Счастливи вас видеть! — Он низко склонился над рукой Зинаиды Тюллер, а та хлестнула Тоню пристальным и ненавидящим взглядом.

Она стояла рядом с Фолькенецем в белом открытом платье, со сверкающей блестками вечерней сумочкой. Волосы были уложены в замысловатую прическу, открывавшую длинную красивую шею. И она держалась с горделивой осанкой уверенной в себе женщины.

— О, сероглазая фрейлейн! — услышала Тоня веселый голос Фолькенеца. — Познакомьтесь: Зинаида Тюллер.

Зинаида сдержанно кивнула Тоне и села напротив нее, положив на скатерть блестящую сумочку.

Официант принес еще два бокала.

— Я угощаю, — сказал Леон. — Мы можем задумать все, что хотим, Фолькенец, и все сбудется. Посмотрите, какие прекрасные женщины сидят с нами!

— К сожалению, в этом мире, Леон, счастье не вечное, — улыбнулся Фолькенец. — Загадывай не загадывай!

— У вас плохое настроение? — спросил Леон, наполняя бокалы.

— Нет, почему же? Напротив! — возразил Фолькенец. — Сегодня наконец поймали двоих из той банды, что устроила поджог в порту.

— И они признались? — спокойно, как о погоде, осведомился Леон.

— Ну, это уже забота Штуммера! — Фолькенец взглянул на часы. — Часа через полтора у меня с ним радеву, и тогда я буду все знать более точно.

Он поднял бокал и выпил один, ни с кем не чокаясь.

Зинаида с напускной горечью пожаловалась Леону:

— Вы не можете представить, как тяжело будет жить с человеком, для которого ночь — самое светлое время су-

ток! — Она улыбнулась своей шутке, но Фолькенец пропустил ее мимо ушей, а Леон неопределенно хмыкнул.

Тоня же поняла во всей этой сценке одно: Зинаида хочет ее убедить, якобы Фолькенец стал ее, Зинаиды, мужем. Но если это действительно так, придется внести серьезные изменения в план люстдорфской операции. Как объяснить, что Зинаида делает вид, будто они знакомы? Значит, и ее тоже испугала эта неожиданная встреча? Значит, она скрыла от Фолькенеца Тонин приход? Так, может быть, еще не все потеряно?

Внезапно Фолькенец поднялся:

— Зайдем в бар, Леон, выпьем по рюмке водки. К тому же у меня к вам чисто мужской разговор... Извините нас, милые дамы, мы вернемся через несколько минут.

Он взял Леона под руку и повел в сторону оркестра.

Зина нервным движением раскрыла сумочку, вынула зеркальце и, глядя в него, стала поправлять свою высокую прическу. А Тоня тревожно думала: зачем Фолькенец оставил их с глазу на глаз? Вряд ли это случайно. Быть может, он нарочно увел Леона, чтобы никто не помешал ее, Тониному, аресту?

Она невольно взглянула в сторону входа, но никто не приближался, двери зала были закрыты: в ресторане уже не было мест.

Зина медленным движением спрятала зеркальце, щелкнула замком сумочки и перевела взгляд на Тоню.

— Ну,— сказала она,— а теперь давай поговорим.— Голос ее внезапно осел, словно охрип. Подперев длинными пальцами щеку, она презрительно улыбнулась и продолжала: — Ты самая подлая, самая презренная женщина из всех, какие рождались на свет! Ты в тысячу раз хуже меня! После твоего ухода я чуть не повесилась. Я казнила себя за предательство, за малодушие. Мне хотелось его убить.— Она взглядом показала на стул, который только что покинул Фолькенец.— Убить, чтобы хоть как-то оправдаться перед своей совестью. И что же? Оказывается, что ты... ты... Только сейчас, увидев тебя с Леоном, я все поняла! Ты та самая девка, которая помогла ему бежать из плена! О твоем героическом,— она произнесла это слово с издевкой,— поступке мне рассказывал Фолькенец.

Меньше всего Тоня ожидала такой сцены. Она слушала Зинаиду, закусив губу, не зная, что же делать, что отвечать на все ее оскорбления.

Зинаида крепко сжала ее руку у локтя.

— Слушай, если у тебя осталась хоть капля совести и человечности, ответь мне на один вопрос. Всего на один!

— Хорошо, я отвечу,— решила Тоня, от смывания не отдавая себе отчета в происходящем.

— Кто тебе дал пароль? Штуммер?

— Нет, не он.

— Лжешь! Тебя ко мне подослали! Кто подослал? Говори! Мне терять нечего! Сейчас они вернутся — и я все повторю при них! Все!..

— Ты этого не сделаешь! — тихо и убежденно сказала Тоня, похолодев от страха: она чувствовала, что Зинаида Тюллер может привести в исполнение эту угрозу.

— Ты хочешь держать меня за горло, продавшаяся тварь! — продолжала шептать Зина.— Но помни: тебе все равно не жить. Обо мне разное говорят, но я, по крайней мере, никого не предала. На мне нет чужой крови!..

— Успокойся, Зина, успокойся! Здесь мы с тобой ничего не выясним, ни о чем не договоримся. Пойми...

— Я разоблачу тебя! А кому нужна провалившаяся шпионка! Штуммер сбросит тебя в ров, предварительно разможвив тебе голову.

— Что ж, пусть так,— обреченно сказала Тоня и добавила: — Но я успею сказать ему кое-что и о тебе...

— А что ты обо мне знаешь? Что?

— Надеюсь, ты не забыла подполковника Корнева? Так вот, у него в сейфе хранятся кое-какие твои обязательства. Не покатысь бы нам с тобою вдвоем в этот ров.

Зина сжала ладонями щеки.

— Кто же ты? — спросила она в ужасе.— Как ты можешь об этом знать?..

— Я знаю не только это. Но... Вон они возвращаются! Молчи! Если ты произнесешь хоть слово, дни твои сочтены и никакой Фолькенец не уберет тебя от пули!

— Уеду! Уеду! — лихорадочно зашептала Зина.— Я не могу здесь больше жить! Боже! Как мне тяжело!

— Куда же ты уедешь?

— В Мюнхен! Он давно мне предлагал, но я все время колебалась. А теперь уеду!.. Все! Решено!

— Замолчи! — приказала Тоня.— И вытри слезы... А ну, быстро!..

— О, я вижу, что вы без нас не скучали,— усаживаясь

на свое место, сказал Фолькенец.— Женщины всегда найдут о чем поболтать. Однако, Зина, что с твоими глазами? Вся тушь размазалась...

— Да? — удивилась Зинаида.— Возможно. Здесь очень жарко, а русская тушь слишком плохого качества.

Кончиком платка она стирала под глазами черные подтеки, и Фолькенец внимательно следил за нею. Но вот она спрятала платочек, щелкнула замком сумки, и тогда он дотронулся до ее плеча:

— Нам пора... Ну, до свиданья, друзья! Надеюсь, что теперь Тоня чаще будет появляться в нашей компании?

Зина протянула Тоне руку, и они простились, как добрые подруги.

— Что случилось? — спросил Леон, когда дверь за ними закрылась.— Поправилась тебе его девушка?

— По-моему, симпатичная.

— Фолькенец мне только что признался, что намерен на ней жениться.

— Нам-то что! — с подчеркнутым безразличием отозвалась Тоня.— Влюбился — пусть женится! Но для этого еще необходимо выжить, не правда ли?

— О, не волнуйся. Фолькенец человек трезвый. Уж он-то знает, что главное в этой войне — выжить! Любой ценой!

— Даже ценой предательства?

Леон вздохнул.

— Ему такие категории непонятны. Он будет служить любой идее, которая обеспечит ему жизнь...

— А ты?..

Вопрос был задан в упор, и Леон не сразу нашелся что ответить.

— Вот это здорово! У русских это, кажется, называется взять быка за рога, верно? И это, Тоня, твой излюбленный прием. Впрочем, у каждого из нас — свои излюбленные приемы, — философствовал Леон.— У тебя — один, у Фолькенеца — другой, у меня — третий, и, пожалуй, наиболее невинный: всего-навсего ложь.

— Вот не знала, что ты лжец! — с искренним удивлением воскликнула Тоня, желая вызвать Леона на возможно более откровенный разговор, тем более что, судя по всему, они с Фолькенецем пили в баре далеко не лимонад.— И что же, ты полагаешь, что именно ложь поможет тебе уцелеть?

— Однажды, во всяком случае, помогла — это когда я давал показания в вашем штабе. Ведь версию о том, что немцы ждут десант русских, я придумал. Это была ложь во спасение! А проверить ее никто не мог. К тому же высадка десанта действительно очень вероятна. Фолькенец только что сказал мне об этом. Значит, иной раз ложь обретает реальные очертания. Интересное открытие, не правда ли? А если бы тогда я не лгал, мы с тобою сегодня вряд ли пили бы это вино...

Что он сказал? Понимает ли он то, о чем только что сказал? Или, может, это всего лишь провокация? Ее нарочно запутывают?

— Леон, — заговорила Тоня так, будто только это и было ей важно, — все-таки любопытно, женится Фолькенец на Зинаиде или только обещает?

— Сказал, что уже оформил какие-то бумаги. У него ведь огромные возможности. Ты себе даже не представляешь!

— Видишь, какие у тебя влиятельные друзья!

Леон налил вино в бокал Тони, потом в свой, поднял его и, глядя на Тоню сквозь прозрачную янтарную жидкость, тихо сказал:

— Я хотел бы, Тоня... я бы хотел... В общем, я хочу спросить: ты согласишься стать моей женой?..

В третий раз в этот злосчастный вечер у Тони перехватило дыхание.

— Это невозможно, Леон, — проговорила она с той искренностью, которая не оставляла места сомнениям.— Мы ведь не знаем, что с нами будет завтра. И вообще...

— Но ведь нельзя жить без надежды!

— Все очень сложно, Леон. Подожди, не торопи меня. Это так неожиданно! Я должна сама во многом разобраться.

— Но можно мне хоть надеяться? Хотя в мыслях называть тебя своей невестой?

Она дотронулась до его руки:

— Дай мне хоть неделю, Леон, всего неделю. Согласен?

Он печально улыбнулся:

— Что ж! Только послушай моего совета, Тоня: берегись Штуммера. Он гораздо опаснее, чем Фолькенец.

— Хорошо, я поняла тебя.

— И рассказывай мне о каждой встрече с ним.

— Хорошо.

Сейчас она была самой доброй, самой сговорчивой из всех девушек, какие когда-либо встречались Леону.

Через полчаса он проводил ее до дома, поцеловал в щеку и быстро ушел.

Глава восьмая

Через три дня Петреску, как бы невзначай, спросил:

— Как ты думаешь, Тонечка, для чего тогда Фолькенец пригласил меня в бар?

Темные глаза Леона блестели. На нем был новенький, с красивыми нашивками на груди мундир. Что означали эти нашивки, Тоня не знала, но они придавали Леону импозантный и значительный вид. Вероятно, далеко не каждый имеет право их носить.

«Что с ним произошло? — думала Тоня. — За эти три дня Леон поразительно изменился! Куда девался румынский майор, постоянно не уверенный в собственной безопасности, подозревающий за собою слежку? Где он, тот Леон Петреску?»

— Так вот... — Он придвинул к себе рюмку с коньяком, затем вынул пачку сигарет и неторопливо закурил. — В тот вечер, в баре, Фолькенец предложил помочь мне занять пост заместителя начальника оперативного отдела армии. Он сказал, что после операции в плавнях дал обо мне наилучший отзыв самому командующему. Месяца через два-три, черт побери, я стану уже колонелем¹. Ты меня слышишь, Тоня?

— Да, Леон! — очнулась она. Вероятно, все-таки несколько мгновений Тоня дремала.

— Перед тобой сидит человек, который сумел извлечь из собственного поражения победу! Я кое-что придумал, — он покрутил пальцами около виска, показывая, как значительна пришедшая ему в голову мысль, — а Фолькенец доложил мою идею командующему гарнизоном, и тот одобрил. Это будет хорошенькая ловушка!

— Ловушка? — беспечно и как бы в рассеянности спросила Тоня. — Но для кого же?

— Конечно, для тех, кто хочет, чтобы мы поскорее убрались из Одессы.

Она потянулась к его сигаретам, неумело затянулась и, когда сладковато-горький дым попал в легкие, закашлялась. Впрочем, это было весьма кстати — избавляло от необходимости что-нибудь говорить. А Леон поднялся и стал нервно шагать по комнате.

— Ты меня поняла? Я многое передумал за это время. Конечно, не все на фронтах благополучно. Но отход наших войск — это еще не поражение. Да, не поражение!.. Скоро, совсем скоро вступит в бой новое могучее оружие.

— Ты сегодня такой воинственный, Леон! — с улыбкой заметила Тоня. — Тебя словно подменили.

Он ничего не стал объяснять — просто подошел, с силой сжал ее плечи и повернул к себе лицом.

— Тоня! Ты слишком далеко зашла! Ты на краю пропасти! Штуммер погубит тебя! Умоляю, исчезни! Я отправлю тебя к своим родителям... Завтра же!.. Достану документы на другое имя.

Она смотрела в его немигающие блестящие глаза, в которых читалось искреннее отчаяние, и не знала, что же делать теперь, как вырваться из невидимых цепей, которыми он приковал себя к ней.

— Нет, Леон, — прошептала она наконец, — нет, это невозможно...

— Хочешь, чтобы я отказался от своего плана?

— Нет, ты не должен отказываться.

Он сжал кулаки, заметался по комнате в мучительном смятении.

— Ты даже не спрашиваешь меня ни о чем! Неужели я для тебя совсем чужой человек?

— Я тебя не осуждаю, Леон.

— И ты меня ни о чем не хочешь спросить?

Она выдержала его взгляд.

— Нет, ни о чем!

— Но ведь тебе нужно это знать? — Он подчеркнул слово «это».

— Нет... Мне ничего не нужно знать, я уже говорила тебе однажды.

— Боже! Как я одинок! — простонал он. — Ну ладно! Ладно! Как ты не можешь понять, что Фолькенец и Штуммер тебе не верят!

Тоня насторожилась.

— Леон! Стучат в дверь! Кто-то пришел.

— Кто? Кто это может быть? — властно спросил он.

¹ Колонель — полковник.

— Не знаю. Ступай быстрее на кухню! Я не хочу, чтобы тебя здесь видели.

Он оскорбился, но все же покорился, вышел на кухню, прикрыв за собой дверь.

Всего несколько мгновений! Но этих мгновений оказалось достаточно, для того чтобы Тоня вдруг почувствовала облегчение, словно долго пробиралась по тонкой хляби, выдирая ноги из засасывающей пучины, и вдруг ступила на твердую землю.

Плотно закрыв дверь комнаты, Тоня поспешила в переднюю.

На площадке лестницы стоял незнакомый ей человек с бледным, невыразительным лицом. Весь он был словно втиснут в узкое серое пальто, из коротких рукавов которого торчали обтрепанные манжеты рубашки. Увидев Тоню, он почему-то смутился и негромко спросил с пришибленной вежливостью, за которой ощущалась настырность исполнительного шпика:

— Вы Тоня?

— Да.

— Вас приглашают на улицу Петра Великого. Вас ждут там. Просили прийти со мной...

— Минут через пятнадцать я приду сама, — твердо сказала Тоня, продолжая загораживать собою дверной проем, и повелительно добавила: — Идите!..

Он, очевидно, рассчитывал, что его пригласят войти, и обиделся.

— Не подведете? — уже суховато спросил он, и его тонкие губы сжались так плотно, словно он внутренне поклялся в течение всей оставшейся жизни не произнести больше ни слова.

— Приду! — и сердито хлопнула дверью.

Она вернулась в комнату и стала быстро собираться. Леон стоял уже в шинели, застегнутый на все пуговицы, какой-то отчужденный, официальный.

— Тебя вызывают?

— Да. Штуммер, — упавшим голосом сказала она.

— А я отправляюсь в штаб. — Он взглянул на часы: — Через десять минут генерал ждет моего доклада.

— Что ж, ступай...

— Когда ты будешь дома?

— Не знаю. Спроси у Штуммера.

Он усмехнулся.

— Хорошо. Если ты надолго задержишься, непременно спрошу.

— Надеюсь, этого не случится.

Он хотел дотронуться до ее волос, но она отстранилась.

— Прощай, Леон! Иди, мне нужно переодеться.

— Пойду! — Он вдруг замкнулся. — Но помни, я все тебе сказал!

И прежде чем она успела ответить, он быстро вышел из комнаты, в глубине прихожей стукнула дверь.

На шестой звонок Штуммер распахнул дверь.

— Заходите, фрейлейн! — Он коротко, подчеркнуто деловито поздоровался и не пригласил ее даже войти в комнату. Очевидно, он сам только что пришел, не успел еще скинуть шинель. — Я очень тороплюсь, — быстро пояснил Штуммер. — А к вам у меня важное задание. Отправляйтесь в сторону Николаева. Нам стало известно, что на двадцатом километре у моста назначена встреча людей Короткова. Скажите, что вы посланы Луговым, присоединитесь к ним и выполняйте задание. Запомните: вас зовут Галей, вы идете на связь с отрядом партизан. Понятно? На опушке леса около села Доронино есть старая землянка, там будут ждать люди, которые проведут вас к партизанам.

Хорошо, что в полумраке прихожей Штуммер не мог разглядеть отчаяние и усталость на ее лице.

— Торопитесь, фрейлейн! Они останутся, а вы вернетесь. Постарайтесь не задерживаться больше трех-четырех дней... Да, — словно вдруг вспомнил он, — ваш приятель Леон скоро получит повышение. Он доволен?

— По-моему, счастлив.

— А вы не забыли мою просьбу узнать о парашютах?

— Кое-что узнала. Парашютов было очень немного, Леон сказал, что они исчезли со склада на станции, а в краже подозревают румынских солдат.

— Он называл чьи-нибудь имена?

— Нет.

— Значит, это все?

— К сожалению...

— Действительно, «кое-что», — суховато заметил Штуммер. — Ну, до свиданья, фрейлейн. Советую действовать осторожно. На этот раз у вас не будет прикрытия.

За ее спиной бесшумно закрылась дверь. Штуммер остался в квартире, — может быть, у него назначена еще одна встреча, а возможно, соблюдал конспирацию.

Когда через полчаса Тоня вошла в лавку, Егоров, увидев ее, так резко бросил на весы кочан капусты, что покупательница, молодящаяся старуха в цветастой косынке, испуганно отпрянула от прилавка. Затем он мигом обслужил еще пять покупательниц и, едва лавка опустела, схватился за голову.

— Где ты пропадаешь? Я уже решил, что тебя схватили! — И, не дожидаясь ответа, кивнул в сторону подсобки.

Подсобка была маленьким штабом, где принимались важные решения. Сегодня, как сразу уловила Тоня, всех тревожило исчезновение Дьяченко. Тщетно ожидал его Егоров в назначенные дни у памятника Дюку — Дьяченко не появлялся.

Федор Михайлович искал способа проверить Короткова. Разведчик, посланный в Люстдорф, сообщил, что дом Короткова время от времени посещают какие-то люди. Черт побери, значит, провал грозит целой группе! Как же их всех предупредить?

Мрачно перебирая картофель и отбрасывая в сторону подгнивший, он тихо говорил Тоне, тоже занявшейся этой работой, о том, что дни проходят, Савицкий с нетерпением ждет, когда они пришлют вызов для подводной лодки, а они торгуют кислой капустой и мочеными яблоками, мучаются в потемках, с каждым днем теряя веру в успех! Газеты пишут о победных сражениях союзных армий, но в городе все больше эвакуированных полицейских. Из сада Шевченко видно, как на корабли непрерывно грузят раненых. Ползут противоречивые слухи, ни одному из них нельзя верить.

— Получена радиограмма от Савицкого. Снова требует уточнить район возможной высадки десанта... — говорил Федор Михайлович, показывая пальцем, куда надо сбрасывать хорошую картошку.

— Но ведь это задание было отменено?

— Было. А теперь дано снова.

— Но район разведан! У Хаджибеевского лимана. Вы же сами говорили.

— Говорил. Ну и что?.. Ох, проклятая поясница! Словно по ней тупым топором лупят. Так вот, получены непроверенные данные. Немцы начали строить в намеченном

районе полевой аэродром. Мы с Егоровым посоветовались, и он, как твой начальник, решил послать тебя на денек взглянуть, что там творится.

Тоня подумала о Штуммере. Как же быть с его заданием?

Резко звякнул звонок: очевидно, покупатель, выходя, хлопнул дверью. В подсобку вошел Егоров.

— Вот дьяволыщина! — выругался он. — Все торгуются!

Она взглянула на него и невольно улыбнулась: волосы взъерошены, фартук такой грязный, словно о него две недели вытирали ноги, а к пальцам прилипла розоватая шелуха от лука.

— Тебе уже Федор Михайлович все сказал? — торопливо спросил он: каждую секунду в лавку мог войти новый покупатель.

— Да, все.

— Ну так вот: если тебя не вызовет Штуммер, завтра же рано утром отправляйся и к вечеру постарайся вернуться.

— Штуммер меня вызывал.

— Ну? Чего он хочет?

— Посылает в дальний лес. Я должна встретиться по пути с какими-то двумя людьми и сказать им, что пришла от Лугового.

— Интересно! — проговорил Федор Михайлович. — Насколько я понимаю, кого-то засылают в наш отряд. — Всегда, когда начинался разговор об отряде молодежи, Федор Михайлович находил повод, чтобы прибавить слово «наш», подчеркивая этим, что имеет к нему прямое отношение. — Он знает, где отряд?

— На опушке леса у села Доромино в старой землянке нас будут ожидать и укажут верный путь.

— Ну, а кто же те, с кем ты пойдешь? — спросил Егоров.

— Штуммер сказал, что это будут люди Короткова. Они ждут меня на дороге.

— Д-да, — вздохнул Федор Михайлович. — Крутится, вертится шар голубой... Но у меня есть одна мыслишка, Егоров.

— Какая?

— Задания можно объединить...

— Как? — удивилась Тоня.

— Хаджибеевский лиман — чуть-чуть в стороне от твоего пути. Километров пятнадцать.

— Действительно, «чуть-чуть»...

— Но зато тебе не придется возвращаться в Одессу, — сказал Егоров, сразу оценивший план Федора Михайловича.

А тот полез в карман и вытащил из него небольшую, тщательно свернутую бумажку.

— Давай-ка, Тоня, поговорим, — строго сказал он. — Вот уже месяц, как из бывшего совхоза на берегу лимана эвакуированы все жители. Дома сожжены. Но ты ведь можешь об этом и не знать! Тебе понятно?

— Ну?..

— А раз все выселены, то никто не сможет доказать, что твои родственники не жили в этом поселке. Как зовут какую-нибудь твою умершую тетю?

— Ольга Александровна Федорова. Старшая сестра мамы.

— Прекрасно! Вот она-то и жила в этом поселке. А ты направилась ее навестить. Ясно?

— Ясно-то ясно, но что, если меня там задержат? Как я объясню все это Штуммеру? Он не поверит, что я сбилась с пути.

— Конечно, не поверит! И на этот случай держи справку. Вот. Настоящая! Даже Штуммер не придерется. Только впиши в нее имя и фамилию тетки.

— Давай сюда!

Егоров взял бланк и четким почерком вписал в него необходимые данные об Ольге Александровне Федоровой.

— Ты когда должна встретиться с этими... ну, с коротковцами? — спросил Федор Михайлович.

— До десяти утра завтрашнего дня.

— О, вполне успеешь! Иди, Тоня, иди! Осмотри район севернее совхоза, там должна сохраниться силосная башня...

Егоров повернулся и вышел в лавку, хотя в ней никого не было.

— Ну, до встречи, — сказала Тоня. — Молись за меня, Егоров!

Она уже приоткрыла дверь, ведущую из подсобки во двор, но Федор Михайлович поднял руку:

— Подожди! Зина о своем отце ничего не рассказывала? Не говорила, где он?

— Нет, не говорила.

— Ну, не задерживайся, — будничным голосом проговорил Федор Михайлович, словно Тоня отправлялась в кино, и, закрихтев, нагнулся над картофелем.

Выйдя на улицу, Тоня взяла курс на окраину Одессы. В кармане лежала добротная справка, с ней она чувствовала себя увереннее, но все же всякий раз, когда ее останавливали патрули, под ложечкой что-то мерзко ёкало.

Сколько же еще ходу до этого сожженного поселка? Тоня прикинула — не меньше пяти-шести километров. Наверное, она все же ошиблась, выбирая дорогу. Так надоело предъявлять патрулям свой пропуск, что она свернула к лиману гораздо раньше, соблазнившись пустыньностью большака, и достигла цели лишь к вечеру.

На пустынном берегу, поросшем жухлой прошлогодней травой, ее охватило странное чувство отрешенности. Будто нет ни войны, ни Петреску, ни Штуммера и все, чем она жила это время, происходит не с нею, а совсем с какой-то другой девушкой. Безлюдные овраги. Тишина. Лиман в мелкой ряби. Заходящее солнце словно полирует его розовыми лучами...

Безмолвие простора с его кажущимся покоем — самообман. Покоя нет. Один неверный шаг — и она даже не услышит взрыва. Егоров так никогда и не узнает, что с ней случилось.

Раза два она отдыхала. От куска хлеба и кружочка вареной колбасы, которые она захватила с собой в дорогу, почти ничего не осталось. Хотелось пить. Тоня нашла в одной из прогалин немного талого снега, положила прохладный комочек в рот и вспомнила, как любила в детстве сосать искрящиеся на солнце сосульки. Ну и попадало же ей от матери!

Силосная башня возникла внезапно, едва только кончился овраг. Тоня взобралась на небольшой холм. Башня одиноко торчала среди обгорелых построек, окруженная большими, обтянутыми брезентом фургонами, среди которых сновали люди. Во что они были одеты, с такого расстояния она не могла определить. Может, это солдаты? Может, пленные? Подкрасться поближе? Опасно! Вот только если сквозь густые кусты, обрывающиеся метров за двести от фургонов...

Кустарник и сгущающиеся сумерки заключали в себе и

спасение и опасность: Тоню могли не заметить, но и она тоже могла из-за кустов не увидеть патруля. А уж если ее схватят, не помогут ни справка, ни тетя, к которой она собралась в гости.

Яма! Глубокая и широкая. Вокруг рыхлые комья свежей глины. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: строится блиндаж. Да, вот намечен и вход в него со стороны поселка. Почему среди кустов?.. Для охраны? Нет, очевидно, рядом будет установлена зенитка.

День угасал с такой стремительностью, словно на небесах кто-то решил экономить солнечный свет. И все же, когда Тоня вышла к полевой дороге, у которой кончались кусты, она сумела различить невдалеке тяжелые катки, прицепленные к тракторам. Они стояли у стены сохранившегося сарая и с той стороны, с которой она впервые оглядывала поселок, не были видны.

Да, все подтверждается! Аэродром! Однако огромное пространство между ним и частью берега лимана вполне пригодно для высадки воздушного десанта. А овраги послужат хорошим укрытием. Спустившись, десантники смогут нанести удар по аэродрому.

Сзади послышались шаги. Тоня оглянулась и увидела двух румынских солдат, внезапно появившихся из-за поворота дороги. Патруль! Если побежать, ее сразу заметят. Тоня бросилась ничком в узкую ложбинку между кустами и замерла.

По дороге неторопливо шаркали тяжелые сапоги.

Солдаты подошли к кустам и остановились, о чем-то неторопливо разговаривая. Потом затрещали ветки. Идут! Идут!

Тоня вжалась в землю, она боялась даже дышать...

Бывает счастье, за которое платишь кровью, а бывает и так, что человек не знает, когда и чем заплатить за право жить, за то, что смерть обдала тебя своим ледяным дыханием и прошла мимо.

Не дойдя до Тони всего нескольких шагов, солдаты, звякнув автоматами, уселись на небольшие камни.

Они говорили по-румынски, и Тоня ничего не могла понять, но, очевидно, один из них, тот, у которого был низкий, с хрипотцой голос, рассказывал что-то веселое, потому что другой все время смеялся. Они курили, и дым от крепких дешевых сигарет щекотал Тонины ноздри, так что она боялась чихнуть.

Солдаты не торопились. История, которую рассказывал хрипловатый, была длинная. Тоня чувствовала, как постепенно немеют у нее руки, ноги, все тело. Она попробовала повернуться на бок. Предательски хрустнул под локтем сустав, и легкий треск показался ей громче выстрела.

Солдаты не обратили на него внимания. Мало ли шумов в природе...

Уже совсем стемнело, когда они наконец медленно поднялись. Чиркнула спичка, меж темных кустов мелькнул желтый блик пламени. Солдаты закурили и пошли к дороге.

Она выждала, пока вдали не замолкли голоса, и потом еще немного, на всякий случай, после чего с трудом встала на ноги.

Куда идти? Не ночевать же в холодном кустарнике! Может, попытаться проникнуть в ближайшую деревню и попроситься к какой-нибудь хозяйке на ночлег?

Часа полтора Тоня шла, держа путь обратно, к деревне, которую благополучно миновала сегодня днем. Тогда постов не было видно, но к ночи их могли выставить. Увидев впереди мост, она свернула, не доходя до него, перепрыгнула через узкую канаву и стала тылами подбираться к ближайшей хате. Деревня словно вымерла, лишь на другом краю гулко лаяли собаки. Тоня перелезла через плетень, тихонько постучала пальцем в маленькое, с дребезжащим стеклом окно.

— Кто там? — отозвался сонный женский голос.

— Пустите переночевать!

В глубине скрипнула кровать, метнулась бледная, словно размытая тень, и вдруг окрепший женский голос крикнул:

— Убирайся! Слышь?.. А то полиция крикнет!

Тоня опомнилась, лишь перепрыгнув через какой-то плетень с острыми, как шипы, обрубками сучьев, один из которых вонзился в ногу. Она тихо вскрикнула от боли, но тут же зажала рот ладонью. Потом долго стояла, прислонившись к хлеву. За стенкой тихо похрюкивала свинья. Хотя к ней бы пробраться, прилечь где-нибудь в углу на клочке сена! Однако на двери хлева висел замок.

От холода мелко дрожало все тело.

Тоня решила повторить попытку — обогнула хлев и по тропинке снова подошла к хате.

Тускло блеснуло окно. Под ногой хрустнул черепок

разбитого горшка. За темным, с приоткрытой форточкой окном — сонная тишина. И от одного сознания, что совсем рядом покой и сон, Тоня теряла последние силы.

— Тетенька! Тетенька! — шептала она в оконную щель. — Проснитесь, тетенька...

За окном что-то щелкнуло, стукнуло, послышалось плепанье босых ног. К стеклу прижалась бледная маска лица.

— Кто там? Чего нужно? — глухо донеслось до Тони.

— Тетенька, пустите переночевать!

Женщина долго молчала, потом уже не злым, а усталым голосом крикнула:

— Ступай, ступай себе! Тут не постоянный двор! — и плотнее захлопнула форточку.

Тоня пошла вдоль дома, у крыльца упала на скрипучую ступеньку. Никуда она отсюда не пойдет! Не может. Нет сил.

Она привалилась щекой к шершавому бревну, натянула на голову воротник пальто и затихла.

Где-то вдалеке проехала машина. Сбившись во времени, пронел какой-то дурень петух, но, видно, сообразил, что еще ночь, и утомился.

Время тянулось в мучительной чуткой полудреме, и все же Тоня не услышала, как за ее спиной скрипнула дверь. Но когда женщина, вышедшая на крыльцо, испуганно ахнула, она мгновенно очнулась и вскочила.

— Ах ты господи! — воскликнула хозяйка. Еще не прибранная, в наспех накинутом на плечи платке, она с участием смотрела на полузамерзшую девушку, у которой от холода стучали зубы, а воспаленные глаза запали. — Я же не думала, что девчонка ночевать просится! Заходи, заходи! Разные тут бродят. Пустишь, а потом сами же в полицию и донесут!..

Тоня вошла за хозяйкой в хату, и на нее сразу обрушилась блаженная теплынь. Она присела к столу, еще дрожа от не вышедшего из ее тела холода, и почувствовала, что не может раскрыть глаза. Хозяйка что-то говорила, но голос ее доносился издали, и Тоня ни слова не понимала.

— Проснись! Вставай!

Чья-то рука безжалостно трясла Тоню за плечо — так, верно, палачи будят свою жертву, чтобы вести на казнь.

Тоня с трудом очнулась, со стоном разогнула затекшую спину. Рядом стояла встревоженная хозяйка.

— Быстрее уходи! Уже рассвело! Могут заметить, что из моей хаты вышла! Ах ты господи, несчастье-то какое! Не хочу тебя гнать, да ведь сама в тюрьму угожу. Уходи, уходи, милая! Прости, что с вечера почевать не пустила. Пуганные мы!

Тоня поднялась:

— Спасибо, хозяйка!

— Да чего там «спасибо»! Всю ночь на крыльце провалялась! Ты на улицу-то не выходи, задами, задами пробираться, так безопаснее будет.

И действительно, за огородом — кусты, они сразу прикрыли Тоню, и через несколько шагов она оказалась на склоне холма. Теперь уже никто не мог заподозрить ее в том, что она почевала в деревне. Она могла только что взобраться на этот холм со стороны дороги.

Когда Тоня выбралась наконец на дорогу, ведущую в сторону Доронина, она вздохнула свободнее. Если теперь какой-нибудь патруль и придерется, она сумеет объяснить, кто ее начальник!

Боже, как устала! Где ты, старый диван с жесткими, шершавыми валиками? Какое счастье почувствовать под своим бочком твои острые пружины! Свалиться бы на обочину, прижаться к прошлогодней траве и заснуть хотя бы на часок.

Туфли! И надо же было ей отправиться в тех, в которых ходила по городу. Дура несчастная!.. Вот теперь и страдай...

Несколько раз мимо проезжали машины, она поднимала руку, но шоферы лишь улыбались — и ни один не останавливался.

К условленному месту она подошла с часовым опозданием. В редком кустарнике недалеко от дороги, у небольшого кособога, грелись двое немолодых мужчин. Одежда на них была потрепанная, лица небритые. Заметив Тоню, они не двинулись с места.

Обоим около сорока. Однако один все же постарше. На его круглом лице — сетка морщин, темные глаза с хитроватым блеском; одет в зеленый стеганный ватник, прожженный в нескольких местах и с заплатами на рукавах, и черные брюки, заправленные в стоптанные, давно не знавшие шетки высокие яловые сапоги с порыжевшими голенищами.

Когда Тоня свернула с дороги и направилась к костру, один что-то быстро сказал второму, ковырявшему в костре короткой палочкой. Тот взглянул на Тонию глубоко посаженными серыми глазами, усмехнулся и ничего не ответил. Впрочем, когда Тоня подошла совсем близко, он распрямился, одернул помятое темное пальто и даже застегнул его на одну пуговицу. Это движение не ускользнуло от Тони, но сразу она не могла понять, что именно ее в нем насторожило.

— Здравствуйте, — сказала Тоня, подходя. — Вы меня ждете?

— А почему именно вас, девушка? — спросил тот, кто выглядел чуть постарше.

Но человек, ворошивший палочкой хворост, улыбнулся и весело сказал:

— Люблю храбрых девушек! Подсаживайся! Ты, я вижу, основательно устала.

Тоня присела к костру и протянула к огню руки.

— Вы меня давно ждете? — снова спросила она, словно не услышала их слов, а сама думала, как бы невзначай упомянуть о Луговом. Штуммер не дал ей пароля. Приходилось выкручиваться самой.

— Всю жизнь! — воскликнул человек с палочкой в руке. — Я не схожу с этого места уже два года!..

— Вот видите, — сказала Тоня, — как полезно быть постоянным. Когда я училась в школе, у меня был учитель математики, некто Луговой. Он говорил, что в мире все меняется, кроме таблицы умножения.

Мужчины переглянулись.

— Так, — сказал тот, кто постарше. — Ты, видать, большая путница. Ну, давай знакомиться. Григорий Иванович!.. — Он похлопал растопыренными пальцами по своей груди. — А вот этот немолодой человек с заросшей мордой — Виктор Степанович...

— Зови меня просто Витя, — быстро сказал тот.

— Галя.

— Чудное имя! — воскликнул Виктор. — Хорошее, скромное имя... Ну, Галочка, действительно мы тебя ждали... Признайся, есть хочешь?

Она увидела банку мясных консервов, кипящую на горячем пепле, и почувствовала острый голод. Виктор, ловко орудуя палкой, вытащил банку, поставил ее возле Тони, протянул ей складной нож.

— Заправляйся, детка! Соли и хлеба не прося — чего нет, того нет...

Она ела обжигаясь, а они оба внимательно ее разглядывали, прохаживаясь насчет ее аппетита.

Казалось, они отнеслись к ней по-дружески, даже позаботились о ней. Но почему-то в их спокойном дружелюбии Тоне чудилось что-то неестественное. И потом, этот костер невдалеке от дороги. Почему они не боятся, что пламя привлечет патруль?

— Ну, как поживает Луговой? — вдруг спросил Григорий Иванович, когда Тоня справилась с последним куском мяса и отбросила в сторону банку.

— Жив, здоров, чего и вам желает, — ответила она в том шутливом тоне, который между ними установился.

Но сейчас Григорий Иванович уже не улыбался.

— Ты знаешь, куда мы идем? — спросил он. — Тебе сказали, что ты поступаешь в мое подчинение?

— Нет. Этого мне не говорили.

— Ну, так я тебе об этом объявляю.

— Хорошо, — покорно сказала Тоня.

— Слушай, Григорий Иванович, — сказал Виктор, — пусть лучше Галя подчиняется мне!..

— Перестань шутить!.. Через два часа мы уже не сможем ни о чем договориться. Так вот, Галя, как бы ни сложилась наша судьба в отряде, я за тебя в ответе. Поняла? Луговой сообщил, что назначает тебя связной. А мы будем представлять и его.

Она вслушивалась в каждое произнесенное им слово. Ничего, что могло бы вызвать подозрение. Если Луговой действительно существует и без ее помощи нашел пути к Короткову, он мог, конечно, попросить, чтобы о его связной позаботились. Но почему Штуммер, который всякий раз перехватывает связных Лугового, никак не может добраться до него самого?

Снова, как и при встрече с Коротковым, Тоню охватило сложное чувство. Как ей себя вести с этими людьми? Кто же они такие?

Когда стали собираться в путь и Виктор укладывал вещевой мешок, Тоня заметила в нем знакомую яркую этикетку французских консервов.

— А это что? — спросила она.

— Никогда не пробовала? — улыбнулся Виктор.

— Нет.

— И не советую: в этих баночках — первоклассный тол. Впрочем, если очень хочется, угощу!

— Нет уж! — засмеялась Тоня. — Он мне не по зубам...

Так вот какие «консервы» лежали в шкафу у Короткова! А она-то тогда подумала, что он прибудняется. Тоня взглянула на своих спутников уже более доверчиво.

На дорогу решили не выходить — теперь, когда до леса оставалось километров десять, лучше не встречаться с патрулями. Правда, у мужчин оказались документы, удостоверяющие, что оба они — заготовители фирмы «Братья Миллер». Эта фирма открыла в Одессе несколько больших гастрономических магазинов. Видимо, обладая столь надежными охранными грамотами, они и не побоялись развести костер у дороги. Такая смелость должна была вызвать доверие проезжающих патрульных, если люди не прячутся, значит, у них все в порядке.

Шли молча. Тоня тихо страдала, борясь с раскисшей землей, которая прилипала к подошвам туфель. Но отдыхать было некогда. Мужчины и так потеряли из-за нее много времени.

Лес сначала синел вдалеке полоской, словно художник обвел горизонт кистью, но постепенно стали различаться разбросанные рощицы, редкие, вырубленные; они казались безжизненными, даже птицы не кружили над ними.

Тоня почувствовала, что мужчины не так уж спокойны, как ей показалось сначала. Шли рядом, о чем-то тихо переговаривались и умолкали, когда она подходила к ним поближе.

Конечно, они не могли не волноваться. А вдруг их никто не ждет? Мало ли какие события могли заставить отряд переместиться в другое место. Она слышала, как Григорий Иванович сказал Виктору, что о встрече на опушке условились недели две назад. Две недели! На войне они могут быть равны нескольким годам...

Когда добрались до леса, Тоня присела на пенек, чтобы передохнуть. Сквозь деревья виднелись вдалеке разбросанные дома села Доронино. По широкой улице медленно ехала машина, но какая, разобрать было трудно.

— Вот что, друзья, — сказал Виктор, — вы тут позагорайте, а я пойду на разведку...

— Иди, — согласился Григорий Иванович. — Только не заблудись.

— Будь уверен!

Виктор ушел, Григорий Иванович прислонился к дереву рядом с Тоней и тревожно прислушивался к шумам леса.

— Ну, вот и пришли, — проговорил он, сумрачно улыбаясь, и вдруг спросил: — Оружие у тебя есть?

— Нет... Не дали...

— Жалко! — сказал он. — У меня вот тоже оружия нет. Ну ничего, получим...

Он пожевал губами, отчего морщины на его щеках прорезались еще глубже.

В глубине леса затрещали ветки. Григорий Иванович стремительно обернулся.

— Ну, что? — крикнул он.

— Сюда!.. Нашел... — донесся голос Виктора. — Идите за мной...

Григорий Иванович быстро пошел на голос, скрылся за кустами, и Тоня, сунув распухшие ноги в туфли, нагнала их уже на пороге едва заметного блиндажа, прикрытого сверху свеженарубленными ветвями.

Виктор пропустил Григория Ивановича вперед, и тот, пригнувшись, вошел в низкую щель. Затем в ней же исчез Виктор. А Тоня на мгновение задержалась. Из глубины блиндажа до нее донесся очень знакомый голос. Несомненно знакомый!

За грубым деревянным столом, освещенным скудным светом, проникающим через щель под потолком, сидел Коля Грачев, а рядом с ним — незнакомый молодой парень в светлом плаще, подпоясанном широким кожаным ремнем.

Тоня поняла, что Коля ее узнал, но в том, как он сразу же отвел взгляд, она уловила безмолвное предупреждение: молчать!

— Ну вот, наконец-то и добрались, — сказал Григорий Иванович. — Спасибо, ребята, что не подвели. — Он присел к столу, расстегнул куртку.

— Привет, привет! — улыбнулся Коля. — Мы давно вас поджидаем тут.

— Машины нам не дали, — сказал Виктор, подсаживаясь к столу с другой стороны. — Идите, сказали, своими ножками.

— Да уж... — проговорил Коля, коротко взглянул на Тоню и снова отвел глаза. — Ну, и что скажете?

— Разговор короткий.— Григорий Иванович доверительно улыбнулся.— Как бы нам побыстрее до отряда добраться? И вообще, как у них дела?

— Шумят! Пять машин в пятницу — в кювет и колесами вверх.

— Что ж это вы прозевали?

— А нас всего-то три полиция на всю деревню! Своих дел невпроворот. За околицу и то раз в неделю выходим, когда в комендатуру требуют.

— А эшелон на прошлой неделе тоже их рук дело? — спросил Виктор.

— И эшелон,— кивнул Николай, сокрушенно пожав плечами.

— Да,— усмехнулся Григорий Иванович,— вам, ребята, я вижу, достается.хлопот много!..

— Многовато! А все-таки, как говорится, неплохо бы, если бы вы предъявили свои верительные грамоты...

Григорий Иванович хитровато прищурился:

— Я вижу, ты меня в послы записал. Человек я маленький, грамот мне не давали, а вот в кармане кое-что затесалось. Такая вот маленькая штучка! Взгляни, может, понравится? — И, покопавшись в кармане, он бросил на стол кусочек меди.

Тоня пригляделась — это была половинка медного советского пятака.

Николай неторопливо взял ее, разглядел, потом засунул руку в нагрудный карман, вынул другую половинку и долго, тщательно складывал их.

— Сошлось! — воскликнул Григорий Иванович.— Отчко!..

Николай поднял на него глаза. О, какой это был взгляд! Тоня невольно прижалась к стенке.

В блиндаже вдруг наступило гнетущее молчание. Григорий Иванович оглянулся на щель и начал медленно подниматься. Затрещал стол. Виктор внезапно скользнул вдоль стены и, выхватив револьвер, выстрелил в до сих пор молчавшего соседа Николая, но тот стремительно нагнулся и головой ударил его в живот. С поднятой рукой, которая продолжала сжимать револьвер, Виктор откинулся к стенке и оказался рядом с Тоней. Импульсивным движением она изо всех сил рванула пистолет и отскочила в сторону.

— Руки вверх!

Николай, сжимая автомат, целился в грудь Григорию Ивановичу, а тот медленно поднимал руки и, все еще не веря в провал, старался все превратить в шутку:

— Ну что вы, ребята, в самом деле! Мы ж свои... Свои...

— Серый волк тебе свой!

Виктор метнулся к двери, но наткнулся на пистолет, который сжимала Тоня.

— Галка! Ты что? — И вдруг, все поняв, злобно рассмеялся: — Гадина! Ты думаешь, тебя пощадят?..

В тот же вечер после допроса в лагере обоих расстреляли перед строем.

Богачук на сутки задержал Тоню, продумывая, что она должна доложить Штуммеру. Как поступить с Коротковым — это пусть решают руководители подполья.

— Как же вам удалось узнать, что у них назначена встреча в блиндаже? — спросила Тоня Николая, когда он провожал ее к опушке, откуда она должна была идти в Одессу уже одна.

— Радио — великое изобретение, Тонечка! — Он помолчал.— Ты можешь выполнить одну мою просьбу? Помнишь, где мой дом?

— Не забыла.

— Навести мою мать, передай ей привет и скажи, что я жив, здоров и о ней всегда помню...

— Обязательно! — горячо пообещала Тоня.

Он долго стоял на опушке, между деревьями, глядя ей вслед, и, когда она оглянулась на повороте дороги, прощально махнул рукой...

Глава десятая

Первым, кого она увидела, когда вошла в подсобку, был полицейский, который, сидя на ящике, ел сочную грушу. Тоня отпрыгнула, но тут же засмеялась.

Дьяченко! Форма на нем уже потеряла свой недавний лоск, но все же он выглядел молодцевато, в блестящих глазах появилась наглинка, которая придавала его облику известную профессиональную завершенность.

— Ох, ты! — воскликнул Дьяченко, оборачиваясь.— Сцена пятая, явление десятое! Все в сборе. Привет!

Тоня рухнула на ближайший мешок с картошкой и

блаженно откинулась к стене. Через секунду она уже крепко спала, и Дьяченко, которого распирало желание поскорее узнать, сумела она добраться до Хаджибеевского лимана или нет, не решился ее потревожить.

Рано утром он наконец возвратился в Одессу из тех самых мест, где вчера должна была побывать Тоня. Его неожиданно отправили в командировку с группой полицейских, и только в пути, когда машины уже выехали за пределы города, он узнал, что назначен в охрану пленных на строительстве аэродрома близ Хаджибеевского лимана.

Федор Михайлович ушел на явку к одному из участников группы. Дьяченко застал в лавке лишь Егорова и в глубине души досадовал, что не установил личной связи с владельцем лавки. Все предвидеть невозможно, но всегда необходимо иметь про запас лишний ход, тогда даже в, казалось бы, безвыходном положении можно выиграть у противника. Проезжая в машине по утренней Одессе, он увидел Егорова, который снимал засов с двери в лавку, и сразу понял, что, придя сюда, не ошибется адресом.

Сведения, которые он привез, оказались любопытными. Аэродром у лимана несомненно будет ложным, хотя при взгляде на него сверху должен произвести внушительное впечатление.

Взлетно-посадочные полосы лишь прорисовывались, а вокруг аэродромного поля, замаскированные сетями и ветками, стояли отлично выполненные фанерные макеты самолетов. Но зато подлинные зенитные орудия должны были убедить противника, что аэродром тщательно охраняется.

Оставалось загадкой лишь одно: почему эта игра начата именно сейчас? И почему немцы хотят привлечь внимание именно к Хаджибеевскому лиману? Не исключено, что где-то в другом месте происходят события, о которых не узнать ни одному полицаяу.

— А я за это время стал минером! — вдруг сказал Дьяченко, наблюдая, как бережно Егоров прикрывает шинелью Тоню. — Нас две недели натаскивали. Теперь любую мину за полчаса сооружу. А если где «мина-ловушка», то это тоже по моей части. Ну и дрейфил я сначала! — Он усмехнулся, почесал румяную щеку. — А потом, смотрю, дело наладилось...

— Чего это вдруг вас стали учить? — удивился Егоров. — А куда делись военные минеры?

— На фронте. В тылу теперь стараются обходиться своими силами.

— А где будут ставить мины? Не выяснил?

— Выяснить не выяснил, а мин привезли с гору! И все противопехотные.

— Темна вода! — вздохнул Егоров. — Зачем, спрашивается, на ложном аэродроме минные поля?..

— Я сам удивляюсь, — признался Дьяченко. — Нюхал, нюхал, — ничего не понял. И обстановка не такая, чтобы в кошки-мышки играть... По всему видно, настроение у них аховое... Недавно один немецкий полковник наведывался. Между прочим, вместе с нашим румынским майором. С Петреску этим. Хотя мы и незнакомы, но я на всякий случай в кусты...

— Петреску, говоришь?

Егоров взглянул на Дьяченко черными округлившимися глазами и вдруг нагнулся над Тоней и стал ее с силой трясти:

— Тоня! Вставай! Проснись!.. Сейчас же проснись, я тебе говорю!

— Оставь ее, пусть спит.

— Не твое дело! Тоня, проснись!

Тоня застонала, с трудом приоткрыла слепленные сном веки.

— Ну, чего тебе?

— Вставай, послушай, что рассказывает Дьяченко! Петреску тебя и всех нас дурит! — крикнул Егоров. — Потом выспишься... Нужно поговорить!

— Ты изверг, Егоров! — сказала Тоня, выползая из-под шинели. — Плесни-ка мне воды на голову... Ах, мама!.. Ты, Егоров, плохой человек. Дай же чем вытереться.

Дьяченко засунул руку в карман шинели и вытащил бутылку водки, аккуратно налил полстакана и протянул ей:

— Тяни для бодрости. А вот и огурчик.

Тоня взяла стакан, заглянула в него и нерешительно поднесла ко рту.

— Подожди! — скинул руку Дьяченко. — Выьем все вместе, ребята. Все может случиться: раскидает нас жизнь. Давайте договоримся, если потеряем друг друга, — встретиться через двадцать лет.

— Где встретиться? — спросила Тоня. — И почему через двадцать лет?

— Здесь, в Одессе. Интересно, что с нами будет?..

— Согласен,— сказал Егоров.— Я доживу!

— И я доживу! — сказал Дьяченко.— Только сразу давайте установим место.

— У памятника Дюку,— сказала Тоня.

— Отлично! — согласился Дьяченко.— В какой день? Какое сегодня число?

— Нет, лучше под Новый год. Ровно в двенадцать ночи! — сказал Егоров.

— Ребята! А если мы будем жить не в Одессе, а в других городах,— спросила Тоня,— как тогда?..

— Все съедемся,— твердо сказал Дьяченко.— Сколько мне будет лет? Сорок пять? Я же буду еще совсем молодым мужиком. Ну, за встречу!..

Он выпил свои сто граммов единым духом, ревниво проследил, чтобы до конца выпила и Тоня, и вкусно хрустнул огурцом. Она подробно рассказала обо всем, что пережила за эти несколько дней. Слушая ее, Егоров все больше мрачнел. Да уж, она попала в переделку. Можно сказать, чудом осталась жива. Этот бандюга в блиндаже запросто мог ее пристрелить, но зато теперь установлено, что Коротков — агент гестапо и с ним надо кончать игру. Но умно, чтобы не вызвать подозрений и не спугнуть.

К Штуммеру придется идти и доложить все, что приказал полковник. Конечно, люди Короткова добрались благополучно, входят в доверие и ждут дальнейших указаний. Время, когда будет наиболее удобно начать новую карательную операцию, они сообщат.

— Ну вот, а теперь перейдем к другому делу,— сказал Егоров.— Дьяченко, повтори, где ты видел Петреску.

Дьяченко долго рассказывал о своей встрече с румыном. По всем признакам, тем немецким полковником, с которым приезжал Петреску, был Фолькенец. Наслушавшись и нагладевшись всего понемногу, Дьяченко пришел к выводу, что ожидают десантников у Хаджибеевского лимана. На это же намекал Тоне и Петреску. Он сказал тогда, что Фолькенец, возможно, вскоре уедет из Одессы.

— Копаемся! — проворчал Егоров.— Теряем попусту время. А знаешь, что я решил? — повернулся он к Тоне.— Я решил, что правильнее всего действовать через старика Тюллера. Как-никак он Зинаиде отец, и ему проще подступить к ней, чем любому из нас.

— Это еще как сказать,— возразил Дьяченко.— Они не виделись, кажется, чуть ли не со дня оккупации. К тому же ведь мы пока еще сами не знаем, о чем именно его просить.

— Одну минуту, ребята! — Егоров замер, о чем-то напряженно думая.— Тюллер мне сказал, будто у него в Люстдорфе есть дача, правда, старая, но это уже кое-что...

— Ты хочешь сказать, что Зина и Фолькенец могут оказаться на этой даче? — спросила Тоня.

— Вот именно! Могут!

— Нет! — решительно возразил Дьяченко.— Зина откажется. Она наверняка скрывает от Фолькенеца, что у нее есть папаша. Иначе старик давно бы кончил все свои «художества».

— Ладно, обо всем этом я еще подумаю,— подытожил Егоров.— Возможно, придется напрямки поговорить с Тюллером, тогда все станет ясно.

Дьяченко вытащил из кармана не первой свежести платок, тщательно вытер вспотевшее лицо и шею, сказал:

— А знаете, почему я приехал? — Он с обидой посмотрел сначала на Тоню, потом на Егорова.— Эх вы, даже не спросите! А у меня просто голова лопается от мыслей! Третьего дня нам приказали отобрать сто пленных из тех, кто послабее, и вернуть в Одессу. Спрашивается, зачем? Расстрелять? Так для этого незачем с места на место возить. И куда, вы думаете, привезли? Прямо в городскую комендатуру. Там их пока заперли по камерам. Говорят, какая-то операция задумана, а какая, не пойму...

— А ты расспроси у дежурных,— сказал Егоров.

— Так они в самый последний момент узнают либо вообще ничего не узнают.

— Я пойду,— сказала Тоня.— Прощайте и не поминайте лихом. Меня ждет Штуммер.

Глава одиннадцатая

Штуммера в комендатуре не оказалось. Дежурный, очевидно уже предупрежденный, едва взглянув на Тонин паспорт, открыл большую, бухгалтерского вида книгу и пересказал немногословное распоряжение Штуммера: немедленно отправиться в Люстдорф. Это означало — к Короткову!

Ох, как ей этого не хотелось! Пока она еще верила в то, что над ним нависла угроза смертельной опасности, и искала способа, как выручить его из беды, встречи с ним казались необходимыми. Но теперь она знала, что перед ней изощренный враг, который ведет свою сложную игру: завоевывает доверие тех, кто хочет бороться с гитлеровцами и потом предаст их.

На вопрос, когда же вернется Штуммер, дежурный весьма уклончиво ответил, что майор, мол, в командировке и будет не ранее конца недели.

Что ж, надо идти. Приказ есть приказ.

И снова — дорога. И одиночество, и ожидание встречи, которая неизвестно как начнется и неизвестно чем кончится...

В комнате у Короткова как будто ничего не изменилось. Даже краюха хлеба, похоже, та же самая и так же лежит в смятой газете, окруженная крошками... Но вот в самом хозяине дома что-то вроде изменилось. Он заметно обеспокоен чем-то, лицо его стало желтым, мертвенно поблескивают железные зубы.

Он выслушал, не перебивая, подробный рассказ Тони о встрече с Григорием Ивановичем и Виктором, о том, как они грелись у костра и как они ее радушно приняли, накормили, а потом втроем они пошли к дальнему лесу. Ее они на всякий случай оставили в кустах, в стороне от блиндажа, чтобы не подвергать опасности, если вдруг наткнутся на засаду, и чтобы она смогла вернуться и обо всем доложить. Но все счастливо обошлось. Партизаны выслали своих людей и указали дорогу в лагерь. Командир отряда, узнав, что они пришли для связи, подробно расспросил о делах группы и пока оставил их у себя. А ее послал сообщить, что все обошлось благополучно...

Рассказывая, она думала о том, что, собственно, игра уже окончена: он не может не знать, что ее послал Штуммер, и потому ждала, что Коротков оборвет ее на полуслове. Но он слушал внимательно, одобрительно покачивал головой, а на лице его застыло какое-то болезненное выражение, какая-то невысказанная тоска, что ли...

— Ты Луговому обо всем доложила? — спросил он, когда она закончила, подавив облегченный вздох, потому что история, которую сочинил для нее Богачук, кажется, прозвучала для Короткова вполне убедительно.

— Нет. Он болен, и я его не нашла.

— Та-а-ак,— нараспев проговорил Коротков.— Ну, а тех, кто ожидал в блиндаже, ты видела?

— Нет, они так и не вышли.

Коротков кашлянул, задумчиво провел пальцем с прокуренным ногтем по верхней губе и откинулся на спинку стула.

— Ну что ж, спасибо. Жаль, конечно, что мы с Луговым теперь долго не увидимся, но надеюсь, у нас еще будут общие дела.

Тоня видела, что его что-то еще беспокоило.

— Ну, как там, большой отряд? — спросил он.

— По-моему, очень большой.

— Примерно сколько человек?

Тоня пожала плечами:

— Не знаю... Все же в лесу... Не видно...

— Ну все-таки? — настаивал Коротков.— Триста, четыреста?..

— Гораздо больше.

— Вооружены?

— У всех винтовки и автоматы.

— Так-с... А со жратвой у них как?..

— С этим трудновато. На щи нажимают,— улыбнулась

Тоня.

— Богачук — он какой хоть из себя?

— Невысокий, кучерявый... Лет сорока, не больше...

Его уважают,— добавила Тоня, понимая, что он хочет узнать.— Дисциплину держать умеет...

— Вижу, у тебя к нему симпатия,— улыбнулся Коротков.

— Особой нет. Просто говорю, что видела.

— А как Григорий Иванович и Виктор?.. Как они себя вели?..

— Когда шли, волновались.

— Ну, понятно! Не на пироги я их послал,— проговорил Коротков.— А в отряде как было?

— Часовые, конечно, встретили недоверчиво. Завязали нам всем глаза. Но когда нас проверили, отношение, конечно, изменилось...

— При тебе с ними разговаривали?

— Их отдельно повели, а меня в санитарную часть сразу отправили — ноги я себе стерла... Со мной потом отдельно беседовали. Всякие вопросы задавали, но я, конечно, не сбилась...

Она нарочно говорила нечетко, вызывая Короткова на откровенный разговор, но он этого словно не понимал.

— Трудно работать! — говорил он, шагая и шагая по комнате. — Правда, ядро я уже собрал крепкое, но нужны связи. А знаешь, как это трудно! Тот же Луговой... Тебя вот посылает, а сам на явку не приходит. А нам сейчас нужно объединять силы. Ты ему об этом при случае скажи.

— Ладно...

«Он чем-то обеспокоен, но о судьбе Григория Ивановича и Виктора еще ничего не знает», — думала Тоня, чувствуя, как постепенно ослабевает стесненность в груди и возвращается спокойствие. Конечно, исчезнувших полицаев будут искать, и, может быть, Штуммер уже выехал в Доромино. Однако что бы ни произошло, она будет настаивать на том, что в блиндаж не заходила и никого не видела.

— Ничего! — Коротков устало махнул рукой. — Вот проведем совместную операцию, тогда, уверен, все изменится. Когда будут общие дела, тогда возникнут и более крепкие связи. Верно? А операция намечается интересная!.. Можно отбить у немцев сотню пленных. Сто спасенных! И это уже немало... Их каждый день гоняют на товарную станцию, там неподалеку вход в катакомбы... Людей у меня мало. — Он болезненно улыбнулся и придвинул к Тоне хлеб: — Ешь! А чайку сейчас согрею.

Внезапно на крыльце застучали чьи-то шаги, послышались голоса нескольких мужчин. Коротков быстро распахнул входную дверь.

Тоня взглянула и содрогнулась. Через порог перешагнул Камышинский! Он тоже сразу ее узнал, испуганно поднялся назад, но чьи-то руки подтолкнули его, и он невольно оказался на середине комнаты.

Камышинский был одет так же, как и при встрече в коммандатуре. Тюремная желтизна словно задушила морщины на его лице, и они казались твердыми. В глазах с кровяными прожилками — острая настороженность.

— Что вам от меня надо? Зачем вы меня сюда притащили? — крикнул Камышинский, оборачиваясь к мужчинам, один из которых, лет сорока, в черном пальто, держал в руке котелок, как не носили муниципальные чиновники. На его тщательно выбритом интеллигентном лице с подбритыми усиками застыла испуганная, вымученная улыбка. И странно было видеть, что другой рукой он сжимает

пистолет, — правда, держит его неумело, очевидно впервые в жизни направляет оружие на человека.

Второй мужчина, грузный, в меховой куртке, которую давно пора бы заменить чем-нибудь более легким, загораживал дверь, и Тоня, взглянув на его могучие кулаки, подумала, что они могут оказаться страшнее пистолета.

Коротков молча разглядывал Камышинского, нервно покусывая губы. Он стоял по другую сторону стола, словно отгородившись незримой стеной не только от Камышинского, но и от всех, кто находился в комнате.

Человек в черном пальто подошел к столу, положил на край свой котелок, а на котелок — пистолет, и неожиданно простецким движением отломил от краюхи хлеба горбушку.

— Проголодался, черт побери! — проговорил он, запиная хлеб в рот. — Три часа сюда добирались...

— Что вам от меня надо? — снова спросил Камышинский, пристально поглядев на Тоню, словно стараясь понять, поможет ли она ему. Не новое ли это испытание, устроенное Штуммером?

— Вы Камышинский? — басовито спросил Коротков.

Тот сильно перевел дыхание и зашелся долгим кашлем.

Коротков терпеливо ждал, безучастно поглядывая в окно.

Тоня почувствовала, что перестает понимать все, что происходит кругом, — просто сходит с ума! Неужели Штуммер освободил Камышинского? Как? Зачем? Почему?

Наконец Камышинский справился с кашлем.

— Я устал. Не могу больше стоять, — сказал он, ища взглядом стул.

— Постоишь! — впервые подал голос толстяк от дверей.

— Вы Камышинский? — снова повторил Коротков. — Отвечайте! Вас спрашивают.

Камышинский вновь испытующе поглядел на Тоню. «Почему ты здесь?» — спрашивал его взгляд. Он молчал, переминяясь с ноги на ногу.

— Я в последний раз спрашиваю: вы Камышинский?

Тоня прикрыла глаза и вдруг услышала негромкий, с астматическим придыханием голос Камышинского:

— Ты вот меня не узнаешь, а я тебя давно знаю! Ты Коротков! Я к тебе в Жовтневый райсовет приходил, ты инспектором по жилищному делу подвизался. Конечно, ты

меня не запомнил. Где тебе всех помнить! А я перед тобой, сволочью, унижался, чтобы ты помог мою старуху мать из подвала переселить... А теперь ты опять надо мной изгибаешься... Что тебе надо? Что?

— Предатель! Подлец! — Глаза Короткова побелели. — Душегуб проклятый! Говори, скольких людей предал?

— Вы ведете себя, как бандиты! — выкрикнул Камышинский. — Кто дал вам право...

Голос Короткова еще более окреп:

— Камышинский! Судом подпольного трибунала вы, как подлый предатель Родины, именем народа приговорены к смертной казни! Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Исполнение немедленное.

— Не смейте меня убивать! Не смейте! — закричал Камышинский и с неожиданной легкостью бросился к двери, но тут же отлетел в угол, отброшенный толстяком.

— Где будем его решать? — деловито спросил толстяк. — В сарае опасно: могут услышать выстрел. Предлагаю повесить...

— Подожди, Коротков! Подожди! Я могу тоже спасти тебе жизнь! — с торопливой горячностью заговорил Камышинский, подбегая к столу. Перегнувшись, он схватил Короткова за руку. — Подожди, Коротков!.. Я могу многое сказать...

— Замолчи, вражина! — Коротков брезгливо вырвал руку из его цепких пальцев. — Уведите его!

— Нет! Нет! — Камышинский бессвязно бормотал. Нижняя челюсть его отвисла, он озираясь, стараясь найти выход и отдалить свой смертный час. — Зачем же так! Когда меня выпустили из тюрьмы, я ведь не скрылся... Я многое там узнал!.. Штуммер... — Он вдруг осекся, повернулся к Тоне и истерически крикнул: — Уберите ее!.. При ней я не могу говорить!..

— Увести! — приказал Коротков, и толстяк, ухватив Камышинского за плечи, приподнял его, вытолкнул за дверь и скрылся за нею сам.

Из сеней донесся вопль, Тоня услышала, как упало тело.

Человек в черном пальто побледнел, но не сдвинулся с места.

— Да помоги ты ему! — вдруг яростно набросился на него Коротков. — Все вы белоручки!..

Человек торопливо выбежал.

Тоня молча сидела у окна, стараясь не смотреть на Короткова. «Предатель убил предателя! Зачем Коротков это сделал? — думала она. — И почему при ней? Неужели он считает, что она до сих пор не поняла, кто он? Штуммер совершил грубую ошибку, в результате чего Коротков нарушил законы подполья и тем разоблачил себя».

— Товарищ Коротков, — тихо начала она, — мне вам надо кое-что сказать...

— Говори. — Коротков приблизился к ней, в его желтоватых глазах появилось выражение настороженного любопытства. — Ты хочешь мне помочь?

— Да, хочу...

На его лбу выступила капелька пота.

— А что ты можешь сделать?

— Еще не знаю! Кое-кто у меня есть на примете.

— Когда сумеешь сказать точнее?

— Дня через два.

— Буду ждать. Спасибо... Ты хорошая девушка. — Спешив пальцы, он щелкнул суставами. — Только запомни мой новый адрес: Картомышевская улица, угловой дом с продовольственным магазином. Второй этаж, во дворе...

Она вернулась домой перед самым комендантским чаем и бросилась на диван. У нее хватило сил только скинуть туфли, и она заснула раньше, чем голова коснулась шершавой плюшевой подушки.

Глава двенадцатая

— А вы убеждены, что она живет именно в этом доме?

— Да, Карл Иванович. Парадный подъезд, второй этаж, квартира восемь. Она уже около года здесь...

В голубых глазах Тюллера — беспокойство. После тщательного обсуждения с Егоровым и Федором Михайловичем, в каком виде ему лучше всего явиться пред ясны очи дочери, он надел один из своих лучших костюмов, темно-серый в золотистую крапинку. Пусть Зинаида сразу поймет, что он вполне благополучен и не пришел к ней просить о помощи.

Полноватый, с коротко подстриженными седеющими волосами, он держался уверенно, с той независимостью, какую ему обеспечивало положение «фольксдойче». В те-

атре говорили, будто в Берлине у Тюллера есть влиятельные друзья. И он сам заботился, чтобы эти слухи разрастались: в столь сложном положении никогда не мешает, чтобы к уважению примешивался страх.

Он был одним из наиболее хорошо законспирированных участников группы. В своей «специальности» — печати и штампы на документах — старик достиг поразительного мастерства. Еще ни разу паспорт, побывавший в его руках, не вызвал подозрения при прописке в полиции.

— Собственно, зачем вам нужно, чтобы я пригласил Зину и Фолькенеца на свою дачу? — требовательно спросил Карл Иванович у Федора Михайловича, который, как и следовало ожидать, взял эти трудные переговоры на себя. — Кто вставит стекла, починит крышу?

— Видите ли, Карл Иванович, ваша дача нужна для того, чтобы на ней была совершенна помолвка.

— Помолвка? Чья помолвка?

— Вашей дочери Зинаиды с, очевидно, вам известным полковником Фолькенецем.

Пораженный, Тюллер умолк.

Федор Михайлович долго прикуривал сигарету.

Наконец старик нашел в себе силы заговорить:

— Вы знакомы с Зинаидой? Неужели она действительно выходит замуж за этого... Он, по-моему, работает в гестапо?

— Нет, в абвере. Впрочем, это мало меняет суть дела. К сожалению, Карл Иванович, с Зинаидой я не знаком.

— Так! — Тюллер все еще не мог оправиться от удара. — Но чем, собственно, я могу вам помочь? У нас ведь с дочерью, в общем, полный разрыв. Уже много лет мы с ней не встречаемся...

— Знаю. И мне известны причины.

— Тогда тем более вы должны понимать...

— Дорогой Карл Иванович! Поверьте, что, если бы у нас были другие пути, мы бы вас не беспокоили.

— Что вам еще известно?

— Зинаида больше года связана с Фолькенецем. Как развивались их отношения, мы, естественно, не знаем, но можно с уверенностью сказать, что за это время она никого не выдала. Ни единого человека.

— А как она могла выдать? Разве она что-нибудь знала о подполье?..

— Да! Она осталась в Одессе как хозяйка явочной

квартиры. Дала обязательство сотрудничать с тем, кто к ней придет и назовет пароль.

— И к ней приходили?

— Да, но она решительно отказалась помогать.

— Значит, предала?

— Нет! — решительно возразил Федор Михайлович. — Ее нельзя называть предательницей. Она ведь могла повести себя совсем иначе!

— Боже мой, как все сложно! — проговорил Тюллер. — Если бы вы только знали, как мне не хочется к ней идти, да еще с таким делом!

— Понимаю, Карл Иванович.

Они разговаривали в одной из маленьких комнаток за кулисами театра. Среди макетов старинных замков и венецианских дворцов — готовился новый водевиль — едва уместились две табуретки с пестрыми разводами краски.

— Федор Михайлович, коль скоро помолвка должна состояться на моей даче, мне важно знать основное: Фолькенец будет убит или нет?

— Нет, он не будет убит, Карл Иванович.

Тюллер помолчал.

— Вы должны обещать, что Зинаиде не будет причинен вред.

— Как понимать «вред»? — осторожно переспросил Федор Михайлович.

— Ну, она не будет ранена, например...

— Многое зависит от ситуации. Война ведь...

— А я? Что я должен буду делать?

— Когда развернутся события, вы сразу должны стать на сторону Фолькенеца и его друзей. Шумите как можно громче. Это отведет от вас подозрения.

— А разве шум вам не помешает?

Федор Михайлович потрепал Тюллера по плечу:

— Дорогой мой человек! Когда начнется шум, все уже будет кончено.

За дверью послышались шаги. Они замолчали. Тюллер на всякий случай придвинул ведро с краской и обмакнул кисть.

— Вам нравится этот замок?

— О! Конечно.

Шаги удалились.

— Дьявольски хочется курить, — вздохнул Федор Михайлович.

— Но когда же, когда именно состоится этот пир во время чумы? — спросил Тюллер.

— Нам стало известно, что в связи с предполагаемым отъездом в Берлин Фолькенец решил совершить помолвку буквально на днях.

— Но ведь Фолькенец, как говорят у нас в Одессе, большая шишка! Вы уверены, что сумеете с ним справиться? Он весьма осторожен.

Тюллер помолчал, потом круто повернулся к Федору Михайловичу и сказал:

— Дело ваше, но я могу дать согласие только в том случае, если вы гарантируете безопасность Зинаиды.

— Гарантирую! — поднял руку Федор Михайлович.

— Ну, а что, если я все же не сумею уговорить ее?

— Тогда, возможно, операция сорвется.

— Вы возлагаете на меня всю полноту ответственности? Это жестоко, Федор Михайлович.

— Нет, Карл Иванович, просто на вас вся надежда.

Тюллер зябко повел плечами.

— Не знаю!.. Не знаю, как к ней прийти. Полтора года не виделись, и вдруг этакая вспышка отцовской нежности! Дорогая доченька, я счастлив, что ты наконец полюбила достойного человека, и все такое прочее... И твою помолвку мы устроим на даче, где я и дам тебе свое отцовское благословение... О-о-о! Дешевый фарс. Не такой дурак, наверное, этот Фолькенец, чтобы не заподозрить здесь ловушки.

— И все-таки давайте попробуем. Для того хотя бы, чтоб потом сказать: мы сделали все возможное!

— Ну-ну, — сказал Тюллер. — Дайте мне день для подготовки и установите наблюдение за ее домом. Я должен быть уверен, что не встречу с Фолькенецем.

— Будет сделано!

— Я жду вас, — сказал Егоров, останавливаясь в воротах. — Фолькенец уехал минут десять назад и теперь уже раньше вечера не вернется. Будьте спокойны...

Тюллер скупо улыбнулся плотно сомкнутыми губами, на мгновение остановился, словно для того, чтобы обозначить старт, с которого начинается его путь в неведомое, круто повернулся и двинулся к подъезду.

Несколько минут он собирал душевные силы, чтобы нажать на кнопку звонка.

— Ты?! — Она испуганно вцепилась пальцами в отвороты зеленого шелкового халата и отступила в глубину прихожей. — Заходи.

Он отметил: в ее голосе нет прежней жесткости. Перешагнув порог, следом за ней прошел в комнату.

Со стены на него недоверчиво и пристально глядел Фолькенец. Большая фотография под стеклом в полированной раме.

«Как начать? — мучительно думал Тюллер. — Что я могу ей сказать?!»

На широком подоконнике — большой букет красных гвоздик, как объяснение в любви!

— Какие прелестные гвоздики!

— Подарок Эрнста! А ему их привез один летчик, прилетевший из Голландии.

— Эрст... Это он? — Тюллер кивнул в сторону фотографии. — Симпатичный... Очень энергичное, волевое лицо.

Зина ходила по комнате, бессмысленно переставляла с места на место какие-то безделушки. Тюллер исподволь рассматривал ее лицо — красивое, нервное, с усталыми морщинками в уголках рта, прическа на румынский манер — с длинными локонами, на пальцах золотые кольца.

Она налила в стакан немного вина и молча протянула отцу.

— Я знала, что ты в Одессе. Изредка встречала, признаюсь, радовалась, что ты меня не замечал. Как ты меня нашел?

Он взял стакан, отметив взглядом, что на бутылке французская этикетка, и пригубил.

— Прекрасное вино! Видишь ли, однажды я увидел, как тыходишь в этот дом, — сказал он с мягкой, виноватой улыбкой, — и вот...

— А почему ты остался в Одессе?

— Так случилось. Когда началась эвакуация, я схватил воспаление легких.

— Однако ты, кажется, процветаешь?

Он смущенно развел руками:

— Я просто-напросто работаю. Какое уж тут процветание! Я теперь театральный художник. Единственный в городе специалист по макетам.

Она насмешливо присвистнула.

— Не очень-то хлебное дело. Впрочем, тебе никогда не везло.

Она явно задирали его. Но он не поддавался.

— А ты прекрасно выглядишь.— Он оглядел комнату.

Она перехватила его взгляд.

— Скоро у меня будет своя вилла! Всю эту обстановку ты сможешь забрать себе. Кроме зеркала. Его я возьму с собой. Его любила мама...

Разговор опять зашел в тупик. Что сказать?.. Как удачно, что у него в руке этот стаканчик,— можно отпить еще глоток.

— Зачем ты пришел?

Вопрос был задан в упор, на него следовало отвечать точно и быстро, как на дуэли, когда противники обмениваются выстрелами.

— Пришел потому, что хочу знать, как ты живешь.

Она насмешливо улыбнулась:

— Понимаю! Отец интересуется судьбой женщины, которая в ее далеком детстве называлась дочерью.

— Я всегда считал себя твоим отцом.

Зинаида весело рассмеялась.

— Милый старый Тюллер! Ты путник! У меня нет отца. У меня от него всего лишь фамилия — Тюллер!.. Но, к счастью, скоро и ее не останется.

— Ты выходишь замуж?

— Да! Вот за него! — Она встала под портретом.— Меня будут называть фрау Фолькенец.

— Зина! Я давно хотел с тобой поговорить,— сказал Тюллер.

Он вдруг забыл обо всем, что должен был здесь сделать. Он хотел поговорить с ней. Ведь, может быть, они никогда уже больше не встретятся.

— Ты пришел исповедаться? Получить индульгенцию?

— Нет, Зина, нет! Мы должны поговорить, как взрослые люди. Да, как взрослые,— повторил он.— И ты должна меня выслушать.

— Ну хорошо, говори!

Тюллер пристально посмотрел ей в лицо и тихо сказал:

— Не надо так улыбаться! Не казни меня, не выслушав... Когда это случилось, ты была еще совсем маленькой и не могла понять...

— Не смей душно говорить о маме!..— крикнула она.— Уходи! Немедленно уходи!

Он сидел, опустив плечи, недвижно, словно не услышав ее крика.

— Знай, что я всегда любил только одну женщину — твою мать.

— Лжешь! Ты низко лжешь! Как ты пал!

— Ты когда-нибудь слышала об Игоре Андреевиче Столярове?..

— Да, он к нам приходил. Ну и что?

— Часто?

— Когда ты нас бросил, он заботился о матери и обо мне, я очень его любила. Он был веселым. Часто водил меня в цирк. Я подружилась с его дочкой. Ее звали Симкой. Очень смешная девчонка. Когда мамы не стало, он часто навещал меня. А потом я выросла и потеряла его из виду... Мне говорили, что он эвакуировался.

— Хорошо... Но теперь, когда прошло столько лет, пожалуйста, прочти это письмо.— Он вынул из кармана старый, смятый конверт и протянул Зине.— Прочти! Помнишь, вы с мамой уехали в Херсон?

— Да. Мы уехали навестить тетю Аню.

— Взгляни на штемпель. Письмо прислано из Херсона. Она взяла письмо с опаской, словно боялась прикаснуться к тому, к чему прикасаться не должна.

Старик отошел к окну и повернулся к ней спиной.

— Почему ты не сказал мне этого раньше? — услышал он и обернулся. И встретился с ее отчужденным, враждебным взглядом.

— Я не мог,— прошептал он.— Ты бы меня не поняла. Ты была еще совсем маленькой.

— А потом, когда я выросла и осталась одна?

— Тогда ты меня уже ненавидела.

— Ненавидела? Тебе было удобно, чтобы я тебя ненавидела. Убедительное объяснение для новой жены.

— Не говори так, Зина! Я ведь много раз приглашал тебя. Я хотел, чтобы ты жила в моей семье.

— Может быть, ты и прав,— сказала Зина.— Скорее всего, я не стала бы тебя и слушать. Ну что ж! А теперь возьми это письмо. Жаль, очень жаль, но теперь мы уже навсегда останемся чужими. Я скоро уеду из Одессы, исчезну с твоих глаз...

Тюллер молчал и думал. Фолькенец незримо присутствовал при их разговоре, он разделял их, и Зина целиком была в его мире.

— Ты его любишь?

— Он сильный! С ним я не погибну.

— Ну, а если Германия все же проиграет войну?
— Эрнст так и считает. Он уже все продумал..
— Ты могла бы, по крайней мере, нас познакомиться?

В смятении она не сразу нашла, что ответить.

— Право, не знаю!.. Он удивится, если я ему об этом скажу. Ведь я всегда уверяла его, что ты низкий и недостойный человек.

— Ну-ну,— горестно сказал старик и поднялся.— Поступай как знаешь. И будь счастлива.— Он слегка коснулся ее волос и пошел к двери.

— Подожди! — Зина схватила его за руку.— Не уходи... Твое появление так внезапно! Ты не можешь себе представить, что со мной делается! Дай мне время, я придумаю, как ему все объяснить, и ты придешь на помолвку!..

— А где она будет?

— О, мы этого еще не решали. Наверное, снимем кабинет в ресторане.

— Ну, а если... — Он вдруг почувствовал, что задыхается от волнения.— Если я вас приглашу на нашу дачу? В Люстдорф, а? Там так просторно, так приятно!.. Помнишь?..

— Спасибо, но я одна не могу этого решить. К тому же у нас на помолвке будут только самые близкие друзья, человек пять-шесть... В общем, как скажет Эрнст. Я так много лет все решала сама!

— А как я узнаю?

— Зайди завтра утром. Я поговорю с ним.

Уже в дверях он спросил:

— У тебя больше нет ко мне ненависти?

— Нет. Ты просто старый и несчастный человек. А по наследству ты передал несчастье и мне.

...Егоров нагнал Тюллера, когда тот уже достиг Приморского бульвара.

— Передай Федору Михайловичу,— сказал старик,— что точный день помолвки будет известен завтра утром. Скорее всего, Зинаида уговорит Фолькенеца поехать ко мне на дачу... Только надо решить, как привести ее в порядок.

— Ну, что я тебе говорил!

— Конечно, вы оказались правы, Федор Михайлович.

— То-то!.. Наконец-то призналась! Запомни, твоя игра кончена!

— Значит, вы к нему не пойдете?

— Почему же? Пойду! Дело, конечно, они затеяли хитрое, и, если не пойти, можно спугнуть... Представляешь, что сейчас в гестапо творится? Сидят — инструктируют! Примеряют этим мерзавцам обмундирование, снятое с убитых пленных.

— Но как же они поступят?

— А очень просто! Сколько, сказал Дьяченко, пригнали? Сто? Так вот, пятерых среди этой сотни вполне можно упрятать.

— Зачем это нужно?

— Как — зачем?! Они давно охотятся за руководством подполья. А банда из пяти головорезов может натворить в катакомбах много бед! Так вот, я принял решение... Где сейчас Коротков?

— На Картамышевской. Угловой дом с продовольственным магазином, во дворе, второй этаж...

...Федор Михайлович ткнул пальцем в весы и долго смотрел, как, постепенно зампрая, раскачивались жестяные чашки.

— Ты знаешь, какая у нас новость? — обратился он к Тоне.— Тюллер уговорил Зинаиду устроить помолвку на даче в Люстдорфе.

— Не может быть! — воскликнула Тоня.— Неужели они помирились?

— Вот именно! Собственно говоря, там ведь и не было серьезных причин к разрыву. Была скорее какая-то семейная драма, о сути которой Зинаида даже не догадывалась. А сейчас она убедилась, что старик не так-то уж виноват. Вернее, вовсе даже не виноват перед ее матерью.

— В общем, завтра нам будет известен день помолвки. А пока... — он взглянул на часы,— пока торговля окончена. Лавочка закрывается...

— Вы сейчас к Короткову?

— Да. Закрою лавку и отправлюсь.

— Но как же вы ему все объясните? Откуда вы о нем узнали?..

— Ну, уж что-нибудь соображу. Скажу, например, что подпольный обком направил, а ведь это понятие растяжимое. Всех никто не знает, можно назвать любую вымышленную фамилию.

Тоня попрощалась и вышла на улицу, а Федор Михайлович остался. Ему надо было хоть немного побыть одному. Он волновался, понимая, что идет на серьезный риск.

Но иного выхода не было.

Как все-таки приятно неторопливо брести по весенней улице, разглядывать прохожих, останавливаться около афишных тумб! Она заслужила несколько часов покоя. Зайти, что ли, в кино? Тоне давно хотелось посмотреть последний боевик — «Розы в Тирасполе», но все как-то времени не хватало.

Итак, значит, скоро помолвка Зины. Как странно! Думала ли когда-нибудь сама Зина, что так сложится ее судьба? Жена фашиста!..

А что с Леоном?.. Он весь сосредоточен на мысли любыми средствами выкрутиться и дотянуть до конца войны. Любыми средствами — вот в чем таится опасность! Уже сейчас ясно, что он оказал Фолькенецу какую-то серьезную услугу. Но какую? И что они делали вдвоем там, на Хаджибеевском лимане?..

Егоров?! Бродит, дурень, сейчас где-то в одиночестве. О чем, интересно, думает? Пошататься бы сейчас вместе с ним по Приморскому бульвару. Вот бы взбесился Леон, если бы увидел их вместе!

Да, не тот он теперь, Леон, совсем не тот, каким она увидела его впервые! Что-то в нем словно надломилось. Тайное оружие?.. Существует ли оно или это последняя надежда, как молитва о спасении?

О чем бы ни пыталась думать Тоня, мысли ее невольно обращались к одному: что ожидает ее завтра? Так много нитей натянуто до отказа, но ни одна не должна оборваться раньше времени, потому что тогда — полный крах!..

Почему так перевозен был Штуммер при их последней встрече? Почему глядел куда-то в угол, когда она расспрашивала его о Люстдорфе? Лишь когда она упомянула о своем предложении помочь Короткову, скользнул по ее лицу отсутствующим взглядом. Казалось, все это его уже вовсе не интересует. «Если бы вы знали, сколько у меня забот, фрейлейн Тоня! — удрученно сказал он, не особенно

внимательно выслушав ее. — Мне надоела эта игра. Ее пора кончать». И быстро отпустил ее, заверив, что подумает над ее сообщением, а если потребуется, вызовет вновь. Он не произнес, в общем-то, ни одного существенного или опровергательного слова, но, прощаясь с ним, Тоня ощутила чувство острой тревоги...

Внешне город был спокоен. Румынки в ярких весенних пальто гуляли по Пушкинской. Вот из-за угла появился красивый румынский офицер и подчеркнуто небрежно откозырял, очевидно, младшему по чину немцу, потом озорно подмигнул совсем молоденькой девушке и быстро перешел через дорогу.

Со стороны вокзала приближались машины. В грузовиках под туго натянутым брезентом покачивались какие-то ящики, трактор тащил за собою подбитый танк с уныло уткнувшимся в броню орудием, один за другим шли санитарные фургоны. В них раненые. Не доезжая гостиницы «Бристоль», головной грузовик свернул направо, к порту. Обычная жизнь военного города. И все же в ней уже отчетливо прорисовывались признаки отступления. Война отодвигалась на запад.

Тоня решила не ходить в кино. Нет, лучше пойти домой, пораньше лечь спать. Завтра нелегкий день, ох, какой нелегкий!

Едва она поднялась на ступеньку крыльца, как дверь подъезда распахнулась, и она оказалась лицом к лицу с Петреску.

— О! А я уже решил, что ты опять где-нибудь заночевала, — насмешливо подчеркнул слово «опять». — Боже мой! Никогда не думал, что ты будешь доставлять мне столько хлопот!

— Я? — удивилась Тоня. — Чем же?

— Самим фактом своего существования. Я нашел тебе работу.

— Спасибо, Леон. Но если это было так сложно...

Они вошли в кухню. Леон сразу же подставил чайник под кран, а Тоня занялась керогазом. Привычка — великое дело! Какие-то бытовые мелочи их уже словно объединяли.

— Ты пошла бы работать секретарем начальника судоремонтного завода? — спросил Леон. — Ему необходима секретарша, хорошо говорящая по-немецки.

— А что, говорящие по-румынски в Одессе уже не требуются?

Он грохнул чайником о край чугунной раковины с такой злостью, словно хотел его расплющить.

— Почему тебе всегда хочется сказать мне что-нибудь неприятное? В чем дело?

— Леон, у меня кончились спички. Одолжи зажигалку.

— Кто же от зажигалки может зажечь фитиль! Найди клочок бумаги!

Наконец они справились с нещадно коптящим керогазом, и Тоня водрузила на него чайник.

Леон ожесточенно тер щеткой руки, отмывая керосин, и с тщательностью хирурга стал вытирать полотенцем каждый палец в отдельности.

— Ну ладно, Леон, не сердись, — примирительно промолвила Тоня. — Пойдем в комнату.

Он пошел за ней, устало присел на диван, подмяв под локоть плюшевую подушку.

— Знаешь, кажется, только у тебя я и отдыхаю, будто вся тишина мира, весь его покой сосредоточились в твоей комнате.

Он наблюдал, как она расставляла на столе посуду.

— Я вспоминаю свой разговор с Савицким, — сказал он словно бы мечтательно, но Тоня почувствовала, что начинается нечто важное. — Тогда я говорил ему все, что взбредет в голову, — о десанте, о том о сем... И лишь только теперь я действительно знаю, где русским надо высадить десант. — Он помолчал, словно испытывая Тонину выдержку, и продолжил: — Если бы я мог передать эти сведения Савицкому, я сделал бы это, Тоня...

Одно блюдечко упало на пол, чашка мелко дрожала в узких Тониных пальцах...

Леон снова умолк. Тоня чувствовала спиной его напряженный взгляд и думала: главное сейчас — не обернуться.

— Да... — продолжал Леон. — Я бы передал Савицкому, что самое подходящее место — район Хаджибеевского лимана... Там строится аэродром, но он ложный, понимаешь, ложный... Я сказал бы, что нужно торопиться, пока он еще не заминирован...

— Зачем ты мне все это говоришь? — как могла спокойно спросила Тоня. — Я не хочу и не должна этого знать. Я же тебя не раз просила...

— Я это говорю не тебе, а себе, милая. Иногда мне ка-

жется, что я сделал непоправимую глупость, когда бежал... Может быть, в Сибири мне было бы легче...

Она вышла на кухню, чтобы взглянуть на чайник, стукнула крышкой, но тут же бесшумно приблизилась к двери и приложила глаз к узкой щели между дверью и притолокой.

Его лицо! Там, в уже полузабытой деревне, в маленькой хатке недалеко от разведотдела, она видела эти лихорадочно блестящие глаза, приоткрытый рот, пальцы, судорожно вцепившиеся в колени, — на пределе душевных сил.

В одно мгновение, словно перерубленное мечом, рухнуло все доброе. Время сомкнулось. Она вновь почувствовала себя входящей с санитарной сумкой к незнакомому, враждебному человеку, каждое слово и каждое движение которого таит в себе глухую опасность.

— Ты хочешь кофе или чай?

— Кофе, и покрепче, пожалуйста! — отозвался он.

Когда Тоня, помедлив, в надежде справиться с волнением, вышла из кухни, осторожно неся дымящийся кофейник, он вскочил с дивана, по-домашнему расстегнул китель.

— Ты очаровательная хозяйка!

— Не слишком ли часто ты это повторяешь, Леон?

— Всякий раз, когда убеждаюсь в этом.

Они сидели за столом, как хорошие друзья, и вдруг он сказал:

— Да, между прочим, мы с тобой приглашены на помолвку.

— К кому это? — Она удивленно вскинула брови.

— К Фолькененцу! Он все-таки решил жениться на Тюллер. Его скоро переводят в Берлин. И представь, какая удача: у Зинаиды нашелся отец, которого она считала погибшим! Жили в одном городе и ни разу не встретились. Шутки войны.

Тоня пододвинула к нему печенье.

— Действительно, чудеса! — воскликнула она. — И когда же? Я должна успеть привести себя в порядок!

— Послезавтра помолвка. Все поедут на дачу отца Зинаиды, куда-то в Люстдорф. Фолькененц познакомится с господином Тюллером. — Он «фольксдойч», и, говорят, почтенный человек, хотя и без особого состояния.

— Ну, и как мы условимся? Ты за мной заедешь?

— Да. Жди меня около двух дня,— сказал Леон и вдруг заторопился.— Я совсем забыл о цветах! Их надо заказать заранее...

Глава четырнадцатая

Ровно в девять она влетела в еще пустую лавку. Дверной висячий звонок так истошно задребезжал, словно возмущился бесцеремонностью раннего посетителя.

Растрепанная борода Федора Михайловича высунулась из подсобки.

— Ты что, очумела?

Не в силах отдышаться, она прижала руки к груди.

— Вы у него уже были?

— Заходи, поговорим! — Он распахнул дверь в кладовку, и Тоня увидела Егорова, который, сидя на перевернутом ящике, аппетитно уплетал колбасу, толсто нарезанную на газете.

— Привет! — сказал он. — Садись, заправляйся... Хлеба не принесла?

— Нет, — сказала Тоня, присаживаясь рядом на скрипучую табуретку — единственное, что можно было условно назвать мебелью в этом закутке.

Федор Михайлович прикрыл дверь и веселым баском сказал:

— Хорош мужик этот Коротков! Мы с ним по всем пунктам договорились... Конечно, психует, но я его малость успокоил... Ну, чего уставилась?

— Федор Михайлович, я всю ночь не спала!

— По глазам вижу. Ты тоже немного... того. Не в себе.

— Что случилось? — тревожно спросил Егоров, протянул руку за колбасой, но так и не взял.

— У меня вчера вечером был Петреску. Он сказал, что на Хаджибеевском лимане строят ложный аэродром.

— Признался-таки? Это ценно, — серьезно сказал Федор Михайлович.

— Да не признался, а просто-напросто сообщил. Сам. Ясно? Я его ни о чем не спрашивала! И мало того: он пытался убедить меня, что десант нужно высадить именно в районе ложного аэродрома, и как можно скорее.

— А ты и развесила уши? — со злостью спросил Егоров. — Ну, чего молчишь?..

Тоня молча покусывала губы. Федор Михайлович озадаченно теребил бороду.

— Ладно, о сообщении Петреску я кое с кем посоветуюсь, не нам с вами судить, что оно означает. А вот Короткова, можно сказать, я до самых костей прощупал. Личность, конечно, самая заурядная, но хитер, подлец!.. Так и втирается в доверие. Ликвидировать его — дело плевое, но нам выгоднее разом накрыть всю его группу.

— А слежки за вами не было? — спросила Тоня.

— В том-то и дело, что я подошел к нему на улице, посидели в садике, поговорили; он все рвался в лавку за бутылкой вина сбегать, а я говорю, что не стоит, мол, в следующий раз отметим знакомство. Когда попрощались, он — за мной, вроде проводить хочет, тут я его и осадил. «Соблюдайте же, говорю, конспирацию! Показываться вместе нам не следует». Вышел из ворот — и сразу в соседний проходной двор, а там переулками. Такие-то вот дела, ребята! И все же здесь оставаться нам нельзя...

— Уходить?.. — спросил Егоров.

— Уходить! Он мои приметы уже наверняка описал во всех подробностях, и меня небось по всей Одессе ищут...

— Федор Михайлович! — прервала Тоня. — У Фолькенеца завтра помолвка. За мной заедет Петреску. А потом все поедут на дачу к Тюллеру, и я, конечно.

— О, какая прекрасная новость! — воскликнул Егоров.

А Федор Михайлович прямо впился в Тонию сузившимися от напряжения глазами.

— Сколько же продлится этот праздничный обед? — спросил он как бы самого себя. — Ведь подводная лодка может подняться, только когда стемнеет. Рацию придется вынести к берегу.

— Опасное это дело, — вздохнул Егоров. — И много народа высадится?

— Человек пять.

— На лодке?

— Да, на резиновой лодке...

— Дьяченко останется?

— Да. У него свое задание. Но он поможет.

— Когда пойдешь на рекогносцировку?

— Скоро! Встречаюсь с Тюллером у ворот на Привозе. Пойду следом за ним. Он войдет на дачу — там уже наводят порядок, — а я осмотрю все вокруг, определю мес-

то, где укрыться радистке и откуда можно будет скрыто подавать световые сигналы в море.

— Конечно, Фолькенец привезет охрану,— сказал Федор Михайлович.

— Вот потому-то нам и нужна группа поддержки. А кроме того, кому-то надо Фолькенеца тащить. Он же начнет сопротивляться, как буйвол.

Все усмехнулись. Федор Михайлович обратился к Тоне:

— Чем тебя беспокоил Петреску? Ты ему поверила?

— Не знаю. Но, по-моему, ему что-то действительно известно.

— И ты хочешь сказать, что я должен отказаться от совместной с Коротковым операции?

— Федор Михайлович, вы опытнее меня, решайте. Я вам все сказала...

— Нет, подожди! Давай вместе спокойно все рассмотрим.— Он медленно опустился на мешок с картошкой.— Самое главное звено — это Штуммер, верно? Верно! Штуммер знает, когда группа Короткова выйдет на операцию. Это первый минус. Второй минус состоит в том, что мы не знаем, кто такой Луговой. А теперь рассмотрим плюсы... Нам известно, что Коротков предатель... Мы знаем его замысел, и я уже предупредил командира отряда в катакомбах. Мы сможем внезапным ударом уничтожить и Короткова и его людей. И, наконец, сто пленных будут спасены. Если же их не пустить в катакомбы, несчастных в тот же день расстреляют.

— Но это же слишком большой риск...

— Риск, конечно, есть, но если всего бояться, то можно всю войну солеными огурцами проторговать... Нет, всей группой я, конечно, рисковать не стану. Возьму с собой пятерых боевых хлопцев.

— Когда намечен выход?

— Начиная с пяти вечера по одному будем выбирать-ся из города к месту сбора.

— Ну, а если вас обнаружат?

— Будем драться. На всякий случай за себя я оставляю Бирюкова. Вы о нем знаете. Он в порту действует. Если со мной что случится, выходите на связь с ним. А останусь живым, завтра утром ждите меня на Пересыпи. Ну, присядем, что ль, по русскому обычаю. Путь у меня и близкий, по и дальний!

Присели, с минутку помолчали. Потом Федор Михайлович по очереди обнял их, поцеловал.

— Ну, дети, живите в мире... Если не вернусь, ты, Егоров, бросай лавку, черт с ней...

Он ушел, прикрыв за собой дверь кладовки. Слабо звякнул колокольчик, и все стихло.

— Когда отсюда уйдем? — спросила Тоня.

— К вечеру. Из Люстдорфа сразу же отправлюсь к радистке. Свяжусь с Савицким. И все решится окончательно.

До встречи с Тюллером оставалось не больше часа. Приходили покупатели, и Егоров неторопливо взвешивал яблоки, капусту и зеленый лук.

Тоня сидела в кладовке и прислушивалась к разговорам, которые вел Егоров с покупателями. Нет, даже не прислушивалась. Просто глядела перед собой, ни о чем не думая. А где-то в глубине души нарастало тревожное предчувствие недоброго. Что знает Петреску?.. Что-то он несомненно знает!

Резко звякнул колокольчик.

— Килограмм ранета! — услышала Тоня мужской голос.

— Одну минутку, господин! Мадам, с вас три марки...

Шелестела бумага. Очевидно, Егоров заворачивал покупку. Снова колокольчик, и Тоня услышала сдавленный от волнения голос Егорова.

— Что случилось?

Тоня вышла в лавку. Там, привалившись к стойке и устало облизывая сухие губы, стоял Дьяченко; правой рукой он придерживал брезентовый вещевой мешок, по-видимому довольно увесистый.

— Дайте глоток воды!

Пока Дьяченко пил из жестяной кружки, Тоня и Егоров тревожно выжидали. Наконец он напился и стукнул кружкой о прилавок.

— Что случилось, спрашиваете? А то, что разобрался я наконец с Камышинским! Всех вас Штуммер обвел вокруг пальца, вот что!

— Как это? — Тоня смотрела на потное лицо Дьяченко. — Не слишком ли много ты на себя берешь, Дьяченко?

— Не слишком много! Не слишком! — Он вновь придвинул к себе кружку, заглянул в нее, словно опять изнывая от жажды. — Камышинского, если хотите знать, вовсе и не выпустили.

— А как же он тогда оказался в Люстдорфе? — удивленно спросил Егоров.

— В том-то и дело, дорогие детки, что его передали с рук на руки. Есть у нас Гаврилюк, он в тюрьме дежурил как раз в тот день, когда Камышинского освобождали. Он мне и рассказал, что был получен приказ выпустить Камышинского лишь после того, как к начальнику караула явится человек.

— Ну и что? — Тоня иронически усмехнулась.

— Никакого письменного распоряжения и в помине не было! Понятно? Просто боялись, что Камышинский сбежит. Ищи его тогда!.. Вот его и повели от самой тюрьмы... А где-то в центре города уже зацепили накрепко...

— Эх, Дьяченко! — воскликнула Тоня. — Опоздал ты со своими рассказами! Камышинского на моих глазах убили. И знаешь кто? Коротков!

— То есть как? Коротков, выходит дело, предатель?

Егоров усмехнулся:

— Стопроцентный агент гестапо! И мы это тебе как полицию сообщаем, официально.

— Ну, дела!.. — проговорил Дьяченко. — Вы знаете больше, чем мы в полиции... Вот что, ребята! Треба изготовить небольшую машинку. Есть возможность подорвать гестапо.

— Ты что, с ума сошел? — Егоров постукал пальцем по потному лбу Дьяченко. — Ты нам своей затеей все дело угробишь! Если гестапо взорвется, то и помолвка Фолькенеца полетит к черту! Брось эту авантюру!

Дьяченко снова приложился к кружке, а затем с сердцем бросил ее о прилавок.

— Не ломай кружки! — сказала Тоня.

— Да как же вы не понимаете? Это дело не менее серьезное, чем помолвка, — взорвался Дьяченко. — Я уже три раза конвоировал туда арестованных и высмотрел местечко в подвале, где паровое отопление. И доступ туда у меня есть. Чего молчите? — Дьяченко усмехнулся. — Когда, говорите, помолвка?

— Завтра.

— Ну, так гестапо взорвется послезавтра утром! Это вас, надеюсь, устраивает?

Егоров и Тоня ничего не ответили — они видели, что теперь уже Дьяченко никто и ничто не остановит.

— А где хозяин лавки? — по-деловому осведомился он.

— Пошел на встречу с Коротковым, — ответил Егоров. — Сегодня назначена совместная операция. На товарной станции будут освобождать пленных...

— Мама дорогая! Теперь понятно, почему с утра пленных отправили на работу! А нас предупредили, чтобы их не очень удерживали, если начнется заваруха. Двух-трех для порядка убить, а остальных не трогать.

— Скажи, а к той группе, которую ты привез с аэродрома, кого-нибудь добавляли? — спросила Тоня.

— Трудно понять, — сказал Дьяченко. — В лицо всех разве запомнишь! Но зачем же все-таки вам нужно было варить эту кашу, если известно, что Коротков предатель?

— Его скоро не будет, — сказал Егоров.

— Ах, вот как! Ну-ну...

Егоров обернулся к затихшей Тоне:

— Завтра ровно в восемь утра придешь к входу в Александровский сад. Я сообщу тебе окончательное решение Савицкого.

Он скрылся в подсобке, а вернулся с двумя вальтерами. Один сунул себе в карман, другой протянул Тоне.

— Заряжен!

Уголки ее рта дрогнули, она молча взяла револьвер и спрятала его в карман пальто.

Егоров и Дьяченко, заперев лавку «на переучет», еще долго возились с каким-то небольшим фанерным ящиком из-под турецкого инжира.

— Теперь турецкий инжир будет с начинкой. — Дьяченко быстро развязал вещевой мешок и осторожно извлек из него две желтоватые пашки тола. — Прекрасно! А сюда поставим взрыватель... Эй, Егоров! — крикнул Дьяченко в подсобку. — Мыло найдется?

— Найдется, — отозвался Егоров. — Зачем оно тебе?

Тоня подошла поближе. Впервые она видела самодельную мину замедленного действия. Очевидно, Дьяченко действительно научился этому искусству.

Дьяченко ткнул пальцем в неширокую щель:

— Вот видишь, справа — взрыватель. Слева — боек на пружине. А между ними — паз для прокладки. Сюда можно заложить кусок сахара рафинада, да он слишком слаб. А мне нужно обеспечить замедление на несколько часов... Пластика мыла как раз подойдет. Когда буду устанавливать, палью в паз воды, постепенно мыло разрыхлится,

боек под напором пружины ее и пронзит. Хлоп по пистолету! Здравствуй, моя тетя, и прощай... Понятно? Тогда помоги найти в этом ковчеге доску для крышки.

Они стали копаться под прилавком в поисках подходящей доски. В это время Егоров торопливо вышел из подсобки и заглянул в ящик.

— Нужно мыло? — переспросил он.

— Да, совсем маленькую пластиночку, — ответил Дьяченко из-под прилавка.

— Сейчас! — Егоров покопался в углу стеллажа, вытащил большой кусок мыла, быстро отрезал узкую пластинку и осторожно вмял ее в паз. — Смотри не надорвись, Дьяченко. Ящик-то велик!

Дьяченко вылез из-под прилавка красный от натуги.

— Куда вы все крышки подевали?

— Нашла! — Тоня разыскала наконец среди каких-то мешков кусок фанеры.

Дьяченко тут же схватил, примерил и даже крикнул от удовольствия.

— Ай да турки! Тара у них что надо! А ты, Егоров, молодец — сообразил, куда мыло засунуть.

— Быстрее, Дьяченко, быстрее! Никогда! Мне надо уходить.

Дьяченко торопливо набросал поверх тола инжир и осторожно прижал крышкой.

— Братцы, молитесь, чтобы я нигде не споткнулся.

— Смотри под ноги, — сказал Егоров, выпнимая из кармана ключ. — А куда ты идешь?

— На Французский бульвар! — Дьяченко осторожно поднял ящик. — Так и норовит, собака, грохнуть... Ну, ребята, прощайте!.. Гестапо взлетит, когда я буду на задании. Останусь жив — встретимся!

— Дай я тебя поцелую, Дьяченко! Не сердись на меня. — И Тоня внезапно поцеловала его в полную, лоснящуюся от пота щеку.

Дьяченко покачнулся и чуть снова не уронил ящик.

— Черт побери! Еще один такой поцелуй — и мы все трое вознесемся в рай!

— Слушайте, вы! — строго сказал Егоров. — К лавке и близко не подходите!.. Возможно, уже установлено наблюдение.

По лицу Дьяченко поползли красные пятна, он подкрался к окну и долго вглядывался в каждого прохожего.

— Д-да, — пробормотал он, — с этим ящичком можно засыпаться.

— Пойдешь через кладовку во двор и сквозь щель в заборе проберешься на другую улицу.

— Так они же видели, что я сюда вошел!

— Решат, что проглядели.

— А как же я? — спросила Тоня.

— Уйдешь, как пришла. Вот, забирай кулек с яблоками... Я с этой минуты перехожу на нелегальное положение.

— Где же ты будешь ночевать? — вырвалось у Тони. — На Пересыпи показываться нельзя!..

— Где-нибудь переночую. Надо еще предупредить Бирюкова. Прямо голова идет кругом. Ну, Тоня, выходи первая.

Стукнула откиннутая щеколда. Тоня вынула из кулька яблоко, откусила и неожиданно улыбнулась:

— До свиданья, Геня! Смотри не опаздывай!.. — и неторопливо вышла, спокойно прикрыв за собой дверь.

Печально звякнул колокольчик. Егоров напряженным взглядом посмотрел ей вслед. На середине тротуара она остановилась, словно раздумывая, в какую сторону пойти, а потом неторопливо свернула влево, к Приморскому бульвару.

— Ну и стальная у нее воля! — сказал Дьяченко. — А ведь еще недавно была совсем жалкенькой девчонкой! — Он положил ящик на прилавок, вытащил папиросы, но тут же сообразил, что зажигать спичку рядом с толом, пожалуй, опасно. — Нужна моя помощь?

— Нет! У тебя свое задание, у нас — свое! Ты и так нам многим помог.

— Наконец-то услышал о себе доброе слово!

— Ты здесь не такая зануда, как в разведотделе.

— Иди ты к черту, Егоров! Просто мы стали лучше понимать друг друга.

— Не мы, а ты, Дьяченко! Ну ладно, чего копаться в прошлом. Уходи!..

Дьяченко бережно прижал к себе ящик и пошел вслед за Егоровым в кладовку.

Егоров приоткрыл дверь, выглянул во двор. В дальнем углу играли дети, а на балконе старуха развешивала на веревке выстиранные простыни.

— Щель в левом углу!

Дьяченко постоял мгновение, а затем стремительно, словно в атаку, рванулся вперед мимо Егорова.

Старуха удивленно перегнулась через перила, наблюдая, как плотный полицейский с усилием протискивается в отверстие между досками забора. Впрочем, она уже привыкла к тому, что для полицейских вообще не существует запретных дорог. Если представитель власти избрал этот странный путь, значит, в соседнем дворе кому-то nepoздopoвится.

На всякий случай она решила поскорее убраться с балкона, чтобы ничего не видеть и ничего не знать.

Егоров мгновенно оценил ее тактичность.

Глава пятнадцатая

Почему Штуммер ее не беспокоит? Вот уже пять часов она сидит в одиночестве, ожидая резкого стука в дверь.

И вот он раздался.

Она сунула руку в карман и только сейчас поняла, что, вернувшись домой, так и не снимала пальто. Если это гестаповцы, она будет стрелять. Решив так, Тоня словно перешагнула какую-то невидимую узкую грань между жизнью и смертью.

— Кто там?

Чьи-то кулаки продолжали барабанить, и потому на лестничной площадке никто не услышал ее голоса.

— Кого надо? — переспросила она.

За дверью зашаркали сапоги.

— Тонечка! Открой! Я на минутку!..

Петреску! Один или нет?

Она сунула в карман руку, сжала в ладони пистолет и, повернув ключ, отпрянула в глубину темной прихожей.

Петреску стоял на пороге с большим пакетом в руках.

— Не очень-то любезно ты встречаешь гостя, который принес тебе платье для торжественного вечера!

Он шумно прошел мимо нее в комнату и остановился у стола, ожидая бурного восторга — платье было действительно неслыханно красивым!

— Французское! — сообщил Леон. — Самое наимоднейшее! Фолькенец будет счастлив, что у его невесты такая нарядная подружка. — Он посмотрел на безучастную к роскошной обновке Тоню и удивленно вскинул брови.

— Ты собралась уходить? Или только что пришла? Разве у тебя появился ночной пропуск?

— Нет, просто в комнате немного прохладно, я озябла.

— Не простудилась ли? Смотри не вздумай заболеть! Мне пришлось выдержать за тебя отчаянный бой с невестой. Я-то думал, что в ресторане вы подружились, она почему-то говорит о тебе с раздражением. Ты чем-нибудь ее обидела?

— Странно! У нас был ничего не значащий разговор, мы хохотали над разными пустяками.

— Просто есть женщины, которые не любят других женщин, особенно молоденьких и хорошеньких. А ты в тот вечер была прелесть как мила! В общем, неважно. Я решительно заявил, что без тебя не приду на помолвку. И она дала согласие.

— Совершенно напрасно, Леон. Не особенно-то приятно веселиться там, где ты кому-то неприятен. Я, пожалуй, не пойду.

Леон в ответ лишь взмахнул воздушным платьем, словно парусом. Она видела такие платья лишь на обложках модных журналов. Ажурное, легкое, оно казалось сотканным из морской пены. Длинная юбка искрилась блестками. Нет, не то что надеть, но даже и дотронуться до такого платья ей казалось невозможным.

— В этом платье тебя приняли бы даже при дворе короля Михая! — Леон приложил его к плечам Тони. — Прекрасно!

— А где ты его раздобыл?

— О, не спрашивай. Это целая история!..

— Я не видела таких в магазинах.

— Еще бы! Это же брюссельские кружева!

— Настоящие? Не подделка? — зачем-то спросила Тоня.

— Ты ничего не понимаешь! — вскипел Петреску.

— Ладно, не обижайся, — сказала она. — Лучше скажи, как оно к тебе пошло.

— Какое это имеет значение?

— Имеет. Я не хочу носить чужие платья!

Петреску побледнел от обиды.

— Если бы ты не была женщиной, я бы тебя ударил! Это платье было недавно прислано жене генерала Монолеску, начальника штаба армии, и я получил его в благодарность за одну важную услугу.

— Какую же именно? — дерзко спросила Тоня.

— Нет, с тобой можно сойти с ума! Ну что изменится от того, например, что я помог генеральше погрузить на корабль несколько лишних сундуков? Если ты меня спросишь и о том, что было в этих сундуках, я отвечу: не заглядывал. Я не люблю лазить по чужим сундукам!.. Ну, хватит! Прощай. Завтра ровно в половине второго я здесь. И будь к этому времени готова.

Ровно в восемь она подошла к пустынному входу в Александровский сад. Никого! Ни Дьяченко, ни Егорова! Вдалеке дворник подметает улицу. Проскочил, хлопая разорванным брезентом кузова, военный грузовик. Усталый полицейский вышел из-за угла, поглядел во все стороны безразличным тусклым взглядом, передвинул фуражку со лба на затылок и вяло побрел куда-то своей дорогой.

Тоня присела на край ближайшей скамейки и стала поправлять прическу. Ну и задал же ей забот Петреску! Это платье требует и какой-то особенной прически, и даже, вероятно, особенной походки — величественной, плавной... И вообще, зачем, собственно, он тащит ее на эту помолвку? Действительно ли хочет иметь рядом с собою богато одетую девушку или это какой-то новый, еще не разгаданный ход? И не странно ли, что именно теперь Фолькенец проникся к Леону такой дружбой, что пригласил его на свою помолвку, да еще вместе с дамой! В чем таится правда? В чем кроется ложь?

...Четверть девятого! Где же ты, Егоров? Почему не идешь, Дьяченко? Куда вы все подевались?!

Надо ждать... Ждать... Кто-то должен прийти. Не может не прийти...

Следят ли за ней?..

Худошавый человек в сером пальто завернул за угол... Ушел... Конопатая женщина с рыхлым лицом уселась на соседней скамейке, роется в узелке, вытаскивает смятые деньги, считает... Старая спекулянтка с Привоза!..

Егоров с размаху бросился на скамейку, — Тоня даже испугалась.

— Ну, Тонечка, мне и досталось!

Несколько секунд он молчал, осматриваясь по сторонам, и, убедившись в безопасности, начал:

— Буду краток. Лодка в пути. Дача Тюллера, на счастье, расположена у самого берега. Об этом можно было только мечтать! В ста метрах — большие камни, когда-то,

наверное, обвалился берег. Ближайший немецкий пост наблюдения примерно в километре. Я сообщил Савицкому координаты. Условились, что ровно с двадцати одного часа через каждые полчаса в сторону моря буду посылать по три коротких световых сигнала. Окна гостиной обращены в сторону камней. Когда группа водолазов достигнет берега, я пошлю в окно четыре световых сигнала. И тут ты должна сделать все возможное, чтобы уговорить Фолькенеца выйти на веранду подышать воздухом.

— А если это не удастся? Пойми, я ведь там всем чужая!

— Тогда распахни настежь рамы правого окна гостиной. Нам придется несколько нарушить свадебный ритуал.

— Но вокруг дачи, я думаю, будет охрана. Не так-то Фолькенец прост.

— Охрану постараемся тихо убрать... Конечно, Тоня, дело предстоит нелегкое. Савицкий, между прочим, сказал, что если не удастся взять самого Фолькенеца, можно заменить его каким-то другим крупным чином. Там ведь шантрапы не будет, публика, можно сказать, отборная!

Он крепко сжал ее ладони. Как давно она не сидела с ним рядом, как давно они не говорили о себе, а говорили только о деле, о риске, о явках!..

— Где ты ночевал? — спросила Тоня.

— У радистки. Ох, и злая же тетка! Рассказывала, как однажды у тебя толп в сквере на Соборной площади забирала, а ты ей не вовремя подала знак. До сих пор помнит.

— А лавку ты видел? — помолчав, спросила Тоня.

— Издалека... Она уже разгромлена.

— Значит, вас с Федором Михайловичем ищут!

— Да, к сожалению, это именно так. И теперь уже — кто кого! Машина запущена. Обратного хода не будет.

— Но ведь они и меня проверяют, я это отчетливо чувствую!

— И будут! Хорошо, что ты хоть в лавочку приходила не часто! Там они тебя не засекли.

Помолчали.

— Слушай, Геня, я что-то не все понимаю с этим липовым аэродромом. Они что, хотят заманить десант и уничтожить в воздухе?

— В воздухе ночью десант не уничтожишь, Тоня. Ты помнишь, Дьяченко говорил о тысяче мнн?

— Ты хочешь сказать...

— Вот именно,— прервал он ее.— Они хотят заманить десант на минные поля. Если кто останется жив, перебьют из пулеметов или возьмут в плен.

— Но зачем этот аэродром?

— Никому не придет в голову, что летное поле может быть заминировано. Неужели ты сама не понимаешь?

Он сидел нахохлившийся, обросший рыжеватой щетиной, как в то давнее утро, когда она увидела его на лестничной площадке.

— Значит, Петреску говорил правду!..

— Выходит, правду.

— Это очень важно, Геня!..

— Тюллера мне жаль,— проговорил Егоров.— Все-таки Зина ему дочь, да еще как бы вновь обретенная.

Помолчали.

— Странно! — усмехнулся Егоров.— Мы здесь как-то по-иному стали на жизнь смотреть. Люди везде мечтают о своем счастье. И я вот, например... как только вернемся, приду к Савицкому и скажу: «Хватит! Тоня моя жена, и попрошу нас больше не разлучать...»

— Ох, и фантазер же ты, Геня!

Он поднялся.

— В случае неудачи — всякое может быть! — иди на запасную явку...

Он быстро пошел к выходу из сада — щуплый, в стареньком пальто на ватине, в котором сейчас наверняка жарко. Но ведь кто знает, где застанет его ночь!..

Словно почувствовав ее беспокойный взгляд, Егоров на углу обернулся, и Тоне показалось, что он посмотрел на нее с тревогой. Только что они сидели рядом! Почему же она сказала ему так бесконечно мало? Ведь, возможно, это была их последняя встреча...

И суток не прошло, как исчез Федор Михайлович, что с ним — неизвестно, а сегодня — Дьяченко! Теперь ушел и Геня. Она одна!.. Совсем одна! Небольшая случайность — и все может разлететься в прах. Вдруг Фолькенец решит в последний момент, что дача Тюллера слишком далеко от Одессы. Подводная лодка опоздает, обходя минные заграждения. Водолазы по ошибке высадутся на другом участке.

Не мог же Егоров знать, о чем она думала во время их разговора, о чем не переставала думать со вчерашнего

дня, когда там, в лавке, сжала в своей руке прохладный металл вальтера.

Было начало одиннадцатого. К часу надо вернуться домой. Что ж, можно еще успеть!..

Вскоре она остановилась на углу Картомышевской улицы, у двухэтажного дома. Недалеко упала бомба, и штукатурка местами осыпалась, обнажив ребра гнилой дранки. Так у распавшейся на куски древней мумии обнажается высохший скелет.

Улица была почти безлюдна. Смелее!.. Смелее!..

Она вошла под невысокую арку, сразу же резко остановилась. Держа в руке ведро с водой, Коротков медленно поднялся по крутой лестнице на галерею, плепая по ступеням домашними туфлями на босу ногу.

Черные неглаженные брюки, широкие старомодные подтяжки, перерезающие застиранную бывшую белую рубашку, перекошенные от тяжести ведра плечи,— все это вызывало даже сочувствие.

Коротков поставил ведро и обернулся, разминая оттянутую руку.

Их взгляды скрестились. Он болезненно улыбнулся, подхватил ведро и скрылся за покосившейся дверью, с которой свисали лохмотья рыжей истлевшей клеенки.

Он ждал ее с тревожной напряженностью, стоя посередине комнаты, и, когда она вошла, приветливо воскликнул:

— Тонечка! Какими судьбами! Ну, заходи, присаживайся. Прости за беспорядок. Не ожидал гостей!..

Салфеточки, салфеточки! На столах, на этажерках, на комодке. На стене, под пыльным стеклом,— Коротков в молодости, еще с густой шевелюрой, а рядом с ним молодая женщина: остренькое личико, маленькие прищуренные глазки... В комнате стоял душный запах давно не проветриваемого жилья.

— Вы постоянно здесь живете? — спросила Тоня, все еще продолжая стоять.

— Да нет, изредка прихожу, когда деваться некуда. Да ты присаживайся... Бледненькая! Жизнь, вижу, тебя совсем загнала...

Она потупила взгляд, не в силах на него смотреть.

— Дай, думаю, зайду, проведаю...

Он придвинул ей скрипучий стул с изогнутой спинкой.

— Присаживайся... А Луговой-то, оказывается, дядька

безжалостный... Хочешь есть? — спросил он с поспешной готовностью, под которой скрывалось смущение.

— Нет, уже завтракала.

Он прошелся по комнате.

— Идиоты! Полные, круглые идиоты! — Сунул большие пальцы под резину подтяжек, оттянул их, а затем отпустил, и они гулко щелкнули. — Теперь-то я могу откровенно говорить: одного, как говорится, поля ягоды. А ты, милочка моя, запуталась, как, впрочем, и я в свое время. Штуммер, я тебе скажу, личность! Ты уж меня прости, но через тебя на Федора Михайловича мне больших трудов стоило выйти. Я сразу догадался, кто ему мой адресок дал. Человек он был неглупый, и все ж, видишь ты, Штуммер его обошел! А кто, ты думаешь, этот самый Луговой? Сам Штуммер! — Он говорил так, словно ко всему, что случилось, не имел решительно никакого отношения. — Ты, Тоня, девчонка себе на уме. Я тебя и так поворачивал, и эдак, но пока не применил сильнодействующее — ухлопал Камышинского, — ты не раскололась... — Он вдруг хитро прищурился. — А чего ты так свободненько по Одессе ходишь? Сбежала небось? Дома-то не почевала?.. Ну, признавайся.

Тоня не стала ему отвечать, не стала ни оправдываться, ни отрицать его догадки, а только тихо спросила:

— Что с Федором Михайловичем?

— Я же говорю — не вышло у Федора Михайловича дельце! В упор, можно сказать, в меня стрелял, да промахнулся. Приступнули его у входа в катакомбы в суматохе. А ведь по замыслу, я его спасти должен был. Что теперь-то делать? Ты ведь теперь после всего этого мне без пользы... — Он остановился перед ней, засунул руки в карманы. — Я с тобой, можно сказать, как с трупом, начистоту разговариваю. Ты уже списана. А мне придется начинать сначала. Конечно, на моем счету не так уж мало. Камышинского уничтожил — раз! Эшелончик какой-никакой тоже под откос пустил — два! Кто-нибудь мои заслуги учтет. Есть, как говорится, живые свидетели. Так что не унываю... Меня еще в подпольный обком секретарем введут! А ведь до войны не везло мне с карьерой, прямо скажу. Я уж и так и эдак приноравливался — не помогал! А какой я был бдительный! Ого-го! — Окрутив глаза, он иронически причмокнул. — Кто первый выступал на собраниях? Коротков!.. Погнила картонка на складе — вредительство! Сошел трамвай с рельсов — диверсия! Боролся я

активно, никаких сил не жалел!.. Меня даже председателем месткома одно время выбирали... А все равно в большие люди не выбился.

Тоня стала медленно подниматься.

Коротков поднял руку:

— Не торопись, девочка! Господин Штуммер наверняка обрадуется, когда увидит тебя. Вот и отправимся к нему вместе. Только чайку попьем... Сиди, говорят!.. — вдруг крикнул он, и желтые его глаза, казалось, остекленели. — Я тебе душу свою открыл, и теперь уж тебе отсюда выхода нету!..

Она выстрелила в упор, не целясь.

Коротков словно не почувствовал боли. Он лишь прижал левую руку к груди, и на лице его возникло сосредоточенное выражение.

— Что же ты, дура, наделала! — удивленно сказал он. — Ведь ты же меня убила...

Глава шестнадцатая

А что, если разгладить мокрые волосы горячим утюгом? Правда, она никогда еще не прибегала к этому способу, но давным-давно одна из подруг рассказывала, что увесистый чугунный утюг способен совершить чудо!

Маникюр! Нет уж, в салон пойти некогда. Конечно, для такого платья хорошо бы белые туфли, но сойдут и черные. В конце концов, дело самого Петреску позаботиться о законченности ее туалета, если уж он взялся ей покровительствовать.

А все-таки приятно хоть раз в жизни надеть на себя платье из брюссельских кружев.

Жаль!.. Если укоротить, то когда-нибудь, после войны, в нем можно было бы пойти в театр.

Совет подруги оказался дельным, но, для того чтобы его выполнить, необходимо стать акробаткой. Ломит висок, тесно прижатый к краю стола, и правая рука, двигающая утюг по марле, под которой веером разбросаны волосы, вывернута локтем кверху. Пятнадцать минут адских страданий — и тщательно уложенным волосам с завитыми кончиками позавидовала бы и француженка из довоенного модного журнала.

Петреску был, как всегда, точен. Ровно в час машина

остановилась у подъезда, и он вошел в комнату с огромным букетом тюльпанов и гвоздик, надушенный, сверкающий, в парадном мундире.

— О домнишуара! — воскликнул он. — Я всерьез опасаюсь, что, увидев тебя, Фолькенец сменит невесту. Какие волосы! А ну-ка, пройдиесь!..

Тоня прошла по комнате. Узкий чехол длинной кружевной юбки предательски сковывал ноги. «А что, если нужно будет бежать? — подумала она. — Эдак грохнусь на землю, и тогда поминай как звали!..»

— Еще немножко прихвати у талии, — сказал Леон. — Не хватает, конечно, кулона, но не беда, его вполне можно заменить красной гвоздикой.

— А что я надену поверх всей этой роскоши? — спросила Тоня.

Он взглянул на обветшалое пальто, висевшее на вешалке, и брезгливо поморщился.

— Подай-ка мне мой норковый палантин! — пошутила она, и Петреску весело засмеялся.

— К сожалению, мадам Монулеску уже отбыла в Копстанцу. Но в машине тепло, ручаюсь, что ты не простудишься!..

— Но ведь без палантина меня не примут во дворец короля Михая.

— Зато я убежден, что к тебе благосклонно отнесся бы сам маршал Антонеску. Кстати, на даче будет генерал фон Зонтаг, теперь он командующий армией. О тебе он знает как о моей спасительнице.

— Как мне держаться?

— Старайся не отходить от меня. В случае необходимости я подскажу тебе, что делать.

— Ты думаешь, такая необходимость возникнет?

Она колдовала над платьем, стягивая его в талии булавкой. Казалось, ее вопрос вызван лишь боязнью совершить какую-нибудь оплошность.

Он не ответил, но вдруг стал серьезен.

— Тоня, нам нужно поговорить, — сказал он и осторожно положил букет на стол.

— Слушаю, Леон.

— Ты помнишь, как однажды, сидя на этом вот диване, я упомянул о ловушке?

— Да, ты что-то такое говорил, но, признаться, я не помню, к чему это относилось!..

— Не будем играть в прятки, Тоня! Слово «ловушка» относилось к тебе.

— Ко мне? Ты устроил мне ловушку? — стараясь все еще держаться шутивого тона, но внутренне холодея, спросила она.

— Да. И не скрываю этого. Я сказал о ложном аэродроме, чтобы проверить твою реакцию.

— Проверить меня? О Леон, ты слишком далеко заходишь в своей подозрительности!

— А ты — в своей неискренности! Я решил кое-что тебе открыть, конечно немного, но и этого достаточно, чтобы убедиться, как тесно ты связана со Штуммером! Ведь он приказал тебе за мной следить, а ты это от меня утаила!

— Но разве я причинила тебе хоть какой-нибудь вред? — с искренним удивлением спросила Тоня.

— Вот это как раз я и хотел бы знать.

— Ты что, думал, что я предам тебя Штуммеру?

— Да. Но я бы узнал, если б ты на меня донесла. Кстати, ложный аэродром сам по себе — не такой уж большой секрет.

Она несколько мгновений рассматривала отраженное в зеркале лицо Леона. «Как он стареет в такие минуты! — подумала она. — Опять мечется! Опять томится манией преследования!..»

— Зачем тебе потребовалось меня проверять?

— Чтобы знать, кто рядом со мной.

— Но ведь я, по-моему, никогда тебя не искала. И не я тебе делала предложение!..

— Да, ты права! Я всегда сам приходил к тебе. Но это ничего не меняет. Неужели ты думаешь, будто Фолькенец и Штуммер настолько глупы, что не знают, кто ты такая?

— Не понимаю!..

— Помнишь самый первый допрос? Фолькенец еще долгое время продолжал сомневаться. Он буквально взял меня за горло.

— Значит, ты приходил ко мне не по доброй воле?

— Сначала, если хочешь, — да! Но я все делал для того, чтобы тебя спасти. Я просил тебя уехать к моим родителям — ты отказалась.

Она повернулась. Они стояли по разные стороны стола, на котором лежал букет. Тоня долго перебирала цветы, наконец нашла большую гвоздику и приложила ее к вырезу платья.

— Приколоть сюда?

— Нет, чуть-чуть левее...

— По-моему, тебе не на что жаловаться, — саркастически усмехнулась она, решив прекратить этот опасный разговор. — У тебя прекрасно идут дела. Ты получил повышение...

— Да. И теперь я один из самых информированных офицеров штаба!

Дрогнула рука. Она уколола себя булавкой, которой прикалывала к груди гвоздику.

— Зачем ты настаиваешь, чтобы я присутствовала на помолвке? Сейчас, Леон, мне это совершенно непонятно.

— Просто у меня нет другого выхода, — признался Леон, устало опускаясь на диван. — Сегодня, Тоня, решается твоя судьба! Я хочу быть рядом с тобой.

— На помолвке решается моя судьба?

— Да, тебя будут фотографировать вместе с Фолькенецем и другими немцами, а завтра Штуммер вызовет тебя для решающего разговора. И ты уже не сумеешь не дать подписку о работе на гестапо. Ясно?

— С меня уже взяли подписку.

— До сих пор это была лишь детская игра! Если ты откажешься, тебя ликвидируют. А твоё имя будут произносить с презрением даже близкие друзья.

— Ты думаешь, что Фолькенецу поверят?

— О! Фолькенец — великий мастер интриг.

— Кто же дал тебе платье?

Он ответил не сразу.

— Один из людей Фолькенеца.

Круг замкнулся.

Гвоздика была приколотая. Красный цвет на голубом — это выглядело великолепно!

Она присела на другом краю дивана.

— Ну что ж, посидим перед дальней дорогой, Леон. Спасибо за все, что ты для меня сделал...

— Надеюсь, у тебя хватит сил молчать о нашем разговоре при любых испытаниях.

— Да, Леон! Я научилась молчать...

Он сжал кулаки и потряс ими в воздухе.

— Я же предупреждал тебя! А ты упрямая девчонка! И вот теперь уже нет выхода... С тех пор как мы с тобой перешли линию фронта, многое изменилось. И не только вокруг, но главное — вот здесь, — он дотронулся до своей

груди. — Ты сейчас убедишься, как я тебе доверяю! Помнишь мою командировку в плавни, когда из эшелона убежала молодежь?.. Вот в плавнях я впервые до конца понял, что мы, румыны, лишь мелкая разменная монета для немцев... Если она случайно выпадает из рук, особенно в людном месте, то даже униженно нагнуться, чтобы подобрать ее с земли... При первой же опасности Фолькенец и Штуммер ящерицами выползли из зоны огня... А что будет со мной — останусь ли я жив или погибну, — их ни сколько не интересовало. Заменяв убитого фельдфебеля, я должен был спасти им жизнь. Но дело не только в этом. Я просто очень устал, Топечка!.. Когда-то я искренне верил в идеи великой Румынии, верил Антонеску. Но где эта великая Румыния, где Транснистрия?! Все оказалось ложью... И я тебе скажу: я теперь уже не знаю, где правда, в чем она...

Она справилась со спазмом, сдавившим горло.

— А почему, Леон, тебе так хочется меня спасти?.. Признаюсь, недавно была минута, когда я готова была тебя убить!

— Знаю. Ты часто ненавидела меня. Но что я мог сделать? Нас стравливали. Я не знал покоя. Если бы только я мог сказать тебе всю правду! Впрочем, теперь это уже бессмысленно. Все твои связи порваны. Один из группы успел сбежать, но будет пойман. Его приметы известны...

Егоров! Боже ты мой! Только бы продержаться до вечера, дожить до девяти часов...

Парадный мундир сдавливал Леона панцирем, он повел плечами и, засунув палец под жесткий воротник, оттянул его от горла.

— Фолькенец и Штуммер считают операцию законченной и намерены получить за нее ордена. Я читал представленный фон Зонтагу рапорт. — Он устремил на Тонию изучающий взгляд.

А она смотрела на цветы, на сияющий бриллиантом пробор румынского офицера Петреску, кончиками пальцев теребила невесомые брюссельские кружева и страдала от невыносимой фальши происходящего. «Зачем же мне участвовать в этой комедии? — думала она. — Зачем, если все уже решено?!»

— Если хочешь, я скажу тебе все, до конца, — тихо произнес Леон, наклонившись к ней.

«Нет, нет, надо бороться, еще не все кончено! Где-то в глубинах моря тихо стучит двигатель подводной лодки».

— Говори!

— Русские перешли в новое наступление. Это держится в строгой тайне, но наше положение ухудшается с каждым днем.

— А тайное оружие?

— Тайное оружие — такой же блеф, как и мое повышение. Фолькенец понимает, что Одесса обречена, и устроил себе перевод, чтобы не попасть на последний корабль, у которого много шансов пойти ко дну. — По мере того как он говорил, в голосе все отчетливее звучала долго сдерживаемая ярость. Он уже почти кричал. Лицо его было искажено. — Старая песня! Пусть вместо немца погибает еще один румын, а перед смертью его можно и повысить в чине. И на кресте написать: «Здесь покоится прах доблестно погибшего за великую Германию полковника Петреску!..» И пусть его жрут черви!..

— Леон, успокойся, — сказала Тоня. — Когда ты падаешь духом, то прежде всего твердишь о смерти...

Он воскликнул:

— Ты в своем уме? Что ты говоришь! У меня еще есть шанс — спастись на последнем корабле, а у тебя и этого нет. И ты меня успокаиваешь!.. Нет, ты, наверно, действительно сошла с ума!

Тоня вышла на кухню и вернулась, сжимая в руке пистолет.

— Тоня! — воскликнул Леон и загородил лицо узкими ладонями. — Только не это!..

— Успокойся, я не убью ни тебя, ни себя, Леон! К сожалению, пистолет слишком велик для моей сумочки. Спрячь его у себя и дай слово, что вернешь, как только я потребую...

Он деловито сунул пистолет в задний карман брюк, взглянул на часы:

— Мы опаздываем...

Они вышли из парадного подъезда. Древняя старуха, проходившая мимо, глядя на них расплылась в беззубой улыбке:

— Какая прелестная пара! Прямо голубки...

— Куда мы поедем? — спросила Тоня, чувствуя, как замирает сердце.

— Пути Фолькенеца неисповедимы, — проговорил Ле-

он. — Может быть, на дачу к Тюллеру, а возможно, он уже подыскал другое укромное местечко.

Когда они сели в машину, Леон приказал шоферу не трогаться и ждать, пока двинутся машины с фон Зонтагом и полковниками.

Сквозь ветровое стекло Тоня видела, как к Фолькенецу, разговаривавшему с фон Зонтагом, подошел Штуммер, о чем-то тихо с ним посоветовался, затем стремительно вернулся к своей машине, хлопнул дверцей и умчался.

В эту секунду все решилось. Вот уж поистине: пойдешь направо — будешь жить, налево — расстанешься с жизнью.

Кортеж из пяти машин помчался по улицам Одессы.

Тоня сидела рядом с Леоном, привалившись к спинке сиденья, и молча, без мыслей смотрела перед собой.

— Мы едем в Люстдорф, — услышала она голос Леона.

Да, они едут в Люстдорф! Но она не ощутила радости. Машины проскочили мимо замшелых тюремных стен. Под колесами шуршал гравий. Знакомые, унылые поля. Сколько раз она ходила по этой щербатой дороге! Как много передунала на ней трудных дум!

— Леон, опусти, пожалуйста, стекло, мне жарко.

Ветер ворвался в кабину, окружил легкий вихрь, подхватил густую прядь Тониных волос и бросил ей на глаза. Она тыльной стороной ладони убрала волосы с лица и глухо вдохнула прохладный морской воздух.

Передние машины затормозили около невысокого забора.

Дача Тюллера была наскоро подновленным домом, очевидно построенным в конце прошлого века его дедом или прадедом. Крутой спуск к морю — совсем рядом, а в сторонке — беспорядочное нагромождение выветренной коричневой осыпи.

Тюллер, ехавший в машине с дочерью и будущим зятем, широко распахнул калитку, приглашая всех заходить. Гости расступились перед молодыми, пропуская их в сад первыми. Фон Зонтаг весело шутил с осанистым полковником, розоватое лицо которого выражало готовность смеяться, если это приятно начальству, или плакать, если это ему еще приятнее.

— Смотри, — тихо проговорил Леон, стоявший чуть позади Тони.

Из глубины двора навстречу гостям вышел Штуммер, и тотчас следом за ним показались два автоматчика. Они стали по обе стороны калитки.

Да, Штуммер не терял времени даром! Родственные чувства Фолькенеца не мешали ему подумать о надежных гарантиях безопасности, тем более что один из почетных гостей — начальник гарнизона.

Тоня взглядом пересчитала гостей. Девять вместе с нею и Леоном. Фотограф, невысокий человек с беспокойным профессиональным взглядом, маячил в сторонке, не сливаясь с гостями и в то же время никого не упуская из поля зрения. У него на правом боку, поблескивая «молниями», висела большая черная сумка, в руках он сжимал фотоаппарат, время от времени нацеливая его то на одну, то на другую группу гостей и ничем не проявляя особого внимания к Тоне. Однако она заметила, как раздражает его то, что в объективе она оказывалась только рядом с Леоном.

Когда наконец, окруженная гостями, Тоня вошла в сад, вновь затеплилась, казалось бы, уже потерянная надежда. Сад был обширен и совершенно пуст. В глубине, за сараем, она успела заметить в штакетнике пролом, через который легко проникнуть во двор дачи со стороны берега. Двое часовых — это не непреодолимая преграда.

Ох, как жаль, что она не связана с Тюллером, — ведь в критическую минуту, может быть, удалось бы незаметно получить от него совет, если не действенную помощь.

Посредине большой гостиной стоял рояль, а вокруг — несколько кресел. В окна до самого горизонта виднелось море, подернутое мелкой сизовой рябью. Вдалеке маячил сторожевой катер, в синеватом небе кружили чайки.

— Господа! — воскликнул вдруг фон Зонтаг, едва Тоня оторвала взгляд от моря. — Одну минуту внимания! Наконец-то Петреску представляет нам свою спасительницу! Разрешите мне первому приветствовать ее на торжестве нашего друга...

Он устремился к Тоне навстречу с протянутыми руками, и она ответно протянула ему руку. Запечатлел ли этот момент фотограф? Вероятно! Но, кажется, Тоню это занимало меньше, чем недобрый взгляд Зины, стоявшей рядом с Фолькенецем в другом конце комнаты.

Впрочем, она оценила тактичность поступка фон Зонтага: он невольно представил ее всем гостям сразу и от-

пала нудная церемония постепенных знакомств, которой она так боялась. В то же время фон Зонтаг своим жестом как бы взял Тоню под свое покровительство.

— Никогда не поверю, фрейлейн, в то, что вы русская, — сказал он, взглянув на Петреску. — В вас безусловно есть арийская кровь. Ваши волосы, цвет глаз... и, наконец, ваша преданность рейху!

— А какое поразительное чувство языка! — подхватил Леон. — Когда я однажды ошибся и сказал по-немецки что-то не совсем точно, она тут же меня поправила...

Леон, впрочем, и сейчас говорил по-немецки не очень правильно, часто путаясь в идиомах и даже в артиклях. Однако его шутливое признание вызвало общий смех.

На какой-то момент центр всеобщего внимания переместился к Тоне, и ей хотелось поскорее отойти от генерала, чтобы не усиливать раздражение Зины.

Тюллер тем временем куда-то исчез. Несколько раз с озабоченным видом появлялся Штуммер и снова уходил. Очевидно, на нем лежала немалая ответственность за этот вечер.

Фон Зонтаг подвел Тоню к Фолькенецу и Зине и начал веселый разговор о ста способах приготовления яичницы, при этом он то и дело поворачивался к Тоне, словно из всех, кто его окружал, именно ее избрал своей главной слушательницей. И как только его сухой профиль обращался в ее сторону, раздавался тихий щелчок затвора фотоаппарата.

Зина, казалось, совсем успокоилась. Время от времени она с улыбкой поглядывала на Фолькенеца, который явно старался держаться поближе к фон Зонтагу. Но у генерала несомненно были какие-то свои планы, связанные с новым назначением своего подчиненного.

— Господа, — прозвучал торжественно голос Тюллера, — прошу всех к столу!..

Двери в соседнюю комнату распахнулись настежь, и Тоня увидела широкий стол, покрытый иссиня-белой скатертью, сверкающий хрустальными бокалами. На больших блюдах разложены были закуски, а на отдельном, у стены, столике с мраморной доской — бутылки с коньяком, русской водкой, шампанским и другими винами.

Фолькенец и Зина сели во главе стола, рядом с невеселой — старик Тюллер, по другую руку Фолькенеца занял место фон Зонтаг.

Тоня оказалась прямо против Зины, Леон сел рядом с нею, а свободный стул справа от Леона занял Штуммер.

Два официанта в белых куртках стояли по бокам столика с винами, держа в руках крахмальные салфетки, и ожидали, когда гости рассядутся по своим местам.

Теперь, впервые, Тоня могла рассмотреть лицо Тюллера. Несколько тяжелое, с крупными чертами и мясистым носом, оно как бы вовсе не отражало характера этого человека. Такой человек мог быть и добрым и отзывчивым, и жестоким и упрямым, и еще бог знает каким...

Пока официанты открывали шампанское, Тоня с ужасом взглянула на разложенные по обе стороны ее тарелки многочисленные ножи, вилки и ложки — разных размеров и разной формы. Что с ними делать, она не имела ни малейшего понятия и решила, что будет в точности повторять все движения Леона.

Соседство Штуммера особенно сковывало ее — уж этот не упустит ни малейшей оплошности, этот воспользуется случаем поставить ее в смешное положение.

По праву старшего фон Зонтаг поднял первый бокал. На этот раз он уже не шутил, а проникновенно говорил о долге перед нацией, о сложности борьбы, о том, что судьба переменчива. Вспомнил своего друга генерала Роммеля, с которым был в Африке, об их давней дружбе... Сначала казалось, что речь его разбросана, но в конце эффектным приемом опытного оратора он увязал в один крепкий узел все внешне разрозненные нити.

— На какой бы континент нас ни занесла судьба, господа, — завершил он свою речь, — мы не забудем день, когда в разгар кровавой борьбы, на пепелищах, два человека обрели счастье. Любовь, господа, сильнее смерти. Хайль!

Все разом поднялись, и в комнате раздалось дружное: — Хайль!

Зазвенели бокалы. Тоня чокнулась с Леоном и Штуммером.

— Подойди к Зине! — шепнул ей Леон.

Высоко подняв свой бокал, Тоня обошла вокруг стола.

Зина напряженно следила за ее приближением. Казалось, она ожидает какой-то внезапной выходки. Но когда Тоня потянулась к ее бокалу и сказала: «Будь счастлива!» — невеста с облегчением улыбнулась.

Все выпили. Тоня отпила небольшой глоток, и, когда возвращалась к своему месту, взгляд ее невольно встре-

тился со взглядом Тюллера. И ей показалось, что он как-то многозначительно покачал головой.

«Неужели он про меня знает?» — подумала она, опускаясь на стул, предупредительно отодвинутый Леоном.

Она незаметно взглянула на стрелки часов, висевших на стене. Без четверти семь.

Как быстро мчится время! Скоро начнут сгущаться сумерки.

Она все время следила за руками Леона. Он взял широкую вилку и короткий плоский нож. Это для чего?..

Всего лишь в одном она была уверена твердо: с мясом нужно пить красное вино, рыбу есть — с белым. Кто и когда ей об этом сказал, она не помнила, возможно, просто прочитала в какой-то книге.

— Как дела, фрейлейн? — спросил Штуммер, воспользовавшись тем, что Леон увлекся разговором с розоволицым полковником.

— Прекрасно!

— А я не знал, что вы столь близкие подруги с будущей фрау Фолькенец!

— О нет! Мы всего лишь однажды вместе сидели в ресторане.

— Как вам нравится господин Тюллер? Вы знаете их историю?

— Да! Очень трогательная история. Они как будто случайно встретились после долгой разлуки, верно?

— Случайно? — Штуммер иронически поморщил лоб. — Одесса не Берлин и даже не Дрезден. Если два раза пройтись по Приморскому бульвару, можно встретить даже свою давно умершую бабушку. — Он засмеялся и подвинул бокал. — Давайте выпьем наш сепаратный дружеский тост. Ведь мы имеем на него право!.. Наша дружба, быть может, коротка, но глубину ее, кроме нас, никто не измерит... Пью за вас, фрейлейн, за вашу сильную волю. О, в ней я уверен... И... за наше сотрудничество!..

Как раз в момент, когда Штуммер повел на нее наступление, Леон словно забыл о ее присутствии. Дался ему этот полковник!

— За вас, господин Штуммер! — Она подняла бокал, пригубила и поставила на место.

— Ну, это нехорошо! — запротестовал Штуммер. — У вас, русских, так не полагается. За дружбу надо пить до дна...

Он заставил ее выпить.

— Мы сегодня будем пить! Много пить! — Штуммер снова разлил вино по бокалам. — Я прощаюсь со своим большим другом. А в наше время друзья особенно нужны. У вас есть друзья, фрейлейн?

— Конечно, и немало, — сказала Тоня, поднимая бокал и вызывая этим Штуммера к ней присоединиться. — Мои друзья — все, кто сидит за этим столом!..

— В таком случае, я пью за великого дипломата. И завтра утром, фрейлейн, назначаю вам свидание... Надеюсь, вы не откажете?

Леон вдруг оборвал разговор с полковником и обернулся:

— Штуммер! Вы ведете себя не по-джентльменски! — полусерьезно заметил он.

— Не сердитесь, Леон! У нас с фрейлейн самые дружеские отношения. Я всего лишь прошу ее перевести мне парочку русских документов.

Морская даль за окнами уже тяжелела под грузом сгущающихся сумерек. Где-то вдалеке вспыхнул огонек, померцал и потух. Нет, это еще не сигнал. Для сигналов время не наступило.

Обед, к счастью, затягивался. Фон Зонтаг несколько раз сердитым движением отстранял блюда, которые ему с вежливой настойчивостью подносили официанты. Штуммер занялся своим соседом, недавно вернувшимся из поездки на фронт. Оба потихоньку ругали румын, которые не проявляли должной стойкости.

Леон, конечно, все слышал, но демонстративно разговаривал только с толстяком, рассказывал ему о Констанце, куда тот собирался в командировку.

И Тоня оказалась бы в полном одиночестве, если бы вдруг Зина, которой, очевидно, тоже наскучили мужские разговоры, неожиданно не подошла к ней сзади.

— Пойдем поболтаем? — сказала она непринужденно. — У мужчин свои дела, — тоска!

Штуммер отодвинулся от соседа и тревожно взглянул на Фолькенеца, стараясь понять, как тот отнесется к неожиданному поступку Зины. Но Фолькенец, казалось, даже обрадовался, что теперь сможет разговаривать со своим собеседником более откровенно.

Когда за женщинами закрылись двери, Леон обернулся к Штуммеру:

— Что поделаешь! Наше общество дамам явно наскучило.

Штуммер, уже опершийся о край стола, чтобы подняться, передумал и попросил Леона передать ему бутылку рома...

Женщины прошли в гостиную, уселись в кресла друг подле друга, и тут Зина преобразилась.

— Ну, ты довольна, а? — с иронией спросила она. — Какие высокие гости! Не правда ли, чудесная помолвка?

— Прекрасная!

— Ты, понятно, меня осуждаешь. Жена фашиста!

Тоня промолчала. Сейчас все что угодно, только не ссора!

Зина коротко засмеялась:

— Молчишь? И все же я считаю, что лучше стать женой немецкого офицера, чем играть твою жалкую, низкую, холуйскую роль!

— Ты позвала меня для того, чтобы оскорблять?

— Молчи и слушай! Я не хочу, чтобы на мне была твоя кровь! Я много знаю, в частности и то, что в этом доме Штуммер устроил для тебя ловушку. Но я еще в силах спасти тебя. Учти, это твой последний шанс! Поднимись по боковой лестнице на второй этаж. В боковой комнате висит платье кухарки, которая сейчас хозяйничает на кухне. Переоденься и исчезни. Немедленно! Ты поняла, о чем я говорю?

Тоня молча смотрела в окно. Где-то совсем рядом был Егоров. Рядом — и так бесконечно далеко!

— Почему ты молчишь?! — Зина оглянулась на дверь в столовую: каждое мгновение кто-нибудь мог войти. — У тебя остались считанные минуты. Быстрее поднимайся наверх, а я пока займу Штуммера разговором.

— Спасибо, Зина, но я останусь.

— Останешься? Значит, я ошиблась! Тогда, после встречи в ресторане, я много думала. И мне показалось, что, может быть, ты действительно просто запутавшаяся и несчастная девушка. — Вдруг она отчаянным движением рванулась к Тоне и зашептала: — Или ты мне не веришь? Тогда пойдем, я сама провожу тебя! Я выведу тебя за ворота.

— Нет, я тебе верю, — проговорила Тоня, понимая, что порыв Зины искренен, она действительно хочет ее спасти.

— Верить? — снова спросила Зина.

— Да, верю!

— Ну, тогда ты достойна только смерти!

Тоня содрогнулась от ненависти, которая звучала в каждом Зинином слове, а оттого, что Зина говорила тихо, ощущение безысходности усиливалось, хотелось заткнуть уши и крикнуть: «Замолчи!»

— Я хотела спасти тебя, но ты этого не стоишь! Ты согласна на все условия Штуммера! Ты и меня парализовала, лишила возможности хоть как-то искупить вину. Да, Штуммер может гордиться своей работой.

— Не только Штуммер, но и твой будущий муж, — добавила Тоня.

— Мой муж? Какой муж?! — Она словно только сейчас осознала, что происходит, и в отчаянии протянула к Тоне руки: — Умоляю! Беги. Это нужно мне, чтобы жить дальше! Слишком долго я была слабой...

— Я хотела бы сама поговорить с твоим Эрнстом, — сказала Тоня. — Это возможно?

— Хочешь меня предать?! — В руке Зины сверкнул никелем маленький пистолет, который она быстрым движением достала из складок платья. — Если ты посмеешь хоть слово сказать Эрнсту, я тебя пристрелю!

— Нет, поверь, что тебе ничего не грозит. Я хотела лишь спросить, что меня ожидает.

— Об этом узнай у Штуммера! — Зина стала торопливо поправлять прическу. — Ну вот, поговорили по душам, как самые близкие подруги, — горько усмехнулась она и быстро вернулась в столовую.

Тоня почувствовала, что ее оставляют силы. Столько бороться, принести столько жертв — и в самый критический момент ощутить полное бессилие!

Чей-то голос тихо окликнул ее:

— Тоня!

Она испуганно оглянулась. На пороге двери, ведущей на веранду, стоял Тюллер. Он поманил ее к себе, и, когда она приблизилась, тихо сказал:

— Окно в гостиной не раскрывай! К вечеру охрану усилили. Во дворе еще четверо эсэсовцев с ручным пулеметом. Если тебе удастся отделаться от Штуммера, отправляйся на Ближние Мельницы, дом пятнадцать. Пароль: «Одолжите щепотку соли». Отзыв: «Соль нынче дорогая». А сейчас — быстро к гостям!

Тоня направилась к столовой, но дверь распахнулась, и оказался Леон:

— Что случилось? Ты на меня обиделась?

— Нет, Леон. Просто немного разболелась голова.

— После разговора с Зиной?

Леон хотел сказать что-то еще, но тут послышался веселый голос фон Зонтага:

— Господа! Я не представляю себе веселья без танцев!

Розовощекий полковник поспешил к роялю, Штуммер быстро подошел к Тоне:

— Первый танец, фрейлейн!

— Нет уж, Штуммер! Первого танца я вам не уступлю! — грубовато отстранил его фон Зонтаг. — Здесь все равны! Поэтому спросим фрейлейн, кого она выбирает своим партнером.

— Конечно, вас, генерал!

Тоня улыбнулась, и Штуммер поспешил отойти к окну. Он стал рядом с Леоном, тот дружески его потрепал по плечу:

— Вам сегодня не везет, Штуммер!

— Вам тоже, — нашелся тот.

Полковник играл на рояле нечто стремительное, шумное.

Фон Зонтаг оказался прекрасным танцором. Фолькенец, последовавший его примеру, вел Зину со старательностью школьника, который боится отдавить ногу своей партнерше-девочке.

Сквозь раскрытую дверь в столовую Тоня из-за плеча генерала взглянула на стенные часы. Половина десятого!..

— Простите, генерал... У меня закружилась голова!

Фон Зонтаг подвел ее к креслу и усадил.

— Хотите вина?

— Нет, нет, спасибо. Я посижу...

Фон Зонтаг тоже взглянул на часы и сокрушенно покачал головой:

— Господа, прощайте! Увы, я должен спешить!

Музыка резко оборвалась. Все офицеры встали. Фон Зонтаг поцеловал руки дамам и направился к выходу. Но в дверях обернулся, о чем-то вспомнив.

— Фолькенец, я забыл вас спросить: вы подготовили мне карту, о которой я вас просил?

Фолькенец медлил с ответом. Вопрос генерала застал его врасплох и сразу заставил сосредоточиться.

— Утром представлю, господин генерал!

Сопровождаемый полковниками, фон Зонтаг быстро вышел. Фолькенец, Зина и Тюллер спустились во двор, чтобы его проводить. А Штуммер угрюмо присел к роялю и одним пальцем стал барабанить какие-то примитивные мотивчики.

Что это? Одна точка... вторая... третья... Сигнал!

— Что с тобой, Тоня? — тихо спросил Леон. — Нельзя же так обнаруживать свое волнение. Ты только вредишь себе.

— Мне душно, Леон. Давай и мы выйдем на воздух. Видимо, я немножко перепила...

— Но у моря прохладно, а твой палантин остался дома, — попытался он развеселить Тонию.

— Если станет холодно, мы вернемся.

Они спустились по ступеням веранды. Из темноты их окликнул Фолькенец.

— Леон! Вы тоже нас покидаете? Не торопитесь! Проведем еще часок-другой в узком кругу...

— Нет, нет, мы скоро вернемся! — Леон взял Тонию под руку. — Осторожно! Ох, уж эти бальные платья!

У калитки по-прежнему дежурили автоматчики. Часть охраны, очевидно, уехала вслед за машинами фон Зонтага и полковника, остальные же покинут свой пост не раньше, чем дача опустеет.

— Нам нужно поговорить, — тихо сказала Тоня. — Давай спустимся к морю.

— Я не вижу тропинки, — возразил Леон, но все же, придерживая Тонию под руку, стал осторожно спускаться к морю. — Ты хочешь бежать? — тревожно спросил он. — У тебя есть где укрыться? Скажи же наконец!

Тишина! Так тихо, что хочется закричать. Неужели сигналы ей только померещились. Где же Егоров?.. Разве он не понимает, как невыносимо труден каждый ее шаг по этому враждебному берегу! Секунды равны годам!..

Леон остановился, всматриваясь в темный хаос каменных нагромождений.

— Нам не пужно туда идти! Ну скажи, скажи мне, что ты решила?

— А ты все еще хочешь спасти меня?

— Да! — горячо отозвался он. — Я боюсь за тебя! Я не хочу твоей гибели!

— Ну, а если... если я спасу тебя?..

— Ты хочешь... — голос его сорвался, — ты хочешь, чтобы мы оба погибли!

Постояв, она снова медленно двинулась к камням.

Он удержал ее за руку:

— Остановись! Что ты надумала?!

С вершины кучи до них донесся властный голос Штуммера:

— Петреску и фрейлейн Тоня! Вы где? Возвращайтесь обратно!

— Он увидит твое платье! — быстро сказал Леон. — Скорее прячься. — И втащил ее в естественный грот под выступом, нависшим над берегом. — Говори скорее, что ты придумала?

— Леон! Верни мой пистолет.

— Это безумие!

— Ты же обещал!

— Нет! Я не хочу твоей смерти!

— Отдай! Ты обещал! — едва не крикнула она.

Она рванулась, но он вцепился в ее плечи.

— Не двигайся! В этих проклятых брюссельских кружевах ты мишень для Штуммера! Платье — как саван!.. Ради бога, тише!.. Идет патруль!..

Она чутько прислушалась. Где-то тихо, совсем тихо зашуршал гравий. Шаги? Нет! Слабый плеск волн. Что же делать? С секунды на секунду появится Штуммер. Он не может не появиться. Медлить нельзя...

И вдруг во внезапном порыве, который придал ей силы, Тоня властно схватила Леона за руку и потянула за собой.

— Идем!.. Идем, Леон!

— Ты с ума сошла!.. Остановись! Да отпусти же, отпусти меня!

Камни... Они были совсем рядом. Еще шаг... Два... Три... Леон рванулся и, потеряв равновесие, ударился грудью об острый выступ скалы. Стоп! И сразу же с двух сторон к нему метнулись тени — пять теней в черных бушлатах словно возникли из морской пучины.

— Хватай его! — услышала Тоня приглушенный голос Егорова.

Моряки с подводной лодки! Только сейчас Тоня поняла, что это разведчики. Сколько их?..

Леон отчаянно сопротивлялся.

— Отпустите!.. Отпустите меня...— хрипел он. Руки, сдавившие ему горло, не давали крикнуть во весь голос.

Тоня рванулась вперед:

— Егоров! Это не Фолькенец! Это Петреску!

Из мрака на нее глянуло разъяренное лицо Егорова.

— Ты что! А где Фолькенец?

— Он в доме... Не ходите туда... Там... большая ох-рана...

Внезапно все умолкло. Тоня оглянулась. На фоне мерцающего моря выделялся темный силуэт Штуммера. В нескольких шагах от него медленно шел автоматчик.

— Он? — тихо спросил Егоров.

Тоня не успела ответить — Петреску шепнул:

— Это Штуммер! Отпустите меня...

Штуммер заметил светлое пятно ее платья и грозно крикнул:

— Фрейлейн! Немедленно вернитесь! Приказываю вам!

Из-за камня навстречу ему вышел Леон.

— Штуммер нужен? — тихо спросил чей-то незнако-мый голос.

— Нет, — прошептала Тоня.

— Господин Штуммер, вы не очень-то вежливы! — сказал Петреску.

— Нет, я даже чрезмерно вежлив! — грубовато ответил Штуммер. — Фрейлейн Тоня! Я жду!

Она стояла неподвижно, выжидая, когда Штуммер при-близится. Вот он уже прошел мимо Петреску. Автоматчик, услышав, как ссорятся два офицера, топтался на месте, не зная, что ему делать.

Еще пять шагов, и Штуммер поравнялся с камнем, не настолько большим, чтобы в его тени, по другую сторону, могли остаться незамеченными несколько человек. Если он крикнет, автоматчик тут же выстрелит.

Леон рывком подскочил к солдату, выхватил у него автомат и прикладом ударил солдата по голове. Тот упал, даже не застав.

Однако Штуммер, услышав шум, оглянулся и закри-чал:

— Петреску, что вы делаете?

Это были его последние слова... Глухо охнув, он рва-нулся вперед, упал на колени, несколько секунд его руки конвульсивно шарили по спине, в которой торчал нож, по-том он упал ничком и затих.

А Петреску стоял у ног лежавшего солдата, продолжая сжимать автомат.

Тоня подошла к нему.

— Леон...

— Тоня, я теперь знаю, что я должен сделать! Подо-ждите. Я попытаюсь привести сюда Фолькенеца...

Он бросил на гравий автомат, повернулся и начал быст-ро взбираться на кручу. Вскоре его фигура растаяла во мраке.

— Уберите трупы! — крикнул Егоров и дернул за руку Тоню. — А ты чего ждешь?.. Быстрее переодевайся!

— Сюда! Сюда! — услышала Тоня уже знакомый ей голос. — Сверток вот здесь.

Брюссельские кружева! Разорванные и смятые, они бы-ли засунуты между камнями, а Тоня с лихорадочной быст-ротой натягивала на себя чьи-то большие брюки, широкую гимнастерку.

— Фрейлейн Тоня! — послышалось из темноты. — Штуммер! Где вы?..

Вот это уже был Фолькенец!

— Фолькенец! — прошептала Тоня. — Сюда идет Фоль-кенец.

Неизвестный ей парень, который сунул ей сверток и ко-торого Егоров называл Мишкой, метнулся в темноту и ис-чез из виду. А рядом, за выступом камня, тяжело перево-дил дыхание Егоров.

— Тоня, где ты?

— Штуммер!.. Фрейлейн Тоня! Куда вы запропасти-лись? — продолжал выкрикивать Фолькенец.

И веселый голос Петреску:

— Он наверняка объясняется фрейлейн Тоне в любви! Генрих, отзовитесь, у нас две бутылки шампанского!..

Веселый смех Зинаиды, сдержанный смешок Фольке-неца, приближающийся скрип гравия... И вдруг истериче-ский женский крик:

— Эрнст!.. Эрнст!.. О боже!

Щелкнул выстрел, за ним второй. Мужской стон, пол-ный боли и отчаяния, перекрыл все звуки.

Затем с обрыва послышалась автоматная очередь и в ответ с берега — одиночный выстрел.

Тяжелая возня. Голос Егорова:

— Держите его за руки! Ослабь кляп, Родин! Он же задохнется!.. Копаешься, черт тебя подери!

Трое моряков, крепко держа связанного Фолькенеца, тащат его на руках к лодке.

— Пошли! — командует командир.

Тоня вглядывается в сумеречный берег и вдруг видит Зинаиду, лежащую у самой воды.

— Она убита?..

— Гадина, застрелила Михаила!..

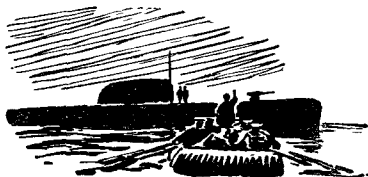
Переключались немецкие автоматчики. Они не решались стрелять, боясь попасть в своих офицеров.

Сознание вернулось к Фолькенецу уже на подводной лодке. Он молча выпил предложенную лейтенантом кружку горячего кофе и не задал ни одного вопроса.

— Что делает этот... захваченный? — спросил командир подводной лодки у лейтенанта, который заглянул к нему в отсек.

— Он попросил у меня стакан вина, — смущенно ответил лейтенант. — Дать?

— Конечно! — сказал командир. — Не станем же мы нарушать законы русского гостеприимства. — Налей ему!..

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОРТ

Глава первая

Даже спустя много времени, когда Тоня вспоминала о событиях пережитой ночи, все случившееся казалось невероятным, — расскажи ей об этом кто-нибудь другой, она только бы улыбнулась выдумке...

Егоров! Егоров!.. Если бы он имел право, то вместе с Фолькенецем отправил бы на Большую землю и ее. Но приказ Савицкого, полученный в последний момент, предписывал им обоим уйти в подполье и ждать новых указаний.

Когда подводная лодка с разведчиками, увозящими Фолькенеца, растворилась во тьме, все, кто остался на берегу, были предельно измотаны. Из-за камней доносился стон. Надрывно стонала Зинаида. Невдалеке от нее неподвижно лежал Штуммер, уткнувшись лицом в гравий.

На вершине обрыва бегали автоматчики, очевидно решая, как блокировать берег, они уже понимали, что совершено нападение, хотя и не представляли себе всей значимости катастрофы.

— Ребята! — крикнул двум молодым парням из группы Федора Михайловича, стоявшим в тени, у камней, Егоров. — Быстрее уходите!.. На берег не подниматься!

— А ты? — донеслось из темноты.

— Мы за вами! — Над обрывом взвились две красные ракеты и, помердав над морем, рассыпались угасающими искрами. С разных сторон устрашающе ударили автоматы.

— Пошли! Пошли! — Егоров до боли сжал руку Тони и потянул ее за собой. — Сейчас сюда прибегут...

Но Тоня не двинулась с места.

— А Петреску? — прошептала она. — Леон, Леон! — Ее голос окреп. — Где вы?

Петреску возник из-за укрытия. В разорванном кителе он показался Егорову таким же, что и в далекой деревеньке, когда он впервые его увидел, — раненым и собирающим последние силы, чтобы держаться на ногах. И почувствовал, как им снова овладевает недоброе чувство. Опять этот румынский офицер на его пути! Что же с ним делать?.. Тоня!.. Сошла с ума!..

— Леон!.. Пойдем с нами, — проговорила она, подбежав к Петреску, — мы спрячем тебя в катакомбы.

— Нет!.. Нет!.. — услышал Егоров его взволнованный голос. — Иди!.. Спасайся!.. Я должен остаться здесь... Задержу погоню!..

— Но тебя же схватят!..

— Торопись!.. Уходи!.. Я останусь!..

Автоматные очереди прозвучали совсем близко. Приближались солдаты. Не слыша ответных выстрелов, они осмелели, и двое уже бежали во весь рост вдоль мерцающей кромки моря.

— Пойдем же! — Егоров вновь сжал руку Тони и уже не отпускал.

Тоня побежала вслед за ним, сбивая голые ступни об острые камни. Туфли она скинула, а сапоги так и не успела надеть...

Внезапно Егоров толкнул ее в небольшой грот под нависшим берегом и заслонил своим телом. Совсем рядом проскрипели шаги, двое солдат обменивались быстрыми репликами. О чем они говорили, Тоня не сумела разобрать. Слова заглушали шум беспокойного моря и тяжелое дыхание Егорова — в его груди что-то хрипело, и Тоня подумала: не ранен ли он?

А потом они опять долго бежали вдоль берега, и редкие

выстрелы позади наконец совсем умолкли. Внезапно Егоров почти упал на плоский, с острыми краями камень, торчавший из воды, и, прижав к груди руки, зашелся долгим, надрывным кашлем.

Тоня нагнулась над ним и прикоснулась к его ладоням: пальцы судорожно дрожали, он задыхался.

— Что с тобой?.. — спросила она, чувствуя, как ее охватывает страх. — Ты ранен?..

— Ничего!.. Ничего!.. — ответил он, борясь с новым приступом кашля. — Пойдем!.. Сейчас пойдем...

И тут впервые Тоня заметила на его плече темное пятно — оно расплзлось по рубашке, захватывая всю правую сторону груди.

— Ты же ранен! — крикнула она. — Ты ранен!.. Это пуля?! — Она невольно дотронулась до рубашки и содрогнулась, ощутив кончиками пальцев теплую клейкую кровь. — Дай перевяжу!..

Он пробовал протестовать:

— Не сейчас!.. Нам надо торопиться...

Но Тоня быстро скинула с себя гимнастерку и, разорвав ее на полосы, крепко стянула раненое плечо.

— Не так сильно!

— А ты хочешь истечь кровью?!

— Пойдем!.. Пойдем!.. — проговорил он и, собравшись с силами, с трудом поднялся; теперь ему была нужна опора, и Тоня осторожно обхватила его рукой, стараясь не касаться раны.

— Когда же тебя ранило?

— Когда?.. — Он кашлянул и со злостью выкрикнул: — Подольше бы ты со своим румыном болтала, так нас совсем бы прихлопнули!

В другое время Тоня стала бы защищаться, но сейчас она ощутила всю безмерность своей вины перед Егоровым. Все эти месяцы она держала его от себя на большом расстоянии не только для конспирации, но и потому, что Егоров сковывал ее своей постоянной утомительной заботой. Иногда она ловила себя на мысли, что, подавленное ежедневными, даже каждочасными тревогами, когда-то яркое чувство тускнеет, угасает.

И вот в эти минуты, темной ветреной ночью, на пустынном берегу, она вновь ощутила до боли нежность к Егорову. Нет, она не может, не имеет права его потерять. И если силы его окончательно покинут, и если он не сможет

идти, она будет тащить его на себе, пока не иссякнут ее силы. А если их окружают, она знает, что сделает.

— Отдай револьвер! — сказала она.

Он пробовал отстоять свое право стрелять в случае опасности, но она решительным движением отобрала оружие.

— Слушайся меня, Геня!.. Обопришь о мое плечо... Идем, идем!..

Когда начало светать, они уже достигли небольшого перелеска позади Люстдорфа и спрятались в глубоком, заброшенном окопе.

Глава вторая

— Федор Михайлович! Но ведь Савицкий приказал действовать немедленно! Я не могу отсиживаться тут до конца войны.

— Отсиживаться? Выбирай слова!..

Тоня тяжело перевела дыхание. Она сидела рядом с Федором Михайловичем, который лежал на соломенном тюфяке в низком каземате, освещенном желтоватым светом «летучей мыши».

Раненный в грудь, он потерял много крови, и если бы не партизанский врач Колесов, до войны лечивший глаза в клинике Филатова, а теперь единственная надежда партизан в случаях, требовавших немедленного врачебного вмешательства, он бы наверняка погиб.

Когда Коротков сказал Тоне, что Федора Михайловича убили в заварухе у входа в катакомбы, он был уверен, что его пуля достигла цели. Конечно, он не хотел играть комедию «спасения», но на этом настаивал Штуммер, понимая, что человек, который с ним встречался, потребует новых и более глубоких доказательств связи с руководством одесского подполья.

Скорее, скорее бы отсюда выбраться! Как хорошо сейчас на берегу моря. Шуршат тихие волны. А где-то там, вдалеке, где светло-голубое небо сливается с морем, плывет белый корабль. Год жизни — за один только час... да где там — за одну минуту счастья посидеть на берегу, всматриваясь в даль, ощущая на своих щеках порывы теплого соленого ветра!

Когда-то, перед войной, — это время казалось ей невс-

роятно далеким — она прочитала «Шагреневую кожу» Бальзака. Многого тогда не поняла, и только теперь ловила себя на мысли, что понимает искушение человека, решившего заплатить самую высокую цену за миг счастья.

Кто знает, читал ли Федор Михайлович эту книгу, а если даже читал, то вряд ли его можно смягчить ссылками на классические примеры. Он и носа не позволяет Тоне высунуть из катакомб. Монотонно текущее время давит невыносимо. А с Егоровым, за жизнь которого уже можно было не беспокоиться — сквозная рана плеча начала заживать, пуля, к счастью, не задела кости, — она уже договорилась о необходимости установить связь с Леоном Петреску.

Савицкому стали известны многие обстоятельства, связанные с планами обороны Одессы гитлеровским командованием, и в штабе армии были разработаны новые задания разведгруппе.

По мере отступления вражеских армий у них оставалось все меньше надежных коммуникаций, по которым могло поступать снабжение. Поэтому Одесский порт превратился в одну из ключевых баз для всех южных группировок. Сюда из Констанцы приходили корабли с войсками и техникой, отсюда те же корабли вывозили раненых, хлеб и награбленное имущество.

Знать, что делается в порту, советскому командованию крайне важно. А по мере наступления нашей армии эта необходимость возрастала с каждым днем.

Радистка сама принесла в катакомбы расшифрованную радиограмму, в которой Савицкий настаивал на ускорении начала операции в порту. Конечно, формально Федор Михайлович не мог вмешиваться в дела военных разведчиков, но все же он понимал, что после похищения Фолькенеца на ноги подняты и гестапо и сигуранца. Нужно, чтобы прошло время, которое позволило бы разобраться в обстановке и понять, как следует действовать.

По отрывочным сведениям, которые просачивались в катакомбы, лавочка подверглась настоящему разгрому. Очевидно, искали документы. Конечно, ничего найти не могли — документы Федор Михайлович хранил совсем в другом месте. Но несомненно все, кто к этой лавочке был причастен, внесены в список разыскиваемых.

Опасность велика! Прежде чем выходить из катакомб, следует во что бы то ни стало установить, как относятся в гестапо к исчезновению Тони. Связывают ли с ней то, что

произошло на берегу? Разыскивают ли ее или решили, что она погибла?

Пока прошло всего два-три дня, она еще может появиться, объяснив, что пряталась и, боясь нового нападения, приходила в себя от нервного потрясения. Найти человека, который подтвердит, что Тоня пряталась все это время в его доме, не так уж сложно, однако с каждым днем эти объяснения будут терять свою убедительность, и через неделю Тоня уже не сможет показаться в городе.

Так что буквально каждый час дорог.

Нет, Федор Михайлович не настаивал на том, чтобы Тоня оставалась в катакомбах. Но ведь неизвестна судьба Петреску.

Удалось ли ему убедительно объяснить фон Зонтагу и тем, кто несомненно его допрашивал, куда исчез Фолькенц и кто убил Штуммера и Зинаиду?

Конечно, ни Тоне, ни Егорову нельзя появляться в Одессе, пока не будут получены ответы на эти вопросы. Главное, если даже гестапо и не считает Тоню ответственной за все происшедшее, то о планах Штуммера в отношении ее наверняка знают его подчиненные.

Что же делать?.. В истории с Коротковым Тоня прошла проверку, серьезную и глубокую. И выдержала! Даже ликвидировала предателя. А как не просто убить человека, даже если это враг, Федор Михайлович понимал. Значит, Тоня уже не та девочка, которая казалась ему беззащитной, когда увидел ее в утро трагической гибели Андришки Карпова. Подумать только, как много пережито за эти несколько месяцев.

Опасность велика!

Но кто может разыскать Леона Петреску?.. А что, если Тюллер? Он ведь оставался наверху, в доме, и, конечно же, его никто не мог заподозрить в соучастии. Да и радистка рассказала, что видела его издали на Пушкинской. Значит, с ним все в порядке. Жаль, конечно, старика, потерявшего дочь. Какими бы сложными ни были их отношения, но дочь остается дочерью. Ужасно, что не удалось выполнить обещанное — не нанести ей вреда. Кто может объяснить Тюллеру, что она сама виновата в этом? Впрочем, он не может не понимать, что путь, который она себе добровольно избрала, не имел будущего.

Вечером, а о том, что наступил вечер, в катакомбах можно было узнавать, только справившись у дежурного,

Тоня и Егоров подсели к нарам, на которых лежал Федор Михайлович.

— Инвалидная команда в сборе, — улыбнулся он сухими, потрескавшимися губами и, трудно вздохнув, стал переворачиваться со спины на правый бок.

Тоня нагнулась над ним.

— Я помогу! Осторожно, Федор Михайлович! Еще повязку собейте...

— Чертов подлец! — Все поняли, что Федор Михайлович выругал Короткова. — Вот так!.. Хорошо!.. Присядь, Тонечка, поговорим...

Егоров опустился у ног Федора Михайловича на пустой ящик от снарядов, а Тоня примостилась с другой стороны, прислонившись спиной к шершавой каменной стене.

Некоторое время Федор Михайлович молчал и только комкал одеяло, то сжимая, то словно пытаясь оторвать его от груди. Не хватало воздуха.

— Федор Михайлович, а хотите, мы с Геней вас ночью вынесем? На носилках!.. Подышите чистым кислородом, — сказала Тоня. Ей очень хотелось сделать для Федора Михайловича что-нибудь хорошее, доброе.

Поправляя одеяло, она невольно коснулась его пальцев и испуганно отдернула руку. Еще в детстве, от соседки, которая работала в больнице медицинской сестрой, она слышала, что когда у тяжелобольного холодеют руки, — значит, ему остается жить немного. Она просто не представляла себе, что он может умереть, он стал ей необходим, как отец, о котором почему-то она не могла теперь думать, не вспомнив тут же и этого недавно еще сильного, а теперь беспомощно лежащего человека.

— Федор Михайлович! Что с вами?..

— Ничего!.. Ничего, ребята!.. Я выздоровлю... Мы еще повоюем! Так вот послушайте, — и движением руки он заставил Тоню умолкнуть. — Конечно, мне отсюда скоро не выбраться... А оставить вас без совета не хочу. Ты, Егоров, действуй осторожней... Без разведки — ни шагу.

— Хочу разыскать Петреску, — сказал Егоров. — Меня то на берегу никто не видел.

— Зато в моей лавочке — каждый день, — проговорил Федор Михайлович, — сразу и тебя и его накроют.

— Верно, — согласился Егоров. — Так как же мне на него выйти?

— Думаю, через Тюллера...

— Но ведь и Тюллер может быть под наблюдением,— сказала Тоня.

— Возможно,— согласился Федор Михайлович; его душило, он снова потерзал пальцами одеяло и тихо попросил:— Дай мне, Тонечка, воды. Немного, только пригубить.

Тоня поднесла к его рту железную кружку. Он отпил два небольших глотка и несколько секунд лежал молча, собираясь с силами.

— Мы пойдем... Отдыхайте, Федор Михайлович,— сказала Тоня.

— Нет!.. Нет!..— Федор Михайлович удержал ее за руку.— Нам надо договориться... Тоня, помнишь Бирюкова?.. Ты ходила к нему перед операцией в плавнях.

— Помню,— проговорила Тоня.

— Расскажи Егорову, где он живет... Пусть Бирюков разыщет Тюллера и договорится... Пусть придет на явку... Ты, Егоров, понимаешь?

— Понимаю, Федор Михайлович. Конечно, идти к Тюллеру самому опасно.

— Так вот, ребята, условились! А теперь идите, я посилю!..

Тоня вышла из госпитального отсека с тяжким чувством приближения неотвратимой потери.

Когда через несколько часов, очнувшись от тревожного сна, она вновь пришла в лазарет, то увидела, что в углу, где лежал Федор Михайлович, глухая тьма.

Она опустилась на каменный выступ и долго сидела, ни о чем не думая. Все чувства словно оставили ее.

Кто сказал, что во время войны привыкаешь к смерти? Кто это сказал?!

Можешь привыкнуть к мысли, что убьют тебя, но смерть друга всегда невыносима.

— Тоня!.. Тонечка!..— вдруг донесся из тьмы слабый зов.

— Федор Михайлович! Это я, Тоня!..

И услышала жаркий, заплетающийся шепот:

— Кто там бежит по насыпи?.. Бондаренко!.. Ложись!.. Ложись!.. Почему вода такая горячая?.. Тоня!.. Тонечка!..

Она не отходила от него всю ночь, меняя компрессы. К утру он очнулся.

— Еще поживем?.. А?..— тихо сказал он.

Егоров выбрался из катакомб одним из запасных выходов часов в пять утра, сумел пробраться окраинными улицами к развалинам разбомбленного дома и там отсиделся до тех пор, пока не появились первые прохожие.

Тоня подробно рассказала, где живет Бирюков, как он выглядит, сообщила пароль, и Егорову к тому же повезло: когда он вошел в ворота дома на Военном спуске, человек, по всем признакам похожий на Бирюкова, одетый в рабочую робу, направлялся к нему навстречу из глубины двора.

От неожиданности, оттого, что Егоров приготовился к условному стуку в дверь и уже повторил на разные лады парольную фразу, чтобы добиться естественности интонации, оттого, что план мгновенно и круто менялся — принимать решение надо было немедленно,— Егоров не то что растерялся, но словно бы споткнулся и сразу же встретился с настороженно-внимательным взглядом приближающегося человека.

Когда тот с ним поравнялся, Егоров, неловко повернувшись, скорее не произнес, а выдохнул парольную фразу. И тут же ощутил пронзительно острую боль в забинтованном плече. Очевидно, человек заметил, как по лицу Егорова пробежала судорога.

— Что с вами? — спросил он, приостанавливаясь.

— Нет, ничего...

— Идите за мной... Вот в те двери. По лестнице, дверь направо... Я пойду первым, а через три минуты... Хорошо?

Егоров только перевел дыхание. Он уже не видел ни двора, ни окон, все плыло перед глазами... «Только бы не потерять сознание»,— думал он, напрягая все душевные силы. Пристально смотрел в спину Бирюкова и никак не мог зафиксировать взглядом темную впадину двери в глубине двора — она перемещалась то вправо, то влево. И Бирюков направлялся к ней замысловатым крутым зигзагом.

Сколько минут он простоял под аркой? Три, пять, а может быть, и десять. Наконец боль начала успокаиваться, и сознание прояснилось. Вот она, дверь!.. До нее ведь напрямик не больше десяти метров.

Он поднялся по узкой и грязной лестнице на второй этаж, ощущая ломоту во всем теле, и, увидев приоткрытую дверь в квартиру, вошел в длинный темный коридор.

— Приляг! — сказал Бирюков, вводя его в свою небольшую комнату. — У меня еще есть минут десять... Ты что, ранен...

— Так... парапнуло, — усмехнулся Егоров, но все же опустился на старый, потертый диван, который тяжело вздохнул под ним всеми своими скрипучими пружинами.

— В грудь?

— Нет, в плечо... Вот сюда. — И Егоров дотронулся до отворота пиджака.

— Ты что же, хочешь у меня отлежаться?

— Нет, нет! — Егоров чувствовал, что без передышки хотя бы в два-три часа добраться обратно у него не хватит сил. — У меня совсем другое дело.

В комнате нависло молчание. Егоров смотрел в остро мерцающие зрачки Бирюкова и словно чего-то выжидал. Эта затянувшаяся пауза начала Бирюкова раздражать.

— Слушай!.. — грубовато произнес он. — Я ведь человек рабочий... Мне к восьми... А у тебя, вижу, время девать некуда.

— А ты действительно Бирюков?..

— Ах, вот ты о чем! К кому, значит, в гости пришел? — Бирюков улыбнулся и произнес парольную фразу: — Марией Михайловной интересуешься?.. Нет ее дома, ушла на рынок... А ты, парень, совсем что-то плох! Хочешь, сотворю яичницу?

— Не надо, — проговорил Егоров, чувствуя, как накатываются волны слабости; он отдал бы десять лет жизни только за то, чтобы остаться здесь на несколько часов. — Я пришел от Федора Михайловича.

Бирюков нахмурился.

— Как — от Федора? Он же ведь погиб. Об этом даже было напечатано в «Молве».

— Нет, он жив! Но тяжело ранен...

— А где он сейчас?

— В катакомбах.

Бирюков глухо кашлянул. В его взгляде Егоров уловил настороженность.

— Ты пришел оттуда? — спросил Бирюков, как бы заново присматриваясь к сидящему перед ним молодому парню. «Уж не хитро ли это расставленная ловушка? — как бы спрашивали его глаза. — А не из гестапо ли ты, братец?» Егоров уловил перемену настроения.

— Федор Михайлович был ранен в грудь, — сказал

он, — у самого входа в катакомбы. Его удалось вынести из-под огня...

— Ну, а как пленные?.. Их-то удалось спасти?

— В основном всех... Трое убиты... Пять ранены...

— Так... Так... — Бирюков прищелкнул языком. — Этот эшелон как раз моя бригада формировала. Среди пленных было много доходяг.

— Да уж, они не в лучшем виде...

Снова помолчали.

— Ну ладно, выкладывай, — сказал Бирюков, — что у тебя.

Егорову вдруг пришла идея: нельзя ли при помощи Бирюкова упростить задачу? Отказаться от всей сложной цепи Бирюков — Тюллер — Петреску и еще от кого-то, пока неизвестного, кто поможет Тоне поступить на работу в порт. Может быть, достаточно одного Бирюкова? Да и дело для Тони нужно не бог весть какое: стать посыльной или уборщицей. Главное — постоянный пропуск в порт и право появляться на разных причалах по своим служебным обязанностям. А сколько солдат и офицеров прибыли последним рейсом из Варны, сколько танков, орудий выгружали из трюмов на берег, не очень сложно запомнить, так же как и название корабля, и время, когда он покинул порт. Нет, совершенно не надо проникать в сейфы во вражеском штабе, чтобы овладеть строго оберегаемыми секретами. Достаточно одного внимательного опытного взгляда, и короткая сводка, переданная через линию фронта, поднимет в воздух звено бомбардировщиков, которые найдут в открытом море свою цель.

— Можно устроить в порт одну девушку? — спросил Егоров.

— Девушку? Это какую же?.. Не ту ли, что он ко мне присылал, когда эшелон освобождали?

— Ту самую, — сказал Егоров.

— Помню. Славная... Ну, как, сумела она тогда топоры в машины забросить?

— Забросила! — Егорову доставляло удовольствие слышать, как незнакомый человек тепло говорит о Тоне.

— Так что же нужно сделать? — деловито переспросил Бирюков.

— Устроить ее на работу в порт. На любую... Конечно, не мешки таскать.

— Задача.

— А как у нее с документами?.. — спросил Бирюков. — В отделе кадров порта сидят такие мерзавцы, где они только таились, когда Советская власть тут была? Чуть маленькое подозрение — сразу «стучат»... И забирают в гестапо... — Бирюков взглянул на часы. — Опаздываю уже на десять минут!..

— Подожди! — сказал Егоров. — Тогда давай решать иначе... Ты знаешь Тюллера?

— Нет.

— Он работает художником в театре. Пойди к нему, передай привет от Федора Михайловича и спроси, как я могу с ним увидеться. Скажи, что его хочет видеть очевидец того, что произошло на берегу. Он все поймет... Что говорят в городе о Люстдорфе?..

— Что там была какая-то перестрелка... Говорят, напали на немецкий штаб?

— Да не на штаб, — усмехнулся Егоров, — там у одного немецкого полковника было нечто вроде свадьбы, ну и...

— Понимаю!.. — Бирюков вновь взглядом ощущал его плечо. — Значит, во время этого дела тебя и царапнуло?

— Нет, не совсем там, — сказал Егоров; он решил, что не будет сообщать Бирюкову излишние подробности. — Ну как же?.. Можешь помочь?

— А ты где будешь ждать? — спросил Бирюков и, прочитав во взгляде Егорова безмолвную мольбу, строго сказал: — Ну ладно, оставайся!.. Но никуда до моего возвращения не выходи. К окну не приближайся... И вообще води себя тихо, как мышь... А захочешь есть, в шкафу под окном вареное мясо, соленые огурцы, хлеб в буфете. После работы зайду в театр... Очевидно, все же до комендантского часа вы встретиться не сумеете. Придется тебе тут заночевать.

Бирюков вышел во двор, и, приподнявшись, Егоров видел в окно, как он идет к воротам, твердо ступая сильными ногами. Во всей крижистой фигуре Бирюкова было что-то надежное, такие не предадут.

А потом он долго сидел в тишине, прислушиваясь к монотонному звуку капель, падающих из крана на кухне.

Проснулся он поздно вечером, когда его растормошил Бирюков. Проспать почти десять часов, да еще днем!.. Ну и ну!.. Он пошевелил плечом, боль как будто бы поутихла...

— Прихватила меня какая-то холера!.. — извиняющимся тоном сказал он, присаживаясь на диване. — Никогда еще днем не спал.

— А я очень люблю, особенно после обеда, — улыбнулся Бирюков. — Да разве при такой жизни поспишь!.. Ну, был я у Тюллера в театре... Обходительный мужчина. Он что, немец?..

— Да, из колонистов.

— Чем-то очень расстроен... Говорит, согласен встретиться завтра в десять утра в сквере у вокзала. Ты его знаешь?

— Узнаю!.. Мне о нем много рассказывали.

— Когда я сказал ему насчет берега, он даже в лице изменился.

— Да уж! — Егоров сумрачно помолчал: он никогда не сможет признаться Тюллеру, что убил его дочь, но должен сказать правду, которая если не облегчит его душевное состояние, то, во всяком случае, снимет с совести тяжелое чувство личной вины. — Ну, как дела в порту? — спросил он.

— Судя по приметам, у немцев дела неважны. Раненых много грузят.

— А хлеб?

— Хлеб само собой... А главное — машины, даже заводы наши демонтируют. Конечно, понимают, что положение у них шаткое... Румын из порта поперли. Теперь немец командует... По фамилии Петри.

— А как охрана?

— По ночам с овчарками патрулируют. Тем грузчикам, которые работают в ночную смену, дают специальные аусвайсы.

— Боятся, значит?..

— Конечно. Через порт знаешь сколько каждый день солдат и снаряжения проходит! Девушке твоей будет много работы... Так когда же ты ее положение выяснишь?

— Да вот после встречи с Тюллером.

Они поужинали вареным мясом, попили чаю, и Егоров снова заснул крепким сном. «Ну и первы у этого парня, — думал Бирюков, ворочаясь на своей жесткой постели, — мне бы так же... Сбросить бы десятка полтора лет... Вот она, молодость».

До глубокой ночи он напряженно прислушивался и даже раза два выходил во двор. Почему ничего не слышно? Почему? Неужели что-то помешало?!

И вдруг уже в предрассветной тишине со стороны порта донесся тяжелый удар. Затем после паузы — второй взрыв, более сильный.

— Та-ах! — прошептал Бирюков. — Интересно, сколько же цистерн полетело к чертовой бабушке?

Сон так к нему и не пришел.

Глава четвертая

Он оказался на берегу единственным живым. Прибывшая охрана нашла его лежащим среди камней невдалеке от трупа Штуммера. В правом боку — сквозная огнестрельная рана, не опасная для жизни, но все же лишившая возможности сопротивляться. Глубокая царапина на правом виске свидетельствовала о том, что, падая, Петреску сильно ушиб голову, и последовавшая за этим потеря сознания объясняла, почему он ничего не может сказать о бесследно исчезнувших Фолькенеце и Тоне.

Трое автоматчиков с трудом втащили его по каменной тропе на вершину обрыва и внесли в раскрытые двери дачи.

Встревоженный Тюллер ожидал на пороге. Он уже догадался, что с Зиной случилась беда. Когда следом за Петреску внесли ее и положили на диван в той самой комнате, где полчаса назад играла музыка и танцевали гости, он опустился на стул и долго сидел молча, старчески сутуля плечи.

Леон лежал в соседней комнате на узкой кровати. Ефрейтор из охраны деловито наложил на рану бинт, умело затянул узел и предложил коньяку.

— Дайте! — согласился Леон.

Ефрейтор налил из бутылки половину рюмки и протянул ее Леону.

— Господин полковник, говорят, сто капель коньяку создают литр крови! — пошутил он, сверкнув крепкими белыми зубами.

Леон выпил и устало откинулся на подушку. Ни на секунду не забывая, что каждое произнесенное слово, каждое движение, каждое проявление чувств могут стать свидетельствами «за» или «против» него.

Он не имеет права ошибаться ни в одном из своих показаний.

Так как же развивались события? Он спустился с Тоней к морю, чтобы объясниться ей в любви. Конечно, он ничего не знал о том, что она связана со Штуммером, и не догады-

вался о причинах его нервозности. Штуммер весь вечер ухаживал за Тоней, и это стало одной из причин, почему надо было увести ее на прогулку. Но все же Штуммер не оставил их в покое и пошел за ними. Втроем некоторое время они гуляли на берегу. За ними следовал автоматчик из охраны. Потом Штуммер предложил позвать Фолькенеца и Зину и настоял на том, чтобы за ними пошел он, Петреску. Чтобы не осложнять отношений, пришлось подчиниться. Когда Фолькенец и Зина уже спускались к берегу, он поспешил вперед, чтобы устроить жениху и невесте шутиливую встречу. Однако на том месте, где он оставил Штуммера и Тоню, их не было. Тогда он поспешил дальше, к большим камням, решив, что, может быть, Штуммер захотел от него избавиться. И вдруг споткнулся о его тело.

Штуммер лежал на песке ничком. Тони рядом не было. Он нагнулся, чтобы выяснить, что с ним стряслось, но в этот момент совсем близко, почти в упор, из-за камней прогремел выстрел, обожгло правый бок.

Падая, он ударился головой о камень и, теряя сознание, услышал еще выстрелы. Вот и все, что он может показать на следствии.

Где Фолькенец и куда делась Тоня, он не знает.

Фон Зонтаг, едва добравшись до штаба, где уже знали о событиях в Люстдорфе, отдав несколько неотложных распоряжений, сразу же помчался назад. Он едва успел позвонить в гестапо, чтобы оттуда на место происшествия выехали сотрудники Штуммера.

Он мог ожидать чего угодно, но не столь трагической развязки прекрасного вечера, который он провел в избранном кругу.

Конечно, фон Зонтаг знал о том, что Штуммер ведет сложную игру с русской девушкой. Но ведь как будто эта девушка доказала свою преданность не только спасением офицера, но и тем, что сумела выполнить несколько серьезных заданий.

Фон Зонтаг одобрял эти планы. Обстановка усложнялась, и получение максимальной информации о нарастающем сопротивлении в городе было крайне необходимо.

Однако то, что произошло в Люстдорфе, было происшествием чрезвычайным, которое, конечно, бросало тень на него лично и могло отразиться на его карьере.

Сейчас все эти планы Штуммера не то что рухнули —

они мгновенно забылись под ударами, последствия которых для себя фон Зонтаг даже не мог предвидеть.

Когда фон Зонтаг мчался по темному шоссе к Люстдорфу, то еще надеялся, что Фолькенеца найдут живым или мертвым где-нибудь на берегу.

Он даже предполагал, что Фолькенец преследует группу бандитов и через некоторое время или сам явится, или даст о себе знать.

Когда в синеватых лучах фар призрачно замечались фигуры солдат, блокировавших дорогу при въезде в Люстдорф, он приказал шоферу остановить машину.

Однако здесь еще ничего толком не знали. Подбежавший лейтенант испуганно доложил, что только что к берегу промчалась машина с эсэсовцами и ему приказали у всех тщательно проверять документы. «Удивительно,— подумал фон Зонтаг,— где же они меня обогнали?»

Когда он переступил порог дачи, двое эсэсовцев уже допрашивали Тюллера и Петреску.

Худоцавый эсэсовец с узким лицом и голубоватыми глазами сидел перед Тюллером, упорно смотревшим в одну точку, и выпрашивал подробности происшедшего.

— Господа, я ничего не знаю,— говорил Тюллер.— Все шло прекрасно! Была помолвка, моя дочь должна была выйти замуж... Господин Фолькенец ведь ее очень любит... Все ушли на берег, а я остался здесь... Заваривал кофе... А потом мою дочь убили!..

— А где полковник?..

— Разве его нет? — Тюллер впервые поднял глаза, встретившись с испытующим взглядом эсэсовца.

— Нет!.. И русской девушки тоже нет!.. Она была подругой вашей дочери?

— Да, они дружили... Говорят, эта русская девушка оказала немецкой армии большие услуги.

Эсэсовец собирался задать еще какой-то вопрос, но громкие шаги фон Зонтага заставили его обернуться... Он быстро поднялся.

Фон Зонтаг подошел к Тюллеру, протянул ему руку:

— Господин Тюллер, примите мои соболезнования. Мы сделаем все, чтобы покарать убийц. Я прикажу их публично повесить... Где Петреску? Что с ним?..

— В соседней комнате, господин генерал,— сказал эсэсовец и распахнул дверь в спальню.

— Боже мой! Боже мой!..— проговорил фон Зонтаг, мельком взглянув на Зинаиду.

Он вошел в спальню и прикрыл за собою дверь.

— Оставьте, пожалуйста, меня с моей несчастной дочерью наедине,— сказал Тюллер эсэсовцу.— К тому, что я сказал, не могу прибавить ни одного слова...

Эсэсовец встал и вышел на веранду. Он кого-то позвал, ему ответил из тьмы хриплый голос. Эсэсовец перелез через барьер веранды, прыгнул на землю и тотчас заспешил к берегу. За ним устремилось еще несколько человек.

Тюллер подошел к окну — вдалеке подрагивали огоньки карманных фонариков. Эсэсовцы тщательно осматривали берег.

«Что же там случилось?—мучительно думал Тюллер.— Почему погибла Зинаида?..»

Он вспомнил свой разговор с Федором Михайловичем. Конечно же, если бы он руководил операцией, этого не случилось бы.

Скорее бы ушел фон Зонтаг, тогда он сможет еще раз поговорить с Петреску, возможно, без свидетелей. Пусть скажет правду, самую жестокую, но правду, как в последний момент вела себя Зинаида!

Но произошло то, чего меньше всего ожидал Тюллер. Фон Зонтаг решил не ожидать санитарной машины и доставить раненого в госпиталь на своей.

Второй эсэсовец и солдат из охраны провели Петреску мимо Тюллера, поддерживая его под руки. Когда Леон увидел распростертое тело Зины, он невольно остановился.

— И ее?! Какое несчастье!

Потом медленно побрел дальше, сопровождаемый фон Зонтагом.

Отправив Петреску в госпиталь, генерал поехал отдохнуть, приказав продолжать поиски. Водолазы тщательно просмотрели дно на несколько десятков метров от берега. Один из автоматчиков припомнил, что ему как будто виделось какое-то темное пятно, удалявшееся от берега, но он не стал настаивать, и эта версия сама собой отпала.

Прожектора, исполосовавшие море своими лучами, не обнаружили никаких признаков лодки. Правда, они были включены с некоторым опозданием, но при полном штиле лодка несомненно была бы сразу же обнаружена...

Утром фон Зонтаг вернулся в штаб. Через два дня он

присутствовал и при похоронах Зины, тем самым невольно отведя подозрения от Тюллера. По поручению Леона Петреску из госпиталя на ее гроб был положен большой букет роз. Такой же букет Леон послал в день похорон Штуммера.

В последующие дни в палате, где лежал Петреску, несколько раз появлялись эсэсовцы. Тот, который допрашивал его на даче, Вилли Дауме, казался общительным и не лишенным юмора. Он сказал, что первый раз присутствует при чуде, в которое готов поверить. Господь решил взять на небо не только души, но и тела. Иначе он никак не может объяснить себе исчезновение Фолькенеца и русской девушки. Ни одна машина в эти часы у Люстдорфа не появлялась. Как ни прикидывай, но без вмешательства высших сил тут не обошлось.

Этого невысокого офицера Леон видел несколько раз в обществе Штуммера и обычно не вступал с ним в беседу. Сейчас же, столкнувшись с ним, Леон ощутил в Вилли Дауме сильного противника. Многому научившись у своего опытного начальника, Дауме в то же время сумел сохранить непосредственность, которая подкупала. Он не меньше десяти раз выслушал один и тот же рассказ Леона, и каждый раз с таким видом, будто слушает его впервые.

— Что вы можете сказать о русской девушке? — спросил он в один из своих приходов. — Вы уверены, что она не замешана в этом деле?

— Убежден, — ответил Леон. — Она ведь не могла за пять минут до того, как я пригласил ее прогуляться по берегу, знать, куда мы направимся. Да и я, признаться, не думал, что ее приглашу. Это получилось как-то само собой... Просто мне захотелось поговорить с ней о нашем будущем.

— Понимаю!.. Понимаю!.. — согласился Дауме. — Музыка, чудесный вечер... Располагает. Я видел эту девушку и, должен признаться, хотел бы, чтобы она меня спасла.

— Вот видите! — В глубине души Леон посылал этого Вилли Дауме ко всем чертам.

Беседы, которые не представляли ничего нового, сильно утомляли. Но, очевидно, Вилли Дауме как раз и рассчитывает на то, что, потеряв над собой контроль, Леон проговорится и обнаружатся подлинные обстоятельства всего происшедшего.

В одно из посещений Дауме сообщил, что назначен на место Штуммера, но по всему было видно, что это назначе-

ние не принесло ему большого удовлетворения. Скупой на выражение подлинных чувств, он не мог все же скрыть от Петреску, что отношение к румынам изменилось к худшему.

— Вы оказались очень ненадежными союзниками, — сказал он как-то в своей шутливой манере. — Фюрер приказал вашим армиям оборонять подходы к Днестру. Но боюсь, что к тому времени, когда вы выздоровеете, прекрасные девушки из Черновиц будут недоступны.

— У вас что, в Черновицах есть девушка? — прищурился Леон.

— Вы очень догадливы, майор!

Как ни был уклончив Дауме, сводя любой вопрос к шутке, Леон все же понял, что Тоня исчезла, не оставив следов. Поэтому в представлении Дауме и фон Зонтага судьба Фолькенеца тесно переплелась с ее судьбой.

Где же она? Неужели направилась к линии фронта? Или, может быть, скрывается где-нибудь в Одессе и теперь уже никогда, никогда их жизненные пути не пересекутся? Только сейчас он почувствовал, какое огромное место в его душе незаметно заняла эта хрупкая на вид девушка. День за днем, шаг за шагом она все сильнее овладевала его помыслами. Сначала он относился к ней с подозрением, потом незаметно для себя привык к ней. Она скрашивала его одиночество, вслед за этим наступил новый этап — возможность дружбы. Может быть, в эти месяцы он ее полюбил, но не отдавал себе в этом отчета. Затем в дни тяжелого нравственного кризиса, когда он окончательно понял, что Антонеску предает Румынию, он сам стал искать у нее поддержки, стремясь оказать любую услугу. То, что она разведчица, он ведь понял давно!

Но никогда он не вел с ней игры, направленной на разоблачение. Наоборот, с тех пор как он принял решение порвать со всем тем, что ему стало ненавистно, он добровольно принял на себя ответственность за ее жизнь.

И вот теперь все кончено! Выпало важное звено между ним и организацией, которой он может быть полезен. Опять он одинок! Опять!..

В те самые часы, когда Петреску в одиночестве предавался невеселым думам, уткнувшись взглядом в белесый потолок, на другом конце города, в душевной камерке театральных кулис, Тюллер терзался, выискивая способ

поговорить с Петреску. Он хотел получить ответ на мучивший его вопрос. Появляться в госпитале нельзя — они никогда не были лично знакомы и такое повышенное внимание несомненно станет известно в гестапо. И все же, несмотря на тяжелые переживания, Тюллер ни на минуту не забывал, какая возложена на него ответственность. Нет, нужно выждать. Когда-нибудь, возможно, он встретит Петреску, тогда обо всем расспросит.

После прихода Бирюкова Тюллер несколько раз принимал бром. Ночь казалась ему бесконечной. Уже в пять часов утра он был на ногах. Завтрак вызвал отвращение, выпил лишь стакан горячего чая.

Вышел из дому около девяти и долго, долго шел по Пушкинской, стараясь появиться в сквере у вокзала ровно к десяти. Бирюков дал приметы парня, который назначил ему свидание: невысокого роста, щуплый, серое потертое пальто, лицо узкое, тоненькие рыжеватые усики.

Ровно в десять он вошел в сквер и сразу же его увидит. Парень сидел на крайней скамейке и, казалось, смотрел куда-то мимо.

Тюллер подошел и молча присел рядом.

Парень хмуро смотрел в том же направлении, не проявляя к соседу никакого интереса.

— Здравствуйте, — наконец сказал Тюллер.

— Здравствуйте, — отозвался парень сдержанно и, как показалось Тюллеру, не очень любезно, и это сразу его еще больше сковало.

— Слушаю вас.

— Я к вам от Федора Михайловича.

— Что с ним?

— Он ранен.

— Нужны лекарства?

Егоров озадаченно наморщил лоб — вопрос, казалось, был задан к месту, но тоном, явно подчеркивающим отчужденность. Как поговорить о необходимых документах для Тони и не касаться того, что произошло на берегу?

— Не знаю. Он их не просил. — Теперь Егоров смотрел себе под ноги, ощущая рядом тяжелое дыхание немолодого человека. — Нам нужно заново легализовать одну девушку... Вы ее знаете... Она была... у вас с этим... с Петреску.

— Тоня?

— Да, Тоня.

— Она жива?!

— Жива.

В голосе Тюллера прорвалось столько человеческой боли, что Егоров вдруг понял, — не только должен, а обязан сказать правду. И все же это было трудно!.. Почему так случилось, что единственный человек, которого он убил, должен был оказаться его дочерью!

— Вы должны мне все рассказать! Все!.. — страстно проговорил Тюллер. — Федор Михайлович обещал мне, что этого не случится. Он же дал честное слово!..

— И этого бы не случилось... Мы не хотели!.. Но она убила одного из нашей группы... Вы слышали выстрел?

— Да!.. Да!.. Слышал. — Тюллер вспоминал все, что происходило в те тревожные минуты. — Но мне показалось, что сразу прозвучало три выстрела...

— Когда мы схватили Фолькенеца, она выстрелила в Михайла... Тут уже пришлось... Но первой выстрелила она...

— Как вы это докажете?

— Зачем же нам было поднимать шум! Мы старались провести операцию как можно быстрее... Силы у нас были маленькие, мы не смогли бы выдержать бой даже со взводом солдат.

— Пожалуй, вы правы, — проговорил Тюллер. — И я во многом виноват... Как вас зовут?

— Геня.

— Геня, запомните, что я вам сейчас скажу. Даже если случится так, что вам придется покинуть женщину, которую вы любили, никогда не оставляйте своего ребенка. Всегда будьте ему отцом!

Егоров словно перетаскал с места на место сто тяжелых камней. Спина ноет, голова потная, ноги дрожат от слабости. Ему бы самому сейчас полежать недельку в лазарете. Но наконец-то все самое трудное в этом разговоре позади.

Он снова заговорил о документах для Тони.

— Не советую, — сказал Тюллер. — Скрыться в Одессе трудно. Особенно в порту. Кто-нибудь встретит, и тут же выяснится, что у нее липовые документы. Нет, нет!.. Надо придумать что-нибудь другое. Так и передайте Федору Михайловичу...

— Верно! — согласился Егоров. — Но как ей сейчас появиться?.. Ее ищут?..

— Я бы не сказал, что ее ищут. Она исчезла вместе с

Фолькенецем, поэтому считается, что их постигла одинаковая судьба.

— Ах, вот как!.. — Егоров облизнул губы. — Значит, ее не считают участницей диверсии?

— По-моему, скорее одной из жертв.

Егоров поднялся.

— Спасибо!.. Спасибо! — проговорил он с чувством вины перед этим немолодым человеком. — Вы уж поймите... Простите нас. Не могли мы поступить иначе.

— Понимаю! — глухо отозвался Тюллер. — И не виню. Борьба!.. Если Федор Михайлович будет настаивать, приходите... А ему — здоровья... — Они помолчали. — Как на фронте-то? В «Молве» только победные вопли. Ходит слух, что наши уже Днестр перешли...

— Да, в катакомбах сводку Совинформбюро вчера приняли — наступление идет большое. Освобождена Умань! Уже нельзя ехать во Львов — железная дорога перерезана!

Они расстались.

Егоров возвращался в катакомбы сложным кружным путем, таясь от патрулей.

Но теперь он уже знал, как надо действовать.

План, конечно, рискованный, но в случае удачи Тоня сразу же сможет приступить к выполнению нового задания Савицкого.

Глава пятая

Жители одесских окраин уже привыкли к частым почным заварухам. То кто-то отстреливался во время облавы, то полицаи гнались за убегающим в катакомбы, то вдруг начиналась такая кутерьма, что старики принимались вспоминать лихие времена Мишки Япончика. После каждой такой беспокойной ночи обычно оказывался разграбленным какой-нибудь магазин новоявленных капиталистов, а виновников так и не находили. Конечно, Дьяченко мог бы многое рассказать о том, как обогащаются некоторые его коллеги из полиции, но он бесследно исчез с той самой ночи, когда группа покинула лавку.

Вооруженная вальтером, «отобранным» у одного из охранявших ее подпольщиков, Тоня выбежала на поверхность земли. Влажный мартовский ветер ударил в лицо.

Стрелять!.. Стрелять!.. Нужно вести бой с преследова-

телями. Пусть пули свистят над головой, пусть впииваются у ног в землю, — никто в темноте не увидит, что преследователи не очень-то пытаются нагнать свою жертву. Скорее бы наткнуться на патруль и попросить о помощи. Вот тогда уже ее бегство из катакомб будет официально зафиксировано. В нее стреляли, она стреляла в тех, кто стрелял в нее. Круг будет замкнут, и те, перед кем она предстанет в гестапо, должны будут выслушать ее сбивчивый и взволнованный рассказ о том, как ее похитили на берегу и как она героически действовала в катакомбах.

Этот план принадлежал Егорову. Когда он вернулся после встречи с Тюллером, он уже в общих чертах его продумал. Из катакомб нужно уходить как можно скорее. Лучше всего бежать!..

Однако существенные детали подсказал Федор Михайлович. Не просто бежать, а с боем!.. Ради чего?.. И вот здесь Федор Михайлович придумал главное. Тоня должна принести важнейшую новость — Фолькенец в катакомбах!.. Он взят как заложник для того, чтобы не были применены газы.

Они обсуждали этот вариант со всех сторон. Несомненно в гестапо сразу начнут серьезную проверку сообщения Тони, сделают все возможное, чтобы вызволить Фолькенеца. Несомненно среди военнопленных у них есть агенты. Правда, Федор Михайлович посоветовал командиру партизанского отряда разместить спасенных в отдаленных выработках и постепенно всех проверить, но полную изоляцию все же осуществить не удалось. Все время возникала необходимость посещения лазарета, кухни, общения на дежурствах.

Да и можно ли уследить за человеком в этих темных и мрачных лабиринтах, которые тянутся на десятки километров в разные стороны! Единственное, что удалось сделать, — выставить заградительные посты на наиболее вероятных направлениях, откуда может проникнуть враг, и заставить некоторые входы.

Однако при известных обстоятельствах недостатки могут обернуться и достоинствами. «Солдатский» устный вестник в катакомбах работал, как хорошо налаженный телеграф. Командование партизанского отряда научилось не только почти мгновенно подавлять провокационные слухи, которые распространяли гестаповские агенты, но, идя «по цепочке», доходить до первоисточника.

После долгой и тихой беседы с Федором Михайловичем командир партизанского отряда вернулся в свой отсек и сказал писарю Фокину:

— Слушай-ка, Сережа, позови сюда ребят вот по этому списку. А когда придут, в отсек никого не пускай! У нас будет важное совещание.

Когда пятеро надежных партизан собрались, командир объяснил им задачу: распространить слух, что в катакомбах находится немецкий полковник, которого схватили на берегу, и что он жив, здоров, даже поставлен на довольствие.

Через два часа уже все в отряде знали, что где-то в катакомбах спрятан немецкий полковник. Теперь, если даже один из агентов сбежит, его информация лишь подтвердит сообщение, принесенное Тоней.

События развивались почти так, как были задуманы. В какой-то момент Тоня наткнулась на патруль, выбежавший к перекрестку улиц, и тут ее чуть-чуть полицаи не ухлопали. В горячке они стали стрелять в ее сторону и перестали лишь тогда, когда она закричала, что своя, и указала туда, где находились ее преследователи.

Убедившись, что Тоня находится под защитой, партизаны оторвались от преследователей и вернулись назад.

Один из полицаев, лысоватый человек лет пятидесяти, долго вытирал большим носовым платком шею и блестящую лысину.

— Ты-то кто такая? — говорит он, удивленно рассматривая Тоню. — С пистолетом играешься? Давай-ка его сюда! Ты что в катакомбах делала?..

— Это не ваше дело, — сказала Тоня. — Ведите меня в гестапо!

— В гестапо захотела! — усмехнулся второй полицай, молодой парень лет двадцати пяти; Тоня особенно ненавидела этих молодых, как правило, дезертиров. — Не торопись!.. Туда всегда успеешь!..

Они повели ее в полицейский участок, а уже оттуда, и то по ее настоянию, дежурный позвонил в гестапо и сказал, что задержанная во время стрельбы у катакомб сама требует, чтобы за ней приехал представитель. Дежурный гестапо спросил ее фамилию.

— Марченко! — крикнул дежурный в трубку и, бросив ее на рычаг, досадливо добавил: — Чтоб тебе ноги поломать, как ты русский язык коверкаешь! Вас ист дас? Кислый

квас!.. Посиди, девушка, сейчас приедут. — И он погрузился в составление рапорта о происшествии.

Через полчаса за Тоней приехала машина, и молчаливый ефрейтор повез ее через всю Одессу к дому, который был привычно связан в ее представлении со Штуммером. Кто же теперь встретит ее в знакомом кабинете?

Офицер, который поднялся ей навстречу, несомненно знаком. Он встречался ей, очевидно, в одно из ее посещений Штуммера.

Пожалуй, он помоложе да и помягче, только вот его лицо чрезмерно бледно, заметны отеки под глазами — следы ночных допросов.

— Меня зовут оберштурмфюрер Дауме, — коротко представился офицер. — Штуммер был не только моим начальником, но и другом.

Тоня кивнула.

Дауме выслушал ее рассказ, не переставая по временам делать заметки на листе бумаги. Привычная бесстрастность покинула его на несколько мгновений, когда он услышал поразительную новость — Фолькенец жив и упрятан бандитами в катакомбы как заложник, чтобы партизан не отравили газами.

— Вы уверены, что он жив, фрейлейн Тоня?

— Об этом в катакомбах говорят все, я видела, как ему носили обед.

— Так!.. — Дауме помолчал. — А вы знаете точно, где он находится?

— Нет. Это держится в строгом секрете... — Тоня прикинула в уме. — Я могу указать только общее направление. Он находится примерно метрах в четырехстах от входа, которым я вышла.

Дауме покачал головой:

— Четыреста метров!.. Впрочем, можно попробовать... Вы едва сидите, фрейлейн?!

— Я столько пережила за эти дни.

— Однако вы очень решительны.

Тоня взглянула в глаза Дауме и выдержала его чуть насмешливый взгляд.

— Да, решительна, — сухо ответила она, — и Штуммеру это было известно!

— У вас как будто остался должок, фрейлейн!

— Да, — твердо сказала она, — теперь, после всего, что произошло, когда один из моих друзей погиб, а другой

схвачен и страдает, я принимаю предложение и буду выполнять свой долг так же, как и до сих пор.

— Да, да,— Дауме внимательно вслушивался в каждое произнесенное ею слово,— Штуммер был доволен вами. К сожалению, Коротков убит. Он хотел вас обоих объединить. Кстати, фрейлейн, вам что-нибудь известно об обстоятельствах гибели Короткова?

Вопрос был задан как бы вскользь, но Тоня сразу же ощутила, что ей подсунули мину с часовым взрывателем и если сразу же не нарушить контакты, то через несколько секунд адская машина взорвется.

— Коротков сам посылал меня по одному адресу.

— По какому?

— На Малую Арнаутскую... Во фруктовую лавочку...

— Дальше!.. Дальше!..— Во взгляде Дауме светился откровенный интерес.— И к кому же вы там обращались?

— Я должна была передать хозяину лавочки, что Коротков его будет ждать на другой день в шесть часов вечера.

— Где?

— В сквере на Соборной площади.

— И они встречались?

— Не знаю!

— Когда это было?

— С неделю назад.

— А точнее?

— В позапрошлый вторник.

— Сегодня четверг,— прикинул Дауме,— значит, десять дней назад. А убит Коротков в воскресенье... Спасибо! Многое проясняется... Вам есть куда пойти, фрейлейн?

— Да. Я мечтаю добраться до моего милого жесткого дивана.— С усталой улыбкой Тоня поднялась.

Они помолчали.

Дауме отпустил ее домой, не назначая точного срока свидания. Очевидно, у него были свои заботы, и пока для Тони в его планах не было места.

Глава шестая

С высоты Приморского бульвара Тоня долго вглядывалась в порт, черневший у ее ног. Вот у дальних причалов стоят большие корабли, по трапам спускают какие-то люди.

Два крана загружают трюмы ящиками. Но какие названия у этих транспортов, что в ящиках, отсюда не разглядишь и не догадаешься. Нет, надо поскорее поступить на работу, буквально не теряя ни одного дня.

Газеты молчат о событиях на фронте, но сколько тыловых частей и штабов отступило в город!.. Как жаль, что нет Леона... Что случилось, когда он остался один? Может быть, он в тюрьме?.. Дауме, конечно, знает их историю, и интерес к судьбе румынского офицера с ее стороны не мог ему показаться неестественным. И все же лучше обойтись без информации из этого отравленного источника.

Она уже два дня жила у себя дома. Как все-таки приятно чувствовать себя окруженной привычными с детства вещами! Неужели же наступит день, когда снова соберется вместе семья? Отец!.. Жив ли он? А Катя? Кто знает, как сложилась ее судьба. Вот будет освобождена Одесса, но вернется ли она домой?..

Какой теплый этот мартовский день! И какой-то добрый. Нет, сегодня ей обязательно повезет. Должно. Сейчас она сбежит вниз по ступенькам Потемкинской лестницы и там, внизу, свернет направо... Паспорт при ней, в кармане пальто.

Смелее, Тоня!..

Когда она шла длинным сумрачным коридором к дальней двери с окошечком, куда направил ее дежурный, снова возникло теперь уже ставшее привычным напряженное ожидание того, что может произойти.

Это тревожное чувство, размытое, до конца не осознанное, его нельзя выразить словами, но в то же время оно лишнее, какое-то низменное, оскорбительное. Иди, Тоня, иди. Не бойся. Это же всего-навсего отдел кадров порта!

Вот окошечко, оно прикрыто грязноватой дощечкой из фанеры, исчерченной разноцветными карандашами.

Тоня осторожно постучала согнутым пальцем. Дощечку отодвинули не сразу. Сидевший в комнате по ту сторону двери о чем-то весело говорил по телефону, но о чем, понять было трудно, да Тоня и не прислушивалась.

Наконец голос замолк, и дощечка медленно отползла в сторону. Теперь Тоня увидела человека, который мог решить ее судьбу. Он уже немолод, ему далеко за пятьдесят, но темно-синий морской китель его молодит, лицо его гладко выбрито, и он казался бы совсем симпатичным, если бы

не выпуклые блестящие глаза, в которых застыло выражение неприятной цепкости.

— Тебе чего? — спросил человек, не отпуская края дощечки; очевидно, он сразу понял, что разговор будет коротким.

— Мне нужна работа, — проговорила Тоня.

— Грузчиком пойдешь? — спросил тот с издевкой.

— А что, разве нет другой?

— Нет! А девушек вообще не принимаем! — И дощечка наглухо захлопнулась, отрезав Тоню от огромного дымного порта.

Какая же она дура! Дура!.. Дура!.. Геня говорил ей, что следует обратиться за помощью к Бирюкову... Что же теперь делать? Сама все испортила. Идти к Дауме? Он, конечно, поможет, но, наверно, сразу же накипет петлю потуже той, от которой едва избавилась.

Что же теперь сообщать Савицкому? Сунулась в порт — и не пустили!.. Нет, второй такой самоуверенной дуры на свете нет. Надо искать выход! Самой, ни к кому не обращаясь.

Она стояла у входа в отдел кадров, на верхней ступеньке каменной лестницы. День уже не казался ослепительно счастливым. Люди и машины, как тени, скользили мимо, и она их не видела. Сосредоточенная на одной мысли, она не двигалась с места. Она должна! Ее не могут не принять на работу!..

По ступенькам лестницы медленно поднимался суховатый человек в морском кителе. У него было недоброе морщинистое лицо, и поджатые губы словно застыли в высокомерной усмешке. Если бы Тоня знала, кто этот человек, то, завидев его издали, постаралась бы не попадаться ему на глаза. Во всяком случае, не обратилась бы к нему за помощью.

Но она увидела его впервые и сразу определила, что он наверняка обладает в порту административной властью. Новый, тщательно отутюженный китель, хорошо начищенные ботинки, уверенная поступь человека, сознающего свое высокое общественное положение.

— Господин! — робко проговорила Тоня, когда моряк уже потянул на себя входную дверь.

Морщинистое лицо обернулось. Тоне показалось, что сероватые глаза словно чуть улыбнулись. Он задержал в руке дверную скобу.

— Что тебе, девушка?

— Вы, наверное, здесь начальник? — проговорила Тоня.

Неподдельное отчаяние, прозвучавшее в ее голосе, могло растопить и глыбу льда.

— В некоторой степени. А что случилось?

— У меня все погибли, господин начальник! И отец и мать... Я хочу работать. Мне надо работать!.. Помогите мне, господин начальник!

— Но почему именно в порту? Разве нет других мест? Иди на Дерибасовскую. Поступишь в какой-нибудь магазин продащицей. Хорошенькие девушки везде нужны.

— Нет!.. Нет!.. Мой отец был моряком. Где и когда он погиб, я даже не знаю!.. Он был моряком на сухогрузе, господин начальник.

— Сколько же тебе лет?

— Двадцать один!

— Ты умеешь печатать на машинке?

— К сожалению, нет...

— Может быть, ты знаешь бухгалтерию?.. Ну, простыми счетоводом ты можешь быть?

— Я этого никогда не изучала, — тихо проговорила Тоня, чувствуя, как рушатся последние надежды.

Моряк пожал плечами:

— Ну ладно, иди за мной. — И он быстро направился в противоположный конец коридора, к уже знакомой неприятливой двери.

Подойдя, он не стал стучать в окошко, а просто сильным ударом ладони откинул фанерную заслонку внутрь комнаты.

— Сколько раз я тебе говорил, Серегин, что надо сделать настоящую дверцу!

— Простите, Петр Петрович, — слышался знакомый голос. — Никогда не соберусь.

— Вот что, Серегин, эту вот девушку, что стоит в коридоре, оформи уборщицей или посыльной.

— В управление?

— Куда хочешь. С завтрашнего дня. — Он повернулся к Тоне: — А про меня все тут говорят — изверг! — И, не простившись, направился к лестнице, которую Тоня заметила в начале коридора.

Через полчаса у нее в кармане уже лежал заветный документ — пропуск в порт. Посыльная. Самая лучшая

должность! Весь порт — поле ее деятельности. Всюду ее появление вполне естественно. «Иван Иванович, вас требует к себе начальник!», «Сергей Сергеевич, вам пакет!»

Перед комендантским часом она оставила в «почтовом ящике», которым служило дупло дерева невдалеке от Ланжерона, сообщение для радистки, назначив ей свидание на Приморском бульваре у Пушки через пять дней в шесть часов вечера.

Она договорилась с Егоровым, что как только он наберется сил, то присоединится к ней, поступив в порт. Для этого ему придется постричься наголо, сбрить свои усики, которые, кстати, ему совсем не идут, и заменить документы.

Первые дни она просто ходила по порту, по причалам, вживаясь в новую обстановку. И действительно, стоя у парапета Приморского бульвара, с птичьего полета нельзя представить себе и десятой доли того, что можно рассмотреть вблизи. Сразу начинаешь понимать, в какую сторону дуют ветры войны.

Удивительно было то, что в порту почти не осталось румын. Как рассказала секретарша Петра Петровича Корабельникова, в помощь которой Серегин и определил протеже своего весьма строгого начальника, немцы в течение нескольких дней убрали из управления всех румынских специалистов и заменили их своими. А что касается Корабельникова, то в отношении него действовали совершенно иные нормы. Он остался в Одессе, прятался где-то, пока советские войска еще находились в городе, а как только власть взяли гитлеровцы, сразу же предложил свои услуги. В далеком прошлом, говорят, он был врангелевским офицером, но не отправился в эмиграцию, а остался, явился с повинной и был амнистирован, так как больших провинностей за ним не числилось. И вот этот затаенный враг дождался своего часа.

Сменялись пачальники порта, а он оказывался незамеченным и при румынах, и при немцах.

Сначала грузчики еще терпели его жестокость, но когда он избил одного из них на причале за то, что тот уронил в воду мешок с мукой, ненависть к нему стала стойкой. Но тогда, как рассказывала секретарша, он был еще начальником хлебных складов. Вскоре после этого кто-то покушался на его жизнь. В виде поощрения его возвели в ранг заместителя начальника порта.

— Чудеса! — сказала Мария Семеновна, когда выслушала Тонину историю.

Это была пожилая женщина, уже бабушка. Дочь с детьми эвакуировалась, а Мария Семеновна как раз в эти дни тяжело заболела, и пришлось остаться.

Появление Тони ее насторожило — уж не готовит ли начальник замену? Но бесхитростный, открытый характер девушки ее подкупил, и постепенно они подружились.

О Петре Петровиче у нее было собственное мнение, отличное от установившегося.

— Он не добрый, — говорила она, — но и не делает подлости. Нет, нет, на это он не способен. Где-то в глубине души он совсем другой. Поверьте, уж я-то в людях разбираюсь. Но он словно все время чего-то ждет.

— Как — ждет?.. Волнуется?

— Нет, все гораздо сложнее, Тонечка! Сколько раз я замечала, что, как только появляется незнакомый человек, Петр Петрович пристально следит за ним, изучает.

— Значит, любит новых людей.

— Нет, этого тоже сказать нельзя... Он быстро теряет к ним интерес... Что за натура такая, не пойму!..

Работы у Тони оказалось много. Корабельников управлял всем складским хозяйством, писал много распоряжений. К вечеру первого дня у Тони, как говорится, «гудели ноги». Она побывала на четырех самых отдаленных причалах, разыскивая всяких мелких начальников, которым и вручала под расписку запечатанные пакеты, и во многих других местах.

Да, первое же ее сообщение через линию фронта порадует Савицкого. В порту разгрузилась немецкая пехотная дивизия, прибывшая из Франции; двадцать одна самоходка и шестьдесят четыре орудия. Штаб дивизии на машинах отбыл на вокзал. Ночью в Варну выйдет корабль «Христина», груженный пшеницей и машинами; на верхней палубе — около трехсот раненых. В порту большое скопление самых разных грузов, в том числе подбитые танки, — их Тоня насчитала семьдесят шесть, искалеченные орудия, требующие капитального ремонта. Жаль, не сумела сосчитать солдат прибывшей дивизии. Разгрузка шла третий день, и многие части уже покинули порт. Впрочем, счет, конечно, мог быть только примерным. И все же он необходим.

Работа есть работа, и Тоня постоянно находила свои

маршруты, стараясь сохранять силы и в то же время держать под наблюдением территорию порта.

Несколько раз лицом к лицу сталкивалась с Бирюковым. Он отводил глаза и торопливо проходил мимо. Что ж, конспирация прежде всего!

Когда на второй день вечером, измотанная непрерывной беготней, вернулась домой, на диване в столовой ее дожидался неожиданный гость.

— Леон! — воскликнула Тоня. — Ты?!

Он встал и протянул к ней руки:

— Здравствуй, дорогая домнишуара!

Глава седьмая

Она сразу же заметила, что он прихрамывает, но пытается это скрыть. С его лица еще не сошла больничная бледность. Да, ночь на берегу всем обошлась дорого.

А все же, как здорово, что он жив! Пришел и сидит на своем любимом месте, на краю дивана, облокотившись о валик.

— Это чудо! — сказал Леон, рассматривая Тоню. — Ты цела и невредима!

— Цела и невредима, — улыбнулась она. — А ты, кажется, переусердствовал?

— Нет. Это шальная пуля... Правда, она мне помогла.

— Но зачем ты вышел из госпиталя? Тебе еще надо лечиться...

— Вышел? — Леон вздохнул. — Не вышел, а сбежал!..

— Сбежал? Тебя преследуют?

— Все обошлось. Фон Зонтаг далек от мысли, что я причастен к исчезновению Фолькенеца... Кстати, и твоего тоже... Объясни, почему ты дома?

— А почему ты сюда пришел, если считается, что я исчезла?

— Это мне сказал оберштурмфюрер Дауме, которого назначили вместо Штуммера. Он приходил ко мне в госпиталь.

— Значит, он тебя давно не навещал?

— Как тебе известно, он один из самых моих близких друзей. Я обожаю его так же, как Штуммера.

— Твоя ирония неуместна. Уже три дня, как я знакома с Дауме.

С лица Петреску сползла улыбка.

— Ты, конечно, пришла к нему не с пустыми руками?

— Ты угадал. Я оказала гестапо еще одну важную услугу.

— Какую?..

— Я сообщила, где находится полковник Фолькенец.

— Ты с ума сошла!

— Возможно. Но к тому, что Фолькенец находится в катакомбах, Дауме отнесся со всей серьезностью.

— Но ведь он наверняка сможет это проверить.

— Не думаю. Во всяком случае, если проверка начнется, я об этом узнаю. Следы Фолькенеца так заметны, что тот, кто начнет их разыскивать, неизбежно попадет в поле зрения моих друзей. — Она расставила на столе чашки и пошла на кухню, чтобы разжечь в плите огонь. — Леон, принеси кофе! Коробка в буфете.

Несколько минут покоя, пусть обманчивого. Какое это счастье, когда на плите закипает чайник, а в воздухе пряный аромат крепкого кофе! И никуда не надо спешить. Блаженное состояние!..

— Почему же ты все-таки сбежал? — спросила Тоня, когда они пили кофе. — Ты в отпуске?

Он некоторое время задумчиво помешивал ложкой кофе.

— Удивительно! — сказал он, тряхнув головой. — Прошло всего несколько месяцев, как за этим же столом я умолял тебя уехать... Мне казалось, что в этом твое единственное спасение.

— Что-то случилось, Леон?

— Да, случилось!.. Советские войска вышли на берег Южного Буга. Это значит, что они на пороге Николаева. А за ним очередь и нашего прекрасного города.

— А ты не спросил, где я сейчас работаю.

— Где?

— В порту, дорогой Леон!.. Может быть, тебя посадить на корабль?

Он усмехнулся:

— Нет, нет уж! За это время я стал другим. — Он встал, обошел вокруг стола и положил руки ей на плечи. — По-клянись, — сказал он с неожиданной суровостью, — что ты сообщишь о том, что я тебе сейчас доверю, через линию фронта.

— Леон!..

— Это крайне важно!.. Речь идет о судьбе Одессы... Город в опасности. Его хотят разрушить!

— Разрушить? Каким способом?

— Не знаю. Очевидно, будут взрывать. Дауме намекает на это. Но он еще более скользкий, чем Штуммер. Ничего конкретного я так и не смог у него выудить.

Она поднялась.

— Так что же, это слухи или реальная угроза? Что я должна сообщить?

— Ты все сводишь к элементарной арифметике... Я не могу тебе положить сейчас на стол планы Дауме. Если хочешь, нам еще надо потрудиться... Но я убежден, что порт — один из тех важных объектов, который не может быть ими не внесен в список...

— Ты прав, Леон, — сказала Тоня. — Я буду следить за всем, что делается в порту.

— Где твой друг, который тебя увел с берега?

— В катакомбах.

— Надеюсь, он здоров?

— Его тоже немного царапнуло.

Леон выпил остывший кофе.

— Ну, мне надо спешить.

— Когда ты появишься?

— Нашей армии приказано защищать Бессарабию. Штаб выехал из Одессы. Но здесь склады, а в Бухаресте крайне заинтересованы, чтобы они не достались немцам. Сегодня я выеду в штаб, чтобы получить благословение Манулеску. А дня через три вернусь с командой солдат... Склады большие, а кораблей мало, так что времени у меня будет предостаточно...

Он ушел, и Тоня увидела в окно, как он, уверенно шагая, переходил улицу. «Неужели же его решение твердо? — думала она, провожая его взглядом. — Тогда он еще поможет».

Она решила при первой же возможности осмотреть самые дальние участки порта — нет ли где-нибудь склада со взрывчаткой. Где он находится, можно понять по усиленной охране.

Но на другой день у нее не было ни секунды свободной. В порт непрерывно въезжали вереницы машин. Грузчики уже не успевали, им на помощь посылали солдат. Удивительно, как буквально в одну ночь все изменилось! Если еще вчера жизнь порта подчинялась определенному регла-

менту, то сегодня на огромной территории — вокруг причалов и складов, у железнодорожных путей, куда прибывали эшелоны без всякого расписания, — закручивался со все большей силой человеческий круговорот.

Солдаты тащили орудия, которые увязали колесами в железном хламе, разбросанном на дорогах, санитарные машины, пытались пробиться к транспортам, гудели надрываясь, но никто не уступал им дороги. Немецкие офицеры ссорились, доказывая свое право приказывать. На рейде появилось много новых кораблей. Они ждали своей очереди.

Это были первые отливные волны еще не объявленного отступления. В городских газетах истинное положение на фронте тщательно маскировалось искусно составленными военными релициями, полными оптимизма. Жизнь на Дерибасовской, казалось, течет спокойно, и нет никаких признаков нарастающей тревоги немцев.

А порт, как зеркало, отображал все, что происходило на фронте. Да, Петреску был прав. Очевидно, удар на Южном Буге панесен с такой силой, что у гитлеровского командования нет надежды удержать Одессу. А значит, опасность для нее действительно реальна и приближается с каждым днем.

Надо действовать! Но как?.. Конечно, через радистку, она сможет вызвать Егорова. Но он еще слишком слаб, для того чтобы таскать вверх по сходням мешки с зерном и накрепко забитые ящики с адресами, написанными густой черной краской. Федор Михайлович сейчас может помогать только советами. Дьяченко?! Где его разыщешь? Возможно, его уже и нет в городе. Леон?.. Конечно, он может сделать многое, но ей нужен человек, который будет в порту если не рядом, то, во всяком случае, недалеко от нее, обладающий влиянием и связями среди грузчиков.

Как же это она забыла, что такой человек существует! Его и искать не надо — Бирюков! Он, наверно, сам ждет не дождется, когда обратятся к нему за помощью.

В этот день все пакеты Корабельникова доставлялись молниеносно. Когда он был ей не нужен, Бирюков встречался часто, а теперь, как назло, пути его были несовместимы!

Наконец Тоня заметила его плотную спину в синей робе; он с группой грузчиков помогал немецким солдатам вытаскивать из кювета грузовик.

Проходя по обочине, Тоня незаметно ткнула его пальцем в бок. Он что-то кричал в это время, подбадривая грузчиков.

Пришлось подождать минут десять, когда наконец обоюдными усилиями машину вытащили на дорогу и, набирая скорость, она помчалась к одному из дальних причалов.

Бирюков неторопливо закурил и, пройдя мимо Тони, стал по другую сторону разрушенной стены.

— Здорово!

— Здорово! — отозвалась Тоня. — Бирюков, я тебя целый день ищу. Немцы хотят перед уходом взорвать Одессу.

— Знаю. Уже готовятся.

— А ты откуда знаешь?

Он показал в сторону железнодорожных путей, исчезающих за поворотом берега.

— Там бараки. Их отсюда не видно. В этих бараках уже неделю живут русские пленные.

— Зачем их пригнали?

— Рыть пурфы. Видела, наверно, на семнадцатом и двадцать втором причалах вчера работали?

— Разве не по ремонту?

— Какой ремонт! Роют ямы глубиной в два с половиной метра, шириной сантиметров семьдесят. Как раз туда поместится килограммов двести взрывчатки.

— А ты уверен?

— У нас есть такие снапы, их не проведешь.

Он закурил, подержал в коротких сильных пальцах коробок спичек, потом засунул его в карман.

— Слушай-ка, Тоня, нужны почные пропуска. Штуки три. Режим с каждым днем все строже. У некоторых моих ребят пропуска отобрали, а у нас дело горит.

— Постараюсь. Но это трудно.

— Сам знаю — трудно. Но это приказ руководства. А легких дел сейчас, сама знаешь, не бывает.

— Постараюсь, — сказала Тоня.

— Когда встретимся?

— Завтра в десять, на этом же месте.

— Давно мне девушки свидания не назначают, — улыбнулся Бирюков.

В той спокойной уверенности, с которой он держался, Тоня, казалось, черпала силу. Только недавно она считала

себя почти одинокой в этом огромном море человеческих страстей, а оказывается, рядом с ней действуют товарищи по борьбе.

Тоня вернулась в управление порта и до конца дня помогла секретарше: то варила шефу кофе, то регистрировала документы.

Корабельников только к вечеру вышел из кабинета и направился к начальнику порта Петри, кабинет которого был этажом выше.

Секретарша, сидя за машинкой, перепечатывала какой-то длинный список, а Тоня продолжала сортировать бумаги — это были накладные, циркуляры, распоряжения... Некоторые она проглядывала — ничего значительного: только расширялось число городов, из которых зондеркоманды направляли сюда демонтированное оборудование заводов и украденные музейные экспонаты.

Тишина. Дверь в кабинет приоткрыта, и если секретарша отлучится, то дело одной минуты войти в кабинет, быстро открыть средний ящик письменного стола и из голубой папки вынуть несколько пропусков. Это только бланки, печати на них ставятся в канцелярии Петри, но умелая рука Тюллера наверняка поспорит с подлинным отгиском. О том, что Корабельников держит в своем столе аусвайсы для тех случаев, когда необходимо срочно предоставить право движения по почному порту кому-нибудь из служащих, она узнала случайно. В одном из складов лопнула водопроводная труба, нужно было немедленно вызвать слесаря, и секретарша при Тоне оформила ему пропуск. Тогда-то она и увидела голубую папку и заметила, куда ее прячут.

А может быть, взять пачку документов и войти в кабинет для того, чтобы положить их на стол? Это вполне естественно. Уже несколько раз она так поступала.

Нет! Из-за нескольких пропусков она не имеет права рисковать. Сегодня утром первая сводка о положении в порту — уже в штабе армии. Савицкий наверняка помянет ее добрым словом.

Бирюков поймет, что ее осторожность не сродни трусости. Есть дела, в которых она не только не должна, но и не имеет права принимать участие. А где взять пропуска, она скажет.

На другое утро она убедилась, что Бирюков сказал правду. Небольшие группы военнопленных под присмотром конвоиров копали шурфы во многих местах порта.

На первый взгляд ямы возникали в самом хаотическом беспорядке, образуя нечто вроде созвездий, в одном месте пять, в другом — семь, на самом же деле военнопленными руководили специалисты-подрывники. Лейтенанта Крайнца, который ими командовал, Тоня уже знала, по какому-то делу он приходил к Корабельникову.

Ровно в десять она подошла к развалинам склада, сгоревшего еще в начале войны. Через минуту появился Бирюков. Он был чем-то подавлен и угрюмо прислонился к стене так, чтобы его не было видно со стороны дороги.

— Плохие вести, Тоня: умер Федор Михайлович!

Она стояла молча, не в силах двинуться с места, забыв обо всем, что ее сюда привело. Неужели же она никогда больше не услышит чуть хрипловатого, но такого задушевного голоса!

— Это точно? — спросила она, понимая, что вопрос ее нелеп.

— Да, из катакомб ко мне приходил связной. Теперь я буду во главе группы.

— Бирюков! — сказала она. — Я убила того, кто его ранил...

Он с сомнением оглядел ее с ног до головы, как бы примеривая, способна ли она на это. Очевидно, решил, что не способна, ничего не сказал.

— Ну как? Удалось что-нибудь сделать? — проговорил он.

— Аусвайсы у Корабельникова есть. Несколько штук лежит в его столе в голубой папке...

— Достать можешь?

— Опасно.

— Ну, а когда уходит секретарша?

— Часов в семь.

— Ты же можешь остаться после нее?

— Могу.

— Ну так вот! Выжди, когда этого типа куда-нибудь вызовут или он сам уйдет...

— Все равно опасно. Мне не разрешено входить в его кабинет без вызова.

— Так дело не пойдет, — рассердился Бирюков. — Тебе что, нужно персональное приглашение, напечатанное в типографии с золотым обрезом?

— Не могу. Не могу рисковать! Ты пойми, у меня свое задание. Помогать буду, не отказываюсь!

Девчонка, которая многим ему обязана, выступает как равная партнерша! Но она смотрела на него с такой непонятно откуда взявшейся силой внутреннего упорства, что он невольно опустил глаза.

— Ладно, — проговорил он, — достанем сами... Так, значит, секретарша в семь уже смывается?

— Иногда задерживается минут на десять.

— На сколько примерно времени Корабельников покидает свой кабинет?

— По-разному. Иногда минут на десять, а иногда на час, если, например, идет на причалы.

— Где он хранит папку?

— В среднем ящике стола... Но на бланках нет печати, — добавила она.

— А где их ставят?

— В приемной Петри, адъютант.

— Черт побери, как все запутывается! — На его широких скулах напряглись желваки.

— Может быть, поможет Тюллер, — подсказала Тоня.

— Возможно!.. Так вот, где окно приемной Корабельникова, я знаю. Давай договоримся о сигналах. Когда уйдет секретарша, ты откроешь форточку. Когда выйдет Корабельников, ты ее закроешь — и сразу же убирайся!

— Но он часто приказывает его дожидаться...

— Тогда уж тебе придется разыграть пострадавшую. Другого выхода нет.

— Ну, а если он быстро вернется?

— Уж не знаю. Все зависит от того, как он себя поведет.

— Он может закричать, и тогда услышат в коридоре.

— Все не так-то просто! Сначала он выйдет в приемную, а там будет его дожидаться посетитель с важным делом... Поговорив с ним, он войдет в кабинет. Посетитель — за ним и тут же ткнет ему в бок револьвер. Тут уже не до криков!

— Но ведь в любом случае кабинет будет заперт. Уходя вечером даже на несколько минут, он никогда не оставляет его открытым.

— Какой замок?

— Французский.

— Ну, так оттянуть одну половинку двери, поддеть язычок ломиком — секундное дело.

— А если он не уйдет и будет сидеть и час, и два? До позднего вечера?

— Тогда все переносится на завтра. Считай, обо всем договорились — выполнять все, как надо!

Тоня отошла на несколько шагов, потом обернулась:

— Только помни: для твоих ребят — мы с тобой не знакомы.

— Это ясно, — сумрачно улыбнулся Бирюков.

Тоня привыкла не задавать лишних вопросов, но из самой заинтересованности Бирюкова, готового пойти на крайний шаг, больше, чем из слов, поняла, что пропуска нужны для какой-то важной операции.

Возможно, Бирюков и посвятил бы ее в свои планы, но она сама опустила заслонку между ними.

У нее ведь много своих забот. Днем на рейде появился военный корабль, к нему на катере направился сам начальник порта, прихватив с собой офицеров. Наверняка в Одессу прибыл какой-то важный инспектор.

Вот бы его и поприветствовать бомбежкой!

В первые дни она требовала в своих донесениях успить налеты авиации. Позавчера, на рассвете, три самолета бомбили порт. Когда Тоня проснулась от тяжких разрывов, ею овладело чувство радости — наконец-то! Призывы услышаны — значит, ее усилия не пропадают даром.

А утром в порту при виде глубоких воронок у причалов и разрушенных кирпичных складов возникло иное, сложное и противоречивое чувство. Враг все же уходит — нужны ли такие разрушения? Однако именно сегодня налет на рейд был бы весьма кстати. Но сводка для Савицкого будет положена в «почтовый ящик» для радистки только на следующее утро. А корабль не задержится и к рассвету уже исчезнет за горизонтом.

За один сегодняшний день у Тони накопилось столько наблюдений, что, пожалуй, радистке придется выходить на связь два раза в сутки.

Во-первых, срочное донесение о том, что гитлеровцы готовят взрыв в порту; во-вторых, в порт начинают прибывать с фронта потрепанные части эсэсовской дивизии; в-третьих, в семнадцать часов в открытое море вышел транспорт с солдатами, трюм его наполнен зерном.

К шести часам вечера она уже разнесла все пакеты и заняла свое привычное место за маленьким столиком в углу приемной — сюда она передложила документы, чтобы зарегистрировать в большой амбарной книге.

Корабельников и не требовал такого тщательного делопроизводства, но, заметив услужливую педантичность девушки, счел нужным отметить это поощрительной улыбкой.

В семь тридцать, когда за окном начало смеркаться, Корабельников вызвал к себе Марию Семеновну. Разговор, очевидно, был очень важным, потому что оба говорили, понизив голос до шепота, так что, если бы Тоня не прислушивалась, можно было бы подумать, что за дверью полная тишина.

Через две минуты Мария Семеновна вышла и, сдерживая волнение, начала собирать вещи.

Нагнувшись над своей амбарной книгой, Тоня терпеливо вписывала в графу краткое содержание очередной бумаги. Полная сосредоточенность, ни одного взгляда ни на дверь, ни в сторону Марии Семеновны.

Наконец Мария Семеновна поднялась и направилась к двери. И в это мгновение Тоня подняла глаза, а Мария Семеновна обернулась.

Дуэль взглядов! «Что произошло?» — настойчиво спрашивали глаза Тони. «Могу ли я доверить тебе эту тайну?» — мучительное колебание выражали глаза Марии Семеновны.

Наконец одна из них победила. Тоня!..

Мария Семеновна быстро подошла к ее столу и нагнулась.

— Оставлен Николаев, — прошептала она. — Но это тайна! Смотри никому! Расстреляют!

— Что же делать? — также шепотом спросила Тоня.

— Пришла пора каждому подумать о себе!.. — Мария Семеновна постояла еще несколько мгновений, пальцы терблили сумку, выдавая охватившее ее смещение.

— Вам чем-нибудь помочь? — тихо спросила Тоня.

Мария Семеновна улыбнулась, пожала плечами и вышла. Тоня подошла к окну — Мария Семеновна быстро направлялась к выходу из порта. «Странно, — подумала Тоня, — она так тщательно собиралась, словно решила никогда не возвращаться». Потом поднялась на цыпочки и распахнула настежь форточку.

В комнату ворвался свежий ветер. За окном темнели груды проржавевшего металла. Обрушившиеся стропила

сгоревших еще в начале войны складов, брошенные орудийные стволы, броня подбитых танков, сваленные в кучу шестерни и коленчатые валы, похожие на изломанные руки, — все это казалось огромным мрачным кладбищем. У причалов замерли корабли. Там мелькали огни и двигались тени. «Что же будет?.. Что происходит? — тревожно думала Тоня. — О чем они говорили? Что он ей сказал? И почему так тихо в его кабинете?»

Едва только она присела за свой стол, как в приемную вышел Корабельников. В нем словно что-то сломилось, плечи были опущены, руки как-то безвольно висели вдоль тела. Увидев Тоню, он удивленно приостановился на пороге:

— Ты еще здесь? Что делаешь?

— Много работы, Петр Петрович, — привстала Тоня.

Он мельком взглянул на записи в амбарной книге.

— Пустым занимаешься делом!.. — Постоял в трудном раздумье, тяжело вздохнул. — Посиди. Схожу к начальству.

И все же не забыл выпустить язычок замка и прихлонуть дверь.

«А что, если я уйду?» — подумала Тоня, понимая, что, как только она сейчас закроет форточку, возникнет цепь событий, которые она уже не сможет контролировать.

Нет, если она уйдет, это будет равносильно провалу. Корабельников наверняка обвинит ее в сговоре. «Терпи, Тонька», — сказала она себе и захлопнула форточку.

Она приготовилась ждать, но не прошло и двух минут, как послышались в коридоре быстрые шаги нескольких человек, кто-то, очевидно, остался для наблюдения, а в приемную вошли трое: Бирюков и двое незнакомых парней.

— Быстро! Быстро!.. — скомандовал Бирюков.

Один из парней выхватил из-за пазухи ломик и вогнал его между дверьми. Раздался треск, и дверь отскочила.

— Действуй! — строго крикнул Бирюков второму парню, с черными усами.

Тот быстро связал Тоню и воткнул ей в рот клып. Она не знала, сколько прошло времени. От волнения все, что происходило вокруг, теряло очертания, как бы растворялось в тумане.

Очнувшись оттого, что ее кто-то сильно тряс за плечи, потом выплыло чье-то лицо. Сначала она не могла понять, чье оно, и вдруг разом, словно ее ударило током, сознание

включилось, и она поняла, что лежит на полу, а над ней испуганное лицо Корабельникова.

— Жива?

— Жива, — прошептала Тоня.

— Подняться можешь?

Он помог Тоне подняться, ввел ее в кабинет, положил на диван, а сам присел рядом.

Полуприкрыв глаза, Тоня наблюдала за ним, стараясь понять, удалось ли Бирюкову завладеть аусвайсами.

— Ты их знаешь? — вдруг спросил Корабельников.

Тоня молчала.

Он поднялся, подошел к занавешенному окну, постоял и вернулся назад.

— Какие дураки! — сказал он досадливо. — Столько дел гатворили, а с завтрашнего дня форма пропусков меняется... — Он вынул платок и приложил его ко лбу Тони. — Компресс поможет...

Тоня тихо застонала, выигрывая время и стараясь понять, что он предпримет.

Он смочил платок холодной водой из графина и снова приложил ей ко лбу.

— Слушай, Тоня, — он впервые назвал ее по имени, — ты сейчас пойдешь домой, но ни одному человеку не проговоришься о том, что здесь произошло... Открой глаза!

Она открыла.

— Сядь.

Сделав усилие, она присела и, пораженная, на несколько мгновений забыла о том, что и ее голову не пощадил. Только сейчас она рассмотрела, что у Корабельникова окровавлены скулы, почти начисто оторван ворот рубашки, а пиджак лопнул на спине. Видимо, ему досталось крепко.

— Петр Петрович! — сказала она. — Надо заявить!..

Он поднял кулак и потряс им перед ее лицом:

— Я тебе заявлю!.. Молчи!.. И никому ни слова... Даже Марию Семеновну! Понятно?..

— Понятно.

— А если проговоришься, знай — это будет твоим копцом... Иди!.. Ну, иди, говорю!.. Завтра на работу не опаздывай.

Тоня шла темной дорогой к выходу из порта, потрясенная неожиданным открытием: Корабельников не хочет предавать напавших на него. Почему?.. Кто он?.. На что он

намекал? Неужели он подозревает, что она связана с подпольем?

Сейчас так был бы необходим Федор Михайлович с его добрым и острым умом...

Глава девятая

Молчание Дауме не означало, что он бездействует. Трижды он посылал своих агентов в катакомбы. Двое исчезли, а третий, особенно хорошо подготовленный, сумел выдать себя за парашютиста, направляющегося для связи штаба Третьего Украинского фронта с катакомбами.

Он разговаривал с командиром партизанского соединения и даже сумел добыть документ, в котором указан состав отряда и количество оружия. Однако при внимательном изучении в гестапо пришли к заключению, что к парашютисту отнеслись с недоверием и сводка составлена с целью дезинформации. Так или иначе, но агент подтвердил, что из случайных, подслушанных разговоров можно сделать вывод, что Фолькенец все же находится в катакомбах. Но как его оттуда вызволить? Он пытался связаться с теми, кто был передет в красноармейскую форму и находился в катакомбах, но это не удалось.

К Тоне Дауме потерял всякий интерес: как агент она кончилась в момент бегства из катакомб. Конечно, она принесла важные сведения, но зато себя саморазоблачила. О том, что она поступила в порт и бежит с причала на причал, разнося пакеты, он знал и удивлялся тому, что ее так долго не ликвидировали люди из катакомб. А ведь у них связь с портом налажена.

С каждым днем напряжение в Одессе нарастает. Слухи просачиваются сквозь, казалось бы, самые надежные заслоны. На Дерибасовской закрываются рестораны и магазины. Поездами, через Кишинев на Бухарест и дальше, спешат уехать те, кто только недавно, казалось, уже надежно держал в своих руках бразды правления. А в то же время тысячи горожан целыми семьями уходят в катакомбы, присоединяясь к партизанам.

На совещании у начальника гестапо Гесслера Дауме получил серьезный выговор за бездействие. Необходимо срочно блокировать катакомбы, завалить шахты, через ко-

торые поступает воздух, взорвать выходы! Пусть все, кто там находится, погибнут.

А как же быть с Фолькенецем? На этот вопрос Дауме получил недвусмысленный ответ. Гесслер пробурчал, что, конечно, его волнует судьба полковника, но обстоятельства требуют принятия чрезвычайных мер.

Так в одну минуту была решена «проблема» Фолькенеца. Дауме со спокойной совестью принялся за подготовку операции.

Вернувшись от Гесслера, он пригласил к себе командира саперной роты капитана Таубера, они долго изучали план катакомб, решая, где нанести удар.

А к вечеру Таубер с двумя обер-лейтенантами поехал на рекогносцировку. Они выехали на шоссе и поехали в направлении Тирасполя. Здесь, недалеко от города, особенно часто действовали партизаны. Недавно они убили шестерых солдат, которые везли на машине мясо.

Вот виднеются скотные дворы, постройки, силосные вышки, а за ними, среди оврагов, — шахты и входы в катакомбы.

Таубер вернулся в Одессу к вечеру, доложил Дауме план действий. Он сожжет все постройки в районе действия его группы, чтобы вырвавшиеся из катакомб не смогли найти себе убежище, а затем методическими взрывами начнет заваливать входы в шахты.

— Сколько солдат вы возьмете с собой? — спросил Дауме.

— Взвода вполне хватит, — ответил Таубер.

Если бы только они знали, что именно в эти минуты в глубине катакомб, в одном из глухих отсеков, заседает военный совет!

Здесь уже стало известно, что три немецких офицера бродили по оврагам и делали отметки на карте. И не надо было обладать особой прозорливостью, чтобы понять: нужно ожидать удара.

Один за другим выступали командиры. Все понимали, что, если выжидать и бездействовать, это приведет к гибели всех, кто находится в катакомбах. Они будут замурованы живыми. Но неизвестно, когда и какой дорогой пойдут подrywники. Сколько их будет?.. Вероятнее всего, что нападение будет совершено ночью. Ночь всегда союзница внезапности.

Егоров вызвался организовать разведку дорог, чтобы

определить наиболее вероятное направление, по которому будут двигаться подрывники.

Несколько групп вышли из катакомб и разошлись в разные стороны.

Через несколько часов они вернулись, и командиры вновь собрались для окончательного решения.

Егоров доложил выводы. Наиболее удобный путь для противника — через совхоз, где можно организовать исходную базу. Поэтому он предлагает устроить несколько засад: на основном направлении, а также на тех дорогах, которыми противник может воспользоваться.

Обсуждение не продолжалось и десять минут. Было решено немедленно собрать вооруженные группы и, когда начнут сгущаться сумерки, выйти к намеченным местам для засад.

Группу разведчиков, которые должны были сообщать, когда появятся гитлеровцы, возглавил Егоров.

Он должен был присоединиться к Тоне, но она передала ему через связного, что ему нужно на два дня задержать: новые документы для него у Тюллера еще не готовы.

Глава десятая

Как только на другое утро Тоня вошла в приемную, то сразу поняла, что Мария Семеновна ушла навсегда. Папки, сложенные вчера вечером, лежали. Рядом с ними на столе валялась пачка кем-то небрежно брошенных документов. Надрывно звонили телефоны, и этот перезвон в пустой комнате лишь усиливал ощущение, что в сердцевине механизма, который еще недавно казался надежно сложенным, началось необратимое разрушение.

Дверь в кабинет, как всегда, закрыта наглухо, и по тому, что из-за нее не доносится приглушенного толстыми стеклами рокота начальственного голоса, Тоня поняла — шеф где-то задерживается.

Все, что вчера произошло, казалось ей странным, неестественным, так не совмещалось поведение Корабельникова с устоявшимся у нее представлением о том, как должен был бы он повести себя в данных обстоятельствах.

Судя по всему, он вернулся, когда группа еще находилась в кабинете. Но что между ним и Бирюковым произошло? Почему он приказал молчать?

Всю ночь она думала, думала. Может быть, не возвращаться в порт, а отправиться в катакомбы? Савицкий наверняка поймет, что она так поступила не из-за трусости... Но потом размышления незаметно перешли в другую фазу. Ну хорошо, если даже Бирюков арестован, то все равно он никогда ее не выдаст.

Идет Корабельников! Она уже привыкла к резкому стуку его подкованных каблучков.

Корабельников переступил порог приемной, подтянутый, спокойный, как всегда; убедился, что Марии Семеновны нет, и повернулся к Тоне.

— Зайди, — коротко приказал он.

Ссадины на его щеках были запудрены; очевидно, он старался скрыть следы вчерашней баталии.

Тоня вошла в кабинет и остановилась перед столом. Впервые она видела Корабельникова как бы отключенным от потока дел, неторопливо двигавшегося по кабинету. Он даже не прикоснулся к трубке зазвонившего белого телефонного аппарата. Тоня уже знала, что это прямая связь с начальником порта.

— Садись, Тоня... Нет, нет, поближе, — сказал Корабельников; в тоне его не было обычной раздраженности, которая отпугивала от него людей; сейчас он сосредоточился на какой-то беспокоившей его мысли.

И Тоня подумала, что Мария Семеновна все же знала его лучше, чем другие.

Корабельников вынул сигарету, закурил и ладонью медленно развеял облачко дыма.

— Ты давно связана с Бирюковым? — спросил он как-то очень буднично, словно не сомневаясь в том, что это так и есть, а лишь требуется небольшое уточнение.

— Вы говорите про того, кто меня ударил?

— Я не знаю, кто из них тебя ударил. Я говорю о том, кто их возглавлял. Ну, вот что, Тоня, поговорим откровенно. Давай подумаем, почему они тебя не... убрали. Ты ведь для них нежелательный свидетель.

— Но они... и вас не тронули? — Тоня улыбнулась, стараясь в то же время вникнуть в смысл его вопросов.

Он кивнул головой:

— Верно. И для этого были определенные причины.

— А может быть, меня хотели убить?

— Но ты осталась чудом жива? — Он насмешливо поклонился: — Поздравляю...

— Это было так неожиданно! Они вошли... и тут же один из них на меня напал.

Корабельников помолчал, рассматривая Тоню.

— Почему ты, уйдя отсюда, не донесла в гестапо?

— Вы же сами приказали мне молчать,— сказала Тоня, подняв на него удивленный и в то же время преданный взгляд.

— Только поэтому?..

— Я решила — вы поступите так, как нужно.

— А если бы я теперь попросил тебя об одной услуге? Разыщи Бирюкова и скажи ему, чтобы он зашел ко мне в два часа дня.

— А где его можно найти?

— Где-нибудь на железнодорожных путях. Ну, иди!.. И забудь все, о чем мы сейчас говорили.

Она вышла из его кабинета в еще более смятенном состоянии, чем вошла. Что же произошло в то время, когда она находилась без сознания? На какую причину он намекал? Кто он? Не новый ли вариант Короткова?

Она пошла в сторону железнодорожных путей. Только что прибыл санитарный эшелон, и началась разгрузка. Тяжелораненых сразу же на носилках переносили в машины, которые доставляли свой печальный груз к причалам, и там постепенно накапливалась длинная очередь у трапа корабля. Легкораненые самиковыляли по дорогам и тропинкам, вытоптаным между груд ржавого железного лома.

Такого количества искалеченных людей Тоня еще не видела. Один солдат, у которого была почти по бедро ампутирована правая нога, ковылял на костылях и при этом умудрялся наигрывать на губной гармонике.

— Тоня!

Леон возник из-за нагромождения разбитых ящиков. На нем старая куртка, покрытая бурными масляными пятнами. Но во всем остальном Тоня не заметила никаких признаков недавней изнуренности.

— Ты уже действуешь? — спросила она, невольно радуясь его внезапному появлению.

— Да. Теперь я интендант,— сказал Леон,— воюю за каждый квадратный дюйм места в трюмах... Идиотизм! Корабли уходят на Варну. Кто же будет оттуда доставлять грузы в Констанцу?.. В конце концов все заберут немцы.

— А ты можешь умерить свои старания?

— В том-то и дело,— поморщился он досадливо,— что я здесь не один. Манулеску создал оперативную группу. И не я ее возглавляю, а генерал... Ну, а ты? Куда ты спешишь, господин главный начальник?

— Дела! — вздохнула Тоня. — Леон, а ты помнишь наш разговор об одном аэродроме?.. Если забыл, я могу напомнить. Ты посетил его вместе с Фолькенецем, когда его еще строили.

— О, тебе и это известно?

— Известно.

— По-моему, я рассказал тогда довольно подробно.

— Ты был правдив. Я сама видела макеты самолетов.

— Проверяла?

— Нет, я выполняла задание... Теперь мне важно знать, сохранились ли там зенитные орудия. Продолжают ли немцы ждать в этом районе воздушный десант.

— Ты хочешь знать, действует ли еще ловушка?

— Ты догадлив!

— Хорошо, проверю. Но мне думается, что сейчас уже оттуда давно все ушли.

— Проверь, пожалуйста!

— Когда нужно?

— Как можно скорее.

Леон исчез, затерявшись среди потока раненых, а Тоня медленно пошла вдоль железнодорожных путей, рассматривая синюю куртку Бирюкова.

Где-то за вагонами пропел рожок, ответно рывкнул маневровый паровоз, звякнули сцепления, и состав медленно двинулся вправо.

И вдруг между проползавшими вагонами мелькнула знакомая куртка. Бирюков просигналил, машинист снова ответил коротким гудком, тормоза и вагоны, позванивая тарелками буферов, остановились. Тоня увидела, как Бирюков перевел стрелку и опять дал знак машинисту... Напомню-то состав уполз.

Бирюков сразу ее заметил и, перепрыгивая через кюветы, проложенные вдоль невысокой насыпи, направился в ее сторону.

Подойдя, он с улыбкой спросил:

— Ну как, все в порядке?

— Ничего!.. Корабельников считает, что я еще хорошо отделалась... Подозревает неспроста!

Бирюков хмуро кашлянул:

— Что ж, в этом есть своя логика!

— Но я сказала, что мы с ним были в равном положении.

— Довольно смело! Что же он тебе на это ответил?

— Он сказал, что для этого были свои причины. Свои причины! — повторила она. — Так вот, Бирюков, прошу объяснить, что это за причины?

Он даже опешил от внезапного напора.

— Допрашиваешь? Ты что?!

— Не допрашиваю, а прошу сказать, что между вами произошло... Я имею право это знать, после того как вчера чуть не отправилась на тот свет... Я слишком много поняла в этой жизни. Лишнего мне знать не надо. Но я уже видела одного... От его пули погиб Федор Михайлович. Я бы не хотела, чтобы другой, подобный, убил тебя...

— Не горячись, Тоня, — проговорил Бирюков. — Коротко расскажу. Когда я уже вынул из папки аусвайсы и засовывал их в карман, внезапно появился Корабельников...

— А я что, лежала на полу в приемной?

— Нет, тебя усадили на стул и повернули лицом в сторону окна... Рядом встал один из ребят, делая вид, что с тобой разговаривает.

— Сколько же времени это заняло?

— Две, от силы три минуты... Когда он вошел, ребята на него бросились... Но он жилистый, черт, ловко увернулся, успел выхватить револьвер и спрашивает, чего искали... Папка раскрыта, все улики... Деваться некуда, все равно обыщут, пропуска найдут! Повернулся и все ему выложил и сказал ему, какой он гад! А тут слышим — в коридоре шаги. Кто-то приближается... Заходит в приемную. Голоса!.. Двое!.. Но что это? Корабельников — р-раз! — револьвер к себе в карман и нам спокойно говорит: «Господа, прошу садиться!» Тут появляются полицаи из охраны порта. «Вам чего?» — спрашивает Корабельников. «Да вот, господин начальник, светомаскировочку пришли проверить, как окна занавешены». — «А что, с улицы не видать? Уходите, не мешайте работать, у меня важное совещание!» Сам стоит растрепанный и с лица платком кровь вытирает. Полицаи топчутся, удивленно смотрят на него, на нас, ничего не понимают... Корабельников говорит: «Это я в темноте споткнулся и лицо о железную балку оцарапал... Ступайте себе, ребята, не беспокойтесь». Ушли!..

— А вы?

— И мы ушли.

— Он вам еще что-нибудь сказал?

— Почти ничего... «Ну вот, говорит, и познакомились. Идите, вы свободны...»

— Ну, а сказал он, что пропуска, которые ты взял, действительны последний день?

— Не-ет! — удивленно протянул Бирюков. — Этого он не сказал.

— А мне сказал, когда я очнулась.

— Значит, знал, что его великодушие не стоит и гроша!

— Он послал меня за тобой... Просит, чтобы ты пришел к нему в два часа дня.

Бирюков удивленно взглянул на нее:

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Не все. Но почему-то вчера он строго приказал мне обо всем, что произошло, молчать. А сегодня проверил, не донесла ли я в гестапо.

— Крутит! — решительно сказал Бирюков. — Понимает, что дело труба, и начинает вести двойную игру... А потом будет говорить: я молчал, участвовал, рисковал жизнью!.. Черта с два! Ему ничего не спихнется! Ничего!.. В гитлеровских холуях так и подохнет.

— Так ты придешь?

— Что ж, для дела надо... Смотри!

Мимо них прошли два сапера. Они укладывали по дну узких и неглубоких канавок два провода, один в изоляции, другой оголенный, медленно переходя от одного шурфа к другому. Несколько солдат, вооруженных лопатами, двигались следом и, тщательно закопав провода, утрамбовывали канавки сапогами.

— Что они делают? — спросила Тоня.

— Шурфы соединяют.

— Для чего?

— Где-то установят рубильник — и всё разом!.. — Он вскинул руку вверх.

— Сколько уже вырыто шурфов?

— Сосчитал больше четырехсот и сбился¹. К взрыву готовят не только причалы, склады, но и железную дорогу.

¹ В Одесском порту было вырыто и наполнено взрывчаткой более 570 шурфов. (Примечание автора.)

— А ведь исчезли военнопленные?

— Свое дело они уже сделали. Вчера ночью их погрузили на баржи.

— И куда отправили?

— Обычно в таких случаях вдалеке от берега или расстреливают баржу из орудий, или просто открывают кингстоны. Команда спасается на баркасах, а все остальные... — Он глубоко затянулся дымом. — Ну, «кукушка» ползет, — сказал он, прислушиваясь к нарастающему стуку колес. — Давай расставаться. Приду без опоздания...

Глава одиннадцатая

— Да, я знал, что сегодня все виды пропусков будут заменены.

— Спасибо!

— Благодарить пока не за что.

— Нет, почему. Могли бы всех нас полицаям выдать!

В кабинете Корабельникова накурено. Если бы сейчас вошел Петри, он задумался бы над тем, кто же был один из его ближайших помощников все эти месяцы. Но начальник порта с самого раннего утра ходит по причалам, держа в руках карту, и решает какие-то сверхсекретные вопросы с командиром саперного отряда.

— Вы курите поменьше, — проговорил Корабельников, поднялся и, подойдя к окну, приоткрыл раму.

— Сигнализируете?

Корабельников в бешенстве обернулся. Когда его захлестывала злость, он становился словно невменяемым. Глаза его белели, и в такие минуты он мог натворить бед. Но сейчас он все же держал себя в руках.

— Знаете что? Вы провокатор!

— Я? Похоже?

— Да!.. Признаться, когда я застал вас здесь, решил, что это штучки гестапо.

— Зачем гестапо старые пропуска?

— Дело не в пропусках, а в том, как я себя поведу.

— Значит, я смахиваю на предателя?

— Я видел предателей, похожих на священников. Они посылали на смерть с благосынными улыбками... Признаться, я всю ночь ждал, что за мной приедут.

Бирюков помял сигарету и мотнул головой.

— Ну, если откровенно, то эту ночь я тоже не спал... Впервые они взглянули друг на друга без вражды.

— Действительно, я много накурил, — сказал Бирюков. — Вы уж извините!.. Конечно, когда на платанах люди висят, трудно сразу поверить...

Корабельников испытующе взглянул ему в глаза.

— Наконец-то, — проговорил он, — наконец-то мы провались друг к другу... Можем разговаривать... А хотите вы поверить мне еще больше?.. Вы, конечно, поняли, что порт готовят к взрыву?

— Давно понял!

— И все же вы всего не знаете. Замысел гораздо более ужасен, чем можно предполагать... В шурфы будет заложено около трехсот тысяч килограммов тола. Взрыв такой огромной массы динамита не только уничтожит порт, но и вызовет колебания почвы. Одни здания на Приморском бульваре рухнут, другие провалятся в обрушившиеся катакомбы. Будет уничтожена и Потемкинская лестница, и памятник Дюку, мы больше уже не войдем в Оперный театр... Вот что ожидает наш город!..

— Что же вы предлагаете?

— Этому надо помешать!

Бирюков долго молчал. Молчал и Корабельников. Было слышно, как вдали проехали машины. Кто-то, очевидно на причале, командовал лающим голосом. На рейде прогудел сиплый гудок. За окном порт продолжал жить напряженно; израненный, он уже знал, какая ему уготована тяжелая участь, и все же его мускулы были напряжены до отказа. Он не сдавался!

Сколько там, в сгущающихся сумерках, единомышленников Бирюкова! Где-то его напряженно ждут...

— Ваше предложение — цена, которую вы платите за то, чтобы вас простила Советская власть?

Эти слова прозвучали негромко, но достаточно внушительно.

Корабельников подался вперед, — казалось, ему огромных трудов стоит сдержать себя, чтобы не закричать.

— А вы убеждены, Бирюков, что я виноват перед Советской властью?.. Что вы обо мне знаете?

— Все, что я знаю, не за вас.

— Давайте условимся: сейчас объединим наши усилия. А в день освобождения я сам найду тех, от кого зависит решить мою судьбу.

— Как вы представляете наше сотрудничество? Можете вы указать место, откуда будет произведен взрыв?

— Нет. Это держится в строжайшей тайне... Петри даже близко не подпускает меня к своей карте порта.

— Так что же остается?

— Мы должны рвать провода, которые соединяют шурфы.

— Когда?

— В ночь эвакуации. Когда начнут уходить последние корабли.

— Вы, конечно, уйдете с последним?

— Бирюков!.. Я уже вам сказал, я останусь...

— Но ведь порт будет охраняться?

— Да, и еще сильнее... Я об этом подумал. Когда станет ясно, что кризис наступил и остаются считанные часы, я вручу вам надежные бланки с самыми последними отметками. Сколько вам надо?

Вопрос снова всколыхнул, казалось, уже угасшее недоверие. А что, если все, что Корабельников говорил, не что иное, как камуфляж, а подлинная цель — узнать состав группы и разгромить, чтобы никто не помешал осуществить то самое злодеяние, о котором он рассказывал? И его откровенность — тщательно продуманная игра гестаповца, убежденного, что последний выстрел за ним.

— Это я скажу вам позднее,— сказал он, подымаясь с места.

— Хорошо! — с сухой деловитостью согласился Корабельников.— Давайте условимся: связь будем держать через Тоню.

Он проводил Бирюкова до двери.

— Сейчас не до психологии,— сказал он, кладя руку на дверную скобу,— но, если доживем до спокойного часа, я расскажу вам, как Тоня невольно помогла мне разобраться в обстановке... Ну, идите!..

Когда через несколько минут Тоня зашла к нему с пачкой документов, Корабельников поднял на нее свои желтоватые, под тяжело набрякшими веками глаза и коротко сказал:

— Мария Семеновна уволилась. Будешь моей секретаршей... Без разрешения не отлучайся.

Скорее бы кончился этот длинный день! Ему как будто не будет конца. Но то, что делается в порту, уже нельзя назвать даже неразберихой — это самый настоящий хаос. Где прославленные немецкие порядок и аккуратность? Бегут по улицам Одессы, по дорогам порта — скорее, скорее вверх по трапу, чтобы почувствовать под своими ногами твердь спасительной палубы. Но впереди — открытое море! И какие опасности еще ждут, известно лишь господу богу.

Сегодня восьмое апреля. Поток отходящих военных частей нарастает. Уже все баржи, которые могут держаться на воде, взяты на буксир. Уже бросается на берег груз, который несколько дней назад наверняка был бы запрятан в трюм. Каждый квадратный сантиметр на учете. Корабли снимаются с якоря, набитые людьми до отказа, как трамваи в часы «пик».

Тоня не могла найти и половины адресатов, которым следовало вручить пакеты с распоряжениями. Одни, уловив для себя выгодный момент, уже попрощались с Одессой, другие метались с одного места на другое, стараясь навести порядок, и заставить их где-нибудь в определенном пункте не было никакой возможности.

Что ж, значит, уже недалек день, когда она предстанет перед Савицким!..

Теперь она встречается с радисткой рано утром и вечером, после работы. Если ее что-то задерживает, она оставляет донесение в «почтовом ящике». Для большего удобства ящик устроен в одном из подъездов в конце Пушкинской; под лестницей, где Тоня нашла незаметное для постороннего взгляда углубление.

Уже донеслись до нее первые значительные отзвуки ее работы — везде на причалах говорят о том, что два транспорта пущены ко дну советскими бомбардировщиками.

Вечернюю сводку нужно оставить в ящике до шести вечера — радистка уже высказала ей свое недовольство: добираться на десятую станцию пешком — не близкий и опасный путь, трамваи начали ходить с перебоями, много патрулей, документы проверяют.

Тоня свернула на дорожку, в сторону управления порта, как вдруг заметила между большими станинами каких-то ржавеющих машин сутуловатую фигуру Корабель-

никова. Странно! Он всегда избегал закоулков, где могли возникнуть опасные встречи, а на этот раз избрал не самый лучший для себя путь. Но что это? Он как будто прячется и в то же время непрерывно проглядывает все подходы к зданию. Ну, пусть. Она не будет вмешиваться в его дела, а обойдет стороной.

Наверно, в приемной уже шумят немецкие офицеры, ожидая, когда им укажут точное время и место погрузки. К тому моменту, когда Корабельников вернется, она сумеет навести относительный порядок. Обычно на офицеров производит большое впечатление, что русская девушка безукоризненно говорит на их родном языке.

Она свернула левее, устремилась к уже виднеющемуся входу в здание, как вдруг услышала за своей спиной быстрые шаги и приглушенный знакомый голос:

— Тоня!.. Остановись!.. Не смей туда ходить!

Она обернулась. Корабельников стоял в тени большого железного барабана от камнедробилки.

— Поди сюда!..

Тоня приблизилась, чувствуя, как в груди тяжелым грузом начала давить тревога. Главное заключалось не в том, чтобы казаться смелой, а в том, чтобы сохранить самообладание и в критической ситуации не совершить ошибки, которая может стать для нее роковой.

— Петр Петрович, я уже возвращаюсь!.. Вы знаете, что на причалах творится... Говорят, что Бауэр еще утром сел на корабль, а Вольф...

— Чего кричишь? Замолчи сейчас же! Иди поближе! — Его глаза, и без того запавшие, казалось, провалились еще глубже; руки все время находились в движении, словно он искал опору и никак не мог найти. — Тебе нельзя возвращаться в управление... За тобой пришли.

— Кто?

— Гестаповцы. Ждут уже целый час.

— Что случилось?

— Разве ты не знаешь? Вчера ночью на Тираспольском шоссе, в районе катакомб, разыгралось целое сражение. Много солдат убито. В городе начались аресты...

Тоня молчала.

Все понятно!.. Дауме выбрал удобный момент, чтобы разделаться с нею. Возможно, ему все же удалось выяснить, что Фолькенеца в катакомбах нет.

— Мне надо уходить из порта!

— Нет, это опасно.— Корабельников огляделся вокруг.— Тебе нельзя нигде показываться.— Он заглянул внутрь барабана.— Вот что, залезай сюда. Когда стемнеет, я за тобой приду и переведу в более удобное место... Ну, быстро! — строго прикрикнул он, и Тоня невольно подчинилась его приказу.

Внутри барабана тесно, больно врезаются в ноги острые, мелкие камни, но, прикрытая железной заслонкой, она почувствовала себя в безопасности.

— Пакеты возьмите! — крикнула она, когда он уже уходил.

Но Корабельников не вернулся. Тоня сложила пакеты вместе и положила на камни.

Что же дальше? Она летела, летела, и вдруг бац — охотник выстрелил, но с первого выстрела промахнулся... А пока не прозвучал второй, она скорее в кусты! Теперь все будет зависеть от охотника, сумеет ли он ее найти. Если сумеет, дело ее плохо.

А вообще-то говоря, Дауме разделался бы с ней гораздо раньше, если бы не поверил на какое-то время в ее сообщение, подкрепленное перестрелкой в момент ее бегства из катакомб. Но теперь ее окончательно решили убрать, ведь она может знать кое-кого из группы Короткова, а его людей наверняка оставят в Одессе как диверсантов, на длительный время. А кроме того, гестапо вообще не любит оставлять в живых неудобных свидетелей.

И вдруг она подумала о том, что ведь спас-то ее Корабельников... Вот разберись, кто он и на кого работает. А что, если они ищут и Бирюкова? И Петреску?.. Как дьявольски темно в этом барабане!.. И холодно!.. Она подняла воротник пальто и засунула ладони в рукава. Наверно, ее уже ищет Леон... Что с ложным аэродромом? Может быть, его и не успели заминировать? Во всяком случае, если там нет зениток, то ближе к лиману прекрасное ровное место: рядом шоссе, десант в несколько минут займет выгодные рубежи.

И она не сумеет передать в штаб ни слова! И для Бирюкова она тоже исчезнет... О! Что же делать? Ее словно ударило током: Егоров! Он же наверняка придет к ней домой. И, возможно, сегодня вечером. А если засада? Не дожидаясь ее в приемной, Дауме наверняка пошлет своих агентов к ней.

Нет! Нет!.. Спасать свою шкуру, когда может погиб-

нужно Геня!.. Рискнуть? Попробовать выбраться из порта. Есть лазейки!.. Ну, а дальше? Где она может спрятаться вблизи от своего дома, чтобы вовремя увидеть Егорова и суметь предупредить? И с ужасом все больше понимала, что одной с этим ей не справиться. Ей бы пришлось непрерывно перемещаться от угла одного квартала к другому перед окнами своей квартиры. Через пять минут она будет схвачена. Кого же попросить?.. Кто знает в лицо Егорова?.. Но как же с ним связаться? В этом проклятом барабане она если не задохнется, то замерзнет!..

Дождаться вечера — равно предательству. Надо рисковать. Добраться до железной дороги и разыскать Бирюкова, пока еще не кончилась его смена.

Она толкнула железную крышку вверх и прильнула глазами к щели. Безмолвное кладбище машин... Ни одного человека поблизости. Это придавало ей смелости. Минут через сорок она вернется, и Корабельников ничего не узнает.

Где синяя куртка?.. Тоня уже больше километра прошла вдоль путей, прячась, когда навстречу ей попадались военные. Иногда ее окликал часовой, но она поднимала вверх пропуск. Где же, где же он? Неужели уже ушел?.. А что, если арестован?

— Бирюков, Бирюков, как ты мне нужен! — шептала она, как заклинание.

Внезапно она увидела его совсем близко, по ту сторону железнодорожных путей. Он пил воду, прильнув к водоразборному крану.

Но прежде чем она успела его окликнуть, гремя колесами и окутывая землю шипящими клубами густого пара, между ними врезался маневровый паровоз. Беда!.. А когда наконец он прополз и пар рассеялся, Бирюков исчез.

У Тони пересохла губы. Она готова была выбежать на середину путей, оттуда удобнее просматривать порт и самой стать заметнее. Бирюков не мог далеко уйти. Но любой часовой имел право ее тут же застрелить...

В какую же сторону бежать?

— Бирюков! Бирюков! — Она закричала громко, отчаянно, так что невольно привлекла к себе внимание и часового и группы рабочих, которые ремонтировали пути.

Один из них привстал, махнул ей рукой и, нагнувшись,

исчез под товарным вагоном состава, застывшего на параллельном пути.

Почти сразу же оттуда возник Бирюков.

— Что случилось? — спросил он. — Нельзя же так громко кричать!

— У меня нет выхода, — быстро сказала Тоня. — Меня ищет гестапо.

— Кто предал?.. Корабельников?

— Нет! Он меня предупредил и спрятал. Но я ушла, чтобы тебя увидеть... Возможно, у меня дома они устроят засаду, а я жду Егорова. Надо его перехватить...

— Постараюсь. А как тебя найти?

— Через Корабельникова.

— Значит, ты ему веришь?

— Верю!

— Смотри, Тоня! Может быть, тебе не следует возвращаться. Я сумею вывести тебя отсюда. Мы найдем более верное укрытие.

— Я ему верю, Бирюков!.. А кроме того, мое место здесь. Приди к Корабельникову, ты мне будешь нужен для связи...

Она вернулась в барабан с чувством выполненного долга. Но тревога уже не за себя, а за Бирюкова ее не оставляла. Не опоздает ли он? А что, если Егоров появится перед самым комендантским часом, когда Бирюков вынужден будет прервать наблюдение?

Она прислушивалась к доносившимся шумам, стараясь по ним определить, чем живет порт. Лязгали краны, то нарастал шум автомобильных моторов, то удалялся. Крики, крики, крики!..

Ах, как не хватает бомбежки! И чтоб одна из бомб как раз угодила бы в гестапо. Где Дьяченко?.. Неужели погиб?

В этом барабане как в леднике!.. Скоро ли вызовет ее отсюда Корабельников? А что, если его арестовали?..

Сколько времени она провела, прислушиваясь и регистрируя предельно напряженным слухом каждый доносящийся до нее шум? Целую вечность.

Шаги!.. Приближаются... Кто-то остановился рядом. Тяжело дышит.

Тихий голос:

— Тоня!

Она приоткрыла крышку.

— Петр Петрович! Они ушли?

— Пока... Да!
— Действительно хотели арестовать?
— Нет, пригласить в театр! Как раз сегодня я отправил в Констанцу самого Лещенко. Ты его слышала?
— Нет.
— А мне приходилось... Ну, вылезай. Только осторожно!.. Я нашел надежное место.
— Сколько же я там просижу?
— Я не доктор, но могу поставить диагноз: больше трех дней больной не протянет.

— Через три дня Одесса будет освобождена!.. Как бы дожить!..

— Молодость,— улыбнулся Корабельников.

Они обошли вокруг здания и по узкой лестнице спустились к плотной, обитой железом двери. Корабельников отворил ее большим ключом, и они вошли в низкий, темный коридор. Вспыхнул электрический фонарик.

— Тут, наверно, много крыс,— сказала Тоня.

— Полагаю, что есть,— согласился Корабельников,— но для тебя я подыскал маленькую кладовку с небольшим оконцем, туда как будто крысам не проникнуть. Впрочем, посмотрим...

Они прошли метров двадцать, свернули направо, и Корабельников осветил широкую дверь.

— Сюда!

Комнатка действительно была небольшой, но довольно обжитой. В углу на нарах лежал кусок толстого брезента, и на небольшом столике стоял алюминиевый котелок, рядом лежал нож с деревянной ручкой.

— Я бы не сказал, что это лучший номер «Лондонской»,— сказал Корабельников,— но могу ручаться за полную безопасность, если ты будешь вести себя разумно: не зажигать огня, не петь песни и не пытаться отсюда выйти. С сегодняшнего вечера порт усиленно охраняется!..— Он вдруг принял к окошку.— Смотри-ка!..

Через его плечо Тоня увидела облако густого черного дыма, ползущего в сторону причалов.

— Снова горит нефтегавань! Да уж теперь они окружат порт со всех сторон!

— А «Мадонна» уже вышла в море?

— Да, вышла.

— А самоходные баржи?

— Уйдут ночью... С тремя тысячами солдат.

— Если к вам придет Бирюков, вы сможете его провести ко мне?

— Не знаю. Какая будет обстановка.— Он вынул из кармана револьвер и положил его на нары: — Оставляю. На тот случай, если со мной что-нибудь случится... Если завтра до двенадцати не приду, принимай решение сама.

За окном глухо залаяла собака. Под тяжелыми сапогами затрепали камни. Мужские голоса. Говорили по-немецки. Наконец все затихло.

— Патруль! — проговорил Корабельников.— Теперь они будут ходить до самого рассвета.

Он ушел и минут через десять вернулся с буханкой хлеба, термосом с горячим чаем и несколькими банками тушенки.

— Банку откроешь ножом,— сказал он.— Свет тебе не нужен... До утра!..

Он ушел.

Тоня взяла в руки револьвер и вынула обойму. Заряжен! Все патроны! Ну что ж, будем драться... Последний патрон для себя. А может быть, и для врага!..

Но как мучительно тянется время!..

Глава тринадцатая

Удивительно! Как только затихли шаги Корабельникова, ей показалось, что время сразу же со стремительного бега перешло на шаг... нет, стало ползти медленнее улитки. Час одиночества бесконечен, и можно сойти с ума от ожидания утра.

Крысы вели себя очень прилично. Правда, они повизгивали за стеной, что-то грызли, но ни одна из них не посмела заглянуть в ее закуток.

Она прилегла на жесткий брезент, от которого пахло табаком и потом, и накрылась пальто. Очевидно, время от времени в этом подвале находили убежище постояльцы, которым нужно было переждать опасные дни.

И вдруг она подумала о том, что, может быть, гестаповцы за ней пришли, чтобы отвести к Дауме. Возможно, в последний момент было решено принудительно вывезти ее из Одессы, как вывозят многих, кто еще может быть полезен.

Маловероятно! Скорее всего, для Дауме она не представляет никакого интереса. И если он все же о ней вспомнил, то для того, чтобы бросить ее в душегубку.

Можно прожить тысячу лет, но так и не научиться разбираться в людях. Каким презрением окружен Корабельников!

Если бы не постоянное ощущение нравственной поддержки, которую она получала от Федора Михайловича, от Егорова, от сознания, что за линией фронта существуют Савицкий и Корнев, сумела ли бы она выдержать все тяготы борьбы?..

Зинаида погибла не на морском берегу, а гораздо раньше, в тот момент, когда дрогнула. Стреляя в Михаила, она защищала не Фолькенеца, а себя, свой маленький мирок, свою маленькую жизнь, свои мечты о вилле под Мюнхеном.

Подумав об этом, Тоня невольно улыбнулась. Конечно, у нее никогда не будет даже собственной дачи под Одессой; может быть, построит вместе с Егоровым небольшой курень на берегу лимана, и будет ее Генька ловить с баркаса рыбу.

Слово Родина всегда ей казалось немного высокопарным, пригодным скорее для речей, чем для негромкого сердечного разговора между близкими. Но сейчас, глядя в маленькое оконце, за которым где-то в вышине подрагивала светящаяся звездочка, она подумала, что сумела пройти через все испытания, ни разу не сорвавшись, и у нее так много друзей потому, что за всем этим большая цель — спасение Родины. Она связана со своей землей, со своим народом тысячью нитей, о существовании многих из них можно даже не подозревать, но они существуют и в нужный момент удержат в жизни, не дав свалиться в пропасть.

Корабельников! Разве это не та нить, которая оставалась невидимой, но существовала! Кто знает, что у него на душе, какая сложная и трудная судьба?.. Что бы о нем сказал Федор Михайлович?

«Мама!.. Как же можно было об этом не вспомнить? Вчера мне исполнилось двадцать один!» Тоня даже привскочила на нарах. Первый раз в жизни она забыла о своем дне рождения.

Что же она сделает, когда Одесса будет освобождена? Ну конечно, война еще не кончена, и у Савицкого найдут-

ся для нее другие задания, но после того, как будет утвержден отчет о работе их группы, она попросит у Корнева и Савицкого рекомендации для вступления в партию.

Федор Михайлович был коммунистом, Бирюков тоже коммунист. А те, кто погибли в застенках гестапо и сигуранцы? И еще погибнут за эти дни! А Егоров и Дьяченко?! Их приняли в партию незадолго до того дня, когда они окончили разведшколу.

Она вновь и вновь пересматривала свою короткую жизнь. Ведь она еще ничего не сумела сделать. Все впереди, в еще не осуществленных свершениях!..

— Проснись! Проснись!

Очнувшись, она затаманенными глазами старалась разглядеть в сумеречном свете человека, будившего ее.

Рядом стоял Корабельников. На его неулыбчивом лице застыло пытлиное выражение внимания.

— Ночь прошла спокойно?..

— Да, вполне. — Тоня чувствовала, как ломит кости, но об этих пустяках и говорить не следует. — Что нового?

— Много! Я выяснил, откуда они будут взрывать порт.

— Из парка?

— Нет. На Карантинном молу выкопан блиндаж, и в нем установлен рубильник. Будет взрывать лейтенант Крайнец. А потом будет догонять своих на моторном баркасе.

— Как же вы об этом узнали?

— Путем анализа самых разных фактов. Блиндаж я нашел довольно легко — к нему ведет длинная канавка, в которую зарыт провод. Зондерфюрер Петри приказал мне выделить Крайнецу баркас. Саперному лейтенанту! Да за чем ему баркас?

— Правда, зачем? — сказала Тоня.

Ей стало вдруг зябко. Она надела пальто в рукава и отодвинулась поближе к окну, чтобы Корабельников мог присесть рядом.

— Они долго еще меня ждали? — спросила она.

— Почти до самого комендантского часа. Потом начали ругаться.

— Я их сильно подвела, — улыбнулась Тоня.

— Стали требовать, чтобы я тебя разыскал. Пришлось пожаловаться Петри. Он пригласил их к себе, и они не возвратились... Но сегодня утром уже был звонок — справились.

— Сколько же сейчас времени?
— Уже девять, детка! — Впервые с его губ сорвалось нечто вроде шутки.
— Что же, мне так и сидеть в этой тюрьме?
— Иди, иди!.. — уже строго взглянул на нее Корабельников. — Ты можешь покинуть это убежище в любую минуту, хоть сейчас... Пожалуйста! Двери открыты!
— Петр Петрович, ну мне просто дико сидеть без дела!.. В такие дни...

Он закурил сигарету и присел рядом, ссутулившись и сразу потеряв барственный осанку. И Тоня подумала о том, что в кабинете он актер, играющий на сцене роль, а здесь как бы кулисы, где он становится самим собой, готовясь к следующему выходу. Он посмотрел на нетронутые консервные банки, потом поднял термос и подержал его на весу:

— А есть-то все-таки надо.
— Успеется, — проговорила Тоня. — Как бы мне найти Бирюкова? Он сам к вам не приходил?
— Нет. А зачем? Еще не время.
— Но вы понимаете... Я не вернулась домой...
— Сердечные дела? — Корабельников поднялся. — Это меня не интересует.

— Да какие же сердечные! — Тоне хотелось рассказать о своих тревогах, ведь Корабельникову она обязана жизнью, но не решилась.

— Хорошо, — сказала она. — Если все же Бирюков придет или вы его случайно встретите, спросите, удалось ли ему... Он все поймет...

— Хорошо. Я приду в семь вечера. Но не умри с голоду!.. Как крысы?

— О, они ведут себя вполне воспитанно!

— Но тем не менее я бы не советовал приоткрывать двери в коридор...

Опять одиночество! Но днем оно не кажется таким страшным. Только бы узнать, сумел ли Бирюков предупредить Геню? А если нет?.. Она закрыла глаза и старалась представить, как его допрашивает Дауме в кабинете Штуммера. Нет, Бирюков наверняка пошел не один и сумел Геню предупредить.

Надо ждать!.. О, этому искусству она научилась. Терпение... В нем объединено много подчас самих противоречивых чувств. И осторожность, и воля, и проницательность,

и, если угодно, хитрость, расчетливость. А возможно, все эти определения следует заменить всего двумя словами: «здравый смысл».

Нет! Нет!.. Здравому смыслу чужда человеческая теплота. Сколько предательств удобно прикрывалось этой выспренне звонкой фразой.

Терпение — это прежде всего сплав мужества с ответственностью за дело и судьбу товарищей. Опрометчивость подчас гибельна и для тех, у кого сдали нервы, и для тех, кто оказался невольной жертвой.

Ждать!.. Когда пребываешь в неизвестности, когда тебя окружают толстые старые стены и ты их пленник, — это испытание характера, сходное с тем, что происходит с железными валами, подвергающимися большим перегрузкам. Чем надежнее сварен металл, тем дольше он не чувствует усталости. Ведь существует и такое понятие — усталость металла! Вдруг не выдерживает, на куски разлетается вал, которому, казалось, износа не будет вечно.

Когда думаешь, то даже вынужденное бездействие не столь утомительно, а особенно когда ощущение непосредственной опасности несколько уменьшилось. Так или иначе, но гестаповцы уже не дежурят в приемной. Дауме может только гадать, кто ее предупредил. Впрочем, с каждым часом он должен все больше и больше думать о собственном спасении.

Наконец она ощутила голод, и банки тушенки как не бывало. Чай за ночь остыл, но все же термос сохранил его теплым. Теплый чай для Тони всегда был отвратителен, она признавала только заваренный на крутом, урчащем кипятке. Но сейчас выпила и еще раз оценила заботу Корабельникова. А ведь и времени у него было в обрез, и мог побояться слезки...

Вдруг она услышала, как в начале коридора глухо стукнула дверь, затем приглушенные голоса. Идут! Приближаются! Сколько их? Двое?.. Трое? Она не сдастся! Как только первый откроет дверь, сразу же выстрелит!..

Но что это? Знакомый голос!.. Несомненно знакомый! Она прильнула ухом к двери и, вдруг распахнув ее, выбежала в коридор.

Перед ней стоял Генька, живой!.. До него можно было дотронуться. Из-за его плеча выглядывал Бирюков, а еще дальше — Корабельников. Она сразу перехватила его неодобрительный взгляд, но ей было уже все равно.

— Что за телячий восторг! — Корабельников не давал ни минуты передышки. — И вообще — води себя потише!

В каморке сразу стало тесно. Егоров прижался к противоположной стене, уступив место на нарах Корабельникову, а у двери встал Бирюков.

— Спасибо тебе, Бирюков! — сказала Тоня.

Бирюков досадливо мотнул головой:

— Ну ты и задала мне работу!.. Зря ребят мотал целый вечер... А пришел он ко мне утром. И домой.

— Я же не знала!.. А засаду видел?

— Как ее увидишь? В подъезд не заходил...

— Ну, а что же произошло с Федором Михайловичем? — спросила Тоня. — Он ведь начал поправляться.

— Рано встал. Произошло внутреннее кровоизлияние, — сказал Егоров.

Только сейчас она его рассмотрела. В скупом свете угасающего за окном дня его лицо ей показалось очень старым. Вокруг рта прорезались глубокие морщины, и как-то изменилась манера держать плечи — они опущены так же, как у Корабельникова.

Она смотрела на Корабельникова, который вынул из внутреннего кармана кителя большой лист толстой бумаги и, расстелив его на коленях, начал вычерчивать какой-то план, и никак не могла отвязаться от мысли, что своим вьедливым, дотошным характером он кого-то ей напоминает. Кого же? И внезапно засмеялась. Мужчины недоуменно переглянулись. Станный смех, и в самое неподходящее время.

— Ты чего? — удивленно спросил Егоров.

— Так, вспомнила, что, оказывается, вчера у меня был день рождения, — вывернулась она, а сама думала: «Это же вылитый Коренев! То же полное отсутствие юмора и железная деловая хватка».

— Поздравляем! — в один голос сказали Егоров и Бирюков.

— Прошу внимания! — Корабельников не отреагировал на Тонино заявление; на его коленях лежал план порта, довольно точно исполненный, испещренный многочисленными значками.

Действуя тонко отточенным карандашом, как указкой, Корабельников стал объяснять задачу.

— По моим расчетам, основная масса войск и техники уже эвакуирована, — сказал он, — горячка спадает... В порт

прибыл отряд из дивизии «Крым — Кубань». Эти солдаты любят хвастаться тем, что их, мол, в плен не берут. Им поручено охранять порт до самого последнего часа, когда в открытое море уйдет «Герцог Карл», на который они погрузятся... Вот эти крестики — места, где наиболее удобно перерезать провода, соединяющие шурфы.

— А они протянуты над землей? — спросил Егоров.

— В том-то и дело, что лейтенант Крайнци перехитрил самого себя! Он решил закопать провода, чтобы спрятать их подальше, а на самом деле он очень нам помог. Если мы будем действовать осмотрительно, то никто не узнает, что где-то нарушены цепи...

— Я уже знаю, как это сделать, — вдруг подал голос Бирюков. — В порту валяется много арматуры. Я найду несколько железных прутьев и сделаю большие крюки. Ими мы будем поддевать провода, а разрезав, загнем концы в разные стороны, чтобы не было случайного замыкания, и снова утопим в землю.

— Действовать надо немедленно. Как только стемнеет.

— Не рано ли? — с сомнением спросил Бирюков. — А вдруг Крайнци завтра начнет проверять, все ли цепи в порядке?

— Не сможет!.. — решительно взмахнул своим планом Корабельников. — Сотни соединений. На это нужна неделя. — Корабельников вновь нагнулся над схемой. — Рвать провода нужно поближе к причалам. Спасти причалы — это главное.

Он замолчал и положил план на край столика. Тоня, Егоров и Бирюков молча рассматривали значки, прикидывая, как же действовать.

— Надо для каждого определить зону, — сказал Бирюков.

Егоров усмехнулся:

— Не надо только наступать на пятки друг другу.

— Да! Да! — сказал Корабельников. — Чем дальше друг от друга будут разрывы, тем большая вероятность, что мы выключим целые сектора...

Все ясно! За окном уже совсем стемнело. Бирюков отправился за крючьями и через десять минут принес четыре отличных крюка.

— Теперь решим главное, — сказал Корабельников, — как будем действовать, если патруль обнаружит кого-нибудь из нас?

— Все его прикрывают,— сказал Бирюков.

— Только так,— поддержал Егоров.

— Раненых не покидать! — сказала Тоня.

С моря донесся протяжный гудок. Корабельников взглянул на часы:

— «Альба» снялась с якоря. Двадцать три часа... Пошли... Постарайтесь запомнить места порезов, чтобы я смог их завтра утром нанести на план. Все усвоили свои зоны?

Из подвала выходили по одному и сразу скрывались во мгле.

— Будь осторожнее! — шепнул Егоров и ушел так стремительно, что Тоня не успела ответить.

Она пробиралась к ближайшим причалам. То и дело ноги наступали на предательски гремящие железки. Когда скрежетало особенно сильно, ноги сами останавливались, и она замирала, прислушиваясь.

Вдалеке глухо лаяли псы, кого-то обнаружив. Тоня ждала, что сейчас раздастся выстрел, но собачий лай замер, и она облегченно перевела дыхание: значит, обошлось.

Патруль! Тоня прижалась спиной к широкой станине и затаила дыхание.

Двое солдат, тихо переговариваясь, прошли, затем вернулись. Тоня видела в прорезь станины, как поблескивают их автоматы. К счастью, с ними не было собаки.

И опять тишина. Нет, не во всем порту, а в том микропространстве, которое ее окружает. Здесь свои законы движения.

Вот она, узкая серая полоса канавки, уходящая во тьму.

Горячечными, быстрыми движениями Тоня вонзила крюк в землю и тут же выдернула... Надо глубже... Глубже... Теперь повернуть... Зацепилось!.. Кверху!.. Где же пож?! Теперь разогнуть концы. Так! Так! Совсем просто и безумно трудно. Вот земля и приглажена.

Теперь к следующему причалу. Ей вдруг показалось, что совсем близко кто-то притаился. И тут же в нескольких шагах от нее пробежал человек, кто?.. Она успела разглядеть — молодой, высокий парень.

Снова тишина.

Ох ты!.. Какая дикая боль!.. Она даже присела, не в силах двинуться. Провод! Зацепила за него ступней, едва не вывихнула ногу.

Но все же она находит силы приглядеться к проводу, который едва ее не искалечил. Да это же соединительный!.. Кто же вырвал его из земли? Парень, которого она испугнула? Вот как! Значит, не только они одни бодрствуют эту ночь!

Она порвала провод еще в трех местах...

Собирались так же, по одному... Коротко докладывали номер причала и в каких местах разрезали провод. Корабельников отмечал на плане. А когда с записями было покончено, аккуратно сложил бумагу, спрятал в металлический портсигар и, выкопав рядом с входом в подвал ямку, опустил в нее этот небольшой сейф.

— Каждое дело требует отчета,— сказал он.— Кто доживет, тот за всех отчитается.

До утра просидели в каморке, съели тушенку, и Тоня даже немного вздремнула.

Мужчины обсудили положение. Полная схема электросоединений не известна. И несмотря на то что цепи нарушены, взрыв может произойти, а при взрыве пострадает и здание управления. Нужно уходить. В катакомбы нельзя — на подступах к входам можно наткнуться на засаду. Квартира Тони также исключается. К Бирюкову опасно.

— Хорошо,— сказал Егоров.— Я знаю место. Наша радистка живет над самым берегом, а метрах в двухстах от нее — старый погреб, остался от сгоревшего дома... Я там уже раз ночевал... Прекрасно!..

И еще прошли длинные, длинные сутки. Бирюков, Тоня и Егоров старались не покидать свое новое и последнее убежище.

Тоня один раз зашла к радистке, и та сообщила, что армейская станция работает где-то совсем близко и она сама передала обстановку.

Корабельников оставался в порту, а Леон, естественно, не мог о себе сообщить.

Днем девятого апреля Егоров сходил в ближайшую булочную купить хлеба и принес газету «Молва», напечатанную на желтой оберточной бумаге.

— Слушайте приказ «боевого коменданта города Одессы», — объявил он, появляясь на пороге погреба.

— А тише не можешь? — Бирюков только что видел,

как не遠далеке от погребца прошли два полица́я, и ему было не до шуток.

— Такие приказы читаются на площадях!.. Слушайте все: «В последние дни увеличились нападения гражданских особ на лиц, принадлежащих к немецкой и союзной армиям. Поэтому воспрещается всем гражданским гражданам оставлять свои квартиры. Окна должны быть закрыты, двери тоже, но не на ключ. Кто появится на улице или покажется в окне или у открытых ворот, будет расстрелян на месте. Это предупреждение вступает в силу сегодня с пятнадцати часов».

— Учтем,— сказала Тоня.— Не будем оставлять своей квартиры и показываться в окне. И на ключ запира́ться не будем.

На рассвете они услышали взрыв.

— В порту!— прислушался Бирюков.— Еще один!

— По частям взрывают,— сказал Егоров.

— Значит, все же сорвали их план!

— Ребята, а как вы думаете, где Леон?

— О каком Леоне она спрашивает? — удивился Бирюков.— Румын, что ли?

— Да тут один офицер, неплохой парень,— сказал Егоров,— помог нам кое в чем...

Тоня понимала, чего стоило Егорову даже это признание, и с благодарностью взглянула на него.

А утром они прошли по ожившей Одессе, с трудом проталкиваясь в толпах людей, приветствовавших советские танки.

С Приморского бульвара смотрели на порт. Он сильно пострадал, многие причалы были взорваны, но все же лучшие здания Одессы уцелели. Гордость города, пережившего страшные годы оккупации и снова воспрянувшего!..

А потом в толпе они встретили и Корабельникова. Он пома́хал им рукой издали, но не приблизился и свернул за угол Дерибасовской.

Они повернули на Пушкинскую, и Тоня пригласила всех к себе домой.

— А может быть, нас ждет засада! — шутливо сказал Егоров.

И их ждала засада. Как только Тоня распахнула дверь, квартиру огласил радостный вопль:

— Леон!..

Все собрались вместе, и, веселясь, каждый понимал, что в этом доме они только гости, а завтра расстанутся, и кто знает, перекрестятся ли вновь когда-нибудь их пути.

Глава четырнадцатая

ЭПИЛОГ

Если вы одессит, то безусловно знаете этот крепкий трехэтажный каменный дом на Пролетарском бульваре. Ну, а если вы давно не были в Одессе, то можете поверить, что он стоит там, где его поставил какой-то купец лет сто назад, и еще будет стоять двести. Крепкие, в пять кирпичей, стены, могучий фундамент и такие глубокие подвалы, что сам черт, наверно, никогда туда не заглядывал. В этих подвалах в годы войны погибло немало подпольщиков.

Так вот, когда директор консервного комбината Геннадий Семенович Егоров проходит мимо этого дома, ему неприятно на него смотреть. И не только потому, что в его памяти с ним связаны тяжкие воспоминания, но и потому, что дом этот в марте сорок четвертого был приговорен к смерти. Он должен был погибнуть вместе с гестаповцами, занимавшими его, но он остался жив, этот дом. Каким чудом?

Конечно, глупо мстить дому. Но из-за этого дома Егоров потерял человека, с которым когда-то его связывали и общее дело, и общая судьба. Ведь собственными руками Егоров зарядил мину замедленного действия. Она должна была взорваться, но так и не взорвалась.

Что случилось? На этот вопрос Егоров не получил ответа и после окончания войны.

Один из подпольщиков сообщил, что Дьяченко сумел проникнуть в подвал, вскоре вылез оттуда, о чем-то поговорил с немецким часовым у ворот и неторопливо ушел в сторону Приморского бульвара.

Ушел и исчез...

Вернувшись вскоре после войны в Одессу, Егоров сделал все возможное и невозможное, чтобы узнать о судьбе Дьяченко. Наводил справки, опросил всех, кто только

мог помочь в поиске, но ни малейшего следа не обнаружил.

Злые языки поговаривали даже о предательстве, но этим слухам Егоров решительно не верил. Дьяченко не был его закадычным другом, но не мог стать предателем! Значит, скорее всего, он погиб.

А потом прошли годы, и стали забываться многие когда-то близкие имена. Да и кто, собственно, кроме нескольких человек, мог помнить лейтенанта Дьяченко? Савицкий? Он погиб в боях за Берлин, Корнев давно на пенсии и живет неизвестно где.

Но вот спустя ровно двадцать лет после победы Геннадий Сергеевич снова вспомнил о Дьяченко. И вдруг ему припомнился давний уговор в каморке позади фруктовой лавчонки: если останутся жить, во что бы то ни стало встретиться через двадцать лет в полночь под Новый год у памятника Дюку.

Сумасшедшая, наивная, фантастическая мысль! А ведь действительно через неделю — ровно двадцать лет. Надо будет отправиться на площадь хотя бы ради того, чтобы не нарушить клятву. В ту торжественную минуту, когда зазвучат куранты и вся страна поднимет бокалы, надо быть только там...

...Вместе со своими друзьями Геннадий за шумным, веселым, нарядным от красивой посуды и всевозможных яств столом проводил старый год и, поставив свой пустой бокал, тихонько вышел в прихожую. Он надел пальто, стремительно сбежал с лестницы и выскочил на улицу, по-мальчишески радуясь тому, что его не успели хватиться. Волнуясь, посмеиваясь над самим собою и все равно веря в невероятное, он бежал по пустынным улицам, мимо домов, из окон которых вырывалось новогоднее веселье, бежал к условленной двадцать лет назад явке и должен был оказаться там в ноль часов ноль минут, чего бы это ему ни стоило.

Он был у памятника за пять минут до назначенного срока. В ночной тишине и тьме Дюк казался печальным и одиноким.

«Эх, Дюк, — мысленно сказал Геннадий Семенович, осматриваясь вокруг. — Как жаль, что ты окаменел! Иначе выпили бы мы с тобой за Федора Михайловича, за Дьяченко, за тех, кто погиб, защищая твою Одессу. Но я пришел к тебе, и пусть это будет знаком нашей старой дружбы...»

Произнося эту сентиментальную речь, Геннадий Семенович, сам того не замечая, непрерывно оглядывался по сторонам. Все окна горели огнями люстр и елок, изредка пробегала по площади какая-нибудь запоздавшая парочка, протчала машина со стороны Сабанеева моста. И опять тишина, полное безлюдье.

Нет, Егоров несколько не жалел, что пришел сюда. Люди слишком часто подчиняются обстоятельствам, условиям, и то, что он, Егоров, сумел заставить себя отправиться на свидание со своей молодостью, как бы и впрямь возвратило ему двадцать прожитых лет.

По аллее приближался человек в шинели. Наверно, милиционер. Несет, бедняга, свою новогоднюю службу.

И вдруг над городом ударили куранты. Один... два... три... Полночь!

— С Новым годом, Дюк! — сказал Геннадий Семенович.

— С Новым годом! — подходя, откликнулся военный.

Он был невысок, полноват. На плечах — полковничьи погоны, в руке — небольшой чемоданчик.

Полковник остановился, неторопливо вытащил из кармана шинели коробку папирос, раскрыл ее, взял одну и спросил:

— Не дадите ли огонька?..

— К сожалению, некурящий.

— Прекрасно, — сказал полковник. — И давно бросили?

Геннадию Семеновичу послышалась в тоне полковника лукавая усмешка, но он не стал отвечать. Он уже спешил обратно домой, где оставил за праздничным столом гостей и свою жену, которая, вероятно, места себе не находит от волнения. Ведь даже ей он постеснялся сказать, что встретит полночь у памятника Дюку Ришелье.

— С Новым годом, Егоров, — тихо сказал полковник и, бросив свой чемоданчик на асфальт, сгреб Геннадия в сильные, как клещи, объятия...

Пока шли к дому, Дьяченко успел рассказать все, что можно было рассказать.

Мина, заложенная им в подвал здания гестапо, не взорвалась в положенное время. Выждав несколько часов, он решил еще раз спуститься вниз, и тут-то его схватили. На счастье, он еще не добрался до мины, и о ней так никто и не узнал. Но его уволили из полиции, продержали в гестапо, а потом угнали в Германию. Но после войны ему

удалось вернуться на Родину, и теперь он живет на Дальнем Востоке, командует отрядом саперов, взрывающих скалы на больших стройках.

— Слушай, Геня,— сказал Дьяченко, замедляя шаг на углу, который они пересекали,— как звали старика, у которого, помнишь, дочка за немецкого офицера выходила замуж? Ее ведь тогда на берегу застрелили.

— Я знаю. Но Карл Иванович жив. Я встречаю его изредка на Приморском бульваре.

— Интересно! А о Фолькенеце что-нибудь слышно?

— Как же! Он в Западной Германии. Имеет свои магазины.

— А Тоня? — робко, как бы с опаской, спросил Дьяченко.— О ней ты что-нибудь знаешь?

— Кое-что...

— Наверно, давно замужем?

— Да, уже лет двадцать.

— Хорошая была девушка! Не забыл?

— Разве такую забудешь?

— А сам ты женат?

— Женат.

— И все же вспоминаешь Тоню! Отчего же на ней не женился? Вы ведь друг друга любили, я, помнится, даже завидовал вашей любви.

— А кто сказал, что я не на ней женился? С чего ты это взял?

Дьяченко растерялся.

— Да с того,— сказал он, помолчав,— что вот ты пришел, а она нет. Уговор-то у нас был общий...

— Верно,— согласился Геннадий Семенович.— Но у нас сегодня гости. Я и сам-то сбежал тайком...

Когда уже подходили к дому, Геннадий Семенович спросил:

— Дьяченко, а почему все-таки она не сработала?

Дьяченко сразу понял, о чем он говорит.

— До сих пор ломаю голову. Ведь все как будто было в порядке.

— А ты воды в нее налил?

— Налил.

— Может быть, забыл? Вспомни-ка.

— Да что ты, как я мог это забыть!

— Ничего не понимаю,— проговорил Геннадий Семенович,— и взрывчатка как будто хорошая была...

Они уже поднялись на верхнюю площадку подъезда, как вдруг остановились.

— Егоров!..— проговорил Дьяченко, и Егоров понял, что они подумали об одном и том же.

— Еще лежит? — спросил он тихо.

— Вполне вероятно!.. Я так ее упрятал, что могли и не найти...

— Но ведь дом много раз ремонтировали...

Несколько мгновений они испытующе смотрели друг на друга, борясь с противоречивыми желаниями скорее добраться до стола и в то же время проверить совершенно невероятное предположение, которое одновременно пришло им обоим в голову. Первое полностью исключало второе, а второе на неопределенный срок откладывало первое.

Однако, пораздумав, они нашли выход. Ввалились в квартиру, где уже стоял невообразимый шум и где о том, что хозяина нет, гости, признаться, как-то позабыли.

Тоня обняла Дьяченко, сказала ему, что он совсем не изменился, и это было для него самым лучшим новогодним подарком. Им налили по «штрафной», а когда они отказались, помня строгий закон саперов, им уже досталось от гостей как следует!.. Но они мужественно вытерпели и пока ограничились салатом и пирожками с мясом, а чашка через полтора, когда веселье было в полном разгаре, заявила, что выйдут на улицу глотнуть свежего воздуха.

— Идите, идите, старые черти! — крикнула им вдогонку Тоня.— Я вижу, вы стали забывать свою молодость.

— Оставь их, Тоня, в покое,— сказал худощавый старик, седой и неулыбчивый,— пусть идут куда хотят!

— Петр Петрович! Вы их не защищайте!

Корабельников положил руку на плечо Тоне.

— Я хочу, Тоня, в этот новогодний вечер тебе кое-что напомнить. Если бы не твой Егоров, я никогда бы так и не доказал, что меня в Одессе оставила наша разведка. Человек, который меня оставлял, погиб, связные ко мне не пришли, и я оказался изолированным... А твой Егоров разыскал документы, в существование которых никто уже не верил. Я никогда этого не забуду. Он восстановил мое доброе имя... Пусть идут ребята, не задерживай их!.. Они не забудут своей молодости!

Минут через десять Егоров и Дьяченко уже стояли перед злосчастным домом, который казался уснувшим — ни

одного освещенного окна. У входа тускло поблескивала дощечка. Учреждение!

Дьяченко вошел в ворота и заглянул во двор.

— Там должна быть железная лестница... Точно... Вот она!.. По ней я спускался в подвал... Егоров, — вдруг вспомнил Дьяченко, — а ты слышал что-нибудь о Петреску? Жив ли он или нет?

— Жив. В прошлом году я ездил в Плоешти. Выпили вместе бутылку вина. Он директор мебельной фабрики.

Они спустились по выщербленным каменным ступенькам, осторожно придерживаясь, чтобы не свалиться в темноте, за ржавые железные перила, и вот перед ними плотная дверь, когда-то обитая стальными листами.

— Куда она ведет? — спросил Геннадий Семенович.

— В котельную, — ответил Дьяченко и рванул скобу.

Дверь распахнулась, в лицо ударила волна теплого воздуха. Несколько мгновений они стояли в нерешительности.

— Ну, раз пришли, так пошли, — наконец сказал Дьяченко.

За дверью оказалась маленькая площадка, от которой вниз вела еще одна лестница, более узкая и крутая.

С площадки была видна наглухо закрытая печь котла парового отопления. Ее жерло прикрывала черная заслонка, но было слышно, как за ней бушует пламя.

— Где истопник? — спросил Дьяченко, внимательно оглядывая сумрачные своды подвала.

Но истопника не было. Очевидно, заправив печь углем, он поднялся к себе в квартиру. Несомненно, однако, что время от времени он навещал сюда, чтобы добавлять в печь уголь и следить за температурой.

Да, им повезло, обошлось без свидетелей. Дьяченко быстро спустился вниз и направился к дальнему углу подвала, по стене которого изгибались толстые водопроводные трубы.

— Вот здесь, — сказал он и согнутыми пальцами постучал по стене.

— Ты уверен?

— Конечно! Только тогда здесь стены были обшиты деревянными досками, толстыми, правда, но я, оттянув одну из них, спрятал мину в углубление стены.

— Да, — проговорил Геннадий Семенович, — дело усложняется. Ведь теперь стены оштукатурены. Может быть, те доски давно уже убраны.

Дьяченко молча нагнулся к стене и стал ее внимательно рассматривать.

— Нет, — сказал он, — взгляни. Вот здесь отпал кусок штукатурки и видны доски. Их могли и не отдирать.

Жизнь выдвигала перед ними довольно опасную, рискованную задачу. А если там уже никакой мины нет?.. Вернется истопник, увидит, как два старых чудака ломают стену, и поднимет крик. Неизвестно тогда, чем для них кончится это предприятие.

— Ну, что будем делать? — спросил Дьяченко, выстукивая стену.

— Начинай! — сказал Геннадий Семенович решительно. — Действуй!..

Однако Дьяченко явно не торопился приступать к делу.

— Знаешь что? — сказал он. — Давай позовем местное начальство... А то еще в самоуправстве обвинят.

— Прекрасное предложение! — сказал Геннадий Семенович. — Комендант сразу побежит в милицию, и до утра мы будем оправдываться. Пойдем-ка лучше домой!..

Но Дьяченко только сердито кашлянул. Эту чертову мину он решил достать, не откладывая до завтра. Приказав Геннадию Семеновичу дожидаться, он быстро поднялся по лестнице и исчез за дверью.

Егоров остался в подвале один... Пламя гудело за черной плотной заслонкой, словно старые ведьмы собрались толпой и шумели, недовольные новогодним весельем.

Минут через десять во дворе послышались быстрые шаги, возбужденные голоса, и в проеме двери появился невысокий плотный человек в накинутах на плечи пальто. Очевидно, он так торопился, что не успел даже надеть его в рукава. Едва он стал быстро спускаться по лестнице, как тут же за ним устремился Дьяченко.

— Туда, туда, за котел! В самый угол! — говорил он быстро. — Вон туда, где обвалилась штукатурка.

Человек прошел мимо Егорова, и он успел разглядеть его круглое усатое лицо с выражением глубокого недовольства. Несомненно, Дьяченко вытащил его из-за стола.

Подойдя к стене, человек остановился.

— Ну, что вы тут такое заметили? — сказал он, не сдерживая раздражения. — Что за спешка? Порядочные люди в такую ночь не лазают без дела по подвалам!..

— А у нас как раз дело! — сказал Дьяченко. — Понимаешь, Иван Дмитриевич, — он успел уже узнать его имя

и отчество,—за этой стеной одна маленькая игрушка спрятана.

— Ну ладно! — рассердился Иван Дмитриевич.— Это что, новогодняя шутка? Пошли ко мне, раз вам деваться некуда...

Тут Дьяченко стал растолковывать Ивану Дмитриевичу, какую игрушку он намерен достать. Тот долго слушал и вдруг засмеялся.

— Да что вы придумали! Никакой тут мины нет и быть не может. Я сам этот подвал лет пять назад ремонтировал. А уж в минах я толк понимаю. Пять эшелонов на моем счету. Два полка с немецкой пехотой под откос пошли.

— Ну вот, еще одного сапера встретили! — воскликнул Геннадий Семенович.— Теперь дело пойдет. Разрешаешь пару досок оторвать? Я тебя, Иван Дмитриевич, как коменданта спрашиваю...

Иван Дмитриевич хмуро взглянул на Егорова.

— А этот тоже с тобой?

— Со мной. Мой друг, знакомьтесь. Можно сказать, один из авторов самой мины.

Кивнув Егорову, Иван Дмитриевич подошел к стене и тоже стал долго ее выстукивать.

— Ну ладно! — сдался он наконец.— Раз уж вы ее ставили, конструкция вам знакома. За безопасность ручаетесь?

— Ручаюсь,— сказал Геннадий Семенович.— Не взорвется!..

— Давайте! — махнул рукой Иван Дмитриевич.— Только поосторожней.

Дьяченко нагнулся, подобрал валявшуюся около печки длинную железную кочергу и стал отбивать ею штукатурку. Куски извести сыпались на пол, обнажая старые доски, прибитые большими гвоздями. Конечно, штукатурку не отдирали их, и глупо было бы это делать.

— Осторожнее! Осторожнее!..— то и дело повторял Иван Дмитриевич.— Тише стучи!..

Дьяченко молчал. Только слышалось его усталое дыхание и повизгивание отдираемой доски.

Наконец она треснула и отодвинулась. Иван Дмитриевич сорвался с места, ему очень хотелось заглянуть в щель.

— Не мешай! — прикрикнул на него Дьяченко.

Он засучил рукав и засунул в углубление руку. Генна-

дий Семенович пристально следил за выражением его глаз, стараясь угадать, нашел ли он мину. И вдруг по удивительно спокойному выражению, которое приняло его лицо, понял, что нашел. Иван Дмитриевич это тоже понял.

— Осторожней! Осторожней! — тихо стонал он.— Сильно не рви!..

Рука Дьяченко начала что-то медленно-медленно раскачивать за доской. Туда-сюда... Еще раз и еще раз. Он знал свое дело. Руки сапера похожи на руки часовщика, привычны к ювелирной точности. И вот наконец его пальцы, измазанные известкой, начали медленно вытаскивать какой-то большой предмет, обернутый в газету.

Геннадий Семенович сразу узнал ее — это их мина, в ящике из-под турецких сладостей, конечно, уже почти сгнившем.

Дьяченко держал в обеих руках смертоносный заряд, который когда-то в одно мгновение мог уничтожить весь этот дом.

— Быстрее тащите отсюда, ребята!..— крикнул Иван Дмитриевич.— К морю! Подальше! А там подорвите...

Дьяченко пошел вперед, осторожно неся мину, Геннадий Семенович — за ним.

Так они поднялись на верхнюю площадку. Здесь Иван Дмитриевич еще раз внимательно осмотрел мину и деловито спросил:

— Химическая?

— Химическая,— ответил Геннадий Семенович.

Теперь Иван Дмитриевич немного успокоился.

— Черт подери, она как раз под моей кроватью лежала!.. Вот мое окно, на втором этаже... Ну, ребята, топайте. Да поскорее возвращайтесь. Выпьем по стопке!..

Дьяченко и Геннадий Семенович вышли на улицу, завернули за угол и почти бегом направились к парку Шевченко, подальше от людей.

В самом деле, куда им было деваться в этот почной час с заряженной миной, которая неизвестно почему не взорвалась?

Через два квартала Геннадий Семенович отобрал у Дьяченко опасную ношу и понес ее сам.

Наконец они достигли парка и на отдаленной скамейке присели, чтобы обсудить положение. Куда девать мину? Пойти к морю и бросить ее в волны? Где гарантия того, что они не выбросят ее на берег.

— Стоп! — сказал Дьяченко.— Надо ее разрядить.

— А ты помнишь, как заряжал?

— Век не забуду! — И, нагнувшись над миной, Дьяченко стал медленно и осторожно приоткрывать крышку.— Ты лучше уйди,— сказал он Егорову.

Но тот продолжал топтаться рядом и заглядывать Дьяченко через плечо при сумрачном свете фонаря.

Надо приоткрыть крышку, и с левой стороны будет так называемый ударный механизм. Длинная игла, отделенная от револьверной гильзы, прикрепленная так, чтоб острое могло разбить пистон. Но для того чтобы разбить пистон, острое должно прорваться сквозь пластинку туалетного мыла. А чтобы туалетное мыло пропустило сквозь себя острое, его должна была размыть щелочная вода.

Дьяченко поднял кверху трухлявую крышку, и она, сразу отвалившись, осталась в его руках.

Теперь оба склонились над миной. Им хорошо был виден весь тот механизм, который должен был сработать и не сработал,— одного взгляда было достаточно, чтобы понять, кто тому виновник.

— Сукин ты сын! — сказал Дьяченко.—Какое мыло ты сюда положил?

Геннадий Семенович виновато молчал. Он отлично помнил, что, не имея хорошего мыла, отрезал ломоть трофейного немецкого эрзац-мыла, которое не поддавалось щелочной воде, не размягчилось, и острое ударника завязло в нем навсегда.

1968—1972 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая	
ПАМЯТНИК ДЮКУ	5
Часть вторая	
БОРЬБА В ПЛАВНЯХ	73
Часть третья	
ЗАПАДНЯ	148
Часть четвертая	
ПОРТ	271

Для среднего и старшего возраста

Александр Исаевич Воинов

ЗАПАДНЯ

Ответственный редактор

В. С. Мальт

Художественный редактор

А. В. Пазина

Технический редактор

О. В. Кудряцева

Корректоры

Л. М. Короткина и Л. А. Рогова

Сдано в набор 4/IV 1973 г. Подписано к печати 28/VIII 1973 г.
Формат 84×108¹/₃₂ Бум. типогр. № 2. Печ. л. 11. Усл.
печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 19,39. Тираж 100 000 экз. Д09291.

Заказ № 598. Цена 71 коп

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Воинов А. И.

В 65 Западня. Роман. Рис. В. Васильева. М., «Дет.
лит.», 1973.

351 с. с ил. (Б-ка приключений и научной фантастики)

В книге рассказывается о работе советских разведчиков и подпольщиков в оккупированной фашистскими захватчиками Одессе.

